След в Истории

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС

Мефистофель усмехается из прошлого.

Е.Брамштедте Г.Френкель Р.Манвелл

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прошло более полувека после окончания второй мировой войны, а интерес к ее событиям и действующим лицам не угасает. Прошлое продолжает волновать, и это верный признак того, что усвоены далеко не все уроки, преподанные историей.

Представленное здесь описание жизни Йозефа Геббельса, второго по значению (после Гитлера) деятеля нацистского государства, проливает новый свет на известные исторические события и помогает лучше понять смысл поступков современных политиков и методы работы современных средств массовой информации. Многие журналисты и политики, не считающие возможным использование духовного наследия Геббельса, тем не менее высоко ценят его ораторское мастерство и умение манипулировать настроением «толпы», охотно используют его «открытия» и приемы в обращении с массами, описанные в этой книге.

Made for library
LIBRUSEC

- Е. Брамштедте, Г. Френкель, Р. Манвелл
  - Глава 1
    - 1. Три карты судьбы: увечье; бедность; католицизм
    - 2. Доктор философии становится под знамя фюрера
  - Глава 2
    - 1. Методы гауляйтера
    - 2. Главные принципы пропаганды: простота, повторение, живая речь
    - 3. Газета «дер Ангрифф»
    - 4. «Герои» и «мученики» — против «негодяев» и «злодеев»
    - 5. В награду победителю — красавица
  - Глава 3
    -
    - 1. Создание министерства пропаганды
    - 2. Тотальная идеологическая обработка населения

- 3. «От имени народа и для его блага…»
- 4. Мастера «пропагандистской кухни» с университетскими дипломами
- 5. Министр и его подчиненные
- 6. Министерство пропаганды и его департаменты

○ Глава 4
- 1. Партийное бюро пропаганды
- 2. Все хотели быть ораторами
- 3. Партийное руководство культурой

○ Глава 5
-
- 1. Государственное управление культуры
- 2. «Всем разойтись по палатам!»

○ Глава 6
- 1. «Злой гений фюрера»
- 2. Радикал с повадками Макиавелли
- 3. Соперники из окружения Гитлера
  -
  - Розенберг и Риббентроп
  - Геринг
  - Гиммлер
  - Гесс и Борман
- 4. «Американцы, англичане, русские — одним словом, евреи!»

○ Глава 7
- 1. Возможность показаться миру
- 2. Нелегкие государственные обязанности бывают и приятными
- 3. Любви подвластны и министры
- 4. И еще о трудных обязанностях министра

○ Глава 8
-
- 1. Перед 1933 годом
- 2. В период 1933–1939 годов
- 3. «Гремели речи и развевались знамена…»
- 4. Во время войны 1940–1945 годов
- 5. Несколько штрихов к портрету фюрера

○ Глава 9

○ Глава 10
- 1. Первые полтора года войны на Восточном фронте
- 2. Повседневные заботы Геббельса
- 3. Героические сказания вместо правды

- Глава 11
  - 1. Англо-американская авиация начинает «рейды устрашения»
  - 2. Геббельс и публика: четыре принципа отношений
  - 3. Время признавать ошибки
  - 4. Мрачная тень поражения
  - 5. Главные заповеди войны
- Глава 12
  -
  - 1. Ракеты «ФАУ» — оружие возмездия
  - 2. «Сила через страх» (1943–1944 годы)
  - 3. «В лесах, под Смоленском…»
- Глава 13
  - 1. «Высшие цели и перспективы»
  - 2. «Провидение на нашей стороне!»
  - 3. Утопии и реальность
  - 4. Геббельс предсказал «железный занавес» и «холодную войну»
  - 5. «Показать пример следующим поколениям…»
- Глава 14
- Глава 15
- Основные даты из жизни Йозефа Геббельса
- Послесловие переводчика-составителя

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

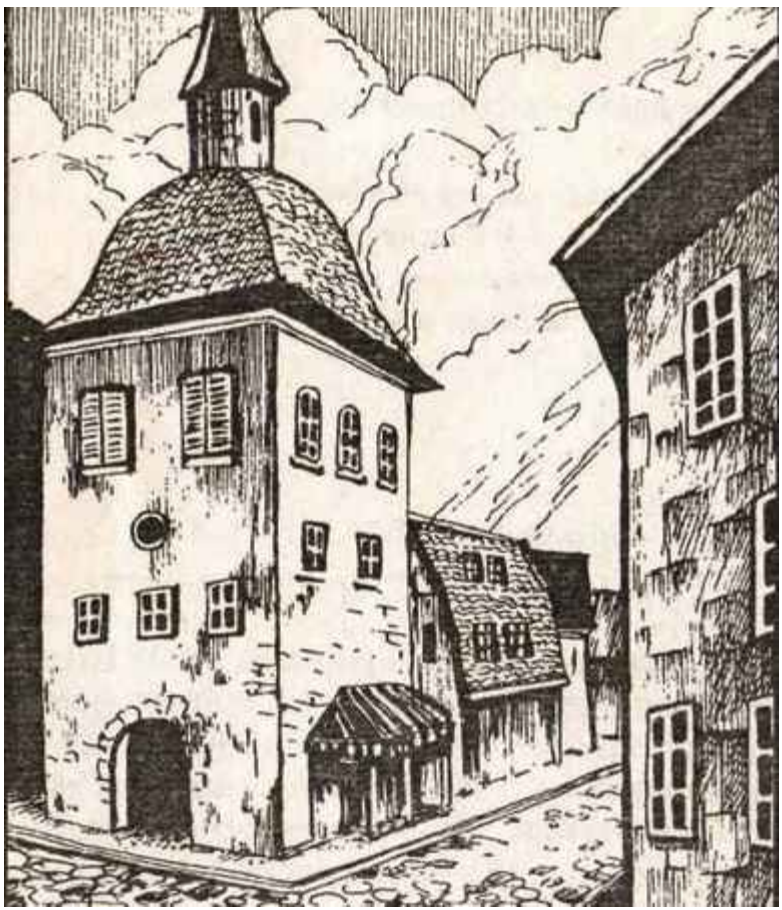
Е. Брамштедте, Г. Френкель, Р. Манвелл
Йозеф Геббельс — Мефистофель усмехается из прошлого

Глава 1
Молодость пропагандиста: от романтика до гауляйтера

Всевышний — Мефистофелю:

«Тебе позволено: иди И завладей его душою,
И если можешь — поведи Путем превратным за собою!»

И.-В. Гёте «Фауст»



1. Три карты судьбы: увечье; бедность; католицизм

Дом № 156 по Даленерштрассе в небольшом рейнском промышленном городке Рейдт уцелел, несмотря на тяжелые бомбежки, происходившие здесь во время второй мировой войны. В то время улица называлась «Йозеф Геббельс-штрассе», но с 1945 года ей вернули старое название.

Дома здесь — без палисадников, поэтому дверь парадного входа открывается прямо на тротуар. Это солидная, прочная дверь, по обеим сторонам которой помещаются близко расположенные к ней два окна, с занавесками, защищающими их от любопытных взглядов прохожих. Сам дом — узкий с фасада и ничем не выделяется среди других таких же скромных построек, между которыми он втиснут; все же он производит вполне достойное впечатление. Если войти внутрь, то из окон первого этажа виден находящийся напротив, через улицу, двор каменотесной мастерской, с аккуратно сложенными в штабели новыми могильными плитами.

В этот дом переселилась семья Геббельсов, когда Йозефу было несколько месяцев.

Так, буднично и скромно, начиналась жизнь будущего рейхсминистра пропаганды: небогатые родители, небольшой дом на тихой улице в маленьком немецком городке…

Чтобы понять Геббельса-пропагандиста, нужно разобраться в характере Геббельса-человека. Его юность, молодость и начало карьеры отмечены тремя важными обстоятельствами, проливающими свет на загадку этой личности. Первое из них — его физический недостаток. В раннем детстве он переболел полиомиелитом и из-за этого остался хромым на всю жизнь, так как его правая нога была на 10 сантиметров короче левой. Став взрослым, Геббельс любил представлять дело так, что его увечье — результат ранения, полученного в годы первой мировой войны; на самом же деле он никогда не служил в армии (хотя был не прочь при случае выразиться так: «Мы, пострадавшие от войны и получившие тогда свои раны…»).

Небольшого роста, хромой, узкогрудый, смуглый и темноволосый, он совершенно не подходил под описания «нордического сверхчеловека», «белокурой бестии», воспетой писателями нацистского толка. Его физический облик сильно уступал даже тем портретам «энергичного человека с честным взглядом», который примелькался немцам благодаря множеству

открыток и плакатов, изображавших популярного министра. Враги и соперники — «товарищи по партии» («партайгеноссе») — называли его в насмешку «древним германцем, высохшим и охромевшим от древности». Макс Аманн (старый друг Гитлера) частенько называл Гебельса Мефистофелем, а Грегор Штрассер, его первый покровитель, ставший потом его самым непримиримым недоброжелателем, намекал, что изуродованная нога Геббельса — явное свидетельство наличия в нем доли еврейской крови. Живой и проницательный взгляд будущего министра пропаганды только подчеркивал карикатурные черты его облика, делавшие его совершенно непохожим на иллюстрацию к рассуждениям Гитлера о расовом превосходстве германцев. Впрочем, критики Геббельса обычно слишком уж выпячивают его физический недостаток; хотя, несомненно, хромота (подобно увечьям многих известных исторических деятелей) оказала явное влияние на его личность. Привычку Гебельса злобно огрызаться на замечания и ревниво-завистливое отношение к мужчинам с красивой внешностью можно, конечно, объяснить его уродством; но надо признать, что его таланты от этого почти не пострадали.

Мелодичный «рейнский» выговор и выразительная образная речь выделяли Гебельса среди других не меньше, чем его «неарийская» внешность. Трудно связать вместе эти столь разные качества, но вполне вероятно то, что физическая неполноценность обострила его сообразительность и придала ему неугомонность и изворотливость. «Он мог полностью сосредоточиться на достижении желаемой цели, стремясь показать окружающим — здоровым, стройным и привлекательным людям, — что и он способен на многое», — говорил один из его соперников, Альфред Розенберг.

Второе важное обстоятельство в биографии Геббельса — то, что он происходил из мелкобуржуазной семьи, проживавшей в небольшом промышленном городке. Он родился 29 октября 1897 года в семье фабричного мастера, в городе Рейдт, земли Рейн. Все его предки происходили из низших классов общества. Дед (по отцу), Конрад Геббельс, был плотником, женившимся на дочери фермера. Дед по матери был кузнецом и женился на дочери рабочего. Отец, Фридрих Геббельс, начинал карьеру с низов, был рассыльным, потом стал младшим служащим, а потом — мастером на небольшом заводе газовых фонарей и там же стал затем старшим служащим («прокуристом», т. е. доверенным лицом фирмы). На свой небольшой оклад он должен был содержать семью из семи человек: себя самого, жену, трех сыновей и двух дочерей (одна из них умерла в раннем возрасте).

При такой жизни приходилось годами бороться с нуждой, еле сводя концы с концами. Позже, став министром, Геббельс любил, сгущая краски, рассказывать о бедной жизни в родительском доме. Так, он говорил, что помогал родителям, вместе с другими детьми, делать фитили для фонарей, чтобы заработать несколько пфеннигов. Во всяком случае он был с детства приучен к бережливости и отсутствию роскоши. Его отец всегда внушал детям, что смог добиться успеха в жизни только благодаря строгой экономии и упорному труду. Это был серьезный и глубоко религиозный человек; впрочем, дома он обычно пребывал в хорошем настроении, любил пошутить и посмеяться.

Пройдя путь от самых низов, отец Геббельса постарался удовлетворить свое самолюбие (типичное для людей его круга), дав сыновьям полное среднее образование, которое сам не смог получить в свое время.

Два старших брата Йозефа, Ганс и Конрад, были, как и он, невысоки ростом, темноволосы и отличались живым рейнским темпераментом. Они не выделялись особыми талантами, но благодаря прилежанию, а затем и помощи брата, ставшего знаменитым, сумели занять прочное положение в обществе, хотя и не хватали звезд с неба (Ганс Геббельс стал директором страховой компании в Дюссельдорфе, а Конрад Геббельс — директором партийного издательства во Франкфурте-на-Майне).

Мать Геббельса, фрау Катарина Мария Геббельс, прожила всю жизнь, имея только начальное образование и не слишком изысканные манеры, но умела разбираться в людях и отличалась добросердечностью. Она обладала очень сильным характером и пережила на пять или шесть лет своего знаменитого сына, перенеся с одинаковым достоинством его взлет и падение, блестящую жизнь и последующие несчастья. Она почти не умела грамотно говорить по-немецки и объясняла это тем, что, родившись в Голландии, прибыла в Германию еще девочкой и не изучала немецкий язык в школе, а усваивала его в общении с простыми людьми, говорившими только на рейнском диалекте.

Когда отец Катарины, кузнец по профессии, прибыл вместе с семьей в Рейнскую область, он сохранил за собой, как и за всеми членами семьи, голландское гражданство — и не то чтобы из особых патриотических побуждений, а просто потому, что пожалел тратить немалые (и заработанные тяжелым трудом) деньги на оформление официальных бумаг и на всякие сборы и взносы. Так и получилось, что Фридрих Геббельс, собравшись жениться, обнаружил, что его невеста, прежде чем пойти с ним к алтарю, должна оформить переход в немецкое гражданство. Для родителей Геббельса эта процедура осталась чистой

формальностью, не заставив переживать из-за того, что один из них немец, а другая — голландка; но их сын, став министром и опубликовав первую автобиографию, не обмолвился ни словом, что его мать родилась в Голландии и провела там свое детство и что ее родители были голландцы. Зато он всегда охотно подчеркивал, что его мать олицетворяет для него «голос народа», что он, решая какой-либо трудный вопрос, охотно выслушивает мнение этой простой женщины, умеющей здраво судить о людях и о жизни. Она же относилась к своему увечному младшему сыну с нежностью и заботой. Когда он был школьником, а потом студентом, она не раз говорила о нем: «У моего Есички головка хорошо соображает!»

Став учеником гимназии, где главное место в учебной программе занимали латинский и греческий языки, Йозеф Геббельс хорошо учился и много читал, но не завоевал уважения своих товарищей по учебе. Его любимыми предметами были история и литература. Он держался одиноко, избегая компании своих сверстников, так как не мог участвовать в их играх и встречал насмешки с их стороны. В результате он приобрел репутацию «надменного, неуживчивого и неприятного типа».

В 1917 году Геббельс окончил среднюю школу с отличными отметками. Отец, озабоченный мыслями о материальном благополучии, хотел бы видеть его государственным служащим, но Йозеф пожелал изучать искусства — так, без определенной цели, но с надеждой занять высокое положение в обществе. К его досаде, он не был принят на военную службу, из-за хромоты, так что пришлось поступать в университет и продолжать учебу. Деньги предоставила католическая организация «Фонд Альбертуса Магнуса», дававшая студентам беспроцентные займы на время обучения в университете. Отец тоже помогал, присылая по 50 марок в месяц, но все равно приходилось подрабатывать, давая уроки и выполняя разные случайные работы. (Заем, полученный от «святых отцов», он вернул, но только много лет спустя после окончания учебы, когда стал уже видным деятелем нацистской партии; и сделал это не по доброй воле, а по требованию католиков, пригрозивших обращением в суд).

Вечная нехватка денег стала причиной того, что обида на окружающий мир и возмущение его несправедливостью рано поселились в душе Йозефа Геббельса. Страдая от бедности, он с завистью и негодованием наблюдал за беспечной жизнью студентов из богатых семей, веселившихся на танцах и пирушках в Гейдельберге. Он-то не мог позволить себе ни погулять, ни выпить лишнюю кружку пива. Спустя двадцать пять лет он вспоминал о тех временах (пожалуй, не без некоторого желания

выжать слезу у слушателей): «Да, действительно, я окончил университет и теперь принадлежу к высшему слою общества. Но тогда я был парией, «неприкасаемым», которого едва терпели — не потому, что я меньше работал или был не так умен, как другие, а потому, что у меня не было денег, которых у других было полно, и они их тратили, не считая, так как родители им ни в чем не отказывали!»

Страдая от нищеты, обуреваемый непомерным честолюбием, Геббельс заставлял себя работать изо всех сил. В то время среди германских студентов считалось хорошим тоном поучиться в нескольких учебных заведениях, но молодой Йозеф Геббельс переплюнул их всех, прослушав разные курсы лекций в восьми университетах. Трудно себе представить, как он, вынужденный считать каждый пфенниг, неутомимо переезжал из одного университетского города в другой, побывав в Бонне, во Фрейбурге и в Вюрцбурге; потом снова вернулся во Фрейбург, затем отправился в Мюнхен и наконец закончил учебу в Гейдельберге, где ни разу не получал обещанную стипендию от католического фонда, перебиваясь на гроши, присылаемые родителями, и на мелкие заработки от уроков.

В Гейдельберге Геббельс посещал лекции известного профессора, историка германской литературы Фридриха Гундольфа, автора блестяще написанной биографии Гёте (и еврея по происхождению), и пытался с его помощью проникнуть в кружок друзей и избранных почитателей поэта Стефана Георге. Но Гундольф не любил Геббельса, и тот так и не попал в число посвященных в тайны поэзии. Интересно, что современник, а в дальнейшем — враг Геббельса, Клаус фон Штауфенберг сумел преуспеть там, где Геббельс потерпел неудачу. Так что человек, совершивший в июле 1944 года покушение на Гитлера, в молодости имел удовольствие близко познакомиться со Стефаном Георге. Во время войны Штауфенберг часто цитировал талантливую поэму С. Георге «Анти-Иисус», позволявшую ему выразить свою ненависть к тирании Гитлера и к нашествию «коричневой чумы».

Стоит добавить, что после 1918 года среди германской молодежи была широко распространена настоящая тоска по вождю, который, придя, смог бы исцелить все пороки окружающего мира и дать своим последователям глубокое понимание жизни. Геббельс, хотя никогда и не принадлежал ни к одному из многочисленных отрядов германского молодежного движения, вполне разделял смутные стремления молодежи к новой жизни, склонность к коллективизму и тоску по «фюреру», способному увлечь за собой молодежь к «высшим целям».

В Гейдельберге Йозеф Геббельс получил степень доктора философии, защитив диссертацию по теме о творчестве Вильгельма Шютце, второстепенного германского драматурга, представителя романтической школы. Диссертация имела подзаголовок «К вопросу об истории романтической драмы». Позже, став министром, Геббельс не поленился взять диссертацию из университетского архива и дать ей новое название: «Интеллектуальные и политические тенденции развития раннего романтизма». Ему очень хотелось подчеркнуть, что он давно интересовался политикой, еще после окончания университета, но на самом деле это было не так. Изучив в университете множество наук: философию, историю, германскую литературу и историю искусств, — он так и не решил для себя в то время, чем же он будет заниматься, и только позднее начал сознавать, что его главный талант — не в изучении наук, а в политике и в ораторском искусстве. Университеты дали пищу его неугомонному уму, но не открыли возможностей для приложения его особых талантов и амбиций. Ему было свойственно «стремление к самовыражению», желание занять выдающееся положение, объяснявшееся отчасти его физическим недостатком, а частью тем, что ему хотелось во что бы то ни стало подняться над своим скромным окружением. Первым делом его амбиции обратились на журналистику, но тут препятствием стал его сильно развитый антисемитизм. После окончания университета он попытался закрепиться в ведущей германской газете «Берлинер тагеблатт» и послал туда много статей (чуть ли не 50!), называвшихся «Национализация», «Христианская наука и социализм» и т. п., но все они были отвергнуты редактором Теодором Вольфом, известным специалистом своего дела, который, как и владелец газеты, был, увы, евреем!

Третьей особенностью личности Геббельса было его особое отношение к католической религии. Оба его родителя были примерными католиками. Мать ежедневно молилась вместе с детьми. Когда учеба Йозефа в гимназии пошла успешно, родители, возблагодарив Бога, прониклись надеждой, что бедное дитя, повзрослев и выучившись, станет священником. Такая карьера была верхом мечтаний для многих людей их круга, особенно для правоверных католиков. Нет сомнений в том, что Йозеф, учась в школе, не собирался противиться этому желанию своих родителей и сам серьезно подумывал о том, чтобы стать священником. Да это и понятно: ведь он вырос в той части Германии, где процветала католическая религия. Блеск и величие Церкви и торжественный вид ее священников производили на мальчика неизгладимое впечатление. Служить святую мессу в

красивом облачении, возглавлять красочную процессию на празднике тела Христова, слушать почтительные обращения «Ваше преподобие» от смиренных прихожан на исповеди — что могло быть заманчивее для честолюбивого подростка, начитавшегося книг и мечтавшего о том, как он будет восседать на троне во дворце архиепископа в Кельне, одетый в красную кардинальскую мантию, благословляя коленопреклоненную толпу молящихся!

Тем не менее, поступив на первый курс Боннского университета, Йозеф выбрал не теологический, а философский факультет.

Во время учебы в Бонне Геббельс вступил в «Юнитас фербанд» — студенческую католическую организацию, члены которой должны были регулярно посещать церковные службы и вести примерную жизнь. Но строгие моральные принципы этой организации, видимо, показались молодому Геббельсу слишком обременительными, особенно после исключения из ее рядов его друга, осмелившегося выразить несогласие с ограничениями его личной свободы, и Геббельс покинул этот союз, вскоре после окончания войны. После этого он надолго разочаровался в католической вере, вызвав этим испуг и смятение у своего отца, обратившегося к Йозефу с письмом, полным горячих увещеваний. На некоторое время Геббельса увлекли идеи религиозного идеализма, довольно туманного учения, по-разному толковавшегося его сторонниками. В духе его концепций написан автобиографический роман Геббельса «Михаэль» — запутанное и неясное произведение, к которому, однако, сам автор относился с душевным трепетом. Там говорилось: «Человек без религии — то же, что живое существо, не способное дышать». Герой романа, Михаэль — не кто иной как Фауст 20-го века; он пишет пьесу об Иисусе и Нагорной проповеди, которую называет «величайшим откровением, преподанным человечеству». (Книга называлась «Михаэль, или жизнь молодого германца, рассказанная в его дневниках» и была издана в Мюнхене в 1929 году; она была написана в 1921 году, вскоре после окончания Геббельсом учебы в университете. Он предлагал ее нескольким издательствам, в том числе и еврейской фирме «Ульштейн и Моссе», но безуспешно, и только позднее ее опубликовало нацистское издательство «Франц Эгер»).

Подобно другу Геббельса Ричарду Флисгесу, познакомившему его с трудами Маркса, Энгельса и Вальтера Ратенау, Михаэль, герой романа, погибает от несчастного случая, произошедшего в шахте. После гибели среди его вещей нашли книги: Библию, «Фауста» Гёте и сочинение Ницше о Заратустре. Михаэль (а с ним

и сам Геббельс) противопоставлял Маркса Иисусу Христу: по его мнению, если Христос был воплощением любви, то Маркс стал воплощением ненависти. «Борьба, которую мы должны вести до победы (во всяком случае — до конца) — это борьба, в самом глубоком смысле, между учениями Христа и Маркса», — писал молодой Геббельс в дневнике.

Вскоре место Христа в философии Геббельса занял Фюрер. Постепенно Геббельс стал убежденным национал-социалистом; но хотя он верил в «высокое предназначение нации» не менее рьяно, чем Гитлер и Гиммлер, он никогда не смог отказаться от склонности к католицизму или хотя бы от принципов поведения, внушенных католическим воспитанием. Не являясь ревностным католиком и не совершая обрядов, он сознавал тем не менее привлекательность и силу этой религии, причем никогда не испытывал симпатии ни к протестантам, ни к либералам.

Антилиберальные взгляды Геббельса тоже нашли выражение в романе «Михаэль», герой которого заявляет: «Либерализм — это вера в деньги, а социализм — это вера в труд!» Подобно Ницше, Геббельс верил в диктатуру Силы и Решительности: «Всегда будет править меньшинство, оставляя толпе только один выбор: жить под властью диктатуры смелых или вырождаться при демократии трусов». До знакомства с Гитлером и до вступления в нацистскую партию Геббельс склонялся к авторитарному коллективизму, т. е. к той же диктатуре, но в более мягкой форме. Гитлер стал для него сверхчеловеком, открыто провозгласившим необходимость беспрекословного подчинения власти. Геббельс поверил его призывам и был готов принести на алтарь новой власти «жертву интеллекта». Как заметил один из его подчиненных, «он был готов слепо выполнять пожелания фюрера, повинуясь ему так же, как монах повинуется своим религиозным наставникам».

В беседах со своими ближайшими помощниками Геббельс не раз с восхищением отзывался о продуманной иерархической структуре католической церкви. Он говорил также, что «людям нужно внушать веру, объясняя им, во что они должны верить». Он высоко ценил единообразие церкви, с восторгом говоря о том, что «во всем мире, в один и тот же день и даже час все католические священники произносят одну и ту же молитву, читая ее по одинаковым требникам и на одном и том же латинском языке»; это производило на Геббельса неотразимое впечатление. Ему нравилось, что у католиков «порядок церковной службы строго одинаков и установлен раз и навсегда». Неудивительно поэтому, что церковные ритуалы, праздники и процессии Геббельс рассматривал потом как модель либо как пример того, как должны быть оформлены партийные мероприятия, укрепляющие

веру в нацистские доктрины. В одном из выступлений он похвалил четки, назвав их «великолепным средством агитации», а профессия священника, как и профессия офицера, всегда вызывала у него восхищение как одна из самых древних и почетных. Он с одобрением относился к обрядам, ритуалам и организации церкви, в обычаях которой был воспитан, хотя и утратил со временем подлинно религиозную веру.

Существовали определенные политические и практические причины того, что этот неверующий так никогда формально и не расстался с церковью. Все его дети прошли обряд крещения. Он был противником «новой германской веры», изобретенной профессором Хауэром и насаждавшейся Альфредом Розенбергом и Мартином Борманом в качестве «нордической религии», основанной на языческих культах древних германцев. Кроме того, будучи умелым тактиком, Геббельс полагал, что время полного отказа от христианской религии и объявления ей бойкота еще не пришло, и сказал по этому поводу своим чиновникам: «Нужно подождать удобного момента. Не стоит создавать пока новую церковную администрацию. Уж если так необходимо иметь главой церкви папу, то пусть это будет римский папа, а не госпожа Матильда Людендорф» (глава придуманной новой германской нехристианской религии).

Геббельс был реалистом и хвалил поэтому католическую церковь за близость к массам. Он знал, что в сельской местности священники так и остались реальной властью. Он, конечно, верил, что со временем нацистская партия займет место церкви, но понимал, что это время наступит еще не скоро. Он заявлял, что партия только тогда сможет постоянно пользоваться привязанностью простого народа, когда она будет иметь в каждой деревне таких же хорошо обученных и умелых функционеров, каких имеет католическая церковь.

Когда началась война, Геббельс в разговорах с приближенными пренебрежительно отзывался о жертве, принесенной Христом ради человечества: «Кто станет слушать об этом сегодня, когда сотни тысяч людей переносят гораздо более страшные страдания из-за своих политических взглядов или из-за национальности. В наше время миф о распятии утратил и свое значение, и свою убедительность». Тем не менее следы былой привязанности, воспоминания о своей католической юности еще долго находили себе место в дневниках Геббельса. Так, в апреле 1943 года, заболев и попав на лечение в католическую больницу, он пришел в восхищение от самоотверженности католических медсестер и их преданности своему делу, назвав их «истинными благодетельницами страдающего человечества».

Геббельс обладал обостренным пониманием политической реальности, не уступая в этом отношении Макиавелли, и именно эта способность заставила его избежать открытого столкновения с католической церковью. В 1941 году в Мюнстере католический епископ граф фон Гален не побоялся выступить с критикой антицерковных действий нацистских властей, осудив в своих проповедях казни умственно отсталых пациентов клиник и конфискации имущества монастырей; и Геббельс, хотя и был взбешен этой открытой попыткой мятежа, все же отказался от принятия радикальных мер к ослушнику, сочтя момент неподходящим. Он знал, каким прочным авторитетом обладала в народе католическая церковь. Своим помощникам он сказал: «Я никогда не желал провоцировать церковь на открытое столкновение, предпочитая поддерживать отношения лояльности и сотрудничества; в этом моя позиция отличается от мнения руководства партии. Когда закончится война, тогда и можно будет лишить церковь всей ее материальной базы и этим сломать ей хребет». Геббельс не был безжалостным любителем крайних мер, как его шеф — фюрер, люто ненавидевший христианство, особенно его протестантскую ветвь. В беседе со своими советниками А. Розенбергом, Гиммлером и Боулером (главой партийной канцелярии Гитлера) фюрер заявил (в декабре 1941 года): «Пожалуй, я еще смог бы договориться с папами времен Возрождения, хотя их проповеди были опасными и лживыми, да и сами они были преступниками; но они покровительствовали великим художникам и вообще поддерживали красоту, и это вызывает у меня симпатию, не то что ужимки протестантских святош, распространяющих вокруг себя яд».

Гитлер и Геббельс были едины в своем крайнем национализме, в упоении властью и в презрении к массам, которыми они манипулировали. Интересно посмотреть, как зародилась их дружба и как она развивалась; это позволит понять развитие личности Геббельса и его превращение из незрелого студента в фанатика и самовлюбленного глашатая национал-социализма.

2. Доктор философии становится под знамя фюрера

Прошел уже год после окончания университета, а Геббельс все никак не мог найти себе постоянную работу. Он выкручивался по мере сил: репетиторствовал, давая уроки латинского языка, и брал на дом бухгалтерскую работу, но денег не было, и приходилось сидеть на иждивении у заботливого отца, который приносил домой 300 марок в месяц — на шесть едоков. Новоявленный специалист по германской литературе должен был по-прежнему, как и в студенческие годы, экономить каждый грош и ломать голову над тем, где раздобыть 20 марок, чтобы встретиться с невестой в номере отеля.

Ее звали Эльза; она была хорошенькая, с интеллигентными манерами и из зажиточной семьи. Она работала учительницей в школе в Рейдте, куда ходила младшая сестренка Геббельса, Мария. Эльзу покорил необыкновенный горящий взгляд, красивый голос и вдохновенные речи молодого доктора философии.

Девушка устроила своего жениха на работу в кельнское отделение «Дрезднер-банка», биржевым служащим, где его обязанностью было оглашать несколько раз в день курсы акций. Увы, Геббельс не смог долго продержаться на этой работе: не столько из любви к истории и литературе, сколько из ненависти к «денежным мешкам» — капиталистам, которых презирал всю жизнь, даже после того, как сам стал, с помощью Гитлера, богачом и владельцем красивых загородных поместий.

Вечно бегая в поисках «хлебной» работы, Геббельс наткнулся-таки на неплохую вакансию: пост секретаря у одного политического деятеля; это и открыло ему дорогу к занятиям политикой. Так он поступил на службу к Францу Вигерсхаузу, депутату рейхстага, который нанял его за 100 марок в месяц. Вигерсхауз был депутатом от партии «Народная свобода», представлявшей собой одну из многочисленных мелких правоэкстремистских организаций.

Геббельс стал жить в Эльберфельде, где участвовал в выпуске газеты «Фолькише фрайгайт» — официального органа своей небольшой и малоизвестной партии. Ему приходилось время от времени выступать на собраниях; здесь-то он и столкнулся впервые с представителями НСДАП — более крупной партии националистического толка, отличавшейся от «Партии народной свободы» и ей подобных наличием элементов «социализма» в

своей программе. Молодого Геббельса привлекла броская комбинация националистических и социалистических идей, и к концу 1923 года он предложил свои услуги Карлу Кауфманну, являвшемуся в то время гауляйтером НСДАП в земле Рейн-Вестфалия. Кауфманн доложил об этом братьям Грегору и Отто Штрассерам, потому что Грегор был тогда одной из главных фигур в окружении Гитлера и распоряжался всеми делами нацистской партии в Северной Германии. Братья Штрассеры как раз намеревались начать издание в Эльберфельде своего еженедельника, задуманного не более и не менее как «главный идейный печатный орган партии». Еженедельник получил название «Заметки о национал-социализме»; ответственным за выпуск стал Грегор Штрассер, а редактором — Отто; нужно было найти еще толкового заместителя редактора, и тут подоспел Кауфманн, рассказавший Штрассерам о Геббельсе. Так Геббельс получил новую работу; он должен был трудиться сразу на двух должностях: секретарем в партийном бюро Кауфманна и заместителем редактора у Штрассера и получать за все 200 (позднее — 250) марок в месяц.

Грегор Штрассер, химик-фармацевт из Баварии, имел репутацию человека честного и прямого; вместе с братом Отто он владел также издательской фирмой «Кампфферлаг», находившейся в Берлине. Штрассер был покорен ораторским талантом молодого Геббельса и добавил ему работы, сделав своим личным секретарем (уволив с этой должности другого молодого человека по имени Генрих Гиммлер, не справлявшегося со своими обязанностями).

Геббельс стал усердно отрабатывать свой новый оклад, взявшись за дело с огромной энергией. Он редактировал журнал «Заметки о национал-социализме», организовывал партийные митинги и выступал на них, неутомимо разъезжая по всей Рейнской области и Рурскому бассейну, от Кельна до Крефельда и от Дортмунда до Оснабрюкка. Его слава быстро росла, а с ней расширялся и район выступлений, куда вскоре вошли Гамбург и Берлин, а потом даже Саксония и Южная Германия. Ему редко приходилось оставаться подолгу на одном месте, но это только подстегивало его неугомонную натуру; за год, с 1 октября 1924-го по 1 октября 1925 года, он выступил, по его словам, на 189 митингах и собраниях. Вся его жизнь проходила теперь в поездах, в гостях у друзей по партии либо за исполнением секретарских обязанностей, которые ему уже приелись; впрочем, он научился расслабляться, проводя время в компании многочисленных подружек.

В то время Геббельс переживал период некоторой

неустойчивости (как и сама нацистская партия, членом которой он стал) и вел себя то беспокойно, то напористо; враги его партии относились к нему с презрительным пренебрежением, а ее вожди — с подозрительностью. Записи в дневнике рисуют нам портрет неуравновешенного «человека настроения», отчасти сентиментального, частью — циничного; то впадающего в депрессию, то возносящегося к высотам самоуверенности; критически оценивающего своих сподвижников, но иногда снисходящего по отношению к ним до насмешливого одобрения.

Тогда он чувствовал себя «социалистом», презирающим «ожиревшую буржуазию», как и самодовольных и ограниченных представителей среднего класса, к которым он относил и своего отца, «доброго и здравомыслящего человека, но обывателя и мелкого буржуа». Тогда же он с восторгом прочел первый том «Майн кампф», спрашивая себя: «Что же это за человек — Адольф Гитлер, плебей или бог? Христос или его пророк?»

В 1925 году в рядах нацистской партии, переживавшей период ослабления, наметились разногласия и возникла некоторая напряженность. Поводом для ссор стал вопрос о восстановлении прав членов императорской семьи на имущество в Германии. Гитлер, в союзе с Германской националистической партией, поддерживал восстановление прав, тогда как Штрассер и его брат резко выступали против. Впрочем, суть спора лежала глубже и касалась более важных проблем.

Гитлер и его мюнхенское окружение — Эссер, Федер, Штрайхер — не испытывали ни малейшей симпатии к социализму, в какой бы то ни было форме, а в русских большевиках видели главную опасность для Германии; напротив, северогерманская группировка во главе со Штрассером всерьез допускала возможность построения социализма немарксистского типа и не хотела видеть в Советской России заклятого врага. Геббельс, сравнивая значение понятий «социализм» и «национализм», был даже готов поставить в названии партии слово «социализм» впереди, перед словом «национализм». «Для нас, на Западе, этот вопрос еще неясен. Социалистическое освобождение и национальное возрождение тесно связаны между собой, как вихри в смерче, — вещал он. — Эта проблема — вопрос выбора поколений; пока неясно, что должно победить: старое или новое, эволюция или революция, социальные или социалистические идеалы? В свое время мы сделаем свой выбор, и для нас он не составит труда!»

В те дни Геббельс представлял собой революционера-националиста (а может быть — националиста-большевика!), ненавидевшего западные державы-победительницы больше, чем

Советскую Россию. Соглашение в Локарно, заключенное Германией с Францией, Англией и Бельгией, вызывало у него ярость, как красная тряпка у быка. Ведь оно означало, по его мнению, что Германия «продала себя западному капитализму, сдавшись на его милость»: «Локарно и «Пакт о безопасности» — это ужасающая смесь обмана, несправедливости, предательства и лицемерия! За всем этим стоит лишь одно: деньги, которые правят миром! Из нас хотят сделать наемников, сражающихся на полях России против большевизма». Решая эту мрачную альтернативу, Геббельс был готов, если уж дело дойдет до крайности, скорее «погибнуть вместе с большевиками, чем попасть в вечное рабство к западному капитализму». Говоря в своих лекциях о Ленине и Гитлере, он представлял Ленина как великую историческую личность, как одного из величайших деятелей истории, «освободившего русский народ от оков царизма и от гнета средневековой феодальной системы». «К сожалению, — восклицал он, — эта новая свобода оказалась непродолжительной, потому что была основана на декадентском марксизме, представляющем собой ущербное дитя механистического западного просвещения и французской революции».

25 января 1926 года Грегор Штрассер собрал в Ганновере совещание гауляйтеров Северной и Западной Германии, имевшее важное значение для определения дальнейшей политики, и Геббельс выступил там с полной поддержкой «социалистической» точки зрения на возникшие проблемы. Гитлера представлял на совещании Готфрид Федер, «эксперт по финансовым вопросам» нацистской партии. В развернувшейся дискуссии по поводу экспроприации собственности императорской семьи Геббельс убедительно и с успехом выступил против идей Гитлера, рассмотрев вопрос в широком аспекте. «Целый час я говорил о России, Германии, западном капитализме и большевизме, и все слушали с напряженным вниманием, — записал он в дневнике. — Потом прозвучали бурные аплодисменты и слова одобрения. Мы победили! Штрассер пожал мне руку, а Федер выглядел растерянным и жалким».

Однако последующие события, случившиеся через несколько недель, оказались не столь приятными. 14 февраля 1926 года Гитлер собрал конференцию партийных вождей в Бамберге, на которой Геббельс оказался в полной изоляции. На конференцию не смогли прибыть представители северогерманской оппозиции, кроме Штрассера и Хааке, делегата от Пруссии. Гитлер твердо провозгласил свои антисоциалистические взгляды. Геббельс, казалось, был подавлен его аргументами и его поведением.

«Гитлер говорил в течение двух часов, — записал он. — Я почувствовал себя оглушенным. Что он за человек? Реакционер? Удивительно бестактный тип, не слишком уверенный в себе! Русский вопрос он обошел; Италию и Англию назвал нашими «естественными союзниками».

Какой-то ужас! Говорит, что наша задача — раздавить большевизм, что большевизм — это очередная афера евреев! Мы, мол, должны «заполучить Россию»! Да ведь это 80 миллионов людей!»

В последовавшей короткой дискуссии принял участие и Штрассер, говоривший, по словам Геббельса, «нерешительно, нескладно, запинаясь». Никто, и Геббельс в том числе, не осмелился перечить Хозяину: «Я не смог возразить ни слова, я был ошеломлен!» Отто Штрассер, не присутствовавший на конференции, сказал потом, что Геббельс публично признал правоту Гитлера, покаялся в своих ошибках и присоединился к нему.

В своем дневнике Геббельс назвал выступление Гитлера «одним из самих больших разочарований» в «своей жизни» и посетовал: «Теперь я не смогу безоговорочно верить Гитлеру. Ужасная вещь! Я утратил чувство внутреннего равновесия. Я как будто потерял часть самого себя!

Во время всей конференции в Бамберге Геббельс просидел молча, разве что выкрикнул, за компанию с окружающими, один или два лозунга; он чувствовал, что его политические взгляды отличаются от тех, которые там провозглашались; и в то же время он был очарован Гитлером и ошеломлен цветущим и самоуверенным видом его помощников и сподвижников. Он привык агитировать других; но теперь, выслушав чужую агитацию, не мог до конца быть честным с самим собой, и его записи в дневнике представляют странную смесь искренности, цинизма и растерянности вместе со стремлением вернуть себе утраченную самоуверенность.

Продолжая считать себя социалистом, Геббельс порицал антирусские воззрения Гитлера, но ясно понимал при этом невозможность долгого пребывания в оппозиции, да еще в качестве ее лидера! Быть вместе с Гитлером означало иметь влияние, почет и широкие права, а выступить против него — значило привести партию к расколу, а себя подвергнуть всеобщему осуждению и изгнанию.

Все же в течение некоторого времени Геббельс делал вид, что пытается сопротивляться влиянию Мюнхена. Через неделю после конференции в Бамберге состоялось обсуждение ее итогов в Ганновере с участием Штрассера и коллег из северогерманской

партийной группы. После длительной дискуссии было решено укреплять свои силы, не завидовать «мюнхенцам» и не преувеличивать значение их «пирровой победы», а настойчиво работать и готовиться к борьбе за социализм.

И Геббельс начал «готовиться» — но только к смене курса. Сначала он еще пытался делать различия между Гитлером и его приспешниками, из которых он особенно ненавидел Эссера и Юлиуса Штрейхера; но месяцем позже, в Нюрнберге, произошла его встреча со Штрейхером, окончившаяся полным примирением и признанием (записанным в дневнике), что Штрейхер (которого он прежде определял так: «свинья и самый отвратительный человек из всех помощников Гитлера»), оказывается, вовсе не так уж плох «По крайней мере Юлиус честен, и с ним можно иметь более дружественные отношения», — гласила новая запись в дневнике.

Гитлер, проницательно оценивший таланты Геббельса, понял, что можно сыграть на его тщеславии и жажде почета. В апреле 1926 года он пригласил Геббельса в Мюнхен для совместного выступления на партийном митинге. Когда Геббельс прибыл, его ожидал на вокзале личный автомобиль Гитлера, доставивший гостя в отель. Это сразу произвело впечатление, заставив вспомнить о бедной обстановке и скудных финансах северогерманского отделения партии в Эльберфельде. Здесь, в Мюнхене, чувствовалось, что в дело вовлечены большие деньги! «Какой прием! — записал Геббельс в дневник после встречи с Гитлером. — И фюрер — такой высокий, здоровый, полный жизни! Он мне понравился! Он всех нас подавил своим великодушием. Он предоставил свой автомобиль в наше полное распоряжение на всю вторую половину дня!»

Оба вождя выступили перед многочисленным собранием членов партии в Пивном зале, традиционно служившем местом подобных сборищ. Их встретили бурей приветствий. Митинг открыл Штрейхер, а потом выступил Геббельс, говоривший около двух с половиной часов. Он заворожил публику: «Я выдал им все, что у меня было. Они пришли в восторг, орали и бесновались, а потом Гитлер меня обнял. У него на глазах были слезы. Это был счастливый миг!» После этого они с Гитлером прибыли в отель и пообедали там вдвоем. Геббельс был восхищен: «Он вел себя как настоящий хозяин и проявил себя блестяще!»

На следующий день Гитлер принял Геббельса в штаб-квартире партии и там рассказал ему, в присутствии Гесса, об иностранных делах, о политике на Востоке и о социальных проблемах. Геббельс был покорен: «Он говорил с нами три часа. Это было блестяще, потрясающе. Италия и Англия — наши

союзники. Россия хочет нас сожрать. Все это отражено в его памфлете и во втором томе «Майн кампф», который скоро должен выйти. Мы искали общие подходы, задавали вопросы. Он отвечал блестяще. Это совершенно новый взгляд на вещи! У него все продумано! Он убедил меня по всем пунктам. Это великий человек, во всех отношениях, блестящий ум! Он достоин быть Фюрером! Я склоняюсь перед ним как перед гигантом и политическим гением!»

Геббельс признал идеи Гитлера насчет отношений с Востоком и Западом «убедительными», но все же чувствовал смутное беспокойство по поводу вопроса об отношениях с Россией; потом успокоил себя, решив, что позже еще раз обдумает эту проблему, но это уже были последние колебания перед стартом в новом направлении. Запись в дневнике гласила: «Адольф Гитлер, я люблю Вас, такого великого и простого!»

Геббельс, переменчивый и циничный по натуре, легко поддавался чужому влиянию, а главное — он искал надежную опору, чтобы преуспеть в жизни; и он нашел ее в Гитлере.

Спустя два месяца, когда вождь посетил Рейнско-Рурский регион, Геббельс встретил его с огромным энтузиазмом: «Гитлер, дорогой старый товарищ! Это прекрасный человек и выдающаяся личность с огромным интеллектом, независимый ум, у которого всегда есть чему поучиться! Прекрасный оратор, владеющий не только словом, но и мимикой и жестами! Прирожденный вождь, с которым можно завоевать весь мир! Дайте ему возможность, и он истребит коррупцию с корнем!» Геббельс явно попал под обаяние «сильной личности», «харизматического лидера», знающего о других больше, чем они сами знают о себе, и прекрасно разбирающегося в их слабостях. А Геббельс продолжал разливаться соловьем: «Я был глубоко тронут его вниманием и чувствовал себя орудием божественной воли; я чувствовал себя счастливым! Ведь жизнь дорога, пока живешь! Фюрер сказал в заключение: «Я не отступлю и не дрогну, пока наша миссия не будет выполнена!» Это как раз в его духе! Да, это на него похоже!»

Герой романа «Михаэль», столкнувшись с реальной действительностью, покончил жизнь самоубийством; но сам Геббельс отнюдь не собирался совершить столь крайний шаг. После визита в Оберзальцберг, состоявшегося в июле 1926 года, он почувствовал небывалый прилив сил и уверенности, словно обращенный в новую веру, пророком которой был Адольф Гитлер: «Эти дни указали мне новое направление и определили мой путь. Я пребывал в бездне глубочайшего отчаяния, и тут передо мной засияла новая звезда! Теперь я всегда буду следовать за ней.

Германия будет жить! Хайль Гитлер!»

Так Гитлер привязал к себе хитроумного радикала из Эльберфельда, указав ему путь к спасению, то есть к достижению успеха и власти для себя лично и для своей партии. Геббельс был фанатиком, душа которого нередко разрывалась между энтузиазмом и отчаянием, и вот теперь он нашел опору и защиту в таком же фанатике, но гораздо более уверенном в себе и преисполненном сознания своей высокой миссии до такой степени, какая и не снилась Геббельсу. Вождь олицетворял собой политическую тайну, глашатаем и пропагандистом которой должен был стать новообращенный, и эта тайна заключала в себе ненависть к оппонентам, не веривших в возможности нацистского движения, полное отрицание существовавшей политической системы и громкие, но двусмысленные обещания устройства новой, справедливой государственной и общественной структуры. Участников нацистского движения ожидали почет, выгодные должности и власть.

Привязанность Геббельса к Гитлеру стала результатом исполнения психологической потребности и одновременно — плодом трезвого расчета. Как бы то ни было, но эта привязанность была искренней и постоянной, тогда как отношения Геббельса с другими видными деятелями партии целиком определялись законами политического соглашательства и могли быстро переходить от дружбы и сотрудничества к враждебности и антагонизму — а затем меняться в обратном направлении. Те, кого сегодня он называл «старина» и «дружище», завтра могли стать «тупицами» и «интриганами» и даже «свиньями». Именно тогда Геббельс составил свой «Обидный словарь», содержавший всевозможные насмешки, шутки и оскорбления в адрес его оппонентов, соперников и врагов, получивших меткие и ядовитые характеристики, полные сарказма, иронии и остроумия. Неудивительно, что отношения Геббельса со своими политическими оппонентами из числа членов партии не всегда оставались в рамках светских приличий. В его дневнике Штреземанн, будущий министр иностранных дел, фигурирует под кличкой «старая жирная свинья», а Северинг, министр внутренних дел Пруссии, определен как «трусливая социал-демократическая скотина»; и даже вождь консервативных германских националистов Хергт охарактеризован как «гадкая помесь хама, труса, обывателя и свиньи». Когда доктор Лей поддержал Гитлера в нападках на фракцию Штрассера, Геббельс обозвал его «тупоголовым интриганом». Эссер, ставший позже государственным секретарем в Министерстве пропаганды, получил характеристику «карманного Гитлера, копирующего, с

обезьяньей ловкостью, замашки своего великого прототипа».

Геббельс был сложной фигурой, в которой бесспорный ораторский талант сочетался с насмешливым нигилизмом, а организаторские способности уживались со страстью к политической демагогии. Как ни презирал он толпу, «массу», он всегда оставался настоящим агитатором, стремящимся и увлечь слушателей и убедить их. Неразборчивый в средствах, он умел сыграть на низменных инстинктах черни, сохраняя при этом фанатичную убежденность миссионера. Вульгарность переплеталась в нем с истинно германской сентиментальностью, принимавшей иногда забавную «современную» окраску, отличавшую его от напыщенных представителей старшего поколения националистов, таких как члены «Пангерманской лиги». Посещая могилу Вагнера в Байрейте, куда светская публика шествовала в строгих утренних костюмах, как на официальную церемонию, Геббельс одевался в рабочую блузу или в будничный дождевой плащ.

Свои ранние дневники Геббельс писал, не рассчитывая на их публикацию, поэтому нет причин сомневаться в их искренности и отсутствии позы.

По записям видно, что даже перейдя в подчинение к Гитлеру и заручившись его покровительством, он постоянно страдал от резких перемен настроения, то впадая в депрессию, то испытывая приливы счастья, то мирясь, то ссорясь с окружающими, в отношениях с которыми устанавливались то гармония, то антагонизм. 26 октября 1925 года он отмечал в дневнике: «Кауфманн — мой дорогой и преданный друг, прекрасный, добрый товарищ!» Шесть месяцев спустя он получил от Кауфманна (в то время гауляйтера земли Северный Рейн) письмо с упреками в отсутствии жесткости и записал в дневнике: «Какой гадкий сюрприз преподнес мне Кауфманн в своем наглом письме! Теперь я уезжаю с испорченным настроением, совершенно подавленный».

Романтический идеализм странным образом смешивается у него с плохо скрываемой агрессивностью. Он искренне восхищается то Гитлером, то видами Байрейта, то идеями Рихарда Вагнера и в то же время чернит и поносит своих соперников и врагов; и над всем этим царствуют холодный расчет, амбиции и ненасытная жажда власти и престижа. Он сравнивает самого себя то с «беспокойным вихрем», то с апостолами и проповедниками и наблюдает с удовольствием, как внимательно, будто в церкви, слушает его толпа на митингах. Но в его острых нападках на врагов национал-социализма, на республиканцев и евреев не было и следа религиозной кротости

— было только злобное желание унизить и уничтожить их.

Разочарование и пессимизм терзают его душу и после заключения соглашения с Гитлером: «Я чувствую себя так, как будто давно умер и меня похоронили. На сердце так тяжело! Все эти поездки — как они мне надоели! Осталось одно, последнее утешение — работа, моя работа…» Настал момент, когда все ему разонравилось: люди, новые места, собрания и митинги. В июне 1926 года началась борьба за власть в партийной организации в Эльберфельде, вызвавшая у него новый приступ тоски: «Сегодня начнутся эти личные «разборки»: Кауфманн, Пфеффер и я будем обвинять друг друга…»

В этот смутный период Геббельсу предложили пост гауляйтера (партийного руководителя) Берлина. Сначала он колебался, даже думал: не отказаться ли? Но высокая столичная должность оказалась слишком лакомой приманкой для агитатора из провинции, несмотря на все его «сомнения», искренние или мнимые. Спустя две недели, после выступления на митинге, в его дневнике появляется запись, напоминающая терзания девицы на выданье: «Мы вышли прогуляться по улицам. Перед нами раскинулся ночной Берлин. Море огней и настоящий Вавилон пороков! И в эту-то трясину я лезу по собственной воле!»

В конце концов он, конечно, принял этот высокий пост, настоятельно предложенный ему Гитлером, и записал следующее: «С 1 ноября я точно буду в Берлине. Ведь Берлин — это центр всего, и для нас — в том числе!»

Это был хитрый ход Гитлера, убившего таким путем сразу нескольких зайцев. Прежде всего Геббельс, бывший до этого личным секретарем Грегора Штрассера, теперь превратился в его самого серьезного соперника. Оба деятеля имели штаб-квартиры в Берлине, но именно Геббельс создал нацистской партии громкую известность в столице и разработал новые, невиданные ранее методы политической пропаганды.

Глава 2
«Битва за Берлин»

Рассудок бессилен там, где господствует чувство.

И.-В. Гёте

1. Методы гауляйтера

«Над Берлином уже тяжело нависал серый ноябрьский вечер, когда скорый поезд медленно вошел под своды Потсдамского вокзала. Не прошло и двух часов со времени моего отъезда, как я уже ступил (впервые в жизни) на его платформу, ставшую впоследствии отправным пунктом многих наших политических начинаний». Так рассказывал Геббельс о своем прибытии в столицу, куда он был назначен гауляйтером.

Для молодого агитатора, при всем его трудолюбии и настойчивости, Берлин оказался крепким орешком. Нацистская партия не достигла в столице Германии особых успехов. Многие избиратели голосовали за коммунистов; социал-демократы прочно контролировали городское управление, а почти все ежедневные газеты Относились к нацистам (которых в городе было совсем немного) враждебно или в лучшем случае с безразличием, кроме разве что расистской «Дойче цайтунг», но и та принадлежала местным правым, а не национал-социалистам.

В своей пропагандистской книге, названной им «Битва за Берлин», Геббельс с презрением отозвался о той «секте» (существовавшей в Берлине под видом национал-социалистской партийной организации), которую он обнаружил по прибытии. По его словам, это было сборище группировок, занятых междоусобной враждой, а не борьбой против общих врагов. Здесь не существовало никакой партийной дисциплины, поборниками которой были Гитлер и Геббельс; «это была скорее неорганизованная толпа, состоявшая из нескольких сотен людей, которые, правда, верили в национал-социализм, но толковали его каждый на свой манер». Геббельс, любивший в то время распространяться об «актах террора, совершаемых «красными», позже допускал, что кровавые столкновения могли происходить скорее между членами его собственной партийной организации, а не между ними и коммунистами.

Короче говоря, берлинская организация нацистов находилась в упадке и не играла серьезной роли в политической жизни города. К тому же после 1925 года, с притоком иностранных капиталов, начался период экономического возрождения, и некоторое улучшение жизни населения не способствовало распространению экстремистских взглядов. Перед назначением Геббельса партийная организация не смогла добиться притока новых членов, а ее скудные финансы находились в расстроенном состоянии. Ее помещение представляло собой грязный обшарпанный подвал в доме на Потсдамер-штрассе; эту берлогу,

в которую вел темный вход со двора, партийные остряки окрестили «опиумным притоном».

Геббельс стал первым, кто решительно взялся за переустройство партийной организации, желая превратить ее в эффективное орудие борьбы за власть и (что было для него не менее важно) за укрепление собственного влияния в партии. Через некоторое время ему удалось избавиться от всякого рода инакомыслящих, которых он презрительно именовал «анархическими элементами». Если верить его отчетам, организацию покинули около 20 % ее членов.

Но это была только одна проблема. Нужно было заняться финансами, потому что в партийной кассе имелось больше долгов, чем доходов. Серьезных регулярных поступлений не было, и никто не желал, взявшись за дело всерьез, изменить ход событий и улучшить положение. Одной из первых мер нового гауляйтера стал призыв к оставшимся членам организации пожертвовать деньги в партийную кассу. Геббельс предложил всем регулярно платить членские взносы, чтобы набиралось не менее 1500 марок в месяц; эта сумма должна была поставить деятельность организации на прочную финансовую основу и сделать ее более эффективной.

В те первые дни Геббельсу пришлось стать мастером на все руки. Скромное положение вверенной ему организации не испугало его, а только придало сил и обострило природную изворотливость и умение приспосабливаться, заставив не замыкаться в себе, а быть всегда в курсе настроений своих подчиненных и предпринять ряд мер, чтобы привлечь внимание к деятельности своей партии; для этого он придумал и применил набор хорошо рассчитанных пропагандистских трюков и актов устрашения. Через год после начала работы в Берлине Геббельс сделал многозначительное заявление своим партийным функционерам, объяснив им, что нацистское движение «пока еще очень молодо и ему не хватает умных деятелей и талантливых руководителей, особенно в сравнении с другими партиями». Впрочем, сказал он, это даже неплохо, в каком-то смысле; «самые умные деятели других партий вынуждены работать в узкоспециальных областях; но поистине выдающийся ум должен иметь тот, кому приходится заниматься всем сразу: быть и пропагандистом, и организатором, и оратором, и писателем. Он должен уметь руководить людьми, добывать деньги, писать статьи и еще успевать делать много разных дел».

Такой же нестандартный, творческий подход Геббельс проявил и в руководстве деятельностью берлинских «штурмовых отрядов» («СА», или «штурма бтайлунген»). Геббельс и его

немногочисленные функционеры работали на своих местах полный рабочий лень, а «штурмовики» выполняли свои обязанности после работы. Каждый вечер, а то и всю ночь они были на ногах, успевая повсюду, особенно в дни обострения политической обстановки. В их обязанности входила охрана митингов, расклеивание плакатов, распространение листовок, вербовка новых членов партии, оформление подписки на партийные газеты и безопасная доставка оратора на митинг и обратно. В таких условиях от руководителя требовались особое внимание и гибкость, если он хотел поддерживать работу организации на высоком уровне.

Геббельс смог довольно быстро сколотить партийную организацию, состоящую из надежных работников, проникшихся жестокой и агрессивной нацистской идеологией. Как он потом признавался, ему пришлось «вколачивать в головы своих «товарищей по партии» основные идеи и лозунги, чтобы они могли повторить их в любой час дня и ночи». С подчиненными, многие из которых были довольно примитивными людьми, он умел объясняться просто и откровенно, но не терпел тех, кто осмеливался критиковать его самого или его действия, изводя их презрительными насмешками. «Только путем жестокой борьбы нам удалось установить твердую власть в организации, погрязшей в анархии, — вспоминал он позже. — Вопреки сплетням о наших крайностях мы подняли наши идеи, как флаг, собрав под ним фанатически преданных людей, готовых к бескомпромиссной борьбе». Ядро партийных активистов сформировалось в ходе еженедельных собраний, проводившихся в маленьких непрезентабельных залах. После завершения работ по внутренней консолидации был проведен крупный массовый митинг с намерением привлечь широкую аудиторию. Геббельс изо всех сил пытался «расшевелить Берлин», «пробудить этого непробиваемого монстра, закованного в камень и асфальт, от его летаргического сна!»

У него хватило ума понять, что тут были нужны новые и особые меры, которые смогли бы привлечь внимание к нацистскому движению в огромном городе, привыкшем к сенсациям, быстро сменяющим одна другую; где ежедневно продаются миллионы экземпляров газет, а парки развлечений принимают каждый вечер тысячные толпы посетителей, избалованных зрелищами. «Берлин живет сенсациями, — заключил гауляйтер, — он не может существовать без них, как рыба не может жить без воды; и любая политическая пропаганда, игнорирующая эту истину, не найдет здесь ни слушателей, ни сторонников».

Было всего две главных возможности привлечь внимание берлинцев и приблизить достижение целей партии. Первая представляла собой «войну лозунгов» и включала в себя изобретение все новых пропагандистских трюков и «штучек», выпуск открыток и плакатов, оформленных в простом и понятном стиле; вторая заключалась в устройстве ссор, провокационных стычек и драк со злейшими врагами — «марксистами»; она имела целью «завоевать улицы города», утвердив на них свою власть: «Мы говорим откровенно: наша цель — завоевать улицы, чтобы руководить массами и привлечь народ на свою сторону!»

До прихода Геббельса берлинские «штурмовики», состоявшие в основном из пролетариев и безработных, были обыкновенными любителями подраться и похулиганить, нередко затевая потасовки и между собой. Геббельс сделал из них «политических бойцов», и это, как он потом признавался, было одной из самых трудных задач первых дней его пребывания в Берлине. Он дал этим примитивным драчунам и бандитам сознание цели, новую и острую ориентацию, сформировав из них дисциплинированную полувоенную организацию, действительно способную помочь завоевать улицы города, Геббельс заявил, что теперь, в век массовых движений, «политика вершится на улицах»: «Улица — вот показатель успеха современной политики! Тот, кто завоюет улицы, подчинит себе народные массы, а следовательно — и государство!» До появления Геббельса в Берлине столичная партийная организация развертывала свою деятельность в чистеньких пригородах западного и южного Берлина, где проживали люди среднего класса. Геббельс поставил задачу закрепиться в пролетарских кварталах на севере и на востоке столицы.

Одним из изобретений Геббельса стал новый метод борьбы с коммунистами, заключавшийся в копировании и передразнивании не только их лозунгов, но и методов работы. Собственно говоря, даже «штурмовые отряды» напоминали в какой-то степени коммунистические «красные бригады»; вообще же коммунистическая партия во многом была для нацистов моделью и в то же время — самым ненавистным врагом. Новый гауляйтер быстро сообразил, что его партия должна привлечь в свои ряды свежие силы из числа рабочих и что достичь этого можно, устроив смелые марши прямо в «логове льва», т. е. в рабочих кварталах, считавшихся оплотом коммунистов. В феврале 1927 года нацисты расклеили в этих местах ярко-красные плакаты, оформленные «под коммунистов», с крикливыми призывами «готовиться к краху буржуазного государства». Это были приглашения на массовый митинг в

«Фарус-холл» — общественный центр, расположенный в пролетарском районе на севере Берлина, в котором коммунисты часто устраивали свои собрания. Сообщалось, что выступит доктор Геббельс с речью на чисто марксистскую тему: «О крушении буржуазного государства». Плакаты в решительном тоне призывали «выковать новую Германию — государство труда и дисциплины». Текст был составлен в стиле прямого обращения к читателю, которого называли на «ты»: «Ты должен решить эту историческую задачу! Рабочие — это ум и сила общества! Судьба германского народа — в твоих руках!»

Надо сказать, что большой эффект произвел не только сам митинг, но и процесс его подготовки. Нацисты призвали всех членов своей организации промаршировать по улицам «красного севера» под развернутыми знаменами со свастикой — и с припрятанным оружием. Геббельс, бросая вызов врагам на их собственной территории, намеренно провоцировал их на драку. Когда нацистская процессия прибыла в Фарус-холл, там как раз находились члены коммунистического «Красного фронта», занимавшиеся своими делами. Возникла перебранка, зазвучали ругательства и оскорбления с обеих сторон. Коммунисты стали прерывать выкриками речи нацистских ораторов, открывших митинг, и когда нацистские охранники начали удалять зачинщиков беспорядков из зала, завязалась грандиозная драка; в ход пошли пивные кружки и стаканы, ножки стульев. Геббельс все рассчитал: когда несколько штурмовиков из его охраны получили ранения в потасовке, он понял, что его план удался. Пострадавших уложили на носилки и стали выносить из зала по одному; их громкие стоны будоражили публику. Наконец-то берлинская организация нацистов могла похвалиться своими мучениками и героями! В конце концов штурмовикам удалось выдворить своих противников на улицу, и Геббельс, скорее возбужденный, чем испуганный драматической схваткой, произнес пылкую речь среди пятен крови, поломанных стульев и осколков разбитых пивных кружек. Он использовал весь набор ораторских приемов: показное сожаление, негодование, презрение к противнику и насмешки над ним. Он вознес до небес своих штурмовиков и их отвагу; в конце речи он впервые упомянул о «неизвестном герое СА», идущем на любые жертвы ради грядущего восстановления Германии. Это была искусная вариация на тему о «неизвестном солдате», образ которого был популярен в послевоенные годы.

В результате скандала, закончившегося с прибытием полиции, тысячи берлинцев, которые и слыхом не слыхали о партии Гитлера и ее целях, теперь узнали о ее существовании. На

следующее утро об инциденте и о нацистах кричали крупные заголовки во всех берлинских газетах, и хотя все отзывы были недружественными — дело было сделано! За несколько последующих дней 2600 человек подали заявления о приеме в нацистскую партию, а еще 500 человек изъявили желание вступить в штурмовые отряды.

У Геббельса имелись свои методы обращения к массам. Язык, которым он пользовался, был четким, недвусмысленным, агрессивным и полным эмоционального накала, привлекавшего внимание публики. Он постоянно подчеркивал, что его партия вовсе не является копией традиционных консервативных и расистских организаций, сменивших оформление; нет, это современное явление, организация, использующая совершенно новый цодход. Действительно, ни одна из правых партий не применяла до этого такие глубоко рассчитанные методы для завоевания доверия масс. В методах Геббельса было немало от техники шоумена или конферансье из американского цирка, и в то же время он умел разозлить и спровоцировать своих врагов-марксистов (объединяя под этим удобным ярлыком и правящую партию социал-демократов, и коммунистов, находившихся в оппозиции к правительству), чтобы выставить их в глупом виде, а потом воспользоваться их замешательством.

«Побольше шума — вот самый эффективный метод действий, рекомендуемый оппозиции!» — провозглашал гауляйтер. Да, он умел «пошуметь» — чтобы привлечь и поразить широкую публику, подбодрить своих последователей и припугнуть оппонентов.

Интересно, что его методы годились не только для пропаганды, но и для применения в индустрии развлечений. Он умел ловко приспособить их к образу мыслей и восприятию «человека с улицы». Постепенно он разобрался в характере берлинцев; ему нравилась их подвижность и готовность к пониманию разных точек зрения. Он считал их скорее рассудочными, чем чувствительными; склонными к серьезности, а не к юмору. Берлинец всегда занят и всегда полон жизни, любит и поработать, и развлечься. Геббельсу нельзя было отказать в уме и сообразительности, в умении кратко и точно характеризовать других, и он быстро освоился со столичной жизнью, поражавшей и волновавшей его. Он умел зажечь толпу своим фанатизмом и злостью, а после митинга с удовлетворением признавался себе, что именно здесь, в Берлине, уместен «самый ярый фанатизм, особенно в политических делах».

Геббельсу были свойственны политическая предприимчивость и целеустремленность, делавшие его

непревзойденным мастером политической провокации. Он умел, например, составить плакат, возвещающий о выходе партийной газеты «Дер ангрифф» («Атака»), придав ему необыкновенно загадочный, агрессивно-таинственный смысл; и он же придумал, как сорвать премьеру знаменитого антивоенного фильма «На Западном фронте — без перемен» (по роману Э. М. Ремарка): его люди выпустили в зрительном зале белых мышей и ужей, и элегантная публика, собравшаяся на премьеру, была напугана и потрясена. Особенно же удавались ему лозунги вроде тех, которые несли на транспарантах пятьдесят штурмовиков, совершавших марш от Берлина (где нацистская партия была уже запрещена) до Нюрнберга, на съезд партии, проходивший в августе 1927 года. Один из них гласил: «Марш Берлин — Нюрнберг: мы запрещены, но не убиты!»

Этого человека, безусловно, следует признать пионером в деле применения средств массовой информации в политических целях. Его изобретательность и мастерство особенно проявились во время ответственных предвыборных кампаний в период с 1930 по 1933 год. Самой напряженной и трудной оказалась подготовка к выборам в парламент Пруссии, состоявшимся в апреле 1932 года. Геббельс тогда бросил вызов канцлеру Брюнингу, предложив ему выступить в совместных политических дебатах перед публикой, но Брюнинг, хорошо знакомый с трюками и уловками нацистов, отказался. Тогда Геббельс взял запись речи Брюнинга, произнесенной им незадолго перед этим в Кенигсберге, и воспользовался ею во время своего выступления на массовом митинге нацистов в Берлине. Геббельс несколько раз включал запись, а потом комментировал и опровергал высказывания своего оппонента, который, конечно, никак не мог себя защитить. «Публика пришла в неистовый восторг, — записал Геббельс в дневнике, — это был грандиозный успех!» Несколько слушателей, вдохновленных речью Геббельса, тут же пожертвовали 100 тысяч марок на проведение предвыборной кампании нацистской партии. К несчастью, Геббельсу не удалось разузнать, кто же были эти щедрые жертвователи.

Примерно в то же время Геббельс организовал предвыборное воздушное турне Гитлера под претенциозным лозунгом «Гитлер над Германией». Такие полеты, совершаемые в качестве политического мероприятия, были в то время совершенной новинкой, до которой не додумались в других партиях. Гитлер перелетал из одной части Германии в другую, например, из Кельна в Мюнхен, выступая повсюду на огромных предвыборных митингах, проводившихся под открытым небом. Действуя таким образом, он иногда успевал появиться за один день в четырех

разных городах страны. В одну из недель он побывал в 26 городах, что было, бесспорно, выдающимся достижением для тех дней, когда регулярное воздушное сообщение только зарождалось.

Сам Геббельс тоже совершал непрерывные агитационные поездки на поезде и в автомобиле и перелеты на самолете, появляясь в разных местах, как вездесущий Мефистофель, не желающий признавать никаких возражений и препятствий. Его откровенное презрение к массам приняло в те дни характер твердого убеждения. Все эти путешествия были направлены к достижению одной главной цели, которую он всегда держал в уме, — добиться значительной власти в партии, и он повсюду демонстрировал качества опытного оратора, оставаясь в душе мрачным мизантропом. 1 июля 1932 года он записал в дневнике, под действием очередного приступа уныния: «Опять начинается «сезон путешествий». Опять эти трудные перелеты, поездки, хождения, во время которых нужно еще и работать. Важнейшие переговоры приходится вести по пути с вокзала, на лестнице, у входа в кабинет. Некогда подумать как следует. Маршрутами поездок и перелетов можно исчертить всю карту Германии. Прибываешь за полчаса до митинга, даже меньше — и сразу выход на сцену и речь перед толпой народа. Большинство людей не подозревают, что пришлось пережить и переделать оратору за целый день перед выступлением; все они, конечно, считают, что его дело — говорить, болтать языком, а больше он ничем себя не утруждает. Никто не простит ему минутной слабости или усталости. Все ждут от него остроумия и отточенных фраз, тогда как его одолевает жара, мучают поиски подходящего слова или фразы, а голос постепенно хрипнет; подводит акустика и дурманит духота, созданная присутствием 10 тысяч человек, плотно набившихся в зал. А на следующий день какой-нибудь ученый писака, просидевший все собрание где-то в уголке, на уютном месте, и запомнивший всего пару фраз, глубокомысленно поднимает палец и замечает, что в этот раз оратору изменила живость мысли, свойственная ему обычно. Хотя, по правде сказать, он этой живости и не находил ни разу, а только отмечал всегда ее отсутствие.

В мировоззрении и высказываниях Геббельса было немало противоречий. С одной стороны, он хотел казаться сторонником всеобщего равенства, человеком с глубоким чувством общности со своими соратниками. «Мы все здесь — друзья-приятели! — говорил он людям из элиты СА. — Мы создаем здесь новый фронт национального единства, и придет, я надеюсь, тот день, когда вся германская нация, обновившись, организуется в единое народное

общество». «Мы искренне считаем всех пролетариев нашими товарищами, равными между собой!» — обращался он к простой публике.

С другой стороны, во всех его речах звучал грубый авторитаризм, приправленный откровенным ницшеанством. «Первые национал-социалисты имели смелость жить, не боясь риска!» — эта фраза — явное подражание Ництпе. Подобные же идеи о господстве «сверхлюдей» звучат в таком высказывании: «Для нас партия — это алмазный меч, которым мы безжалостно сокрушим фронт наших врагов!» Его призывы — это странная смесь активности и динамизма — с жестокой напористостью, идеализма — с цинизмом. «Люди СА должны продемонстрировать миру звериную силу и гибкость национал-социализма, взятую им у народа!» Впрочем, Геббельс отлично понимал двусмысленность подобных лозунгов и перемежал их время от времени словами, претендующими на искренность и прямоту. Вспоминая годы, отданные «битве за Берлин», он сказал: «Никто не сможет упрекнуть нас в том, что мы слишком превозносили эту героическую борьбу в нашей пропаганде, придав людям из СА ореол бесстрашных политических бойцов!»

И он верил, что конечные цели движения оправдывают любые средства, лишь бы они вели к успеху. Худший грех — это когда тебя обманывают; мученичество приветствуется, если оно дает хорошие козыри в пропаганде. «Не бойтесь насмешек и унижений, не страшитесь жестоких побоев и тюремной камеры — это как раз то, что нам нужно! Самое страшное — это безразличие; оно должно заставлять нас напрягать последние силы и искать новые средства пропаганды, усиливая борьбу до предела, чтобы этот огромный город затаил дыхание, а мы могли твердо сказать: «Все, теперь враги не будут больше смеяться!»

Плакаты и листовки нацистов были проникнуты духом борьбы, активного и безжалостного напора, выдвигая в повелительном тоне простые, но жесткие требования, проникнутые угрозой. Прохожие невольно обращали внимание на их динамичный язык, простой, но выразительный. Плакаты, приглашавшие на митинг, не были перегружены текстом; чтобы понять их слова и рисунок, не требовалось напрягать внимание и ум. Лозунги типа «Даешь Берлин!» или «Вперед, по трупам павших бойцов!» приковывали к себе внимание обывателя. Рисунки давали простой образ германского героя нового типа: рослого, с крепкими кулаками, выдвинутым подбородком и не слишком высоким лбом; внушающего представление о силе, стойкости и агрессивности. От плакатов исходило впечатление мужественности и угрозы врагам. Один из них гласил: «Еврей,

напрасно ты пытаешься спрятать под маской свой отвратительный облик! Мы тебя найдем и выставим на посмешище истинным тевтонам Берлина!»

Геббельс мастерски использовал грубую брань, выставляя своих оппонентов в униженном и нелепом виде. Так, в марте 1930 года он выступил с оскорблениями в адрес генерала Тренера, министра рейхсвера, возмутившегося тем, что молодые армейские офицеры выказывают растущую симпатию к нацистам. За это генерала изобразили на плакате в виде чиновника в якобинском колпаке, предавшего своего императора в 1918 году. Обвинения в адрес генерала-министра были хитро перемешаны с похвалами армии и офицерам: «Смотрите, прусский военный дух похоронен! Великий Боже! Его убил этот генерал в шляпе с пером, любитель красивой формы! Бедная армия! Сколько еще все это продлится?»

Подстрекая берлинцев к недовольству республикой, Геббельс использовал язык, который называл «новым и современным, не имеющим ничего общего с устаревшими выражениями так называемых расистов». Он применял простые, но меткие метафоры и сравнения, сразу доходившие до слушателей. Все его речи пронизывал повелительный тон, призывы полагаться на силу и помнить об обязанностях. Они пестрят выражениями типа: «Продвинем вперед наше движение!»; «Вперед, ломая сопротивление врагов!»; «Мы маршируем и будем биться стойко и самоотверженно!»; «Массовая пропаганда — наше главное оружие!», создающими настроение постоянной активности, борьбы и марша к цели. Этот язык не давал слушателю и читателю ни минуты покоя и передышки, подстрекая его сломать существующий порядок и рисуя иллюзию общенационального братства и будущего всеобщего процветания — стоит только убрать с дороги немногочисленных и отвратительных врагов.

2. Главные принципы пропаганды: простота, повторение, живая речь

В то время, когда Гитлер и Геббельс были еще малоизвестными агитаторами незначительной партии, в Европе уже прочно укрепились два тоталитарных режима, так что нацистская пропаганда имела достаточно возможностей заимствовать у них методы и приемы работы. Но насколько далеко зашло это заимствование и подражание? Этот вопрос — не из простых, но можно сказать точно, что основную концепцию нацистской пропаганды составил сам Гитлер, а вот настоятельные указания его и Геббельса насчет того, что устное обращение более эффективно, чем письменное, и что оно несет в себе усиленный демагогический заряд, — это уже явное подражание марксистскому и фашистскому образцам.

Успех пропаганды союзных держав (Антанты) в первой мировой войне заставил Гитлера понять, что пропаганда должна быть очень простой, даже примитивной, и что она должна быть рассчитана на невысокий уровень понимания. Она должна опираться на несколько основных положений и осуществляться с настойчивостью и постоянством. Гитлер был уверен в том, что союзники, ведя пропаганду, относились к массам с тем же презрением, какое испытывал и он сам. В книге «Майн кампф» Гитлер не раз подчеркивает, что люди, по его словам, в общем-то «женственны по натуре и по убеждениям, и поэтому их мысли и поступки мотивируются не столько трезвым расчетом, сколько переживаниями и сантиментами», причем их чувства просты, в них легко разобраться. Они малодифференцированны и делятся на положительные и отрицательные, основанные на любви и на ненависти; люди различают в основном «правильное» и «неправильное», правду и ложь и не хотят копаться в оттенках, не умея (или не желая) рассматривать каждую проблему с двух сторон. Лучше всего разобралась со всеми этими вопросами английская пропаганда. Сделав выводы из своих наблюдений, Гитлер сформулировал основной закон пропаганды: «Она должна бить всего в несколько точек, но ударять настойчиво и постоянно».

Согласно Гитлеру, массы «ленивы и медлительны, их воспоминания неточны, и они реагируют только на тысячекратное повторение простых истин». Он также подчеркивал, что эффективное руководство не зависит от широты теоретических познаний и что великие теоретики редко бывали

хорошими организаторами, которые, помимо всего прочего, должны быть хорошими психологами. Талант «вождя» состоит в его способности руководить массами и совершенно отличается от таланта «идеолога» — человека, выдвигающего, развивающего и систематизирующего идеи.

Рассматривая задачи и методы пропаганды, Гитлер указывал на необходимость учитывать фундаментальное различие между участниками нацистского движения и его последователями. «Участниками» считались те, кто активно способствовал распространению национал-социалистских идей и отстаивал их в борьбе, тогда как «последователи» играли пассивную роль, ограничиваясь одобрением и сочувствием целям партии. По определению Гитлера, последователем движения являлся тот, кто публично заявил о своем согласии с целями и задачами национал-социализма; участником же назывался человек, сражавшийся за достижение этих целей. Считалось, что количество участников и последователей необходимо поддерживать в отношении 1:10, причем наиболее достойные из «последователей» могли переходить в категорию «участников». Сказанное дает основания полагать, что Гитлер учел идеи Ленина о комплектовании партийных кадров, но применил их в других условиях: ведь ленинская концепция кадров была рассчитана на нелегальный способ существования партийных организаций при царизме, тогда как движение Гитлера развертывалось открыто, без помех со стороны властей Веймарской республики, и ему не было нужды ограничивать количество членов партии по соображениям безопасности. Разница между «участниками» и «последователями» определялась поэтому не требованиями безопасности, а имела психологический характер. По мысли Гитлера, действие нацистской доктрины должно было охватить весь народ, и в этом была главная задача пропаганды; но членами партийных организаций могли быть только те, кто, в силу своей психологии, был всегда готов смело бороться за дальнейшее распространение идей национал-социализма.

Таким образом, задачи пропаганды и организации были разными: пропаганда обеспечивала приток помогающих и сочувствующих движению, а организация отбирала членов партии. На этот счет существовала довольно неуклюжая, но принципиально важная формулировка Гитлера: «Первая задача пропаганды состоит в вербовке людей для дальнейшей организации; а первая задача организации — найти людей, способных вести пропаганду! Вторая задача пропаганды — в том, чтобы подорвать существующий порядок и внедрить в него новую идеологию, тогда как вторая задача организации — это борьба за

власть, имеющая целью обеспечение полной победы новой идеологии!»

Геббельс, будучи гауляйтером Берлина в период с 1926 по 1930 год, претворял в жизнь идеи своего вождя, придавая, однако, большое значение соблюдению еще двух важных условий ведения пропаганды, являвшихся, по его мнению, наиболее существенными. Первое условие требовало, чтобы успех или неуспех пропаганды оценивался чисто прагматически (это определялось складом ума как самого Геббельса, так и Гитлера); второе говорило о предпочтении в пользу метода устной пропаганды по сравнению с письменной. Выступая с доверительным обращением к партийным чиновникам в январе 1928 года в Берлине, Геббельс объяснил им, что существенным мерилом качества пропаганды является степень ее успеха, для достижения которого хороши все средства, «пусть даже вас сочтут оппортунистом, а ваши взгляды — аморальными. Главное — убедить людей; если пропаганда определенного сорта подходит в этом смысле для данного круга слушателей — значит, ее можно считать хорошей; если же нет — я считаю ее плохой!»

Это самый настоящий макиавеллизм, беспринципность, принятая на вооружение в век массовых политических движений и означающая, что при оценке содержания и методов пропаганды можно забыть обо всех нравственных критериях. Геббельс презирал социал-демократов и партии среднего класса, с насмешкой отзываясь об их стараниях соблюсти внешние приличия и традиционную этику; «Пусть сколько угодно говорят о том, что наша пропаганда — крикливая, грязная, скотская, что она нарушает все приличия — плевать! В данном случае все это не так уж важно. Важно, чтобы она вела к успеху — вот и все!»

Конечно, в ходе пропаганды можно прибегать к аргументам морали и этики, но это вовсе не значит, что ее саму следует судить по этим критериям. Можно сказать, что Геббельс относился к пропаганде не как педантичный школьный учитель, а как посредник, стремящийся установить связь между идеей, которую нужно распространить, и слушателями, которых нужно убедить и подчинить этой идее. Ясно, что пропаганда, как и всякая промежуточная связь, должна быть гибкой. Сама идея — это нечто жесткое, непоколебимое и неизменяемое, но метод, с помощью которого она «продается», должен быть удобным для приспособления к запросам и вкусам публики. «Выступая в провинции, я говорю совсем не так, как в Берлине, а для людей в Байрейте (городе Рихарда Вагнера) я нахожу совсем другие слова, чем для берлинцев! — объяснял Геббельс в 1928 году. — Все это — дело жизненной практики, а не теорий». Он любил также

повторять, что пропаганда — это искусство, и обучение ей возможно только до определенного уровня, как игре на скрипке, а дальше все зависит от таланта.

В течение всей своей карьеры Геббельс не уставал подчеркивать, что пропагандист должен уметь объясняться на разных языках, чтобы находить подход и к образованным слушателям, и к простонародью, но в целях практической пользы нужно ориентироваться на среднего слушателя, «человека с улицы». Еще со времен своей «битвы за Берлин» против ненавистной республиканской системы он видел величие нацистского движения в том, что оно умеет распространять свои идеи в доступном виде, так что его легко могут понять народные массы. Чтобы пропаганда была успешной, она не должна «замыкаться в башне из слоновой кости», ориентируясь только на образованную публику. Слушатели в своей массе обычно достаточно примитивны, поэтому суть успешной пропаганды — в ее простоте и повторении одних и тех же истин. Нужно уметь объяснить сложную проблему в простых выражениях и повторять их бесконечное число раз, не обращая внимания на усмешки интеллектуалов; тогда успех будет обеспечен, и вы сможете повлиять на общественное мнение. Если же ставить себе целью завоевание доверия образованных людей (мнение которых вообще отличается неустойчивостью), то вы не сможете серьезно повлиять на широкие слои общества.

Выступая неофициально, Геббельс не утверждал, что национал-социалисты были самыми эффективными пропагандистами во всей мировой истории. Напротив, в 1928 году он призвал воздать должное ряду исторических предшественников, включив в эту пеструю плеяду многих светских и духовных лиц, таких как Христос, Будда, Заратустра, Робеспьер, Дантон, Муссолини и Ленин. Интересно, что, говоря о важной роли ораторов и организаторов в современных массовых революционных движениях, Геббельс упомянул вместе и фашизм и большевизм, подчеркивая, что эффективное ораторское искусство гораздо важнее, чем знания и начитанность. Никакая статья, пусть она написана по законам самой строгой логики, не идет в сравнение с яркой и страстной речью. «Разве Муссолини был писака, а не великий оратор? — вопрошал Геббельс. — И что сделал Ленин, прибыв в Петроград из Цюриха: отправился в кабинет писать книгу или обратился прямо на вокзале к тысячам собравшихся людей?»

Просто удивительно, как Геббельс, обвиняя на массовых митингах марксистские партии и их лидеров в «деструктивных действиях», хвалил перед своими приближенными умение

коммунистических и социалистических агитаторов установить связь со слушателями, объясняясь с ними на простом и понятном языке. «Передовые статьи в марксистских газетах не столько пропагандируют идеи, сколько агитируют массы. В них говорится о простых, грубых вещах, понятных людям с улицы, — замечал он, комментируя события 1918 года. — Вот почему народ с таким интересом читает «красные» газеты. И в этом же причина подражания национал-социалистов великому примеру, который у них перед глазами». Геббельс утверждал, что марксизм — это род сумасшествия и что он не имел своих «великих пророков», но зато создал талантливых агитаторов, таких как Бебель и Ленин, поставив их на службу своему безумию. Геббельс даже приводил в пример марксистские образцы, когда оправдывал методы работы своей газеты «Дер ангрифф», которую иногда критиковали более умеренные и респектабельные националисты за увлечение «негативным подходом» в освещении событий. Он указывал, что марксисты в течение шестидесяти лет полностью посвящали себя «негативной критике» — ив результате совершили революцию и завоевали государство. Впрочем, это было сказано скорее ради красного словца, а не для утверждения исторической правды.

3. Газета «дер Ангрифф»

Решение Геббельса открыть свою газету было связано с постановлением полицейских властей Берлина запретить столичную организацию нацистской партии «до особых указаний». Это произошло 5 мая 1927 года, и нацисты пришли к необходимости создать собственный печатный орган, газету, которая выходила хотя бы раз в неделю и служила как «пунктом сбора» для членов партии, так и орудием борьбы с ненавистным республиканским строем. К тому же надо было развивать свое движение и защищать его от нападок, потому что даже умеренно правые газеты, такие как «Дойче альгемайне цайтунг», выступали с резкой критикой безответственных действий штурмовиков, называя их «преступниками, которым нет места в легальной политике»; но честолюбивый гауляйтер вовсе и не думал сдаваться.

Начало было скромным и прошло незаметно. С трудом удалось подобрать персонал, а только что назначенный редактор, доктор Юлиус Липперт, еще до выхода первого номера газеты угодил в тюрьму за политическое оскорбление оппонента. Остальные сотрудники, хотя и были преданными членами партии, имели мало опыта в журналистике и почти не знали технической стороны дела. Работа в газете досталась им в качестве дополнительной нагрузки к исполнению основных партийных обязанностей. (Некоторые партийные функционеры были просто переведены в штат сотрудников газеты со своих административных постов, официально объявленных несуществующими из-за запрета властей).

Но главная беда заключалась в нехватке денег, так что Геббельсу пришлось внести в новое предприятие 2000 марок из своих личных средств. Часть денег дал в кредит печатник Шульце, член нацистской партии, и таким путем удалось оплатить расходы на бумагу и на печать. Было выпущено 2000 экземпляров, большинство из которых купили сами члены партии, а остальные закупила по оптовой цене дистрибьюторская фирма, которая пока что нашлась только одна.

Новая газета была задумана как «издание на все вкусы» и имела на первой странице девиз: «Да здравствуют угнетенные, долой эксплуататоров!» Главным желанием Геббельса было привлечение массового читателя, и ради этого он старался писать в популярной манере, отказавшись от всякой объективности. Он, как и Гитлер, был убежден в непритязательности массового сознания и в пристрастии масс к простым односторонним

решениям.

Сколь ни крошечным был новый листок, Геббельс использовал весьма современные способы рекламы, чтобы оповестить мир о его появлении. Первое правило, которое он усвоил, гласило: «Публику надо заинтриговать еще до появления «товара»!», и с этой целью были выпущены, один за другим, три рекламных плаката, расклеенных на улицах Берлина. Первый вопрошал: «В атаку с нами?»; второй объявлял: «Мы атакуем 4 июля!», а третий разъяснял: «Атака» («Дер ангрифф») — это новая германская еженедельная газета, выходящая под девизом «За угнетенных! Долой эксплуататоров!», а редактор ее — доктор Йозеф Геббельс. Газета имеет свою политическую программу. Каждый немец, каждая немка должны читать нашу газету и подписываться на нее!»

Новая газета была решительной в выражениях, безмерно агрессивной и использовала в статьях и рисунках простонародные мотивы, намеренно опускаясь до вульгарности, что вполне соответствовало представлениям Геббельса о вкусах народа. «Мы выражаемся просто, — писал он позже, — потому что имеем дело с простым народом, и мыслим так же примитивно, как простые люди». Он добавлял также: «Мы агрессивны, потому что массы настроены радикально!», оправдывая таким путем свой антибуржуазный настрой.

Как и вся нацистская пропаганда, газета «Дер ангрифф» настойчиво адресовала свои нападки по двум главным направлениям. Во-первых, она подстрекала читателей к выступлениям против демократии, парламентаризма, самой Веймарской республики, вообще против существовавшей «системы», как выражались нацисты. Во-вторых, она подогревала и эксплуатировала антисемитские настроения, объявляя евреев ответственными за все грехи «системы». Надо сказать, что антипарламентаризм и антисемитизм имели глубокие корни в истории Германии, но никогда они не переплетались так тесно и не звучали с такой открытой злобой, как в листке Геббельса. Отметим также, что антидемократическая и антисемитская агитация имела хождение не только в Германии. Во Франции тоже существовало движение «Аксьон франсез», выступавшее в течение многих лет против республиканского строя и его институтов и против евреев и прочих меньшинств, заклейменных определением «чуждые элементы». Но это движение никогда не было массовым и не получало существенной поддержки рабочего класса.

Только Гитлер и Геббельс сумели ловко использовать антисемитизм, чтобы обеспечить себе достаточное число

активных последователей и положить конец существованию Веймарской республики. Их главный лозунг, повторявшийся тысячекратно, гласил: «Германия, пробудись! Будь прокляты евреи!» Некоторые из немцев полагали, что Гитлер, придя к власти и «пробудив Германию», этим и ограничится, но никто не утверждал этого с полной уверенностью, и исторический факт состоит в том, что Гитлер преуспел именно благодаря обеим частям призыва. И Гитлер, и Геббельс всегда считали тему антисемитизма особенно эффективным и сильным средством пропаганды, и можно уверенно утверждать, что их успех подтвердил обоснованность их надежд.

Непременной и важной принадлежностью новой газеты стали передовые статьи, которые сочинял сам Геббельс, подписывая их «Доктор Г.». Он придавал им большое значение, заявляя, что это — своего рода плакат, или краткая речь, обращенная непосредственно к читателям и помещенная на самом видном месте. Действительно, это было обращение не к «читающей публике», а к «людям с улицы» — примитивное чтиво для любителей маршировать и утверждать себя на улицах. Передовицы были написаны кратко, конкретно и выразительно, представляя собой готовый материал для пропагандиста. Согласно канонам бульварной журналистики, первая же фраза статьи должна была захватить читателя, чтобы он уже не мог оторваться от чтения до самого конца, но только для этого автор использовал не детективные «ужасы», а рассказы о кулачных драках, призывы к беспощадным расправам, клятвы в верности свастике и проклятия в адрес врагов.

— Почему «Атака»? — вопрошал Геббельс в первом номере и рисовал в ответ мрачную картину обнищавшей Германии, ставшей колонией еврейских финансовых воротил, в которой не могут найти себе дела три миллиона безработных. Дальше следовало энергичное обличение республиканского режима и всех политических партий («Они зарабатывают деньги на похоронах нации и радуются несчастьям народа!») и, разумеется, картина светлого будущего, грядущего с приходом тоталитаризма: «Истинные германцы должны знать, что политические партии — это не Германия и что «жуки» из парламента — не ее вожди. Мы говорим — «Долой!» этим жалким шайкам и их главарям, которые привели Германию к руинам и отчаянию. Будущее Германии — в руки германского народа!». Эти провокационные лозунги были направлены против всех политиков, не являвшихся нацистами, объявляя их «плохими немцами». Так использовались радикальные настроения недовольных, чтобы сломать существовавший порядок. «Мы

видим все! — грозил Геббельс. — Нам уже нечего терять!» Эти призывы имели целью загипнотизировать читателя, заставить его маршировать к указанной цели — так называемому «Германскому государству рабочих»: «Во все времена нападавший был сильнее обороняющегося; вот почему мы атакуем!»

Остальные статьи газеты были, как правило, скучными и вульгарными. Только Геббельсу удавалось придать интерес разрушительным нацистским доктринам и объяснить их понятным языком. Секрет воздействия его статей заключался в разнообразии антиаргументов и их повторении, в высмеивании существовавших порядков и нападках на евреев. Недостаток логики он умел маскировать самоуверенным, агрессивным тоном своих высказываний, которые часто строил так: «Все существа с человеческим лицом равны между собой. Да, так говорят, но эта формула удобна для тупиц! Мы же, со своей стороны, не желаем равенства с тупицами и лицемерами!» Начиная статью с выражений презрения и насмешки, он любил заканчивать ее романтическим призывом «уповать на величие вождей нации»: «Разве Бисмарк не сделал Пруссию великой? Когда каждый немец будет получать свою долю национального богатства — для Германии настанет эпоха славы и исполнения надежд!» Так делался намек на приход нового великого вождя, которым, конечно, должен был стать Гитлер, хотя в первые два года своего существования газета посвящала его личности не особенно много места. Пока что образ фюрера прорабатывался на ее страницах не слишком энергично; гораздо больше места отводилось личности самого Геббельса, тем более что это была его собственная газета. (Зато хвалебную статью о Гитлере написал Х. С. Чемберлен, приемный сын Рихарда Вагнера, увидевший в фюрере «философа, знатока расовых вопросов». Геббельс впоследствии тоже много восхвалял Гитлера в своей газете).

Геббельс умел изобразить себя умным и смелым гауляйтером, которому строит козни тупая прусская полиция. Перед выборами в рейхстаг, состоявшимися в мае 1928 года, он поместил в газете статью, называвшуюся «Вы все-таки хотите избрать меня?», в которой описал себя как жертву полицейских преследований.

Впрочем, несмотря на все старания, влияние газеты поначалу было незначительным. Впоследствии Геббельс признавался, что первые выпуски вызывали у него чувства стыда и отчаяния. Так же реагировали и читатели из числа его сторонников: они видели, что их ожидания явно не оправдались.

Зато привлекли внимание помещавшиеся в газете политические карикатуры. Художник, не брезгуя ничем, разоблачал и высмеивал представителей «системы», используя

приемы, недоступные респектабельным газетам правых. Так карикатуры стали для нацистов излюбленным оружием, более популярным, чем статьи, и более безопасным, потому что их можно было толковать и так и эдак, ускользая от наказаний, предусмотренных законом для редактора газеты. Слишком наглая статья могла вызвать преследования со стороны полиции, но политическая карикатура была достаточно двусмысленной вещью, чтобы к ней можно было легко придраться. К тому же многие читатели, ленясь просматривать статьи, обращали внимание только на карикатуры. Геббельс никогда не считал, что массы способны думать, но тут оказалось, что они могут смеяться, а известно, что «если смеющийся читатель на вашей стороне — значит вы правы!»

Как бы то ни было, но все эти рассуждения могли остаться пустым звуком, если бы не талант автора карикатур, ставшего для газеты настоящей находкой. Он подписывал свои работы «тевтонским» псевдонимом «Мьелнир» («Молоток») и умел эффектно и просто подчеркнуть контраст между «героическими борцами за новую Германию» и «жалкими лицемерами» из числа деятелей республики. (Настоящее имя художника было Ганс Швейтцер; в Третьем рейхе он получил звание профессора). Представители партии выглядели крепкими и привлекательными мужчинами и юношами с открытым взглядом и бескорыстным выражением лица, тогда как их противники были похожи на отвратительных насекомых или скользких пронырливых рептилий, которые, конечно, не могли противостоять «спасителям нации». Излюбленной фигурой Мьелнира был молодой гигант, возносивший знамя со свастикой и непоколебимо выдерживавший жестокий натиск полиции и наскоки «еврейских банкиров». Подчеркивалось, что хотя партия и запрещена, она сохраняет свою силу и жизнеспособность. На эту тему была сделана серия карикатур, состоявшая из трех рисунков, первый из которых изображал озабоченного маленького еврея, доктора Вайсса, вице-президента берлинской полиции, сидящего на ящике с надписью: «Берлинская организация НСДАП». Второй рисунок показывал, что ящик внезапно открывается и из него выходит могучий штурмовик в униформе, а маленький еврей взлетает в нелепой позе высоко в воздух, теряя очки в роговой оправе. Третья карикатура изображала санитаров «скорой помощи», несущих в полицию тяжелораненого человека, встречаемого на пороге тремя дюжими полицейскими зверского вида, скрестившими руки на груди. Подпись поясняла: «Что это с ним: попал под машину? — Нет, он попал в руки берлинской полиции!»

Геббельс пытался пропагандировать антисемитизм, показывая, как «абсурдны» (по его мнению) высказывания в защиту евреев, хотя выходило это у него довольно неуклюже. Первые выпуски его газеты имели даже приложение под названием «Филосемит», в котором евреи высмеивались за их якобы показную лояльность Германии. Там помещались, например, такие «лозунги»: «Подписывайтесь на газету «Красный флаг» — орган проеврейских террористов!» или: «Немцы, делайте покупки только в еврейских магазинах! Не беспокойтесь о германских торговцах — они продадут свои товары в Палестине!» Подобный же прием использовался в самой газете, в постоянной колонке под рубрикой «Жизнь, полная радости», в которой высмеивались германский министр иностранных дел доктор Штреземанн и еврейская пресса за их уверения в том, что дела в Германии идут все лучше — только вот немцы, мол, не ценят своего счастья и часто совершают самоубийства из-за безработицы.

Газета была напичкана бессовестными и лживыми заголовками. Например, утверждалось, что Фриц Эберт, сын первого рейхспрезидента, замешан в крупном деле о коррупции в Бранденбурге. Расследование показало, что Эберт не имел к этому никакого отношения, и Геббельс не смог привести ни малейших доказательств в подтверждение своих намеков.

Будучи знатоком методов и коммунистической, и фашистской пропаганды, Геббельс хорошо понимал значение массовой политической символики как положительного, так и отрицательного характера. Тоталитарные движения были всегда склонны рассматривать общество с точки зрения непременного наличия в нем непримиримых начал: «светлого» и «темного», «божественного» и «дьявольского» и т. п. В 1927–1928 годах Геббельс отдал много сил тому, чтобы с помощью подобных противопоставлений ослабить противников национал-социализма, подорвав и разрушив их систему политико-социальных взглядов и убеждений с тем, чтобы их место заняла нацистская идеология. Можно насчитать сотни примеров намеренного представления общественно-политической реальности в виде процесса неутихающей борьбы между «божественными» и «дьявольскими» силами, между германцами и «чужаками», между силами созидания и разрушения. Вот как звучал, например, заголовок приглашения на массовый нацистский митинг, напечатанного в «Ангрифф» в марте 1928 года: «Отравителей народа — на виселицу!» Этот же принцип противопоставления лежал в основе всех передовых статей, сводивших любой вопрос к простейшему объяснению в духе

борьбы дружеских и вражеских сил, с раздуванием противоречий и нагнетанием преувеличений: «Кто сделал Германию самой достойной и счастливой страной мира? Кто принес в жертву два миллиона своих лучших сынов, павших на полях сражений? Кто сражался, голодал и страдал в годы войны? Все это совершили мы, германцы!» Такова была светлая героическая сила, которой противопоставлялись дьявольские силы тьмы: «Кто опозорил нашу честь и выставил ее на посмешище врагов? Кто забрал наши земли и наши богатства? Кто захватил наши шахты и железные дороги? Кто наживается на наших несчастьях, когда мы страдаем и голодаем? Все это они, наши враги — евреи и их приспешники!» Дальше говорилось, что эти «разрушительные силы» раскололи германскую нацию на две враждебные части: буржуазию и пролетариат, и что «тайная рука зла продолжает плести свои зловещие интриги». Так звучало приглашение на предстоявший массовый митинг «пробуждающихся берлинцев», на котором Геббельс хотел обсудить злободневную тему, тоже построенную на противопоставлении: «За хлеб и свободу!» (позитивная часть); «На виселицы — врагов народа!» (негативная часть). Вход, кстати говоря, был платный: для безработных — 10 пфеннигов, для всех остальных — 30 пфеннигов.

4. «Герои» и «мученики» — против «негодяев» и «злодеев»

Чтобы сделать пропаганду более доступной для слушателей и менее уязвимой для критики, Геббельс принял за правило нападать не на реально существовавшие доктрины противников (противопоставляя им конкретные идеи НСДАП), а на символы вражеской политики, и противопоставлять врагам не конкретные личности, а символические образы своих героев. Так было легче обойти правду; реальность отодвигалась на задний план, а вперед выдвигались символические образы для прославления или осуждения. Он был мастером в этой области, изобретая с большим искусством символы противоборствовавших сил, облегчавшие нацистам борьбу за власть. Именно таким способом он старался бросить тень на всех ведущих деятелей республики, унижая их невыгодными и надуманными сравнениями. Например, в апреле 1929 года он стал донимать своими нападками министра иностранных дел Веймарской республики Штреземанна (которому оставалось жить всего шесть месяцев), рисуя его неумелым государственным деятелем и никчемной личностью и сравнивая его — ни много, ни мало — с бывшим королем Пруссии Фридрихом Великим. Министр был описан как «хитрый толстяк с ехидной улыбкой на желтом лице, с маленькими глазками, спрятанными под нависшим квадратным лбом, переходящим в необъятную лысину». Он проводил свои дни «среди своих любимых евреев» (намек на еврейское происхождение фрау Штреземанн). «Вот таков, — злопыхательствовал Геббельс, — наш уважаемый министр иностранных дел, который однажды должен снять с Германии ее цепи! Как он ничтожен, если сравнить его с истинно великой личностью! Чтобы понять это в полной мере, — наставлял автор в романтическом порыве, — станьте вечером у открытого окна и представьте себе суровые черты посмертной маски короля Фридриха Великого, от которой исходит молчание вечности!»

Но если Штреземанн лишь изредка подвергался нападкам Геббельса, то другой известный деятель республики, доктор Вейсс, еврей, вице-президент берлинской полиции, стал постоянной и излюбленной мишенью его критики, превратившись под его пером в некую не то зловещую, не то жалкую фигуру, олицетворение «еврейской власти». Это была целая кампания, проводившаяся Геббельсом с неуклонным постоянством и настойчивостью, подобно тому, как позже он создавал образ

«величайшего национального героя», символа нацистского движения Хорста Весселя, описывая погибшего молодого командира штурмовиков. (Отметим, что коммунистические газеты тоже помещали карикатуры, изображавшие капиталистов в виде жирных самодовольных уродов, выпивающих последнюю кровь у пролетариев, но злобные статьи Геббельса и ядовитые рисунки Мьелнира отличались конкретностью и смелостью, подвергая нападкам всем известных деятелей государства).

Выбор Вейсса в качестве очередной «жертвы» был, конечно, не случаен. Дело в том, что берлинская полиция запретила столичную организацию нацистов и с неприязнью наблюдала за их попытками вернуть себе законный статус. Президентом полиции Берлина был Цергибель, социал-демократ и профсоюзный деятель, а доктор Бернгард Вейсс, его заместитель, состоял в Демократической партии, напоминавшей в то время организацию офицеров, не имеющих под своим командованием простых солдат. Вейсс был квалифицированный специалист, юрист, хорошо разбиравшийся в своем деле, и нацисты ненавидели его сильнее, чем самого президента полиции, называя его «проклятым евреем». Они придирались к его внешнему виду, который, может быть, и не соответствовал принятым в Германии представлениям о бравом офицере полиции; но дело было вовсе не в том, как выглядел Вейсс на самом деле, а в том, каким его хотел представить Геббельс. Он дал вице-президенту полиции презрительную кличку «Исидор» и старательно изображал его как «паразита, навязавшего свою власть честным немцам», человека, связанного с сомнительным обществом и всякого рода «декадентами».

Художник Мьелнир нарисовал на «Исидора» бесчисленное количество карикатур, изображая его везде с огромным носом и в тяжелых роговых очках, прикрывающих хитрые глазки, и представляя то в виде строгого, но смешного школьного учителя, то боксера, а то даже «современного Нерона», издевающегося над захваченным в плен штурмовиком (олицетворявшим запрещенную нацистскую партию), прикованным длинной цепью, но могучим и несломленным, презрительно улыбающимся в лицо своему мучителю. Некоронованный император Берлина был изображен в тоге, смешно прикрывавшей его брюшко и кривые ноги в сандалиях, в лавровом венке, концы которого торчали, подобно рогам, и с уродливой обезьянкой в якобинском колпаке (под нею подразумевался шеф полиции Цергибель).

Спустя несколько лет, став рейхсминистром, Геббельс без стеснения похвалялся своим сотрудникам: «Это была великолепная мысль — изобразить заместителя главы

берлинской полиции в виде самого жестокого полицейского чиновника Веймарской республики, циничного и злобного еврея, хотя на самом деле он был человеком не без заслуг, капитаном Баварской королевской армии и, сказать по правде, безвредным идиотом.

Такой же обдуманно примитивной была колонка политической сатиры и юмора, герой которой, простой парень по имени Орье, отпускал шуточки в адрес политических хозяев Веймарской республики и нахваливал нацистских штурмовиков. Орье стал постоянным персонажем газеты вместе со своей мамой, невестой и тестем, старым Крюгером, которого он постепенно перевоспитывал, открывая ему глаза на истинную сущность республиканцев и социалистов.

За первые два года своего существования газета «Дер ангрифф», пожалуй, не оказала заметного влияния на массы избирателей и политически колеблющихся людей, но Геббельс с ее помощью сумел сохранить контакт с членами своей организации в период ее запрета, когда нельзя было проводить ни митингов, ни собраний. «Запрещены но не сломлены!» — гласил партийный лозунг того времени, и газета умудрялась извлекать выгоду из запрета, превознося героизм членов партии, пострадавших от полиции. В августе 1927 года делегация распущенной берлинской организации нацистов побывала на съезде своей партии в Нюрнберге, где ее приветствовали овациями, а потом возвратилась специальным поездом в Берлин, и тогда полиция арестовала всех штурмовиков и задержала их в городском управлении полиции на несколько часов, конфисковав два партийных штандарта, которые фюрер вручил штурмовикам на съезде. Геббельс сделал из инцидента настоящую героическую драму. Он восславил мужество штурмовиков, прятавших «священные флаги» у себя на теле, под одеждой, и заклеймил действия полицейских, которые «своими грязными лапами порвали их в клочья». Молодых нацистов, отказавшихся отвечать на вопросы полиции, он изобразил настоящими мучениками, пострадавшими не только от задержания в участке, но и от неприятностей на работе (даже от увольнений). И он бросил зловещую угрозу: «В один прекрасный день все переменится! Пусть нас обвиняют — мы не долго будем сидеть в заключении. Придет время, и обвиняемые станут судьями!»

В конце марта запрет на деятельность партийной организации нацистов в Берлине был снят, и ее вожди с новой энергией развернули борьбу за победу на выборах в рейхстаг, которые были не за горами. Геббельс был нарасхват, выступая на партийных митингах не только в Берлине, но и в других городах

Пруссии, в частности и потому, что Гитлеру не разрешалось произносить там речи. В специальном предвыборном выпуске газеты Геббельс успокоил своих соратников по поводу того, что нацисты, избранные в парламент, могут утратить свои боевые качества: «Нет, — говорил он, — придя в рейхстаг, мы останемся революционерами. Это наша политика — проникнуть во вражескую крепость и разрушить ее изнутри! Мы будем в рейхстаге не друзьями и даже не нейтральными наблюдателями, а врагами существующего порядка, подобно волкам, ворвавшимся в стадо овец!» Но результаты выборов 1928 года не оправдали ожиданий нацистов, так как их партия получила всего 2,6 % голосов и 12 мест в рейхстаге, причем от округов Берлин и Потсдам они не получили ни одного места. Впрочем, один еврейский еженедельник предостерег читателей, что нужно быть начеку: «Да, они не получили в Берлине ни одного места, но особо радоваться не стоит. Полтора года назад здесь было всего несколько десятков разрозненных нацистов, которых доктор Геббельс собрал в крепкую организацию, и это должно внушать тревогу!»

Постепенно Германия погружалась в трясину экономических трудностей, и нацистская пропаганда старалась этим воспользоваться. В сентябре 1928 года нацисты выступили с кампанией против «плана Дауэса». Ни Геббельс, ни его коллеги из «Ангрифф» не имели солидной экономической подготовки, но они восполнили этот недостаток умением упростить проблему, возмущаясь размерами репараций и играя на чувствах с помощью лозунгов типа: «План Дауэса — это нищета навеки!» Был выпущен специальный значок, изображавший гиганта («германский народ»), согнувшегося под тяжестью креста («план Дауэса») и сжавшего кулаки («символ сопротивления»). Была проведена и специальная «неделя протеста», и Геббельс, выступая на митингах, призывал слушателей не подчиняться «эксплуататорам и сверхбогачам, желающим превратить Германию в «колонию Дауэса». По завершении недели, в воскресенье, нацисты впервые сумели арендовать для митинга огромный «Спортпаласт» — Дворец спорта, и «Дер ангрифф» с восторгом объявила, что «национал-социализм стал в Берлине массовым политическим движением». Вскоре после этого состоялась массовая демонстрация членов партии, на которой в качестве главного оратора выступил Гитлер, и это мероприятие тоже прошло с успехом. Геббельс проявил невероятную настойчивость и умение, расчищая путь фюреру и прославляя его как «сверхчеловека». «Когда говорит Гитлер, — писал Геббельс на следующий день, — всякое недоверие рассыпается в прах, повинуясь магии его слов.

Можно быть либо его другом, либо врагом, и в этом — секрет его силы: в фанатической вере в национал-социализм и в Германию!»

Полурелигиозная вера в «спасителя нации» подогревалась самыми мрачными прогнозами на ближайшее будущее. В конце 1928 года газета «Дер ангрифф» предсказывала (с большой долей желания того» чтобы ее прогноз оправдался): 1929 год будет для Германии годом катастроф во всех областях. Геббельс был радикалом, и его возмущение капиталистами было отчасти искренним, хотя и направленным целиком против еврейских и иностранных капиталистов. Поэтому когда в Париже собрался совет международных экспертов по проблеме германских репараций, «Дер ангрифф» насмешливо окрестила его «конференцией банкиров» и назвала его председателя Джона П. Моргана «главарем международной шайки финансистов», одержимых желанием выжать из Германии побольше репараций, а помогавшего ему доктора Гильфердинга, французского министра финансов — «сборщиком налогов, имеющим международную квалификацию».

И до, и после принятия правительством Мюллера плана решения вопроса о репарациях Геббельс твердил о «заговоре теневого кабинета трех евреев»: Бернгардта, Брайтшейда и Гольдшмидта. Это была все та же тактика разоблачения «неприглядной реальности, скрывающейся за официальным государственным фасадом», которую постоянно применяли и Геббельс, и вся его партия, отыскивая противоречия в действиях властей, и все та же эксплуатация мифа о «скрытой руке», дергающей за ниточки политики: «Пока лидеры социал-демократов десятки лет твердили дежурные фразы о братстве и человечности, финансовый капитал выковал крепкую цепь, которой теперь хочет навеки опутать германских трудящихся». Целью было посеять страх и вызвать негодование масс. Один из нацистских плакатов того периода изображал мощный сжатый кулак (олицетворяющий финансовое закабаление), нависший, с садистской угрозой, над беззащитным ребенком («будущее поколение немцев»), который плачет от страха и пытается защититься, закрываясь крошечными ручками. Рядом стоит его отец, изможденный германский рабочий, бессильно опустив голову, а штурмовик в коричневой рубашке, мужественный и подтянутый, трогая его за плечо, показывает на грозящую опасность и кричит: «Отец, проснись! Спасай свое дитя! Вступай в ряды национал-социалистов!»

Такая псевдорелигиозная пропаганда явно заимствовала свои идеи и язык у христианской религии, используя ее концепции и символику. Вот пример: «Новый план международных

финансистов завершает круг наших несчастий и позора. Перед нами — крестный путь. Германский народ уже прошел через многие страдания. И вот теперь его мучители готовятся распять его и посмеяться над ним!»

Таким было это движение — пародией и на социализм, и на религию: здесь говорили о «Голгофе», имели своего новоявленного «Спасителя» и, разумеется, своих «мучеников». Нацистская пресса трубила о героизме штурмовиков, описывая их непрекращавшиеся стычки и драки с коммунистами и социалистами. Они всегда были «обороняющейся стороной»: на них «нападали», а они «защищались», в целях «самообороны». Некоторые из штурмовиков были и в самом деле убиты в этих столкновениях, и Геббельс мобилизовал все свое вдохновение, чтобы пробудить в публике чувство сострадания к погибшим, воспевая их как самоотверженных героев, вдохновивших остальных своим примером. Некоторые из наиболее проницательных аналитиков из республиканского лагеря еще в 1932 году отмечали, что это истеричное воспевание героизма и жертвенности составляло очень важную и характерную черту нацистской пропаганды (проявившуюся в дальнейшем с таким ужасающим размахом).

«Героям» и «мученикам» противостояли «злодеи»: антиподом Хорсту Весселю был «Исидор» Вейсс. Драматическая история о том, как Хорст Вессель, молодой командир берлинских штурмовиков, был ранен, боролся за жизнь, а потом умер в больнице, постепенно обросла живописными деталями и превратилась в легенду о самопожертвовании. Как уж там все произошло на самом деле и почему он погиб — теперь трудно сказать с уверенностью, но ясно одно: идеализированный образ «героя», созданный Геббельсом, так же далек от действительности, как карикатуры, изображавшие «Исидора» — от истинного облика доктора Вейсса из берлинской полиции.

Хорст Вессель, молодой человек в возрасте 21 года, студент юридического факультета, сын священника, был знаком многим в берлинской организации нацистской партии, так как он часто выступал на собраниях и был командиром группы штурмовиков. Он работал активно: быстро укомплектовал свой отряд новыми добровольцами и сделал его одним из самых боеспособных подразделений, постоянно вступая в уличные стычки с коммунистами. К тому же он написал стихотворение, называвшееся «Выше знамена!», помещенное в приложении к «Ангрифф» за подписью «Неизвестный штурмовик». Стихи были так себе: простые, грубые и неприятные, проникнутые жестокой агрессивностью и «марширующим» напором. Они призывали

«освободить улицы для коричневых батальонов» и славили погибших штурмовиков, «наших товарищей, павших в боях с Красным фронтом и реакцией». Три куплета стихотворения стали вскоре широко известны среди нацистов.

Через некоторое время после публикации стихотворения Хорст Вессель вдруг утратил всякий интерес к партийным делам и забросил свои обязанности. Возможно, тут сыграла роль его любовь к женщине-проститутке Эрне Янике, с которой он стал жить. К несчастью, им помешал Али Хелер, бывший любовник Эрны и ее сутенер, который как раз вышел из тюрьмы, отсидев там несколько лет. Говорили, что он был членом коммунистической организации «Единство», находившейся в Берлине. Если даже он и был коммунистом — а на это особенно упирала вся нацистская пресса, — то его столкновение с Весселем было вызвано скорее всего не политическими мотивами, а ревностью, обычной в таких ситуациях «любовного треугольника», в данном случае — самого низкого пошиба. Понятно, что Хелеру не доставило удовольствия найти свою «невесту» в объятиях соперника-нациста. Их встреча закончилась дракой, и когда Вессель попытался достать револьвер, Хелер опередил его, выстрелив в него несколько раз. Вессель с тяжелыми ранениями был доставлен в больницу.

Геббельс полностью игнорировал все спорные факты в судьбе Весселя. Узнав об инциденте со стрельбой, он сразу же вознамерился нажить на этом деле «политический капитал».

Вессель пользовался симпатией среди членов партийной организации, и газета «Дер ангрифф» стала помещать ежедневные бюллетени о состоянии его здоровья. Геббельс вел сентиментальный счет посещениям раненого героя, принимавшего друзей в больничной палате. Вессель смог сказать всего несколько слов, что-то вроде «необходимо держаться», и гауляйтер объявил это «самым патетическим и незабываемым моментом в своей жизни». Он пригрозил «уничтожить его убийц» и процитировал слова из стихотворения Весселя: «Товарищи, погибшие от рук коммунистов и реакции, маршируют рядом с нами в наших рядах!»

Стараниями Геббельса образ Хорста Весселя вошел в нацистскую мифологию, а его песня стала частью идеологии движения: «Мы добьемся того, что через десять лет ее будут петь дети в школах, рабочие на фабриках, солдаты в походе. Она обессмертит его имя!» Так все и вышло: в Третьем рейхе песня Хорста Весселя стала вторым национальным гимном. Геббельс устроил погибшему необыкновенно пышные похороны, с шествием колонны штурмовиков, и произнес проникновенную

речь, полную сентиментов и фанатизма. Окончив ее, он крикнул собравшимся, подняв руку в драматическом жесте: «Хорст Вессель!», и штурмовики рявкнули в ответ: «С нами!» — вполне в духе стихов умершего. Все точно рассчитав, Геббельс использовал дух религиозной церемонии в практических пропагандистских целях. Хорст Вессель был представлен как современный святой, живший ради своих убеждений и погибший за них: «Это был и социалист, и святой! Один из тех, кто мог сказать — идите за мной, я искуплю ваши грехи! Если кто-то должен пожертвовать собой и подать пример, то я готов сделать это!»

Реальность была совсем иной. Последовал суд над Хелером, получившим шесть лет тюрьмы за непредумышленное убийство, и правда выплыла на свет во всех своих неприглядных подробностях. Но Геббельс и не питал иллюзий насчет реального облика Хорста Весселя. По словам Ганса Фриче, «это не интересовало его ни в малейшей степени!» Он создал легенду о «самопожертвовании ради партии», потому что знал ее пропагандистскую ценность. Что бы там ни говорили факты, но песня Хорста Весселя стала партийным гимном, а его могила — нацистской святыней.

Геббельс продолжал создавать образы «героев и мучеников партии» в своих статьях, изрядно набив руку на этом деле. Один из ярких образцов этого искусства представляла статья, написанная к двадцатитрехлетию Хорста Весселя, через полгода после его смерти и через месяц после того, как нацистская партия одержала победу на выборах в рейхстаг, получив в нем 107 мест. Статья была озаглавлена просто: «Хорст». В ней говорилось: «Те, кто пришли на его могилу 15 сентября, после нашего триумфа, увидели там немало людей, мужчин и женщин с детьми, безработных, пожилых дам и молодых девушек. Были студенты и чиновники, мелкие хозяева и пролетарии. Матери поднимали детей на руках и показывали им могилу, утопающую в цветах, говоря: «Там лежит наш Хорст!» Больше не произносилось ни слова. Наш Хорст! Как будто он стал братом нам всем, членом нашей семьи; как будто он живет в каждом из нас!»

Здесь бросается в глаза псевдорелигиозный язык и призыв к единению вокруг образа «павшего героя». Единство, объединение — это была одна из главных приманок национал-социализма, обещавшего возвеличить всех этих мелких людей, неизвестных торговцев и продавцов, служащих, учителей, дав им новый статус и высокий престиж, основанные на всеобщей славе. В 20–30-х гг. нацистская партия выступала как «партия всеобщей интеграции», требующая положить конец классовым и политическим различиям и создать единое общество, пусть с некоторыми

оттенками, но объединяющее в братском союзе всех «истинных германцев». Идея «единого общества» имела глубокие корни в традиционном германском романтизме и казалась привлекательным средством в борьбе с силами разобщения и индивидуализма, особенно в годы экономической нестабильности и политических тревог. Интеграция, достигаемая под руководством вождя, казалась замечательным спасительным средством в условиях страха перед свободой, естественным ответом на мучительный вопрос, терзавший «маленького человека»: «Итак, что же дальше?» (Писатель Ганс Фаллада написал роман, который так и назывался: «Маленький человек, что будем делать дальше?»).

Как бы в ответ на это Геббельс, обращаясь к съезду нацистской партии, проходившему в Нюрнберге в 1927 году, заявил, что «теперь важно не то, что ты служащий, пролетарий или сельскохозяйственный рабочий, а то, что все мы — германцы, не желающие больше страшиться за будущее своей нации!»

Сила Геббельса как пропагандиста заключалась в умении использовать в нужный момент и демагогию, и сентиментальные рассуждения, и откровенную злобу. Он одинаково искусно мог воззвать к «высоким чувствам» и тут же сыграть на низменных инстинктах. «Если мы хотим добиться успеха для нашей партии, — писал он за несколько дней до выборов в рейхстаг в сентябре 1930 года, — то мы должны снова разбудить в массах их самые примитивные инстинкты!» Особенно ему нравилось будить в слушателях чувства мрачной мстительности и разрушительной агрессивности. В статье, специально написанной перед выборами, Геббельс призывал членов партии «набрасываться на избирателей, как стая злых шершней. Ни один не должен уйти с собрания без листовки, брошюры или партийной газеты! Громко и отчетливо повторяйте везде и всюду — дома, в гостях, на работе, на улице, в метро и в автобусе: «Гитлер — наш человек! Голосуйте за список № 9!»

Во многих его советах проскальзывало презрение к массам, голоса которых требовалось завоевать: «Делайте это и серьезно, и шутя! Обращайтесь с избирателями так, как они привыкли. Направляйте их на путь истинный, пробуждая в них, если надо, ярость и гнев! Нужно, наконец, свести счеты с системой, заткнуть ее деятелям их лживые рты так, как никто еще не делал! Завтра мы будем спокойно наслаждаться своей местью!»

Это был циничный и прагматический подход, основанный на учете психологии масс (по ле Бону) и на тактике Макиавелли. Когда выборы приблизились, газета «Ангрифф» не забыла обратиться и к женщинам, хотя нацистские вожаки были всегда

невысокого мнения об их умении разбираться в политике.

Любопытно посмотреть, каково же было экономическое положение газеты «Дер ангрифф» в те годы. Сразу надо сказать, что для ее владельца и основателя коммерческая сторона дела имела второстепенное значение. Газета была для него прежде всего инструментом политики. Основными источниками финансирования были объявления и розничная продажа, и доходы поначалу были скудными. Поступали дотации от друзей и от партийных фестивалей, происходивших в 1928–1929 годах. Многие члены партии помогали по субботам паковать и развозить текущий выпуск газеты, стараясь вовремя вручить ее владельцам киосков и уличным продавцам, бравшим ее с большой неохотой и под нажимом. Усилия активистов стали, похоже, приносить успех, потому что в начале 1929 года лишь небольшое количество номеров распределялось по подписке среди членов партии, а основную часть тиража покупали безымянные «уличные разносчики». Нацисты не раз обращались с «призывом» к оптовым торговцам покупать газету, и те в конце концов поняли, что отказываться будет, пожалуй, небезопасно. В одном из партийных отчетов так прямо и говорилось, что «газету систематически навязывали оптовикам». Штурмовики и другие члены партии использовали любую возможность для пропаганды газеты. Старые номера просто разбрасывали или оставляли на сиденьях во время собраний. Были отпечатаны небольшие рекламные ярлыки, и добровольные помощники газеты клеили их везде, где только могли: на письмах, на витринах, на досках для объявлений. Каждого читателя призывали вербовать подписчиков и распространять газету в магазинах, пивных и на вокзалах. Устраивались конкурсы подписчиков, с вручением призов, хотя газета критиковала другие издания за подобные методы, называя их «буржуазными». Как-то под Рождество объявили, что домашняя хозяйка, сумевшая привлечь 12 подписчиков, получит в подарок гуся, а за шестерых пообещали курицу. Весной и летом 1929 года газета объявляла, что предоставит прямой и обратный билет на съезд партии в Нюрнберге тому, кто обеспечит 30 подписчиков, а за 20 подписчиков предлагался проезд только в одну сторону. Словом, одним выстрелом намеревались убить двух зайцев.

Доход от рекламы был поначалу невелик, потому что большинство владельцев магазинов и деловых людей не хотели иметь ничего общего с экстремизмом, особенно если их клиентами были рабочие. Со временем отношение стало меняться, особенно после того, как «Ангрифф» покритиковала в нескольких номерах владельцев крупных универмагов. Мелкие хозяева, не чуждые антикапиталистических настроений, начали

покровительствовать газете, и в результате весной 1929 года из 12 ее страниц две-три были заполнены объявлениями — не бог весть что, но все же прогресс был налицо. К ноябрю 1929 года газета стала не только окупаться, но и приносить прибыль, внося неплохой вклад в партийную кассу. Доход от рекламы помог финансировать выборы в рейхстаг летом 1930 года, неожиданно принесшие нацистам крупный и громкий успех. Так партийная пресса — «барабанщики партии» — подтвердила свою практическую ценность, особенно в условиях, когда ораторов из оппозиции не подпускали к микрофону на радио, опасаясь их наглости и бесцеремонной находчивости. Газета «Дер ангрифф» осталась в истории нацистского движения как оратор, использовавший для обращения к своей аудитории письменное слово. Геббельс так и говорил: «Читатель должен иметь полное впечатление, что автор передовой статьи — это оратор, стоящий перед ним и объясняющий ему свое мнение с помощью простых и убедительных аргументов».

5. В награду победителю — красавица

Любовь зла…

Мудрость, известная и немцам

Так «Колченогий Мефистофель», тот, кого в детстве называли «маленький мышиный доктор», утвердил свое влияние в столице Германии — Берлине, открыв дорогу для будущих успехов себе, Гитлеру и нацистской партии. Вряд ли можно сказать, что это далось ему легко — хотя бы физически. Нога оставалась его больным местом. Как-то он признался одному из помощников в минуту откровенности: «Тяжелейшее наказание, которое кто-нибудь может для меня придумать, — это заставить меня обойти строй почетного караула. Когда по программе мне предстоит пройти вдоль фронта штурмовиков, мне снятся накануне всю ночь кошмарные сны».

И все же его энергии хватало не только на партийные дела и на выступления на митингах.

О связях Геббельса с женщинами в первые годы пребывания в Берлине известно немного. Отто Штрассер уверял, что фрау Штайгер (хозяйка пансиона, где одно время жил Геббельс) рассказывала ему с грустью о том, что «разочаровалась в докторе Геббельсе»: этот «отшельник и аскет, почитаемый всеми как новоявленный пророк», соблазнил двух самых миловидных ее горничных. Штрассер возразил ей, что тут вовсе не о чем горевать, наоборот, есть повод порадоваться: это значит, что у «пророка» в жилах течет тоже кровь, а не чернила.

Известно, что где-то в 1930 или в 1931 году Геббельс познакомился с Магдой Квандт, а в декабре 1931 года они поженились. Магда до брака с Геббельсом была замужем за крупным промышленником Гюнтером Квандтом, от которого у нее был сын Гаральд; ему исполнилось 10 лет, когда его мать вышла замуж во второй раз. На свадебной фотографии он стоит, одетый в форму «гитлерюгенда», рядом со свидетелем, которым был не кто иной, как сам фюрер Адольф Гитлер.

Супруги Квандт развелись в 1929 году. Магда была импульсивной и жизнелюбивой женщиной; расставшись с мужем, она почувствовала, что ей нечем заполнить время, и однажды, от скуки или из любопытства, забрела на одно из тех массовых мероприятий, которые тогда организовывал Геббельс для вербовки новых членов партий. Оказалось, что это вовсе и не

собрание, а настоящая красочно оформленная театрализованная постановка, которая так захватила Магду, что по окончании мероприятия она тут же, не выходя из зала, вступила в члены НСДАП — к великой досаде всей своей семьи и своего бывшего мужа, с которым она продолжала вместе обедать раз в неделю, если только он в это время не находился в отъезде. Гюнтер Квандт всегда был убежденным противником нацистов.

В аристократическом районе Берлина, где тогда жила Магда, было мало нацистов, а те, что были, отнюдь не принадлежали к аристократии, работая в основном шоферами или портье. Неудивительно, что местный «группенляйтер» сразу же попал под обаяние новой «партайгеноссин», которая была не только красивой и элегантной, но также богатой и щедрой. Он незамедлительно принял ее под свою личную опеку, стал приносить ей партийную литературу, а потом пригласил посетить вышестоящую организацию — местное «партийное бюро», располагавшееся в новом и более респектабельном помещении на Гедеманнштрассе. Работа, кипевшая в этом партийном центре, произвела впечатление на молодую женщину, страдавшую от избытка свободного времени, и она стала охотно участвовать в партийных делах. Там-то и повстречалась она в один памятный день с самим гауляйтером Берлина. Геббельс был мгновенно очарован и пленен ее белокурой красотой и элегантностью, ее чутким и милым поведением и светскими манерами, а в особенности ее искренним любопытством к делам партии и к нему самому. Но вида он не подал и важно восседал за своим столом, не обнаруживая пылких чувств, бушевавших в душе, и изображая перегруженного работой ответственного партийного руководителя, который, однако, всегда найдет время для беседы с такой красивой и интересной дамой.

Геббельс сразу же позаботился о том, чтобы новая активистка получила интересную и «важную» работу, проводя с ним вместе примерно по 2 часа в день. Он поручил ей обработку «особо секретных документов» и ведение собственного «тайного архива», находившегося в его кабинете. Этот архив он вел уже несколько лет; там были досье на сторонников и противников партии как внутри страны, так и за рубежом; сведения о влиятельных недоброжелателях и самые подробные данные о главных партийных руководителях. Получив такую ответственную работу, Магда была чрезвычайно польщена. Геббельс вызывал у нее чувство почтительного восхищения, которое, конечно, не осталось без ответа, и вскоре гауляйтер и его секретарша «по особо секретным делам» стали влюбленной парой.

Материальное положение Геббельса стало к этому времени

намного лучше по сравнению с тем, каким оно было в первые годы его партийной деятельности. Он получал 400 марок как гауляйтер и еще 500 марок как депутат рейхстага и имел в своем распоряжении служебный автомобиль. Для удовлетворения его личных потребностей этого было вполне достаточно, тем более что они были скромными, в соответствии с полученным им спартанским воспитанием. Постепенно, под влиянием Магды, он стал пользоваться услугами дорогих портных и обувных мастеров, но все равно выходил на трибуну в скромном черном люстриновом пиджаке и появлялся на улице в дождевом плаще и мягкой шляпе; это была, пожалуй, его рабочая одежда, вроде униформы. Будучи хорошим пропагандистом, он старался выглядеть таким, каким его хотели видеть его слушатели.

С некоторого времени он стал жить в уютной двухкомнатной квартире, обставленной с хорошим вкусом, находившейся в Штеглице (район Берлина). Магда жила в большой элегантной квартире, служившей до развода с мужем городским жилищем семьи Квандт. Бывший муж согласился обеспечивать ей достойный уровень жизни, отчисляя ежемесячно (по соглашению о разводе) по 4000 марок в месяц.

Магда с детства привыкла к роскоши. Ее мать, необычайно красивая женщина, была замужем три раза: первый раз — за отцом Магды, дипломатом по фамилии Ритшель, с которым она развелась, выйдя за коммерсанта-еврея Фридлендера. Этот брак оказался счастливым и продлился много лет. Фридлендер обращался с Магдой как родной отец, и между ними установились самые сердечные отношения. Но мать развелась и во второй раз и вышла замуж за некоего господина Берендта (в это время Магда уже несколько лет была замужем за Геббельсом). Геббельс был рад: очень уж ему не нравилось, что его теща носит фамилию Фридлендер.

Магда родилась в 1901 году и была на 4 года моложе Геббельса. В детстве она воспитывалась в католическом монастыре в Бельгии, школу заканчивала в Берлине, а потом, девушкой, еще проходила воспитание в аристократическом пансионе очень высокого ранга, выйдя из которого, сразу же вступила в брак с Гюнтером Квандтом. Они встретились случайно, и Гюнтер без ума влюбился в красивую девушку. Он был серьезным человеком и все свое время отдавал руководству гигантским концерном, который создал сам. Он ухаживал за Магдой на свой манер: посылал ей в пансион большие букеты цветов и огромные коробки конфет и приезжал время от времени на одном из своих лимузинов, чтобы отвезти ее на часок в кондитерскую, с разрешения классной наставницы. Такой образ

действий очень нравился Магде и ее подругам по пансиону.

Так Магда, покинув семейный круг и друзей, оказалась замужем за человеком, который был старше нее на 25 лет. Он был вдовец, с двумя сыновьями-подростками, а ей едва исполнилось 19 лет. Впрочем, он выглядел прекрасно, несмотря на прожитые годы, и Магда надеялась, что полюбит его, будет достойно представлять его, появляясь вместе с ним в обществе, и сможет вести его большой дом. Почти так все и произошло: сыграли свадьбу, и дом оказался большим, да не один, а целых два: один в городе, другой — за городом; но вот что касается «представительства в обществе», о котором так мечтала молодая девушка, жаждавшая веселья и жизненных удовольствий, то у Гюнтера Квандта оказалось для этого мало времени: он либо пропадал в деловых поездках, либо просиживал целыми днями на совещаниях, появляясь дома поздно вечером. Раз он все же выкроил время, чтобы сводить молодую красавицу-жену в оперу, но проспал там от усталости почти весь второй акт. Запланированный ужин в ресторане отменили, и Магда лишилась долгожданной возможности блеснуть в одном из многочисленных красивых вечерних платьев у Адлона или у Хорхера.

Короче говоря, брак оказался неудачным и длился недолго; рождение сына Гаральда отсрочило его разрыв всего на несколько лет. Развод произошел по доброму согласию супругов, но был омрачен для Магды тем обстоятельством, что весьма приличное содержание, назначенное ей по договору, сохранялось за ней только до вступления в новый брак. В тот же год она познакомилась с молодым человеком из хорошей и очень состоятельной семьи, который влюбился в нее всей душой и угрожал покончить с собой, когда она не согласилась выйти за него замуж; но она не изменила своего решения.

И вот теперь она влюбилась сама, влюбилась в Геббельса. Молодой друг был забыт, как случайный эпизод, легко ушедший в прошлое; теперь ей встретился человек, личность которого заинтересовала ее и вызвала любовь на всю жизнь.

Гитлер приветствовал брак своего Главного Пропагандиста, сумевшего завоевать сердце такой красивой светской дамы. Ходили слухи, что Магда одно время была влюблена в Гитлера и что даже заводилась речь о браке, но вряд ли это правда. Привязанность Магды к Гитлеру была не больше, чем теплым дружеским чувством. Сам он считал ее одной из самых красивых женщин, которых охотно приглашал на свои приемы. Для нее он оставался до последнего часа «фюрером», а она для него — «уважаемой госпожой», которой он целовал руку. Она была ему предана и не отделяла себя от нацистской партии и правящего

режима. Со своей стороны, Гитлер был покорен ее элегантностью, очарованием и веселым нравом, как и ее несомненными способностями хозяйки дома и матери семейства.

Гюнтер Квандт, относившийся к своей бывшей жене совершенно по-отечески, воспринял ее связь с Геббельсом с большой неприязнью, но в конце концов смирился и с ее новой любовью, и с ее увлечением партийными делами. Тем не менее его собственное отношение к нацистскому движению оставалось враждебным, и когда Гитлер и Геббельс (через посредство Магды) обратились к нему с вопросом: — Не желает ли господин Квандт подбросить пару миллионов марок в партийную кассу? — его ответ был резко отрицательным; он сказал, что добровольно не даст нацистам ни единого пфеннига. Вместо этого он согласился предоставить в распоряжение молодых для проведения свадьбы свою прелестную охотничью виллу в Мекленбурге, расположенную в красивом месте и прекрасно обставленную. Ее охранял егерь, надзиравший также за охотничьими угодьями, который, в отличие от хозяина, оказался рьяным сторонником НСДАП; он призвал на помощь всех местных нацистов и подготовил все в наилучшем виде к приему гостей и самого Гитлера, пожаловавшего на свадьбу своего верного помощника в качестве официального свидетеля при заключении брака. Свадьба состоялась 12 декабря 1931 года.

Гитлер позаботился о том, чтобы доходы Геббельса соответствовали его новому положению, и прибавил ему жалованье, которое достигло суммы в 2000 марок ежемесячно. Правда, это составляло всего половину прежней оплаты содержания Магды, которую она получала от первого мужа, но все же этих денег хватало на проживание молодых в прекрасной просторной квартире Магды, где они поселились. Магда оказалась хорошей хозяйкой и охотно принимала гостей, а уж принимать и потчевать Гитлера было для нее настоящим счастьем.

Квартира супругов Геббельс находилась на Рейхсканцлерплатц, которую вскоре переименовали в площадь Адольфа Гитлера. Эта квартира стала местом, где Геббельс составил свои планы окончательного завоевания могущественного положения в нацистском государстве.

Глава 3
Всеобщая и полная система «промывания мозгов»

Народ — как женщина: он нуждается в крепкой и уверенной руководящей руке!

Геббельс

…Для Министерства пропаганды отвели старое здание на Вильгельмштрассе, о котором Геббельс высказался так: «Эго прекрасное творение великого архитектора Шинкеля; но оно настолько устарело, что придется его полностью перестроить, чтобы приспособить для наших нужд». Геббельс решил модернизировать здание без всякой оглядки на традиции: «К чему эти тяжелые шторы и лепные украшения — я ведь не могу работать в тесноте и полумраке!» Старые убеленные сединами чиновники, верно служившие Германии при многих режимах, со страхом слушали такие речи, но Геббельса это не смущало.

Система пропаганды, созданная в Третьем рейхе, представляла собой попытку осуществления полной и всеобщей идеологической обработки населения; устройство ее было и сложным и простым одновременно. Ее можно назвать простой, потому что ею, во всей ее полноте, руководил всего один человек — талантливый оратор и журналист, неутомимо изобретавший все новые лозунги, заманчивые образы и образцы вдохновенной лжи и осуществлявший свое руководство самым прямым способом, требовавшим неукоснительного подчинения. И эта система была достаточно сложной, потому что работала путем одновременного использования трех разных государственных и партийных институтов, служивших формой ее существования; это были министерство народного просвещения и пропаганды, центральное бюро пропаганды нацистской партии и государственное управление культуры, причем каждый из этих органов имел собственные подразделения как на центральном, так и на региональном уровне.

Когда нацисты пришли к власти, Геббельс так и остался главой партийного бюро пропаганды (он был назначен на этот пост в ноябре 1928 года непосредственно Гитлером); но он к тому же расширил и укрепил свои позиции, создав специальное государственное Министерство пропаганды — впервые в истории Германии, и именно это министерство прославило и его самого, и его методы. Оно стало для него главным центром работы, привлекло к себе широкое международное внимание и оказалось предметом многих споров и критики. Партийное бюро пропаганды тоже сохраняло свое значение, но оно не было на виду у широкой публики, да и поле его деятельности было более узким. Было создано также управление культуры, которое координировало производство всех культурных ценностей и вообще всякую деятельность в области культуры и согласовывало ее с генеральной линией нацистской политики. Оно было больше связано с Министерством пропаганды, а не с центральными учреждениями партии. С течением времени появился и еще ряд

учреждений, укрывшихся в недрах бюрократической системы от бдительного парламентского контроля. Все они предназначались для воплощения в жизнь идей Геббельса о том, что пропаганда должна быть вездесущей и что общественное мнение можно и нужно формировать и направлять. Общественное мнение создавалось с помощью простых и броских штампов и лозунгов вроде: «Один народ, одна страна — один вождь!» или «Евреи — вот наше бедствие!» Созданная Геббельсом единая всеохватывающая система пропаганды и управления культурой должна была следить за мыслями людей и управлять ими, контролируя как всю нацию в целом, так и ее отдельные части.

1. Создание министерства пропаганды

28 февраля 1933 года произошел поджог рейхстага, и было образовано новое правительство во главе с Гитлером, представившее на подпись президенту Гинденбургу декрет о чрезвычайных мерах; в первой же его статье объявлялось о возможности ограничения личных свобод граждан, в том числе свободы слова и свободы печати. Через две недели, 13 марта, Геббельс, известный как «самый умелый и самый агрессивный специалист в деле устной и печатной пропаганды», стал рейхсминистром по делам народного просвещения и пропаганды в новом правительстве.

И вот новый министр прибыл в свое учреждение. Он вел себя чрезвычайно уверенно, не проявив никаких признаков робости (о которой писал в своем личном дневнике, опубликованном позднее). Конечно, он сразу же подумал «об огромной ответственности, которую взвалил на себя в свои 35 лет», но эта мысль не угнетала, а скорее вдохновляла его. Не теряя времени, он взялся за работу по провозглашению и пропаганде главных целей нового режима. Вскоре он заявил о себе как об «убежденном строителе империи», умеющем не только уверенно руководить своим министерством, но и добиваться для него важных преимуществ.

25 марта Министерство пропаганды получило здание на Вильгельмплатц, где прежде размещалось Министерство связи. Здание, построенное архитектором Шинкелем в классическом стиле, принадлежало до 1914 года принцу Фридриху-Леопольду, возглавлявшему «Союз германских вольных каменщиков» (масонов) и устраивавшему в нем роскошные светские приемы. Геббельс приказал расширить дворец и обставить его новой мебелью, решительно подавив робкие возражения «закоснелых бюрократов, боящихся перемен и не понимающих, что грядет новая революция». Призвав на помощь армейских строителей, он расширил зал для приемов и свои личные апартаменты (последовав в этом примеру Муссолини), так что его кабинет стал в три раза превосходить по размерам кабинет любого из министров бывшего республиканского правительства.

(Дворец принца Фридриха-Леопольда вскоре оказался мал для нового министерства, штат которого быстро расширялся. Было воздвигнуто новое здание, простое, практичное и непритязательное на вид, но оно не понравилось амбициозному министру пропаганды, который отверг его, не раздумывая. Он настоял, чтобы был расширен тот же самый дворец на

Вильгельмплатц с учетом его личных требований и новейших достижений техники: например, было установлено современное радио- и кинооборудование, печатные и копировальные машины ит. п.).

В отличие от других министров нового правительства, Геббельс сам создавал заново свое министерство и определял его функции. В дневнике (который был опубликован и потому освещал события в упрощенном и приглаженном виде) он упоминает о «некоторых трудностях», возникавших в те дни, когда определялось поле деятельности и функции нового министерства. На самом деле трудности, видимо, были немалыми, потому что Геббельсу пришлось отвоевывать полномочия и вторгаться в дела других министерств. Министерство пропаганды присоединило к себе некоторые департаменты, традиционно входившие в состав разных правительственных учреждений. Так, было поглощено Прусское бюро по вопросам печати, со всем его имуществом и персоналом. Министерство внутренних дел лишилось прав по надзору за прессой и радио и по осуществлению цензуры нравственного содержания книг, кинофильмов и театральных постановок, а заодно и права назначать национальные праздники и выходные дни. Министерство экономики уступило полномочия по контролю за рекламой и за проведением выставок и ярмарок. Министерство транспорта (включавшее в себя в то время и управление почт и телеграфа) передало всю национальную сеть агентств и бюро путешествий и экскурсий и все права по управлению радиовещанием. Серьезное соперничество возникло также между министерством Геббельса и министерством по науке, образованию и воспитанию, которое возглавлял Бернхард Руст, выходец из старинной юнкерской семьи, бывший директор гимназии в Ганновере. Геббельсу очень хотелось взять под свой контроль университеты, находившиеся в подчинении Руста, и он предпринимал такие попытки во все годы существования Третьего рейха, но не преуспел в них. Все же ему удалось забрать в свое подчинение училища искусств и их преподавателей, передав их в ведение Палаты изящных искусств, входившей в систему управления культуры, подчиненного министерству пропаганды. (Соответствующий закон был издан 15 мая 1934 года. Геббельс хотел, чтобы в его подчинение перешли и кураторы музеев, но с этим вышла осечка, и его требование не нашло отражения в законе).

Понятно, что Геббельс вечно ссорился со своими коллегами-министрами. Еще в начале деятельности правительства возникли трения из-за распределения полномочий между Министерством

пропаганды и Министерством иностранных дел. 24 мая 1933 года Гитлер, ставший канцлером, собрал конференцию начальников правительственных департаментов, на которой Геббельс заявил, что «важнейшей задачей возглавляемого им министерства является формирование общественного мнения за рубежом». Гитлер с этим согласился и решил, что департамент по делам печати Министерства иностранных дел «ограничит свою деятельность традиционными рамками», а «активную пропаганду за рубежом» будет вести ведомство Геббельса, в составе которого был образован собственный «департамент печати». С тех пор отношения между чиновниками респектабельного министерства иностранных дел, имевшего богатые традиции, и их энергичными и напористыми коллегами из Министерства пропаганды стали весьма прохладными; такими же (а иногда и явно напряженными) они остались и позже, когда министром иностранных дел стал Риббентроп. Оба министерства устраивали свои собственные пресс-конференции, и между ними установилось постоянное соперничество в попытках повлиять на иностранных журналистов, прибывавших в Германию. С началом второй мировой войны значение пропаганды для зарубежных стран возросло, и Гитлер издал строгий приказ, предписывавший обоим министрам координировать свою работу, чтобы их разногласия не наносили ущерба интересам Германии в ходе ведения войны.

В вопросах культуры Геббельс считал своим соперником Альфреда Розенберга; в искусстве таким соперником был Геринг, а за право контролировать печатную и литературную продукцию спорили между собой Геббельс, Розенберг и Булер (начальник партийной канцелярии). В 1934 году Розенберг получил от Гитлера пышный титул «уполномоченного фюрера по контролю за всем интеллектуальным и идеологическим обучением, осуществляемым в партии и в подведомственных ей организациях», и это вызвало у Геббельса чувство ревности, получившее новый толчок, когда Розенберг был назначен в 1941 году министром по делам восточных территорий. (Дополнительной причиной зависти Геббельса послужил и «отдел по делам изящных искусств», существовавший в ведомстве Розенберга и выпускавший богато иллюстрированный журнал под названием «Искусство в Третьем рейхе»). Впрочем, Геббельс не сомневался в своем превосходстве над соперниками и удачно интриговал против них, но был не в силах нанести им полное поражение и лишить их своих постов. Все упиралось в Гитлера: как ни ценил он разнообразные таланты «маленького доктора», но всегда твердо придерживался правила: «Разделяй и управляй!», укрепляя таким путем свою, и без того непомерную,

власть.

В 1933 году министерство Геббельса представляло собой новую формацию, не имевшую прецедентов в истории, но тем не менее развивавшуюся динамично и успешно. Пожалуй, с точки зрения традиционной бюрократии его творение могло показаться странным недоразумением, но оно, безусловно, обладало определенными преимуществами как тоталитарное учреждение нового типа, способное решать задачи всеобщей идеологической обработки населения и руководства общественным мнением.

2. Тотальная идеологическая обработка населения

Система пропаганды, созданная национал-социалистами после их прихода к власти 30 января 1933 года, имела два главных аспекта. Первый заключался в ее тотальном характере, поскольку она охватывала не только сферу политики, но и всю национальную культурную жизнь. При этом она проникала во все уголки общества, достигая размаха и разветвленности, ранее невиданных в Германии. Идеологическая обработка и «промывание мозгов» осуществлялись не только с помощью партийных съездов и демонстраций, но также путем контроля над прессой и радиовещанием, над искусством и литературой, над театром и кинематографом. Новая пропаганда имела целью распространение идей и достижений режима как внутри Третьего рейха, так и за его пределами; контроль и формирование всего национального продукта, имевшего форму печатных произведений, произведений живописи и музыки, театральных спектаклей и кинофильмов. Сам Геббельс по этому поводу однажды выразился так: «Государство, принявшее авторитарный режим управления, не должно позволять себе отклонений от избранного пути, если оно уверено в его правильности. Если в демократическом государстве национальный политический курс во многом определяется общественным мнением, то в авторитарном государстве именно оно само определяет свою политику и само же руководит общественным мнением, направляя его согласно своим целям».

Конечно, принципы нацистской пропаганды были заложены Гитлером и Геббельсом задолго до 1933 года и были всесторонне испытаны за то время, пока их партия находилась в оппозиции. Но центральное бюро пропаганды было всего лишь мелкой рыбешкой по сравнению с тем «китом», которым стало Министерство народного просвещения и пропаганды под руководством Геббельса. И хотя оба учреждения существовали и работали бок о бок, именно министерство стало всеохватывающим и общенациональным институтом в своей области.

Второй важный аспект системы пропаганды, построенной правительством национал-социалистов, заключался в полной концентрации управления ею в руках одного человека, осуществлявшего свое руководство по трем главным направлениям одновременно. Во-первых, Геббельс оставался

главой центрального бюро пропаганды нацистской партии, осуществляя надзор за всей партийной пропагандистской деятельностью. Во-вторых, он возглавил государственное Министерство пропаганды, которое он лелеял как любимое дитя, отдавая этой работе все свое вдохновение и трудолюбие. И наконец, в-третьих, он получил почетную должность президента государственного управления культуры и в качестве такового стал высшим арбитром во всех вопросах культурной жизни и высшим судьей для всех трудившихся в области культуры и искусства, единолично решавшим, кого одобрить и возвысить, а кого лишить работы и изгнать с позором. Все три указанных учреждения были тесно связаны и даже переплетены между собой, поскольку многие высшие чиновники занимали посты сразу в двух из них, а то и во всех трех.

Пропаганда имела целью направлять мысли людей в нужную сторону и руководить ими, играя на их чувствах (которые нужно было знать и учитывать) и используя их реакцию на события и на меры, предпринимаемые властями. Существование независимого общественного мнения не допускалось, но всегда имело место определенное «общественное настроение», которое требовалось уяснить, изучить и запротоколировать. Правители тоталитарного государства, желая обеспечить эффективность своих действий, должны были учитывать взгляды и реакцию масс и проводить с этой целью определенные социологические исследования. Исходя из этого, Геббельс не уставал внушать своим подчиненным первое необходимое требование к их работе: они должны были точно знать в любой заданный момент настроения публики, осуществляя для этого соответствующие непрерывные наблюдения. Для того, чтобы пропаганда не превратилась в пустой звук, нужно было постоянно «держать руку на пульсе общества» — это стало аксиомой. Считалось, что сломить сопротивление внешних противников — достаточно простая и понятная задача по сравнению с той сложной игрой, которую приходилось вести, чтобы преодолеть сопротивление внутри страны. По мнению Геббельса, «пропагандист должен уметь привить людям такие убеждения, чтобы их понимание событий заставляло их добровольно подчиняться высшим руководителям государства и охотно решать задачи, которые те ставят». Для этого предлагалось неотрывно следить за изменениями настроений масс, хорошо понимать их и уметь убеждать население страны, внушая ему «правильные идеи». Все 32 местных отделения Министерства пропаганды, а также служба безопасности (СД — «Зихерхайтсдинст»), возглавляемая Гиммлером, регулярно поставляли Геббельсу свои сводки

информации и отчеты, дававшие картину настроений и морального духа населения.

Но нужно было не только постоянно следить за публикой; требовалось также подталкивать и вести ее за собой в том направлении, которое было одобрено правящей властью. «Дурные мысли» подавлялись; пропагандировались и внушались «правильные» идеи. При этом внутри самого министерства официальная политика и доктрины не подлежали сомнениям и критике, но зато рассматривались и обсуждались новые методы и трюки, с помощью которых можно было сделать пропаганду более доходчивой и эффективной.

Геббельс любил спрашивать у подчиненных точные статистические данные и оценки того, как именно реагировало население на политические мероприятия властей и на книги, фильмы, спектакли, одобренные его министерством. В интервью, данном в конце 1937 года, он сказал: «Я должен точно знать, насколько хуже (или лучше!) был принят фильм, который мы оценили как плохой, по сравнению с тем, который мы оценили как хороший». Далее он объяснил, что всё, случившееся среди людей, все события культурной, политической и и экономической жизни должны регистрироваться и изучаться с точки зрения психологии. Полученные данные обобщались и использовались министерством в качестве основы для пропаганды курса, проводимого правительством. При этом Геббельс допускал, что и эта информация может оказаться недостаточной для того, чтобы завоевать доверие публики. Если выяснится, что население плохо воспринимает политику правительства, то Министерство пропаганды должно найти новые аргументы для того, чтобы убедить публику в правильности действий властей. Например, 26 ноября 1943 года Геббельс записал в своем дневнике: «Германский народ колеблется между настроениями страха и надежды и недооценивает опасности большевизма. Люди не сознают, сколько крови и ужаса несет с собой большевизм». Подводя итог этой оценке, Геббельс решил, что нужно наращивать усилия по «просвещению немцев насчет опасности большевизма».

Люди Геббельса научились предсказывать реакцию публики. Если министерство устраивало массовый политический митинг в берлинском Дворце спорта, то уже по количеству проданных билетов можно было судить о степени желания людей обсуждать предложенную тему. Настроение публики и вся атмосфера таких митингов служили для пропагандистов точным барометром, показывавшим степень одобрения действий властей и провозглашавшихся идей. Геббельс был, пожалуй, недалек от

истдны, когда признавался, что именно на этих митингах он выработал в себе острое чутье на возможную реакцию публики и на характер восприятия приводимых аргументов. Не скрывая своего тщеславия, он заявлял, что хотел бы, подобно Гаруну-аль-Рашиду, уметь растворяться в толпе, выслушивая все новости и оставаясь неузнанным. Впрочем, он утешал себя тем, что и так точно знал настроения и склонности немцев и мог предсказать, что им понравится, а что — нет. Любопытно, что некоторые всеобщие увлечения он называл «мнением невежественного большинства» и просто отмахивался от них, не желая принимать во внимание (и это случалось не так уж редко!). «В таких случаях он настаивал на том, что его министерство должно не просто открывать мнение публики, но и формировать, а то и создавать его», — говорил подчиненный Геббельса Ганс Фриче.

3. «От имени народа и для его блага…»

Геббельс считал, что для успешной работы его министерства необходимо соблюдение двух предварительных условий. Во-первых, министру не следовало перегружать себя рутинной «бумажной» работой; его назначение — руководить персоналом опытных специалистов, способных подготовить основу для компетентных решений, которые принимал, разумеется, он сам, в единственном числе. Во-вторых, он должен был сохранять тесный контакт с населением, знать и предугадывать настроения людей.

Поскольку при авторитарном режиме государство направляет общественное мнение в нужную сторону для достижения заданных целей, правительство должно быть в курсе всех колебаний настроения народа.

Геббельс настаивал на том, что каждый гауляйтер, каждый вождь местной партийной организации должен знать все события текущего момента и не бояться сообщить свое мнение вышестоящим, ничего не приукрашивая при этом.

Геббельс любил подчеркивать, что его министерство работает в тесном контакте с народом, и эта его черта напоминает повадки современных диктаторских режимов. Допуская возможность некоторых погрешностей и даже ошибок, обусловленных сложностью министерского аппарата, он считал, что этот аппарат очень чувствителен к реальной жизни и никогда не допустит причинения людям какого-либо серьезного вреда. Он легко и ловко подменял два разных явления: способность своего министерства контролировать настроения народа и способность самого народа контролировать работу министерства; неустанно говоря о «близости к народу», он провозглашал, что работа его министерства находится «под ежедневным и ежечасным контролем со стороны народных масс».

Геббельс не допускал и мысли о том, что политика в Третьем рейхе является делом немногих; напротив, он всегда подчеркивал, что если в прошлом политика была для народных масс «неизвестной областью» («терра инкогнита») и ею занимались немногие, посвященные в ее тайны (вроде канцлеров и дипломатов), то теперь, в национал-социалистском государстве, массы стали участниками и творцами исторических решений. В соответствии с этим он часто представлял действия правительства как реакцию на пожелания народа, как результат мгновенного отклика на его чувства и мысли. В этом смысле хорошим примером является речь Геббельса, произнесенная им 13 ноября 1938 года, в которой он, говоря об убийстве

сотрудника германского посольства во Франции, совершенном евреем из Польши, подготовил почву для последующих карательных мер, направленных против евреев: «Народ желает, чтобы было так, и мы исполним его желание!» — провозгласил он.

Утверждалось, что всякий, пришедший на массовый политический митинг, принимает тем самым участие в формировании национальной политики. Один из репортеров газеты «Франкфуртер цайтунг», известный подобными софизмами, амбициозно провозглашал в 1937 году: «Участие в митингах стало инструментом политики, новаторским способом решения проблем, найденным национал-социалистами, таким же неожиданным и смелым, как решение задачи о яйце, примененное Колумбом. Теперь народные массы почувствовали, что они получили возможность участвовать в политическом процессе, произнося речи и принимая обращения на митингах. Одновременно руководители почувствовали, что их могут понять. В этом и заключается объяснение текущей ситуации».

Считалось, что для пропаганды годятся любые средства, лишь бы ее цель была достигнута: «Нельзя отвергать даже демагогию, если она преследует благие цели!» В качестве «благих целей» провозглашались: «воспитание народа и приведение народных масс к пониманию задач государства и к сотрудничеству с ним».

Итак, народным массам предоставлялась возможность пассивного участия, но отнюдь не реального влияния на принятие политических решений, а наилучшим инструментом, обеспечивавшим такое распределение ролей в политическом процессе, являлась пропаганда. При наличии системы управления умонастроениями подобное «участие в политике» было не более чем фикцией или, пожалуй, одним из способов идеологической обработки. Для того, чтобы идеологическая обработка была эффективной, пропаганда должна была быть вездесущей и, кроме того, разнообразной по форме и единой по своим целям. Решению задачи регламентации умонастроений способствовало техническое развитие и разнообразие современных средств массовой информации. Способность пропаганды быть «вездесущей» обеспечивалась всем существующим режимом и всеми его средствами общения с населением.

Для целей пропаганды использовались все возможные средства: газеты, периодические издания и книги, радио и кинофильмы, — и все они воздействовали на своих читателей и слушателей одновременно и повсюду, днем и ночью, за утренним завтраком и на рабочем месте, в часы досуга и отдыха, до самого отхода ко сну с последней сводкой вечерних новостей. Поскольку

политический настрой должен был охватывать всех и вся, вторгаясь и в частную, и в личную жизнь, пропаганда тоже была всеобщей и многообразной, обращалась к каждому гражданину отдельно и ко всем вместе и звучала как единый мощный хор разнообразных голосов. В связи с этим наводит на интересные сопоставления написанное Геббельсом обращение съезда нацистской партии, состоявшегося в сентябре 1936 года, в котором говорилось: «Большевизм несет миру опасность. Большевистская пропаганда ведется с большим умом и умело приспосабливается к запросам и характеру аудитории. Она звучит то решительно, то вкрадчиво, в зависимости от ситуации: достаточно сравнить обращение террориста Димитрова к Коминтерну и выступление еврея Литвинова в Лиге Наций. Она бывает то благочестивой, то безбожной — как потребуется. Большевикам неведомы угрызения совести, лишь бы цель оправдывала средства!» Геббельс забыл добавить, что подобный же прагматизм и неразборчивость в средствах были свойственны и национал-социалистской пропаганде.

В 1928 году Муссолини в одной из своих речей сравнил работу фашистских журналистов с игрой оркестра. Геббельс услышал это изречение от Функа, своего заместителя, и тоже стал его повторять. Пресса, говорил он, это тот же оркестр, исполняющий одну и ту же мелодию на разных инструментах, подчиняясь движениям палочки дирижера. В соответствии с этим всякая пропагандистская кампания, проводившаяся министерством Геббельса, напоминала произведение для хора, в котором каждое средство информации вело свою партию, руководствуясь поставленной задачей. При этом Геббельс учитывал интеллектуальный уровень, образованность и круг интересов аудитории, как и тот факт, что различные средства информации воздействуют на публику с разной интенсивностью и дают разный эффект.

Поскольку министерство Геббельса контролировало все средства массовой информации, оно могло проводить идеологическую обработку населения самыми разными путями и методами. Трудно даже представить, например, какое разнообразие вкусов могла удовлетворять пресса, подконтрольная нацистам. Здесь были издания самого разного толка: от грубых порнографических листков и журналов, вроде «Дер штюрмер» Штрейхера, до разнообразных местных партийных изданий; а были и такие «умные» журналы, как еженедельник «Дас райх», рассчитанный на образованную публику, и такие газеты, как «Франкфуртер цайтунг», посвященная вопросам культуры и казавшаяся скромной Золушкой среди своих

оголтелых собратьев и сестер. Помимо этих различий, бросавшихся в глаза, существовали и другие, определявшиеся тем, какое значение имело для режима то или иное издание или средство информации, насколько важным оно представлялось для целей идеологической обработки населения. Например, на радио считались самыми важными сводки новостей и политические комментарии; затем шли развлекательные передачи, а уж потом — передачи для целей образования и просвещения. Подобная же «табель о рангах» существовала и в кинематографе: на первом месте шли выпуски кинохроники, за ними — фильмы на темы культуры, и далее — чисто развлекательные кинокартины, хотя некоторым из них, таким как «Великий король» (эпическое произведение о Фридрихе Великом), придавалось особое значение ввиду их ценности для целей идеологического воспитания нации. Среди печатных изданий самое большое значение имели ежедневные газеты (в которых считались ответственными не только статьи на политические темы, но и все другие материалы); далее шли еженедельники, затем — вся остальная периодика, и наконец — книги. Согласно этой шкале ценностей распределялся поток руководящих указаний, интенсивность надзора за качеством и контроля за степенью надежности. Понятно, что кадры, выпускавшие ежедневные газеты, кинохронику и радиопередачи новостей (как и само содержание этих газет, фильмов и передач), подвергались гораздо более строгому и тщательному надзору, чем произведения на темы искусства, театральные постановки, книги и развлекательные кинофильмы.

Существовали еще и разовые или специфические пропагандистские кампании, и здесь каждое из средств массовой информации выполняло свою задачу, согласно указаниям Министерства пропаганды. Например, довольно часто проводились антисемитские кампании, и в них каждое из средств информации играло свою роль. Газеты были обязаны отводить достаточно места для ежедневной полемики, проводившейся на основе последних новостей. Периодические издания пропагандировали расовую идеологию, преподнося ее в виде псевдонаучных теорий. Кинопродюсеры тоже вносили свой вклад, выпуская тенденциозные фильмы типа «Еврей Зюсс» или «История семьи Ротшильд», прививавшие массам заданное восприятие событий с помощью положительных и отрицательных образов. И, наконец, радио распространяло сомнительные, а то и полностью сфальсифицированные материалы о деятельности еврейских или антисемитских организаций, стараясь подать их так, чтобы их было трудно (или вообще невозможно) подтвердить

или опровергнуть документально.

4. Мастера «пропагандистской кухни» с университетскими дипломами

Чтобы составить некоторое представление о том, каким был типичный нацистский пропагандист, стоит обратиться к официальному справочнику «Фюрерлексикон» за 1934 год, указывавшему, «кто есть кто» среди национал-социалистских руководителей. В первую очередь поражает сравнительно молодой возраст людей, работавших в Министерстве пропаганды и в партийных пропагандистских органах: всего около 39 лет (в среднем), что на 5 лет меньше, чем средний возраст членов нацистской администрации и на 10 лет меньше, чем возраст людей из нацистской государственной и партийной верхушки. (Термины «нацистский пропагандист» и «нацистский администратор» правильно отражают действительность, хотя не мешает помнить, что некоторые пропагандисты были одновременно и функционерами-администраторами; например, Геббельс был гауляйтером Берлина). Таким образом, большинство пропагандистов принадлежало к поколению, которому было 18 лет, когда разразилась первая мировая война, и они возмужали и достигли зрелости в военные и послевоенные годы.

Почти все эти люди принадлежали к «верхнему среднему классу» кайзеровской Германии и Веймарской республики. Это значит, что их отцы занимали, как правило, почетные высокие должности в империи кайзера, среди военных и духовенства, или же были землевладельцами; отметим, что в кадрах нацистской пропаганды таких людей было больше, чем среди других групп нацистов.

Уровень образования у них тоже был достаточно высоким: половина имела университетские дипломы, тогда как среди администраторов этот показатель составлял 25 %. Соответственно среди них было в два раза больше людей, получивших высшие университетские ученые степени. Третья часть пропагандистских кадров получила гуманитарное образование (в отличие от «прикладного» или «технического»), т. е. предназначалась для работы в области культуры.

Многие из них служили офицерами в первую мировую войну и с трудом находили работу в послевоенной Германии; многие пережили безработицу (хотя бы временную), отодвинувшую их в разряд «интеллектуалов, ненужных обществу», и это определило их лояльность к нацистам, пообещавшим им «достойное место

под солнцем». Действительно, каждый пятый из тех, кого упоминал «Фюрерлексикон», сообщал о себе, что страдал от безработицы в годы Веймарской республики, причем период проживания без работы составлял, ни много ни мало, — 4 года (в среднем). Четвертая часть всех пропагандистов не имела других занятий, кроме работы в органах нацистской партии и ее организаций. В свое время это спасло их от голода, но далеко не обеспечивало материального процветания.

Тот факт, что большая часть пропагандистских кадров происходила из верхней прослойки среднего класса, резко отличал их от нацистских администраторов, имевших в своем большинстве «плебейское происхождение» (по свидетельству исследователей, занимавшихся этим вопросом). Были и исключения: например, директором крупной издательской фирмы, обслуживавшей нацистскую партию, был Макс Аманн (служивший в первую мировую войну старшим сержантом — командиром Гитлера); его пост имел важное значение в партийной иерархии. Но Аманн, человек «низкого» происхождения, не имевший ни образования, ни хорошего воспитания, был ближе к «администраторам», чем к таким людям, как Вальтер Функ, заведующий пресс-бюро правительства Германии и второй секретарь Министерства пропаганды, или Ганс Фриче, профессиональный журналист правого толка, одаренный радиокомментатор и высокопоставленный чиновник в министерстве Геббельса.

Несмотря на то, что «пропагандисты» происходили из более высоких социальных слоев, чем «администраторы», лишь немногие из них смогли выдвинуться настолько, чтобы занять высшие должности в партийной иерархии. Кроме Геббельса, только его соперник, доктор Дитрих, да еще упомянутый Макс Аманн имели высшее партийное звание «рейхсляйтер». Как бы ни ценил тоталитарный режим умелых пропагандистов, мастеров устного и печатного слова, но их значение ограничивалось определенными рамками, поскольку их мастерство обеспечивало им ранг ценного советника и исполнителя, но не вождя и не ответственного руководителя, принимающего решения; поэтому, за редкими исключениями, высшие и самые почетные посты в нацистской верхушке занимали именно администраторы, но не пропагандисты. Лишь немногие из них возглавляли высшие партийные учреждения и имели звание «гауляйтера», позволявшее его обладателю сколотить приличное состояние. Конечно, пропагандисты занимали важное и почетное положение в государственном аппарате и среди партийной бюрократии, но администраторы пользовались куда большими социальными

благами.

5. Министр и его подчиненные

Геббельс вполне отвечал традиционным германским представлениям о трудолюбивом и умелом работнике. Он работал неутомимо и интенсивно, был пунктуален и, не в пример Гитлеру, любил сам доходить до каждой мелочи в своем деле. При этом он был склонен к мизантропии, которая усиливалась с возрастом (хотя и прикрывалась любезными манерами и умением вести себя в обществе), и поэтому смотрел на окружающих как на праздных лентяев, любителей удовольствий. Несмотря на некоторые претензии представлять себя артистической натурой, он был привержен строгой дисциплине. Обнаруживая ошибки в работе подчиненных, он обрушивал на них такие обвинения и угрозы, что бедная жертва не знала, куда деваться от стыда и унижения. Впрочем, если дело касалось старых членов партии, у него хватало здравого смысла на то, чтобы не слишком «перегибать палку». Иногда после таких вспышек Геббельс пытался загладить нанесенный «моральный ущерб» с помощью шуток, а то и поощрений; во всяком случае ни одна из жертв его гнева не претерпела увольнения или понижения по службе. Дело в том, что старые члены нацистской партии играли для него роль вассалов, на которых он мог опереться. Так было принято: почти каждый из нацистских партийных бонз имел свой собственный клан, свою когорту «верных людей», которые если и подвергались наказаниям, то все же никогда не теряли полностью своего положения, по крайней мере пока сохраняли верность своему господину.

Некоторые высшие нацистские руководители, такие как Гиммлер, Геринг и Борман, формировали для себя подобные кланы по своему образу и подобию; примером тому могут служить войска СС («Шутцштаффель») и их шеф Гиммлер. Были ли у Геббельса подобные замашки? Вернер Штефан, прослуживший в Министерстве пропаганды на высоких постах более 12 лет, говорил, что нет, не было: «Геббельсу невозможно было подражать. Те, кто работал в его подчинении, могли усвоить определенные приемы и методы, но только не образ мыслей и не стереотип поведения. Он не мог создать слаженную команду, потому что был законченным индивидуалистом, не желающим служить для кого-либо примером. У него были последователи, но они не считали его образцом для подражания и относились к нему со смешанным чувством удивления и инстинктивной неприязни».

В его министерстве работали самые разные люди: старые

члены нацистской партии, мыслившие примитивно, но преданные делу; фанатики с холодным умом; наивные энтузиасты; безжалостные карьеристы и беспринципные искатели приключений; чиновники обывательского склада и интеллектуалы, увлеченные культурой. Начальниками департаментов работали либо профессиональные чиновники с многолетним опытом, такие как доктор Карл Отт, начальник отдела бюджета, либо специалисты по пропаганде, сделавшие карьеру в этой области, такие как Альфред Берндт, начальник департамента германской прессы, человек довольно сомнительной репутации. В отличие от порядков, принятых в министерствах демократических стран, начальники департаментов официально не могли консультироваться друг с другом. Геббельс использовал их (по воспоминаниям его личного пресс-атташе) как бездушные инструменты, которые он мог в любой день выбросить за ненадобностью: «Министр никому не доверял, даже тем, кто постоянно работал рядом с ним». Везде он подозревал интриги, способные расшатать его позиции. В годы войны его недоверие и подозрительность особенно усилились.

Став членом нового правительства, Геббельс начал с большим рвением относиться к исполнению своих светских обязанностей; вскоре он приобрел вид элегантно одетого светского человека, позабыв и свое полупролетарское происхождение, и скромную жизнь конца 1920-х годов, когда он ходил в одном и том же залоснившемся пиджаке и потертой фетровой шляпе, со старым портфелем в руках. Посещение официальных приемов и вечеров (бывшее, наверно, самой приятной частью обязанностей рейхсминистра) доставляло ему немало удовольствия, но отнюдь не уменьшало его рвения на работе; при этом он не любил встречать своих подчиненных на светских приемах, считая их неподобающим местом для выходцев из среднего класса, таких как Фриче и Бемер; он даже предостерегал подчиненных от увлечения светскими вечерами, называя их «пустыми сборищами разодетых людей, именующих себя с важным видом политиками и дипломатами, но не имеющих на самом деле ни ума, ни возможности реально влиять на события».

6. Министерство пропаганды и его департаменты

В 1938 году в Министерстве пропаганды существовало три должности государственного секретаря, и все они (за одним исключением) были заняты людьми с большим партийным стажем. Как ни странно, но только наименее талантливый из них, Германн Эссер, старый друг и протеже Гитлера, начальник департамента туризма, проработал на своем посту в течение всего периода существования министерства, т. е. с 1933 по 1945 год. Госсекретарем по делам прессы работал с 1937 года Вальтер Функ, журналист-экономист по профессии, а по убеждениям — скорее консервативный буржуа, чем убежденный нацист. Впоследствии он стал министром экономики, а на его пост пришел Отто Дитрих, работавший одновременно заведующим партийным бюро по вопросам печати и совмещавший эти две должности почти до последних дней существования режима. Третий государственный секретарь являлся заместителем министра и осуществлял надзор за работой всех департаментов; этот пост занимал сначала Карл Хенке (с 1937 по 1940 год), а затем — Леопольд Гуттерер, работавший до этого начальником Второго департамента (пропаганды), которому придавалось большое значение. Гуттерер (как и его предшественник на посту госсекретаря, имел большой стаж работы в партии; в 1944 году его сменил более молодой и амбициозный доктор Вернер Науманн, продвинувшийся благодаря упорному труду с должности начальника канцелярии министра.

Еще в первые дни существования министерства Геббельс заявил, что его штат никогда не будет превышать одной тысячи человек. В дальнейшем, за 12 лет работы, министерство сильно расширилось, хотя точные цифры никогда не назывались. Как ни противился Геббельс процессу бюрократизации, он не смог избежать расширения департаментов и роста бюрократизма. По его первоначальному плану министерство должно было состоять из пяти департаментов: прессы, радио, активной пропаганды, по делам кино и пятого, объединенного, — по делам театра и образования для взрослых. Но уже к концу 1938 года количество департаментов выросло до одиннадцати, а к ноябрю 1942 года достигло четырнадцати, да и сами департаменты за годы работы сильно расширились, образовав дополнительные отделы и филиалы. Так, в департаменте по вопросам печати вскоре образовалось два отдела: отечественной и зарубежной прессы, а в

1942 году на его базе было создано три департамента: отечественной прессы, иностранной прессы и периодических изданий. Подобным же образом Пятый департамент разделился в 1938 году на два: по делам театра и по вопросам культуры и самообразования.

Далее мы рассмотрим работу наиболее важных департаментов.

Первый департамент занимался административными вопросами; в 1942 году он разделился на три новых департамента: по делам бюджета, по кадровым вопросам и по организации и юридическому обеспечению работ. Каждый из них был до отказа загружен делами. Например, департамент бюджета не только следил за финансами министерства, но и контролировал финансовую деятельность всех подотчетных организаций, в том числе — тридцати двух местных отделений министерства. Департамент по кадрам заведовал не только персоналом самого министерства, но также занимался многочисленными группами, работавшими в составе государственного управления культуры. Департамент организации и законодательства разрабатывал соответствующее обеспечение всей деятельности министерства, занимаясь в первую очередь превращением искусства и литературы в послушные орудия правящей власти. Согласно официальной точке зрения, литература и искусство, бывшие прежде «выразителями либерального индивидуализма», теперь должны были выполнять общественно полезную функцию идеологического воспитания населения и помощи руководству государства.

Одним из «столпов» Министерства пропаганды был Второй департамент, обычно именовавшийся просто «департаментом пропаганды» и не имевший узкой специализации. Его общей задачей была пропаганда и разъяснение политики правительства и программы партии, особенно в периоды предвыборных кампаний. (По этой причине он поддерживал взаимодействие с центральным партийным бюро пропаганды, находившимся в Мюнхене и имевшим подобные же функции). Здесь планировались разнообразные агитационные кампании: по вступлению населения в «фольксштурм» (народное ополчение); по разъяснению расовых и антисемитских доктрин; по защите «фольксдойче» — немцев, проживавших за рубежом, особенно в соседних странах. Многие леденящие душу истории о страданиях судетских немцев в 1938 году и о притеснениях немцев в Польше в канун второй мировой войны вышли именно из недр этого департамента. Здесь сочинялась антисемитская пропаганда,

распространявшаяся внутри страны и за рубежом, и отсюда же осуществлялись шумные кампании по борьбе с разнообразными «врагами нации и государства». Отсюда пропагандировалась демографическая политика правительства, призывавшего немцев иметь больше детей, и экономическая политика, вроде известного четырехлетнего плана развития хозяйства. И здесь же разрабатывались пропагандистские кампании, проводившиеся другими министерствами. Для этого составлялись планы мероприятий, распределялись задачи между средствами массовой информации, а затем осуществлялся надзор за ведением кампании.

Пропаганда спорта и спортивная жизнь тоже находились в ведении Второго департамента. Освещались выступления германских спортсменов за рубежом и спортивные связи с другими странами, причем эта работа координировалась с управлением спорта и министерством иностранных дел. В Третьем рейхе все государственные события отмечались с большой помпой, и поэтому Второй департамент был постоянно загружен текущей работой: подготовкой и проведением государственных фестивалей (подобных тому, который был устроен по поводу «аншлюса» Австрии в марте 1938 года), проведением предвыборных митингов, организацией празднования юбилеев и исторических дат, торжествами в связи со спуском на воду военных кораблей и, наконец, проведением похорон государственных деятелей. Особо ответственной считалась работа по подготовке и проведению мероприятий, в которых принимал участие фюрер; для них составлялись самые подробные программы. Планировалось и контролировалось проведение выставок, многим из которых придавалась агрессивная политическая направленность, с разоблачением происков большевиков и мирового сионизма. Имелась и студия, где отрабатывались специальные технические приемы и создавались технические приспособления; существовал также специальный «сектор 2-а», осуществлявший надзор за культурной жизнью «неарийцев», проживавших в пределах рейха, но не допускавшихся к пользованию культурными ценностями, предназначенными для истинных германцев.

Под номером третьим числился департамент радиовещания. Если пресса (как и пропаганда с помощью печатных изданий) имела долгую и богатую историю, то радио в 1933 году все еще считалось новшеством, хотя Геббельс распознал его громадные пропагандистские возможности задолго до этого времени. В приветственной речи на открытии выставки, посвященной радио и его роли в национал-социалистском государстве (в августе 1933

года), он заявил, что в XX веке радио сыграет ту же роль, какую пресса сыграла в XIX. Было признано, что изобретение радио и его общественное применение имеют революционное значение.

Молодой министр пропаганды был полон решимости извлечь из нового средства все возможные преимущества. Он предрекал, что настанут дни, когда будут назначаться массовые прослушивания (а в будущем — массовые просмотры) специальных передач для разъяснения политики государства.

На выборах в рейхстаг, состоявшихся в марте 1933 года, нацисты завоевали 288 мест; это было немало, но все же почти половина избирателей высказалась против их правительства, и тогда Геббельс собрал всех директоров германских радиостанций и сказал им: «Вы со своей техникой создаете общественное мнение. Если вы будете делать все как надо, то мы привлечем к себе людей; если же вы будете работать плохо, то от нас в конце концов все отвернутся. Именно радио должно вернуть нам утерянные 48 % голосов избирателей. Радио способно обеспечить нам стопроцентную аудиторию сторонников и сохранить ее для нас. Нужно вести тщательно продуманную идеологическую пропаганду, чтобы не допустить потери ни одного сочувствующего!»

Короче говоря, Геббельс четко понял, что радио — это инструмент, способный создать идеологически преданных и послушных сторонников режима. Радио стало для него «средством унификации германского народа» и привития ему новой идеологии, независимо от места проживания, религии и даже классовой принадлежности слушателей.

До 1933 года радиостанции Германии находились в разных руках, но в последующий период они все перешли под единое, строго централизованное управление. Департамент радио стал, по словам официальных комментаторов, «генеральным штабом германского радио», центром отдачи приказов для всей системы. При этом произошло интересное переплетение связей разных учреждений, связанных с радио: главную роль играл департамент радиовещания Министерства пропаганды, руководивший также деятельностью соответствующего отдела центрального бюро пропаганды партии и работой государственного управления радиовещания; и все нити управления сходились к Геббельсу, который был господином и хозяином этой системы.

Департамент радио формулировал политику в этой области и осуществлял надзор за ее исполнением, используя для этого Германскую радиовещательную корпорацию — «RRG». Один из трех директоров «RRG» всегда присутствовал на ежедневных совещаниях начальников департаментов министерства, где

получал указания непосредственно от Геббельса, проявлявшего интерес к радиопрограммам — иногда вплоть до мельчайших деталей. Сотрудники министерства рассказывали, что Геббельс не проверял так подробно и строго работу ни одного другого департамента, как департамента радио.

К 1940 году департамент радио состоял из четырех отделов: 1) по делам культуры и вещания на зарубежные страны; 2) по особой тематике; 3) по юридическому обеспечению; 4) по техническим вопросам. Самым главным был первый отдел, отвечавший за идеологическую правильность радиопередач, посвященных вопросам политики и культуры.

Вот что входило в программу деятельности первого отдела: радиопередачи по вопросам политики, радиопрограммы для национальных фестивалей, культурные обмены с зарубежными странами, помощь радиовещанию на заграницу, школьные и научные передачи, передачи по вопросам международной культуры, связь с прессой и со Всемирным союзом радио. Второй отдел ведал радиопередачами на случай мобилизации, организацией радиовещания в военное время и использованием радио как оружия военной пропаганды.

Департамент искусств (или Девятый) определял принципы официальной оценки художественных произведений, активно выступая против «декадентских течений» в живописи и скульптуре, от экспрессионизма до кубизма, и добиваясь их полного исчезновения.

Устраивались выставки в разных частях страны, проводились «недели культуры» и осуществлялся надзор за «художественным уровнем и идеологическим содержанием» произведений искусства. Художники и скульпторы, создававшие работы национал-социалистского характера, поощрялись морально и материально. Те из них, кто проникся нацистской идеологией и воплощал «нордические идеалы» в мраморе, гипсе и на полотне, получали выгодные государственные заказы. Департамент вместе с государственным управлением искусств проводил выставки работ таких «заслуженных деятелей искусства» в Германии и за рубежом, приобретал их произведения для государственных фондов, присуждал призы на конкурсах и организовывал учебу молодых художников.

Департамент музыки (или Десятый) осуществлял надзор за музыкальной жизнью в стране и руководил работой государственного управления музыки. Он также контролировал работу управления цензуры, проверявшего всю музыкальную продукцию и наделенного правом запретить публикацию и исполнение любого произведения, «несовместимого с

нордическим духом и идеалами национал-социализма». Было введено понятие «декадентская музыка», которая решительно не одобрялась, вследствие чего многие не только «еврейские», но и «арийские» музыканты и композиторы были отлучены от своей профессии.

В первые годы правления нацистов среди деятелей музыки еще находились люди, осмеливавшиеся протестовать против засилья «тевтонской музыки», такие как выдающийся дирижер Вильгельм Фуртвенглер и известный композитор Ганс Пфитцнер, и Геббельс иногда шел им на уступки, чтобы использовать их престиж для целей нового режима. 12 апреля 1933 года Фуртвенглер написал письмо Геббельсу, в котором заявлял, что нужно проводить различия между хорошей и плохой, но не между «еврейской» и «арийской» музыкой. Геббельс разрешил опубликовать письмо и свой ответ на него, в котором воздал должное таланту великого дирижера и приуменьшил значение принятых перед этим антиеврейских мер, вызвавших возмущение Фуртвенглера.

Согласно официальной доктрине, департамент кино (или Пятый) имел своей целью «руководить германским кинопроизводством в художественном, экономическом и техническом отношении и обеспечивать гармоническое сотрудничество всех сил, действующих в кинематографе». Он контролировал производство и прокат всех художественных и документальных фильмов и мог поэтому продвигать «желательные» или «правильные» фильмы и не давать хода «нежелательным», используя для этого имевшиеся у него мощные средства воздействия. Известно, что Гитлер считал кино главным средством эффективной пропаганды, учитывая четыре его основных качества: 1) возможность обращения непосредственно к чувствам зрителя, 2) доступность содержания, 3) возможность использования в целях идеологии, 4) возможность многократного использования.

Ко времени прихода нацистов к власти кинопромышленность в Германии находилась в руках частных владельцев. Уже сформировались такие крупные кинокомпании, как «УФА» и «Терра», принадлежавшие Хугенбергу, и наряду с ними существовало еще много мелких фирм. Нацистское правительство решило национализировать кинопромышленность, но это нельзя было сделать моментально, чтобы не разрушить всю систему соглашений с зарубежными фирмами кино-проката. Все же к 1937 году компания «УФА» стала собственностью рейха, и ею вместо Хугенберга стал распоряжаться Геббельс, казня и милуя режиссеров и фильмы по своему усмотрению, т. е. поощряя и

финансируя престижные и «идеологически верные» картины и не давая ходу тем, которые признавались «нежелательными», или «вредоносными», или (упаси Боже!) «антигерманскими».

Разумеется, кинокомпаниям было не под силу выступать против «пожеланий» Министерства пропаганды; а с другой стороны, если они с ними соглашались, то получали финансовую и рекламную поддержку государственного управления кинематографии, состоявшего под контролем департамента кино, который действовал согласно закону от 16 февраля 1934 года. Это был известный «Закон о кино», аналогичный «Закону о редактировании», регламентировавшему работу прессы. Был создан специальный отдел киноцензуры, оценивавший «идеологическую правильность» всех выходивших фильмов. Конечно же (о, непревзойденная немецкая аккуратность!), была разработана специальная шкала для оценки качества фильмов, включавшая следующие категории: 1) фильмы, особо ценные в идеологическом и художественном отношении, 2) просто ценные фильмы (по тем же критериям), 3) фильмы, ценные с политической точки зрения, 4) фильмы, ценные по художественным достоинствам, 5) фильмы, ценные с точки зрения культуры, 6) фильмы, ценные для целей просвещения.

Не было другой области пропагандистской деятельности (кроме радиовещания), которой министр уделял бы столько интереса и самого пристального внимания. Смотреть фильмы, немецкие и зарубежные, было для него не только работой, но и истинным удовольствием. Известно лишь немного фильмов, полностью сделанных по заказу Геббельса, но зато он частенько вносил поправки в сценарий, а то и в законченный фильм. Он заставлял своих чиновников контролировать все фазы кинопроизводства и требовал, к досаде продюсеров, вырезать готовые сцены и делать добавления и даже менять исполнителей ролей.

Производство фильмов было поставлено под двойной контроль. Во-первых, проверялись сценарии всех фильмов, намеченных к постановке. Их должен был одобрить специальный цензор («рейхсфильмдраматург»), проверявший заодно и благонадежность их авторов.

Именно он претворял в жизнь официальные рекомендации, согласно которым новые фильмы получали заданную политическую окраску и в них внедрялись рекомендуемые темы, эпизоды и даже сюжеты. Во-вторых, законченный фильм должен был пройти через бюро киноцензуры. И еще существовало бюро окончательной проверки, куда можно было обратиться с жалобой на неправильную цензуру.

Главной задачей департамента кино, работавшего в сотрудничестве с госуправлением кино, было содействие производству пропагандистских и документальных фильмов и надзор за их постановкой и выпуском. Впрочем, в период с 1933 по 1939 год было выпущено не так уж много чисто пропагандистских полнометражных фильмов, возможно, потому, что народ искал в кино возможности развлечься и позабыть о реальной жизни. Среди этих картин были «Люди СА» (о штурмовых отрядах); «Юность Гитлера» и «Ганс Вестмар» (о подвигах Хорста Весселя, поставленный при участии Ханфштенгля). Качество этих работ было довольно посредственным, если только не принимать во внимание впечатляющие фильмы, поставленные Лени Рифеншталь, известной киноактрисой и кинорежиссером, имевшие действительно высокий художественный уровень и высокую пропагандистскую ценность, что было отмечено и в Германии, и за рубежом. (Это были фильмы «Триумф воли» — о Нюрнбергском съезде нацистской партии, состоявшемся в 1934 году, и «Олимпиада» — об Олимпийских играх 1936 года, состоявшихся в Германии).

В первые годы войны были сняты полнометражные документальные фильмы, прославлявшие победы германской армии. Картины «Огненная купель» (1939 г.) и «Победа на Западе» (1940 г.) показывали молниеносную скорость и сокрушительную силу действий германских войск, оккупировавших Польшу и Францию. Их «крутили» в германских посольствах всех нейтральных стран, чтобы убедить их общественность в бесполезности сопротивления германскому оружию.

Геббельс лично просматривал еженедельные журналы кинохроники («Вохеншау»), которые обязательно демонстрировались во всех кинотеатрах на всех сеансах; многие из них он проверял до выхода на экран. Глава департамента кино отвечал за работу центра кинохроники и докладывал министру о текущих делах и о планах выпуска продукции. И в дни мира, и в годы национальных потрясений и войн кинохронике придавалось особое значение: она служила средством создания массового психоза и получения народного одобрения действий властей в стране и за рубежом. Помимо формирования реакции народа на текущие события, кинохроника имела целью создать «исторические документы» для просвещения будущих поколений.

Фирмы, выпускавшие кинохронику, давали трактовку события исключительно с точки зрения государства, партии и армейского командования; содержание киножурналов тщательно проверялось целым штатом сотрудников министерства. Люди,

причастные к выпуску кинохроники, проходили специальный инструктаж о намечавшихся событиях и об их толковании; им предоставлялось лучшее оборудование, обеспечивавшее эффективную работу.

Дата 10 мая 1933 года вошла в историю германской литературы. Это был памятный «день сожжения книг», когда студенты и члены нацистской партии бросали в костры, разожженные на площади Франца-Иосифа, перед зданием Берлинского университета, книги двадцати четырех авторов, признанных «чуждыми и вредными». В огонь летели труды Фрейда и Маркса, Стефана Цвейга и Эриха Кестнера (который имел возможность сам наблюдать за этой дикой оргией).

«Вечером, когда стемнело, на площадь пришли люди с факелами и подожгли груды книг. Пламя сначала медленно лизало тисненые переплеты, и они корчились в огне, как живые, а потом забушевало и поднялось к небу, а толпа молодежи и штурмовиков надрывалась: «Генриха Манна — в огонь! Стефана Цвейга — в огонь! Генриха Гейне — в огонь, пусть горит!» Сбывалось пророчество великого поэта, сказавшего в 1823 году: «Там, где сжигают книги, — рано или поздно станут жечь людей!» Гейне доставил нацистским цензорам особенно много хлопот. Стихотворение «Лорелей» очень популярно в Германии, и его новые перепечатки никак не удавалось запретить; поэтому чиновники распорядились писать под стихами: «Автор неизвестен». Подумать только: ведь в молодости Геббельс подарил своей невесте (наполовину еврейке) книгу стихов Гейне!

В разгар экзекуции на площадь прибыл сам министр пропаганды и произнес речь, транслировавшуюся по радио на всю страну: «Немцы! Сограждане, мужчины и женщины! Век извращенного еврейского интеллектуализма закончился, новая революция открыла путь к торжеству германского духа! Предавая огню эти зловредные измышления, вы совершаете правое дело! Это великое, славное и символическое событие! Прошлое сгорает в пламени, будущее нарождается в наших сердцах!»

С этого дня государство взяло на себя роль судьи, решавшего, какая литература является «хорошей» и «целесообразной», а какая — «плохой» и «вредной»; какие книги заслуживают презрения, а какие — одобрения и использования. Геббельс призвал германских писателей работать на благо нации, а не замыкаться в себе и своих желаниях: «С этого дня перо писателя должно служить народу, как меч воина, как плуг землепашца!» — провозгласил он 25 октября 1936 года на открытии Недели немецкой книги в городе Веймаре. Образная мысль, перекликающаяся с поэтическими строчками «агитатора, горлана-

главаря», сказанными в другой стране: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо, с чугуном чтоб и с выделкой стали о работе стихов на Политбюро чтобы делал доклады Сталин!»[1]

С учетом этих воззрений задача департамента литературы (или Восьмого) определялась как «осуществление политического руководства культурой и содействие развитию германской литературы внутри страны и за рубежом». Он должен был следить за тем, чтобы «широкие слои германского народа познакомились с трудами национальных поэтов и писателей». Эта задача должна была решаться в тесном сотрудничестве с издателями, книготорговцами и владельцами библиотек путем проведения различных мероприятий, в том числе и таких крупномасштабных пропагандистских акций, как Неделя немецкой книги (каждую осень ежегодно) и «Знакомство со специальной литературой» (каждый год, весной).

Согласно официальному отчету за 1940 год, Восьмой департамент контролировал работу 2500 издателей, 23 000 книготорговцев, 3000 писателей и 2000 ежегодных публикаций.

Департамент контролировал также работу специального Общества оценки и поощрения немецкой словесности, осуществлявшего «систематический отбор лучших произведений во всех жанрах германской литературы». Членами Общества были активные читатели литературы по всей Германии: преподаватели университетов, редакторы издательств, обозреватели и критики, библиотекари, присылавшие свои отзывы, по которым Общество составляло и регулярно издавало списки литературы, рекомендуемой для закупки библиотеками, многие из которых содержались местными организациями нацистской партии. Это же Общество давало рекомендации издателям и владельцам магазинов насчет того, какие книги следует рекламировать в первую очередь и в широких масштабах. Как уже говорилось, департамент литературы контролировал работу Общества и имел поэтому все возможности (действуя в сотрудничестве с различными партийными агентствами) продвигать на рынок «хорошие» книги и мешать публикации «плохих» либо запрещать их вовсе. (К упомянутым партийным агентствам относились Общество содействия литературе при министерстве Розенберга, надзиравшее за «духовным и философским образованием» членов нацистской партии, а также «Партийная комиссия по защите национал-социалистической литературы», следившая за публикациями по проблемам национал-социализма).

Департамент литературы оценивал успех своей работы по количеству издателей, книготорговцев, авторов и новых книг, с которыми чиновники имели дело в течение года. Согласно

официальному отчету за 1940 год, департамент проработал в течение года 20 000 новых публикаций. Кроме того, в годовой объем работ вошли следующие мероприятия: присуждение пятидесяти премий в области литературы; проведение свыше 1000 митингов и собраний, конференций и съездов по вопросам литературы.

Восьмой департамент имел в своем составе отдел по надзору за импортируемой иностранной литературой и за экспортом книг из Германии. Этот же отдел организовывал за рубежом выставки германской литературы (одобренной департаментом), проводившиеся не только в союзных и нейтральных, но и в оккупированных странах; выставки проводились в сотрудничестве с рейхскомиссариатом по устройству международных выставок.

К 1938 году в департаменте работало на высоких постах немало чиновников, квалификация которых опиралась больше на длительный опыт партийной работы, а не на знание вопросов литературы. Были, однако, и такие, которые, не являясь нацистскими доктринерами, испытывали искреннее сочувствие к авторам, страдавшим от строгостей и ограничений, введенных нацистами. Такие специалисты иногда осмеливались проявлять незаурядную самостоятельность в суждениях и вкусах. Например, Хьюго Кох покровительствовал писателю И. Клепперу, человеку консервативных христианских взглядов, исключенному из списков управления литературы за то, что его жена была еврейкой. Кох защищал Клеппера от нападок и давления со стороны рьяных нацистов и призывал его быть терпеливым и лояльным к властям, чтобы можно было спокойно разобраться с его трудами и опровергнуть обвинения. После начала войны Кох вступил в армию, и дело Клеппера перешло в руки другого чиновника, Х. В. Хагена, оказавшегося гораздо более ретивым нацистом, чем Кох. В декабре 1942 года Клеппер, его жена и их приемная дочь совершили самоубийство, после того как служба безопасности разрешила выехать в Швецию только самому писателю и его дочери, отказав в таком разрешении его жене.

Департамент по делам театра (или Шестой) напоминал по роду своей деятельности департамент кино и имел подобные же функции. Он осуществлял надзор за деятельностью государственного управления театров, принимал решения по сценариям новых театральных постановок, проверял программы работы всех германских театров и распределял между ними государственные субсидии, без которых большинство их были просто не в состоянии выжить. Департамент также управлял работой нескольких государственных театров, драматических и оперных, находившихся в Берлине, Висбадене и (после аншлюса)

в Вене. Кроме того, департамент контролировал проведение крупных ежегодных мероприятий, таких как Фестиваль Вагнера в Байрейте и празднества в Зальцбурге, получившие известность благодаря Максу Рейнхардту, режиссеру с мировой славой (еще до того, как его выслали в 1933 году). Проводились и другие празднества и фестивали, признанные «рейхсвихтиг» — «важными для рейха», т. е. имеющими общегосударственное значение.

Главой Шестого департамента был министерский советник доктор Шлессер, занимавший одновременно пост «рейхсдраматурга», т. е. государственного цензора пьес и сценариев; он осуществлял полный контроль за репертуаром всех германских театров. Шлессер был личным другом Гитлера; свою карьеру он начинал в качестве театрального критика в одной из националистических газет, а потом был несколько лет литературным директором газеты «Фолькишер беобахтер» («Народный наблюдатель») — главного печатного органа нацистской партии. Он был одним из авторов Закона о театре от 15 мая 1934 года, позволявшего поощрять или запрещать любую театральную постановку, и его деятельность состояла в надзоре за театральными спектаклями «с точки зрения их соответствия национал-социалистической идеологии». Департамент регулярно издавал политические директивы для театральных продюсеров и менеджеров. Под особым наблюдением находились программы проведения национальных праздников, таких как 30 января (день захвата власти нацистами), 1 мая (День труда) и День жатвы и благодарения. Театральные менеджеры были обязаны представлять свои программы за три недели до постановки и ожидать одобрения или запрета со стороны департамента.

Действуя в согласии с официальной идеологией, департамент не давал хода пьесам «неарийских авторов» и продвигал постановки, пропагандировавшие нацистские убеждения. Пьесы все больше подравнивались под установленный официальный шаблон. Вскоре была исключена какая бы то ни было возможность психологических экспериментов на сцене. С началом войны в ход пошли пьесы, посвященные ряду рекомендованных тем и показывавшие «вырождение англичан», «тупость большевиков» (но только после июня 1941 года), прусский героизм и чувство долга и необходимость в безоговорочном повиновении. Нельзя сказать, чтобы наследие великих германских писателей было забыто, но теперь их пьесы получали на сцене националистическую окраску, а общечеловеческие и гуманистические идеи таких классиков, как Гёте и Шиллер, попросту игнорировались. Их труды ценились прежде всего как полезная статья культурного экспорта, призванная повысить

авторитет Германии за рубежом. (В августе 1940 года доктор Шлессер объявил об учреждении премий за наиболее удачные переводы произведений Гёте на словацкий, болгарский, норвежский и фламандский языки).

Департамент отбирал для показа в Германии небольшое количество пьес иностранных авторов, признанных «политически приемлемыми». До войны были популярны французские пьесы и фильмы, высмеивавшие пороки демократии, а пьесы Бернарда Шоу широко шли и в годы войны, поскольку подтверждали тезис о том, что «британцы — это отъявленные лицемеры, погрязшие в плутократии».

Департамент театра контролировал работу двух подчиненных ему агентств: «Зарубежных связей» и «По вопросам балета». Первое ведало обменом артистами и спектаклями с зарубежными театрами, а второе занималось прокатом балетных спектаклей и обучением артистов балета. Ему же подчинялось государственное агентство сценических декораций, являвшееся высшим государственным учреждением в этой области. При этом один и тот же чиновник департамента ведал и театральными декорациями, и оформлением церемониальных приемов, устраивавшихся правительством рейха, и это красноречиво указывало на тесную связь, существовавшую между государственной жизнью и обычаями театральной сцены.

Глава 4
«Промывание мозгов» по партийной линии

1. Партийное бюро пропаганды

Третий рейх покоился на двух опорах; ими были Партия и государство. Результатом такого положения стала довольно странная двойственность органов политико-идеологического влияния и обработки населения, занимавшихся как членами нацистской партии, так и прочими гражданами.

В заключительной речи на съезде нацистской партии, состоявшемся в сентябре 1935 года, Гитлер так описал функции партии и государства: «Назначение государства состоит в том, чтобы продолжать историческое развитие национальной администрации в рамках закона и с его помощью. Партия же решает следующие задачи: 1) осуществляет развитие и укрепление своих внутренних организаций таким образом, чтобы они всегда были устойчивыми и жизнеспособными центрами национал-социалистической доктрины; 2) прививает нации естественную привязанность к идеям национал-социализма; 3) поставляет государству идеологически воспитанных работников, как руководящих, так и рядовых. Обе эти силы должны взаимно уважать друг друга и признавать компетенцию другой стороны».

Пропаганда была в основном делом государства, но партия оказывала государству поддержку и усиливала его влияние, действуя своими силами и по своим планам. В области пропаганды партия была, пожалуй, исполнителем, а не руководителем; в этих вопросах она скорее следовала за государством, а не вела его за собой.

Работа пропагандистских учреждений партии и государства тесно координировалась, и это подчеркивалось тем, что высшее руководство всей деятельностью в этой области было сосредоточено в одних руках — руках Геббельса. Являясь директором партийного бюро пропаганды, он был обязан «проявлять инициативу и прилагать все усилия для того, чтобы весь германский народ проникся национал-социалистической идеологией». В то же время как министр пропаганды он должен был следить за тем, чтобы вся политика и все действия правительства проводились на основе нацистского мировоззрения. Между партийными и государственными учреждениями пропаганды осуществлялось тесное взаимодействие на всех уровнях.

Так, например, один и тот же человек, Хорст Дресслер-Андреас, занимал в 1933–1937 годах одновременно пост руководителя департамента радиовещания Министерства пропаганды, должность начальника партийного бюро

радиовещания и пост президента государственного управления радио (в 1937 году его сменил на всех трех постах Ганс Криглер, работавший до 1939 года). Подобным же образом в 1938 году А. И. Берндт, протеже Геббельса, человек демагогического склада, возглавлял одновременно департамент германской прессы в Министерстве пропаганды и отдел печатной пропаганды при партийном бюро пропаганды. Оба учреждения — и министерство, и партийное бюро — имели региональные подразделения, которые тоже взаимно дополняли друг друга и взаимодействовали между собой.

Партийное бюро пропаганды имело своей задачей определение позиции партии в области пропаганды и освещение для населения достижений партии и государства. Бюро делилось на отделы, первой группой которых руководил сам Геббельс, а второй — его заместитель по кадрам. В первую группу входили отделы активной пропаганды, кино, радиовещания, культуры и связи; во вторую — отдел управления делами, союз национал-социалистической пропаганды, транспортный отдел, главное управление печатной пропаганды и главное управление выставок и ярмарок.

Партийное бюро пропаганды имело свои штаб-квартиры в Берлине и в Мюнхене. В столице находились отделы, непосредственно связанные с проведением пропагандистских кампаний и акций, тесно координировавшие свою работу с Министерством пропаганды; другие отделы, разрабатывавшие идеологические аспекты пропаганды, располагались в Мюнхене.

Здесь мы рассмотрим только узловые моменты работы этой сложной системы. Важную роль играл отдел активной пропаганды, занимавшийся организацией и проведением пропагандистских акций крупного масштаба и намечавший планы местных пропагандистских мероприятий. Именно здесь осуществлялось планирование и руководство всей пропагандистской деятельностью партии. Отдел делился на два сектора, первый из которых занимался организационными аспектами крупных массовых мероприятий: транспортом, снабжением, медицинским обеспечением, питанием. Здесь же занимались строительными и техническими работами и подготовкой. Второй сектор подбирал кадры партийных агитаторов и руководил их работой, и именно он представляет для нас особый интерес, поскольку его деятельность отражала установку партии насчет того, что устная агитация обладает гораздо большей силой, чем печатные призывы. (Как сказал Геббельс в 1932 году, «революции двигали вперед не великие писатели, а великие ораторы!»).

2. Все хотели быть ораторами

Курьеры, курьеры… Тридцать тысяч одних курьеров!

Н. В. Гоголь, «Ревизор»

В Третьем рейхе имелась целая армия профессиональных ораторов, имевшая сложную иерархию и подчеркивавшая своим существованием авторитарный и бюрократический характер этого государства. В партийном бюро пропаганды имелся отдел, занимавшийся отбором и обучением партийных ораторов и повышением их квалификации. Эта работа проводилась с помощью государственной школы ораторов («рейхсреднершуле»), в которую направлялись только выдающиеся нацисты, т. е. члены партии с многолетним стажем, состоявшие в особом корпусе политических работников и заслужившие в нем высокие звания. Окончившие школу получали звание «партийного оратора» и имели возможность дослужиться в конце концов до чина «государственного оратора». Такие люди считались «звездами» своего ремесла; их приглашали для самых ответственных выступлений, обеспечивая им громкую рекламу. Всего же иерархия «партийных ораторов» включала шесть званий: «оратор-специалист», «районный оратор», «областной оратор», «ударный оратор-кадет», «ударный оратор» и «государственный оратор».

В отличие от «государственного», «ударный оратор» имел более короткий партийный стаж, а его выступления затрагивали достаточно ограниченные темы. Заметим, что в его звании, видимо, не зря содержалось слово «ударный», наводившее на мысль о насилии. Многие из этих людей подбирались в штатах организаций, подчиненных партии, где они имели дело с публикой особого рода.

«Областные ораторы» прикреплялись к региональным и областным партийным организациям и специализировались по соответствующим проблемам, которые они должны были хорошо знать. Обычно они работали неполный день или же совмещали работу на двух должностях. Соответственно «районные ораторы» специализировались на проблемах своего района и освещали их в своих выступлениях, выполняя поручения местной партийной организации. Ораторы всех перечисленных званий считались политическими работниками; обычно это были проверенные люди с большим партийным стажем («старые бойцы»). Среди «государственных ораторов» была и одна женщина. Во время

войны ораторов стали посылать на фронт для выступлений перед действующими частями, и было введено звание «фронтовой оратор».

«Ораторы-специалисты» относились к иной категории. Их подбирали среди членов партии, учитывая их глубокие знания в какой-либо узкой области знаний или теме: в экономике, международных отношениях, по «еврейскому вопросу», «об английской плутократии» и т. п. Для них была разработана дополнительная шкала званий (!) в соответствии с их уровнем подготовки.

Как ни сложна была описанная система, но она имела еще и много других дополнительных деталей. Дело в том, что организации, подчиненные партии, такие как Германский трудовой фронт, готовили своих ораторов, которых контролировал «отдел по делам ораторов» партийного бюро пропаганды. Все они получали специальные директивы и руководства, которые готовились в секторе «Информация для ораторов». Далее, в каждом районе существовали свои партийные школы ораторов. Те, кто желал пойти по этой стезе, должны были проявить повышенное трудолюбие и глубокие знания нацистской идеологии. Будущие ораторы обязательно должны были изучить книгу Гитлера «Майн кампф», эту библию национал-социализма, труды Розенберга «Миф 20-го столетия» и «Природа, принципы и цели национал-социализма» и книгу Геббельса «Битва за Берлин». В качестве дополнительного чтения рекомендовались расистские сочинения Ганса Гюнтера, «Еврейский вопрос» Фрицша, давнего антисемита, предшественника нацистов, и книга Трейчке «История Германии в 19-м веке».

Важное значение имел отдел радиовещания партийного бюро пропаганды (состоявший из трех секторов), хотя поле его деятельности было ограниченным — поскольку здесь интересовались не всем процессом подготовки радиопередач (как в Министерстве пропаганды), а только конечным результатом, т. е. их прослушиванием и оценкой. Первой главной задачей отдела было создание возможно более широкой аудитории радиослушателей, интересующихся германской официальной радиопропагандой. Эта цель достигалась двумя способами: во-первых, путем организации производства и широкой продажи дешевых радиоприемников, и во-вторых — путем создания кружков радиослушателей при местных парторганизациях. Уже в 1933 году был начат массовый выпуск радиоприемников «УЕ-3031», продававшихся по 76 марок за штуку, а перед началом войны в продажу поступили самые дешевые в мире радиоприемники маркй «Дойчер кляйн», стоившие всего 35

марок, что позволяло иметь их даже в самых небогатых семьях. Благодаря этим мерам к началу войны радиоприемники имелись почти во всех германских домах и квартирах. На 1 мая 1939 года более 70 % всех семей в Германии имели радиоприемники, и количество владельцев радиоприемников достигло 12,5 млн человек (в 1932 году — 4,2 млн). В 1939 году радиопропагандист Артур Фройденберг провозгласил официальную установку: «Для обеспечения политических интересов государства нужно сделать так, чтобы вся нация могла слушать радио; мало того, вся нация должна иметь возможность слушать любую радиопрограмму в любое время!»

Отсюда вытекала вторая главная функция отдела радио: проводить исследования и оценку аудитории радиослушателей, анализировать реакцию населения на те или иные радиопередачи. С этой целью в стране была создана разветвленная сеть «клубов радиослушателей», которые, согласно официальной доктрине, должны были пробуждать у народа интерес к радио, популяризировать радиопередачи и использовать радио как орудие политической и иной пропаганды в пользу существующего режима. Эти же клубы (они назывались буквально «Станции приема радиопередач») обеспечивали возможность для населения слушать радиопередачи и использовали все возможности для того, чтобы слушание радио стало широко распространенным и общепризнанным занятием. Партийный отдел радио имел 32 отделения по всей стране, по одному в каждой области, и при этих отделениях (либо при местных организациях, подчиненных партии) существовали «клубы радиослушателей». Например, известная организация «Сила через радость» (занимавшаяся организованным отдыхом и туризмом) имела более 30 таких клубов.

Клубы радиослушателей собирали критические замечания и вопросы по поводу тех или иных радиопередач и составляли соответствующие отчеты для местных чиновников, ведавших радиопрограммами, попадавшие потом в партийный отдел радио, в Мюнхен. В 1942 году, в разгар войны, Геббельс пришел к выводу, что радиопрограммы должны иметь более строгий и менее развлекательный характер, и основанием для этого послужили именно отчеты партийного отдела радиовещания, указавшего на недовольство слушателей слишком легким тоном отдельных программ. Этот случай показывает, как партийный отдел радио, находившийся в Мюнхене, решал свою третью главную задачу: подавать конструктивные предложения по формированию программ Государственной радиокомпании «RRG» («Рейхсрадиогезеллыпафт»).

3. Партийное руководство культурой

С помощью своего «отдела культуры» нацистская партия давала свое направление культурному развитию страны, определяя, например, архитектурный стиль партийных и государственных зданий или заказывая музыку для партийных духовых оркестров. Как гласила официальная доктрина, отдел должен был «стимулировать выпуск художественной продукции, выражающей национал-социалистическое мировоззрение, и использовать ее для пропаганды идей партии». Первый из пяти секторов отдела, архитектурный, определял стиль всех зданий и сооружений, возводившихся по заказу партии. Второй сектор — «художественного оформления» — определял линию партии в искусстве и надзирал за стилем и общим видом всех предметов символического характера: знамен, значков, документов и т. п. Здесь же разрабатывались программы проведения всех партийных мероприятий, причем в этой работе участвовали два других сектора: один подбирал подходящее поэтическое и музыкальное сопровождение, а другой предлагал конкретный план мероприятия.

Несмотря на существование тщательно отлаженной системы руководства культурой, нацистские власти иногда с удивлением и беспокойством обнаруживали «полное отсутствие художественного вкуса у населения». Видимо, это настолько бросалось в глаза, что даже во время войны, в 1942 году, служба безопасности Гиммлера (СД) доносила ему о том, что «рынок наводнен художественными изделиями дурного вкуса» и что «среди населения наблюдаются серьезные отклонения в способности правильно оценивать художественную сторону предметов, что может привести в ближайшие годы к падению уровня художественного образования и воспитания в стране и в партии».

Работа третьего и четвертого секторов освещалась в специальном журнале, печатавшем предложения по проведению разных торжественных мероприятий нацистского характера: от крестин детей, родившихся у «особо преданных членов партии», до похорон местных партийных деятелей — с возложением знамен и игрой духового оркестра. Много места отводилось решению таких важных вопросов, как празднование памятных дат из жизни фюрера, с привлечением симфонического оркестра и выступлениями профессиональных ораторов. Все эти материалы имели целью разработку официального ритуала на все случаи жизни и убеждение народа в необходимости сохранения

однопартийной системы.

И наконец, существовал еще пятый сектор, или «сектор народной культуры», который должен был стимулировать развитие народного искусства, особенно музыкального и сценического.

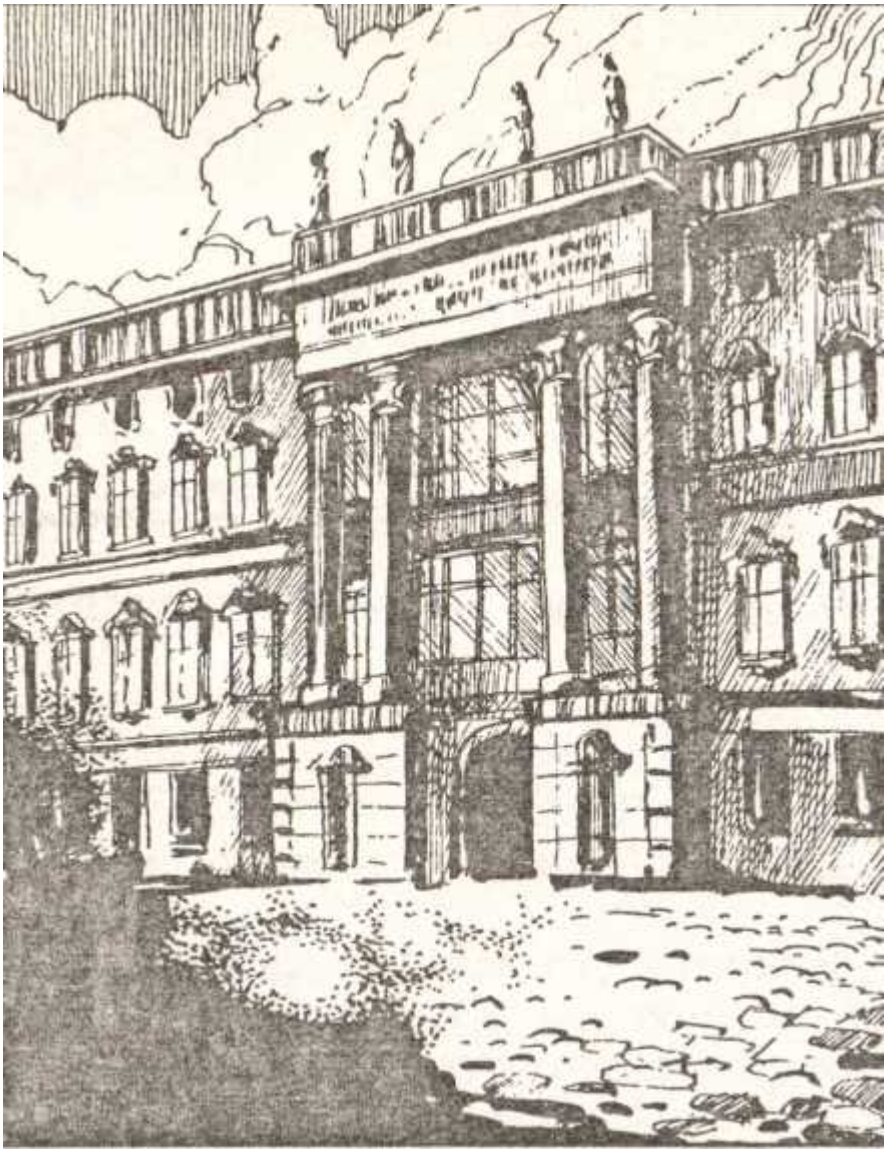
14 июля 1933 года рейхсминистр внутренних дел Вильгельм Функ издал распоряжение, согласно которому все государственные служащие должны были использовать при обращении друг к другу «германское приветствие», исполнявшееся «путем поднятия правой руки». Такой способ приветствия был объявлен обязательным и дозволенным только для «свободных людей» и был запрещен для обитателей тюрем и концлагерей. Кроме того, любой из граждан (находившихся на свободе) был обязан «приветствовать государственные флаги и эмблемы поднятием правой руки». Все официальные письма следовало заканчивать словами: «С германским приветом, Хайль Гитлер!» Каждый домовладелец (но не еврей и не «враг государства») должен был иметь в доме флаг со свастикой, который надлежало вывешивать в дни государственных праздников. Геббельс очень точно исполнял все эти распоряжения и украсил свой дом флагом со свастикой еще до захвата власти нацистами; его установила Магда, собственноручно. Партийные значки и эмблемы он покупал лучшего качества и следил за тем, чтобы их носили все члены его семьи.

Ну а для тех, кому не нравились новые обычаи — для противников режима и разных «неугодных лиц», — в стране была создана сеть концентрационных лагерей. Вскоре после захвата власти нацисты организовали политическую полицию — «гестапо» («гехаймштаатсполицай» — «тайная государственная полиция»), руководителем которой стал с 20 апреля 1934 года Генрих Гиммлер.

Глава 5
Культура в кулаке у Геббельса

Он в две шеренги вас построит, а пикнете…

А. С. Грибоедов. «Горе от ума»



1. Государственное управление культуры

Ганс Йост, немецкий (нацистский) поэт и драматург, президент государственного управления («палаты») литературы, устами героя своей пьесы сказал так: «Когда я слышу слово «культура» — моя рука тянется к пистолету!»

В жизни германского общества политика в области культуры («культурполитик») всегда играла важную роль, но только нацисты додумались до того, чтобы организовать и поставить под контроль всю культурную жизнь нации. Эта амбициозная задача была поставлена перед рейхсуправлением культуры, находившимся в Берлине и строившим свою работу на основе специального закона, принятого правительством 22 сентября 1933 года. Согласно официальному разъяснению, управление культуры («рейхскультуркаммер») должно было «в сотрудничестве со всеми заинтересованными организациями и под руководством министра просвещения и пропаганды содействовать развитию германской культуры, отвечая за это перед народом и государством; регулировать экономические и социальные аспекты культурной деятельности; приводить в согласие интересы всех ее участников». Таким образом, эта гигантская по своему охвату организация была поистине и «тотальной» и «тоталитарной».

Она получила в свое ведение целое «царство», которое на официальном жаргоне называлось «сферой производства культурной продукции» и в которое входили литература, театр, музыка, кинематограф, изобразительные искусства, пресса и радиовещание. Каждой из этих семи отраслей творческой деятельности руководила соответствующая организация («палата» или управление), входившая в состав управления культуры, и только членство в этой организации давало право принимать участие в производстве, продаже и рекламе соответствующей «культурной продукции».

Согласно параграфу 5 официального декрета, поле деятельности управления культуры определялось как «ведение всеми видами творческой и художественной деятельности, выполняемой публично, и всеми продуктами творчества, опубликованными в виде печатного произведения, кинофильма или радиопередачи».

Параграф 4 того же постановления гласил, что «всякий, принимающий участие в производстве, репродукции, художественной или технической обработке, публикации, рекламе, оптовой и розничной торговле культурной продукцией,

должен быть членом культурной палаты, соответствующей роду его деятельности». Фактически это означало, что не только собственно творческие работники, такие как писатели, музыканты, художники, скульпторы, актеры театра и кино, радиокомментаторы и журналисты, должны были состоять в организациях управления культуры, если хотели иметь работу; но это же относилось и к людям многих других профессий: к издателям, коммерсантам, библиотекарям, производителям радиотоваров и музыкальных инструментов и даже к дикторам и стенографистам. При таком положении вещей рейхсуправление культуры и входившие в него организации получали полную возможность поощрять людей, согласных с нацистской идеологией, и отвергать тех, кто был признан «нежелательным элементом» ввиду его неподходящего расового происхождения, «антигерманских» или «декадентских» убеждений либо из-за «приверженности к виду искусства, не одобряемому фюрером».

Управление культуры полностью зависело от Министерства пропаганды; об этом говорит хотя бы тот факт, что в 1938 году его вице-президентами были люди, занимавшие важные посты в министерстве. И, разумеется, Геббельс, бывший одновременно и министром пропаганды, и президентом управления культуры, сам назначал вице-президентов управления и его управляющего, как и президентов всех «палат»: литературы, музыки и других.

Президенты палат были членами совещательного органа — государственного совета по культуре, на заседания которого приглашались вице-президенты и управляющий управления культуры. И еще существовал государственный сенат по культуре, членов которого назначал президент из числа выдающихся деятелей нации и национальной культуры. В 1942 году в сенат по культуре входили высокопоставленные партийные функционеры, не обладавшие никакими знаниями в этой области: Гиммлер, Лютце, Бальдур фон Ширах, Хирл, Рузе и Лей, а вместе с ними его членами были такие выдающиеся деятели, как композитор Ганс Пфитцнер, дирижер Фуртвенглер, кинопродюсер Грюндгенс и актеры Вернер Краусс и Эмиль Яннингс. Сенат, по словам Ганса Фриче, ни разу не собирался в полном составе.

В каждую палату входили профессиональные и творческие организации, занимавшиеся соответствующей деятельностью; вопрос об их членстве решал президент палаты. Например, в палату театров входило не менее 17 различных организаций, таких как Германское общество танца, Союз германских артистов, Лига театральных писателей и композиторов и Фонд помощи творческим работникам (во главе которого опять-таки стоял Геббельс). Особенно много дочерних организаций входило в

палату литературы. Для Германии стало большим новшеством, когда библиотекари, книготорговцы и коллекционеры книг оказались в одной организации с писателями и издателями. Точно так же профессионалы и продюсеры радиовещания были немало удивлены, когда им пришлось объединиться с работниками радиоремонтных мастерских и радиозаводов; и еще более разношерстная коллекция подчиненных организаций собралась под крышей палаты прессы.

В ноябре 1933 года вышел закон, разрешивший управлению культуры и входившим в него палатам регулировать условия труда и решать вопросы об открытии и закрытии предприятий своей отрасли, а также определять отношения различных профессиональных групп. Благодаря этому президенты палат получили широкие возможности контроля и влияния на работников соответствующих профессий. Фактически их распоряжения обрели силу государственных законов, и президент становился для своих подчиненных высшим судьей, способным исключить работника из палаты как неподходящего, лишив его возможности работать по специальности. Любого работника можно было лишить членства в палате, если находились факты, свидетельствовавшие о его «недостаточной благонадежности или квалификации.» Это означало, что авторы и художники, пытавшиеся в чем-то противоречить президенту, могли быть лишены права профессиональной деятельности и обречены на прозябание. А на тех, кто осмеливался заниматься творческой деятельностью, не будучи членом палаты или нарушая ее правила, мог быть наложен штраф в размере 100 000 марок! Соответствующий параграф декрета от 1.11.33 г. недвусмысленно гласил, что полиция была обязана применять к нарушителям меры пресечения по требованию управления культуры или входивших в него палат.

Как и Министерство пропаганды, управление культуры протянуло свои щупальца во все регионы страны. В каждой области существовал его филиал, глава которого, носивший пышный титул «управляющего по делам культуры», был одновременно и начальником местного отделения министерства пропаганды.

Стоит еще заметить, что членство в своей палате, хотя оно и было обязательным, было отнюдь не обременительным для тех, кому режим благоволил, и даже для тех, кто по разным причинам просто не желал нарушать официальные предписания. Такие художники, музыканты, актеры имели неплохие средства к существованию, заработанные не слишком тяжким трудом, а их известность в обществе даже превосходила ту, которой они

пользовались раньше, до прихода нацистов к власти.

2. «Всем разойтись по палатам!»

Государственная палата литературы

«Штык Отто изящно проскользнул меж ребер русского, после чего тот рухнул с протяжным стоном. Перед глазами Отто возникла простая и заветная великая мечта — железный крест». Так звучит отрывок из «литературного» произведения, изучавшегося в нацистских школах.

Министерство пропаганды постановило, что писателям рекомендуется творить только в следующих четырех жанрах: 1) «фронтовая проза»; 2) «партийная литература»; 3) «патриотическая проза»; 4) «расовая проза». Неудивительно, что с приходом нацистов к власти Германию покинуло, добровольно или принудительно, более 250 немецких писателей, поэтов, критиков и литературоведов; среди них были Эрих М. Ремарк, Лион Фейхтвангер, Бертольд Брехт и другие.[2]

Благодаря «умелому руководству» известных нацистских писателей и идеологов Ганса Ф. Блунка и Ганса Йоста (автора знаменитого изречения, приведенного выше), палата литературы «успешно работала», охватывая обширное поле деятельности и имея в своем составе шесть отделов.

Первый отдел был административным; второй занимался профессиональными, юридическими и общественными аспектами работы писателей; третий курировал все вопросы книготорговли, от издания до розничной продажи, в том числе и работу платных библиотек и разъездных книготорговцев. Четвертый отдел имел дело с литературными ассоциациями и агентствами по чтению лекций. Пятый занимался работой публичных и профессиональных библиотек; шестой следил за выпуском справочников и популярной литературы.

Оставалась еще трудная задача литературной цензуры, но ею занималась не палата литературы, а государственное литературное агентство, находившееся непосредственно в ведении министерства пропаганды, которое и решало вопрос о том, одобрить ли книгу, готовую к изданию, или же отвергнуть ее; а уж потом палата литературы выпускала «черный список» книг, запрещенных к изданию (выходивший регулярно!). Декретом от 25 апреля 1935 года палата литературы выпустила известный «Перечень», включавший названия книг и фамилии авторов, признанных в Третьем рейхе «антигерманскими и вредными для интересов нации». Запрет распространялся на

новые издания, на перепечатку и на перевод иностранных книг, как старых, так и новых. Если запрет нарушался, то книги могли быть конфискованы гестапо. Книги таких авторов, как Томас Манн, Стефан Цвейг, Франц Верфель, Карл Цукмайер и Франц Кафка, были полностью запрещены и изъяты из городских и школьных библиотек. Меньше пострадала литература, не затрагивавшая политические проблемы, но тут тоже требовалось, чтобы автор не был евреем или каким-нибудь другим врагом режима и не переступал в своем произведении определенных границ.

Государственная палата изобразительных искусств

> «Для художников был установлен целый ряд возможных карательных мер, применявшихся по отдельности или вместе: «лишение права на преподавательскую деятельность»; «лишение права выставляться»; «лишение права заниматься живописью». Агенты гестапо совершали молниеносные проверки студий и выставок. Владельцам художественных салонов и магазинов раздавали списки художников, попавших в немилость к властям, и перечни запрещенных к продаже произведений искусства».[3]

Палата изобразительных искусств представляла собой весьма обширную организацию, имевшую отделы живописи, скульптуры и архитектуры, отделки интерьеров, садово-паркового искусства, художественных ремесел, графического искусства, древностей, литературы по вопросам искусства и др. Палата вела свою работу под контролем Министерства пропаганды и следила не только за художественным уровнем, содержанием и характером произведений искусства, но и осуществляла коммерческий контроль за проведением художественных выставок, распродаж и аукционов, обращая особое внимание на возможность конфискации предметов искусства, являвшихся еврейской собственностью.

Представители некоторых художественных профессий пользовались особым расположением палаты. Таковыми были архитекторы, поскольку Гитлер проявлял особый интерес к архитектуре, считавшейся очень важным видом искусства, необходимым для создания общественных зданий, служивших на пользу всей нации. Одобрением пользовались и художники-декораторы, так как считалось, что они своим искусством «вносят

вклад в приближение счастливой и культурной жизни в будущем». (Например, они проектировали мебель для молодоженов, получавших специальный заем «на устройство семьи», и таким путем способствовали, хотя и косвенно, росту численности населения и процветанию страны). Поддерживалось садово-парковое искусство, так как оно было призвано «вносить красоту в повседневную жизнь германского народа, украшать природу и ландшафт».

Зато отношение к торговцам предметами искусства и к работникам художественных аукционов было критическим. Их деятельность была строго регламентирована постановлением от 30.07.35 г., предусматривавшим наказания за подлог и мошенничество и указывавшим, что «только аукционеры с надежной репутацией могут быть членами палаты», которая заранее публиковала информацию о намечавшихся аукционах.

В палате имелся пост государственного комиссионера, который занимал профессор Ганс Швейтцер, прославившийся тем, что был автором (под псевдонимом Мьелнир) крикливых открыток и плакатов, агитировавших за Геббельса в период «битвы за Берлин» (см. главу 2). Теперь он занимался тем, что давал предложения и идеи по оформлению и виду всех символов нацистского государства, от памятников до печатей.

Вся эта громоздкая система не оставляла места независимым художникам. Палата искусств запрещала им выполнять работы не только на продажу, но даже для себя лично. Благодаря такой постановке дела количество зарегистрированных членов палаты искусств росло как на дрожжах, достигнув к концу 1936 года общего числа в 42 000 человек, мужчин и женщин. Среди них были: 15 000 архитекторов, 14 300 художников, 2900 скульпторов, 2300 мастеров художественных ремесел, 1260 художников-оформителей и 2600 издателей и торговцев.

В 1936 году вышло постановление, резко ограничившее возможности для критики произведений искусства. Это был декрет Геббельса от 29.11.36 г., в котором он строго осудил литературно-художественную критику. На собрании сотрудников управления культуры, состоявшемся в Берлине, он объяснил, что отныне допустимы только прямые репортажи и комментарии о том, как выглядит то или иное произведение. За месяц до этого был закрыт отдел современного искусства Национальной художественной галереи в Берлине, являвшейся «самым представительным германским музеем, посвященным искусству». Так был наложен официальный запрет на проявления индивидуального художественного вкуса; нацистский режим добился этого менее чем за четыре года своего правления.

Как показали недавние исследования, влияние нацистской идеологии больше всего проявилось в живописи и скульптуре и меньше всего затронуло художественные ремесла.

Государственная палата по делам прессы

> «Из газет изгонялись редакторы и журналисты еврейского происхождения и те, кто был настроен либерально. Оставшиеся были обязаны пройти проверку на «расовую чистоту» и доказать, что они не состоят в браке с евреями; только после этого они могли получить разрешение на работу».

Палата по делам прессы стала важнейшим инструментом политического контроля над всеми работниками, участвовавшими в производстве и распространении газет и периодических изданий. Акцент был сделан даже не на контроль работы самой палаты, а на подчиненные ей организации. По закону палата наделялась правом «регулировать конкуренцию» между изданиями, и ее безжалостный президент Макс Аманн, контролировавший всю партийную прессу, не упускал случая расправиться с независимой газетой или журналом, полагая, что чем меньше их будет — тем лучше. Используя один только «Первый декрет» от 1.11.33 г., Аманн умудрился закрыть множество изданий, отобрав лицензии у 1473 человек. Параграф 10 «Первого декрета» гласил: «Работник может быть исключен из палаты, если имеются факты, свидетельствующие о его неблагонадежности и неспособности выполнять свою профессиональную деятельность». 24 апреля 1935 года Аманн выпустил еще два распоряжения, преследовавшие те же цели, что и «Первый декрет». Декрет «О борьбе со скандальной прессой» объявлял, что «фирма, издающая газету, существующую благодаря освещению событий в нежелательном виде и раздуванию нездоровых сенсаций», может быть ликвидирована. Декрет «Об упорядочении конкуренции» гласил, что при наличии «чрезмерного» количества газет некоторые из них могут быть закрыты «для оздоровления экономической ситуации».

Деятельность Аманна и его помощников Рольфа Риенгардта и Вильгельма Баура облегчалась тем, что они могли сами определять условия существования газеты и ее закрытия, и при этом пострадавший издатель не имел права требовать компенсации убытков. Неудивительно, что количество газет в Германии сократилось с 4703 в 1932 году до 977 в 1944 году.

Удушение прессы осуществлялось с помощью Ассоциации германских издателей газет, подчинявшейся палате прессы. Согласно своему статусу, определенному законом 1938 года, ассоциация должна была помогать своим членам, давая им советы и консультации по профессиональным проблемам. Провозглашалось, что все имеют определенные права, но в действительности работники газет, не принадлежавших партии, быстро обнаруживали, что их права ущемляются, подписчики переходят к партийным газетам, а жалобы в ассоциацию не дают никакой пользы. Ассоциация всегда становилась на сторону издателей партийной прессы. Так же бесполезно было обращаться за помощью в палату, потому что Аманн и его помощники только и ждали случая, чтобы расправиться с непокорными.

Существовала еще Ассоциация германской прессы, формально подчинявшаяся палате прессы, но фактически работавшая под контролем Министерства пропаганды. Эта организация вела официальный регистрационный список всех издателей и журналистов, выполняя роль своего рода «биржи труда» для людей этих профессий. В 1937 году она имела 15 360 членов и 18 региональных отделений. Ее глава, капитан Вильгельм Вейсс, главный редактор главного печатного органа нацистской партии, газеты «Фолькишер беобахтер», был полон решимости вдохновить всех своих сотрудников нацистскими идеями и воспитать новое поколение журналистов, строго следующих линии партии. С этой целью был создан специальный учебный центр — Государственная школа прессы. На пресс-конференции в Кельне, состоявшейся в ноябре 1935 года, Вейсс подчеркнул, что настоящий редактор издания — это не просто журналист, но прежде всего и всегда — также и пропагандист. Сам он был и журналистом, и партийным оратором, и «штурмовиком» и настойчиво работал над тем, чтобы воспитать «журналистов нового типа, встающих на защиту рейха и фюрера не по долгу службы, а по велению сердца».

Все издатели периодики были обязаны состоять в Государственной ассоциации германских издателей периодической прессы, имевшей 30 отделов, собранных в шесть основных групп, ведавших следующими областями: специальные периодические издания; иллюстрированные журналы для легкого чтения (в том числе молодежные издания); издания по прикладным наукам; политическая периодика; журналы, посвященные торговле на экспорт, и издания по вопросам социального страхования.

Распоряжением президента палаты прессы (вышедшим в декабре 1933 года) была создана специальная организация по

делам религиозных газет и периодических изданий, имевшая отделы протестантской и католической прессы: «Союз евангелической прессы» и «Общество католической прессы». Оба отдела имели целью помочь режиму держать церковные издания под строгим надзором, не позволяя им дискутировать по поводу текущих политических и местных событий. Все газеты были обязаны придерживаться своего круга тем и ясно обозначать в заголовках статей и в аннотациях к ним свое отношение к событиям.

Отдельная группа специалистов занималась вопросами продажи газет и периодических изданий. Каждый продавец газет, вплоть до уличных торговцев, любой владелец библиотеки находились на учете и под надзором. Только имея лицензию палаты прессы, можно было заниматься перевозкой и продажей газет и журналов, так что вся эта деятельность строго контролировалась палатой и подчиненными ей организациями. Евреям не разрешалось продавать газеты и журналы. Церковь не имела никаких особых прав на продажу своей литературы, и ее деятельность в этой области строго контролировалась палатой.

Государственная палата по делам радио

В 1933 году Геббельс и его помощники загорелись идеей создания «Единого союза радиовещания», т. е. организации, обеспечивающей решение всех проблем, связанных с радио. Она должна была объединить всех людей, имеющих отношение к этой области: от радиодикторов и продюсеров до радиоинженеров, изготовителей и продавцов радиотоваров, а вместе с ними — не более и не менее — миллионы радиослушателей. Мысль о создании такой гигантской радиокорпорации по модели, уже испробованной в фашистской Италии, обсуждалась еще до прихода Гитлера к власти. В 1932 году Эуген Адамовски, ставший потом первым нацистским директором радиовещания, заявлял, что объединение работников радиовещания с радиослушателями, а вместе с этим и объединение радиопромышленности, торговли радиотоварами и администрации под единым руководством станет «важнейшим фактором формирования и укрепления воли нации».

Первым шагом на этом пути стало создание национал-социалистического управления (палаты) радио, которое должно было стать главным инструментом пропаганды. Эта организация называлась «добровольной» и была через полгода преобразована в официальную Государственную палату радио, членами которой в

обязательном порядке должны были стать все, так или иначе связанные с радио. Несмотря на эту решительную меру, вскоре выяснилось, что мечта о всеохватывающей и единой организации остается недостижимой. Производители и торговцы радиотоварами были выведены из состава палаты весной 1934 года, и 19 марта правительство объявило, что их интересы будет представлять Министерство экономики, а не Министерство пропаганды. Никакие возражения Геббельса не были приняты во внимание, и радиопромышленность осталась вне контроля его министерства, хотя в мае 1935 года все же было образовано учреждение для координации деятельности радиопромышленности и палаты радио, которая к этому времени уже не была «всеохватывающей» организацией.

Попытки министерства пропаганды издать специальные законы, позволяющие ему контролировать все, связанное с радио, были отвергнуты министерством юстиции как вмешательство в сферу его деятельности.

После 1937 года Геббельс убедился в невозможности преодоления тактических трудностей на пути к созданию «сверхрадиокорпорации» и оставил этот замысел. Как ни пыталась палата радио расширить поле своей деятельности — она всюду наталкивалась на сопротивление «RRG» и департамента радиовещания, не желавших поступаться своими интересами; поэтому, утеряв смысл существования, она была расформирована в октябре 1939 года, т. е. при первом удобном случае, которым стало начало войны. Права и обязанности палаты радио перешли к RRG. В последний год своего существования палата имела в своем составе четыре отдела: административно-юридический, профессиональных презентаций, прессы и пропаганды и технико-экономический.

В составе управления культуры были еще три палаты: по делам музыки, театра и кинематографа. Они имели такую же структуру, как и прочие, т. е. состояли из отделов; главные цели и методы их работы тоже были одинаковыми. Их общей задачей, как и всех других «палат» (по-немецки — «каммер»), было не развитие и процветание германской культуры, а проведение политики «гляйхшалтунг» — «насильственного приобщения к господствующей идеологии», основанной на концепции подчинения всех сфер жизни Германии интересам нацистского режима.

Геббельс был одержим желанием «оставить след в истории»; но мало кто теперь помнит о грандиозной бюрократической системе, выстроенной им, чтобы обуздать германскую культуру и заставить ее служить нацистам. Если же кто и вспоминает

придуманные «нацистским Мефистофелем» жуткие «камеры» и «палаты», в которые он хотел упрятать всех художников, писателей и поэтов, — то только с недобрыми чувствами.

Зато не забылись строчки поэта, книги которого нацисты сжигали на кострах, чтобы навсегда уничтожить память о них:

> Девушка в светлом наряде
> Сидит над обрывом крутым,
> И блещут, как золото, пряди
> Под гребнем ее золотым.
> Проводит по золоту гребнем
> И песню поет она.
> И власти и силы волшебной
> Зовущая песня полна.[4]

Зовущая песня красоты и искусства полна волшебной силы, неподвластной тиранам и мучителям.

Глава 6
Жизнь, отданная карьере

Телесная гармония нарушается в результате уродств, нескладности отдельных частей тела. В этой связи хотел бы указать на нижнесаксонскую поговорку: «Берегись уродством отмеченного!»

Эрих Кох, гауляйтер Восточной Пруссии, о Геббельсе

1. «Злой гений фюрера»

«Его заботила не только и даже не столько нога. Геббельс был самым низкорослым и тщедушным среди своих школьных товарищей; уже будучи отцом семейства, он весил всего сто фунтов. Народ называл его «сморчком-германцем»: «Когда кончится война? — Когда Геринг сумеет влезть в штаны Геббельса!» — так говорили немцы, когда поняли, что «молниеносная война» на Востоке не состоялась».[5]

Впечатление, которое производил Геббельс на окружающих, запомнилось многим его современникам, упомянувшим его в своих записках. Вот как обрисовал его Э. Ханфштенгль, неофициальный «придворный шут», пианист и личный друг Гитлера, прятавший фюрера в своем доме от властей Веймарской республики после провала «Пивного путча», а потом едва не поплатившийся жизнью за остроту, сказанную не к месту: его «товарищи по партии» вознамерились выбросить его при случае из самолета, но он прослышал об опасности и сумел вовремя уехать из Германии.

«Геббельс был «злым гением» Гитлера, загубившим вторую часть его карьеры. Этот злобный, язвительный, ревнивый карлик, наделенный поистине дьявольским даром убеждения, напоминал мне небольшую и увертливую рыбу-лоцман, вечно крутившуюся возле крупной акулы — Гитлера. Именно он окончательно настроил Гитлера против всех традиционных учреждений и форм государственной власти. Он был наглым, хитрым и действовал очень ловко. Его блуждающий взгляд как будто обтекал собеседника, а красивый, голос звучал завораживающе, когда он доверительно сообщал вам самые гадкие сплетни и коварные выдумки. Он поставлял Гитлеру полную информацию о том, о чем нельзя было прочесть ни в одной газете, и развлекал его анекдотами о промахах врагов, а заодно — и друзей. Он страдал комплексом неполноценности, связанным, несомненно, с его искалеченной ногой, которую мне (вероятно, одному из немногих) довелось увидеть в «натуральном виде», без обуви. Это произошло в квартире Геббельса на Рейхсканцлерплатц. Не помню точно, как все случилось, но знаю, что мы зашли укрыться от дождя и обсуждали на ходу что-то срочное, а потом Магда позвала меня в комнату, где Геббельс переодевался. Я сразу обратил внимание на его правую ногу: ступня, похожая на сжатый кулак, на котором болтался носок, выглядела безобразно — и таков же был сам этот человек, в этом была его суть. Своей правой ногой он как будто отдавал мне салют (наподобие

коммунистов: «сжатый кулак, поднятый кверху»), а его левая нога взметнулась вверх, повторяя жест нацистского приветствия. Мало сказать, что он был шизофреником: это был, так сказать, «шизопедик», что делало его личность особенно зловещей».

«Он был вторым великим оратором в нацистской партии и мог, как и Гитлер, подолгу говорить о чем угодно, далеко отвлекаясь от темы и вновь возвращаясь к ней с неожиданной стороны. Во время речи он следил за реакцией публики, стараясь зажечь и опьянить ее; он был уверен, что может таким путем одурманить всю страну, а то и весь мир — если его речь перевести на все языки и передать за рубеж. Я прозвал его «Геббельспьер» — за то, что многие «неотразимые» пассажи своих речей он как будто скопировал у Робеспьера; узнав о прозвище, он меня возненавидел: видно, в этом была доля истины».

«У Шекспира в «Макбете» есть фраза, очень подходившая к Геббельсу: «Его улыбка таит в себе угрозу, как острие кинжала, выглядывающее из-за пазухи». Действительно, он использовал обворожительные улыбки и притворное дружелюбие, чтобы опутать своего врага паутиной абсурдных измышлений, а потом внезапно выставить на всеобщее осмеяние, подвергнув унизительным разоблачениям. «Знаете, он вообще-то славный парень, но иногда может ляпнуть такое — ха-ха!» — примерно такими ответами он нередко дразнил Гитлера, не знавшего, как их воспринимать: всерьез или в шутку. Гитлер спрашивал: «Ну и как же все-таки?», и Геббельс, продолжая разыгрывать дружелюбного простака, отвечал: «Ну, не знаю, стоит ли говорить, но…» Гитлер не выдерживал и взрывался, и тогда Геббельс, доведя его до белого каления, начинал вдруг защищать человека, о котором шла речь, прекрасно зная, что этим только разжигает гнев Гитлера. Мне приходилось наблюдать, как он именно таким способом отобрал у министра юстиции Гюртнера отдел по делам прессы».

«Он не хотел открывать своих слабостей никому, даже Магде, хотя та служила ему с истинно собачьей преданностью. Одно время он устроил у себя дома зал для просмотра фильмов; и вот как-то после сеанса, поднимаясь по гладким ступенькам наверх, чтобы проводить гостей, он поскользнулся изуродованной ногой и едва не упал на лестнице. Магда успела подхватить его и поставить на ноги возле себя. Опомнившись после минутного замешательства, он на глазах всей компании схватил ее сзади за шею и пригнул до колен, сказав: «В этот раз ты меня спасла; кажется, я должен сказать тебе «Спасибо!» Те, кто не видел этой с цены, не могли поверить в то, что все так и произошло; те же, кто видел, долго не могли прийти в себя от впечатления глубокой и

злобной порочности, открывшейся им в эти мгновения. Помнится, я тоже как-то раз помог ему при подобных обстоятельствах, когда шел вслед за ним, направляясь на собрание вместе с принцем Ауви. Я думал, что он меня поблагодарит, но он ответил мне взглядом, полным ненависти».

2. Радикал с повадками Макиавелли

За двадцать лет своей работы в качестве главного пропагандиста и манипулятора общественным мнением Геббельс преуспел в проталкивании в сознание народа великого множества идей; и все же была одна идея, которой он не касался никогда, хотя над ней усердно трудились многие его коллеги из высшего звена партии. Итак, почему же Геббельс не пропагандировал идею «господствующей расы»?

Отчасти это, наверное, объяснялось тем, что концепция «расы господ» не находила слишком уж восторженного отклика в массах; ну и, несомненно, тут сыграла роль хромота Геббельса. Так что «великий манипулятор» (как мы знаем со слов Ганса Фриче) отверг эту заманчивую идею и даже высмеивал ее иногда в беседах с подчиненными.

Напомним, что такие черты, как умение упорно и производительно работать и управлять настроениями масс, овладевая их вниманием, были связаны у Геббельса со стремлением компенсировать свой физический недостаток. К тому же он был одним из немногих интеллектуалов в партии, где существовало пренебрежительное отношение к «интеллигенции», и старался как-то оправдать и это «отклонение от нормы». Вполне возможно, что будь Геббельс здоровым человеком, в его характере оказалось бы меньше черт «от Мефистофеля» и больше «от Фауста»; он не испытывал бы такого презрения к интеллектуалам (к которым принадлежал и сам) и не искал бы поклонения толпы, выступая на массовых митингах.

Уже в начале политической карьеры Геббельс понял, что обладает властью над толпой и может подводить своих слушателей к высшей точке ярости и воодушевления. Его актерско-ораторское мастерство произвело впечатление даже на Гитлера, который особенно ценил людей, «умеющих повелевать массами». Фюрер восхищался умом и особенно красноречием «маленького доктора»: «Я их всех переслушал, этих наших ораторов, — сказал как-то Гитлер в присутствии Ханфштенгля, — и от всех меня клонило в сон — кроме Геббельса! Вот он действительно умеет объяснить все как надо!»

И Гитлер, и Геббельс умели легко установить контакт с публикой и захватить ее внимание; знали, как сыграть на ее слабостях, инстинктах и предрассудках. Оба они были отменными лицедеями, но с некоторой разницей между собой. Гитлер обычно не только играл роль, но и полностью отождествлял себя с изображаемым персонажем, прямо-таки

перевоплощаясь в него; тогда как Геббельс, заранее рассчитав каждое слово, все время помнил, что и как он должен играть, как бы наблюдая за собой со стороны. Гитлера иногда настолько одолевал фанатизм, что он забывал даже о расчетливости, тогда как Геббельс, изображая бешенство, ярость, презрение, почти никогда не испытывал этих чувств на самом деле.

Но основной чертой и характере Геббельса был его неуемный радикализм. Этот человек был рожден не для спокойных и благополучных времен. Напротив, он любил кризисы, смело шел им навстречу и испытывал приливы сил в периоды борьбы за власть, в дни партийных междоусобиц и неприятностей на фронте. Он стал гауляйтером Берлина в такое время, когда бросить вызов коммунистам и социал-демократам казалось совершенно безнадежным делом; он вдохновлял еврейские погромы в ноябре 1938 года; он ухитрился успокоить потрясенных немцев после поражения в Сталинграде, а потом и после покушения на Гитлера в июле 1944 года.

Быстро улавливая назревавшие перемены, Геббельс был и радикалом, и оппортунистом одновременно. Если заставляла обстановка, он был готов пойти на соглашение, отложив свой радикализм до лучших времен, но не отказываясь при этом от своей неудовлетворенности миром, от своего презрения к массам, от недовольства тупостью своих коллег и подчиненных, т. е. от тех качеств, которые характерны для «несостоявшегося радикала». Один из его друзей по работе в правительстве Гитлера рассказывал, что он выражал сожаление по поводу «слишком легкого» прихода нацистов к власти: он хотел, чтобы власть была захвачена в результате «широкой и кровавой революции». Умом он понимал преимущества «законного пути», которым Гитлер пришел к власти, но, повинуясь темпераменту, желал бы более драматических и эффектных революционных перемен. «Ему бы быть якобинцем и выпускать прокламации с объявлениями беспощадного террора по отношению к врагам революции — вот где его дьявольский темперамент был бы вполне к месту!» — вспоминал современник.

В годы партийных и государственных кризисов он чувствовал себя как рыба в воде. Сначала он принадлежал к «левому крылу» нацистской партии, но сумел вовремя отделаться от настоящих социалистов, таких, как братья Штрассеры, и расстаться с фракцией Рема. Он был и политическим оппортунистом, и представителем политической богемы. Как оппортунист он тщательно следил за тем, чтобы никогда не противоречить фюреру и не заходить слишком далеко во вражде с опасными соперниками, помня, что его главный капитал — доверие

Гитлера. Но замашки «представителя богемы» время от времени прорывались, не давая спокойно наслаждаться плодами власти; напротив, времена покоя и порядка вызывали у него отвращение. Тут случился «путч Рема», накаливший обстановку; подчеркивать свою «революционность» во внутренних делах стало опасно, и Геббельс направил свою энергию на иностранные дела, выступая в защиту «обездоленных наций» — «угнетенных жертв западной плутократии».

Говоря о настроениях Геббельса в 20-е гг., можно вспомнить слова Ханфштенгля о том, что он «своей правой ногой приветствовал коммунистов, а левой отдавал честь нацистам». Скромно одетый гауляйтер «образца 1926 года» превратился в 1932 году в министра, живущего среди подлинной роскоши, но сохранившего в душе антибуржуазные настроения. Он никогда не любил буржуазию, обывателей-«филистеров», бесцветных людей «среднего уровня» и нередко высказывал беспокойство о том, что партия может со временем утратить свой боевой анти-мещанский настрой.

Этот настрой был искренним, а недовольство «интеллектуалами» — напускным и двусмысленным, приобретенным в трудные дни безвестности, когда «игра ума» казалась молодому выпускнику университета, романтику и одновременно поклоннику Макиавелли, никчемной по сравнению с участием в борьбе масс. «Интеллект вредит формированию сильного характера!» — заявлял герой романа «Михаэль», незрелого и сентиментального творения Геббельса. Подобные высказывания звучали в кружке поэта Стефана Георге, куда молодой Геббельс так и не был допущен.

Герой романа «Михаэль», в котором угадывается сам Геббельс, отвергает с презрением бездушные академические науки и хвалит мыслителей всеобъемлющего склада ума, таких как Гёте, Достоевский, Вагнер и Ницше. В общем, взгляды Геббельса были более динамичными и не такими шаблонными, как у других его коллег из окружения Гитлера. Его подчиненные рассказывали, что отваживались спорить с ним и выражать «объективное мнение» — конечно, не покушаясь на его авторитет и не задевая такие слабые струны, как жажда власти и антисемитизм. Ганс Фриче рассказал на Нюрнбергском суде, что он ценил в Геббельсе ум и способность изменять (по крайней мере иногда) свое мнение под влиянием убедительных аргументов. Другие работники Министерства пропаганды подтвердили это мнение.

Геббельс мог оправдать практически любую позицию или идею, не принимая их близко к сердцу. Вообще-то это

свойственно многим политикам, и каждый из них корректирует время от времени свои взгляды и аргументы, но Геббельс был к тому же непревзойденным мастером демагогии, цинично используя самую оголтелую софистику для оправдания полной перемены политического курса, если она имела место. Например, после заключения Советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 года он сумел представить достаточно аргументов, чтобы убедить немцев в его необходимости и заставить их забыть недавнюю антисоветскую позицию их правительства. Иногда он устраивал в своем министерстве дискуссии за закрытыми дверями по самым щекотливым вопросам, привлекая для участия в них старших чиновников; он учитывал также данные секретных анализов общественного мнения, поставлявшихся разведкой и службами его министерства. При этом, однако, в Третьем рейхе, как и в любом тоталитарном государстве, всегда существовала четкая граница, отделявшая правителей от народа. Ни учащиеся, ни писатели, ни какие бы то ни было интеллектуалы не смели претендовать ни на объективную информацию, ни на возможность критических высказываний. Истина, как и возможность действовать, оставалась монополией партии. Свободный обмен мнениями был совершенно недопустим (разве что за исключением области естественных наук), поскольку он противоречил принципам пропаганды и был опасен для государства.

Так жизнь Геббельса превратилась в своего рода парадокс. Он обладал живым умом, интересовался музыкой и понимал ее, разбирался в театральном искусстве, в балете и в кинофильмах, и это делало его настоящим интеллектуалом, т. е. человеком именно того типа, на который он постоянно нападал по соображениям «политической целесообразности». Это как раз тот случай, когда жажда власти и славы намного превосходят любовь к истине и объективности. Для этого человека справедливость была совершенно отвлеченным понятием. Любая ложь, любое искажение фактов считались допустимыми, если они служили на благо нацистскому режиму, но прежде всего (и обязательно!) — собственным интересам «себя, любимого». Он снисходительно именовал любовь к объективности и справедливости «хроническими слабостями германского национального характера» и любил цитировать по этому поводу немецкого поэта Клопштока, жившего в начале XIX века: «Не стоит слишком искренне говорить о своих недостатках: ведь люди не настолько благородны, чтобы оценить вашу любовь к справедливости!»

Некоторые члены нацистской верхушки (особенно те, кто по разным причинам потерял расположение властей) не раз

отмечали склонность Геббельса ко лжи; например, Отто Штрассер сказал о нем: «Амбициозный оппортунист и лжец!» Самую откровенную ложь Геббельс высказывался, пожалуй, о себе самом. Уже упоминалось, что в молодости он выдавал свое увечье за результат ранения, полученного на фронте в годы первой мировой войны. Позже он придумал другую версию, рассказав, что стал жертвой французов в 1923 году, когда они оккупировали Рур и посадили его в тюрьму, где нещадно избивали. Братья Штрассеры занялись проверкой этой истории и послали запрос, получив в ответ сообщение, что Геббельс ни разу в жизни не сидел в тюрьме и что весь его рассказ — сплошная выдумка.

Весь его холодный интеллект, вся его проницательность и сарказм не мешали ему играть на чувствах людей, если этого требовали обстоятельства. Тут ему помогало умение легко находить контакт с толпой и его ораторский талант: краткие чеканные фразы, попадающие точно в цель. Его статьи и речи не были скучными, хотя он часто повторялся. У него был редкий дар находить и применять слова и выражения, которые были ясными, точными и запоминающимися. Особенно этим отличались его речи, произнесенные после 1933 года. Некоторые слова получили в его высказываниях новые значения, вошедшие в обиход. Он был мастером злой шутки и умел представить своего оппонента законченным тупицей, презренным лицемером или лгуном и фальшивым другом. «Когда люди злятся — это понятно, — заметил он однажды своему секретарю, — но их глупость ставит меня в тупик!» Подобные фразы звучат как находки и надолго запоминаются окружающим. Вот еще одна в том же духе: «Мы знаем, чего мы хотим; но еще важнее то, что мы хотим того, что нам хорошо известно!» А вот из речи, произнесенной в берлинском Дворце спорта во время войны (зал был до отказа забит людьми): «У нас нет никаких тайных целей. После войны мы готовы жить по принципу: «Живи и дай жить другим!» Но пока идет война, это звучит по-другому: «Сражайся против того, кто сражается с тобой!»

Тоталитарное государство не может существовать, не провозглашая приемлемые и неприемлемые нормы поведения. Эти нормы могут меняться, иногда даже коренным образом, но они всегда существуют и являются неотъемлемой частью идеологии. Геббельс обладал особым умением находить «словечки к месту», составлять понятные и привлекательные лозунги, звучавшие свежо и оригинально. Он умел придать также новое значение уже известной концепции, приспособив ее к требованиям официальной политики. Так, в его речах термин «свобода» совершенно потерял индивидуальное значение и

применялся только в смысле «свобода нации». Известное выражение: «Ничто не ценится так дорого, как свобода, которая оправдывает любые жертвы!» — Геббельс переделал так: «Для нации лучше закончить войну бедной, но свободной, чем сохранить богатства и потерять свободу!» Согласно его объяснениям, «свобода» — это свобода нации, независимость германского народа от других народов, но не свобода личности от обязанностей, налагаемых на нее государством, как это понимали Джон Локк и Вильгельм фон Гумбольдт.

Другой пример переделки значения слова — употребление Геббельсом термина «классовая борьба» накануне второй мировой войны. Много лет нацистская пропаганда отрицала идею классовой борьбы внутри нации, называя ее «дьявольским измышлением еврейских заговорщиков и международных марксистов, желающих подорвать единство Германии», но это не помешало Геббельсу приспособить марксистскую концепцию для своих целей, создав формулу «классовой борьбы между нациями», с помощью которой он хотел оказывать давление со стороны «неимущих наций» на консервативные и процветающие «богатые нации Запада».

Геббельс редко использовал полную и законченную ложь, предпочитая искажать идеи и извращать факты и делая это с непревзойденным искусством. Обычно в его объяснениях присутствовало некое ядро или хотя бы зерно истины, которое он, по словам Шверина фон Крозига, «умел обернуть множеством слоев интерпретаций, обязательно оставляя себе лазейку для бегства на случай, если его захотят проверить». Он всегда свободно оперировал доводами «за» и «против» и мог без стеснения отвергнуть то, чему еще недавно поклонялся, и рьяно защищать то, что перед этим отвергал. Этому можно найти множество примеров: обличение и осуждение главаря штурмовых отрядов Рема и его помощников после кровавых событий 30 июня 1934 года; новый курс дружбы с Советским Союзом после заключения пакта о ненападении в августе 1939 года, после многих лет обвинений сталинского режима во всех грехах; угрозы в адрес короля Италии и его генералов после падения Муссолини в августе 1943 года — все это случаи резкой смены направления пропаганды, происходившие, впрочем, с учетом настроения общественности и особенностей ситуации. Если Геббельс полагал, что публика еще не забыла его прежние уверения, то он считался с этим фактом, избегая по возможности внезапных и полных поворотов курса пропаганды. Хороший пример в этом отношении представляют инструкции германской прессе, данные перед объявлением о заключении Пакта о ненападении с СССР. Этот

«исторический документ», объяснявший резкую перемену в политике Гитлера, звучал так: «Данное решение представляет собой сенсационный поворот в отношениях между двумя нациями и возврат к традиционному сотрудничеству между Германией и Россией. Следует подчеркивать эту мысль в комментариях и передовых статьях, указывая на исторические предпосылки и на решающее значение договора для всей ситуации в Европе». Новость еще не стала достоянием гласности, а журналистам уже посоветовали отмечать в своих сообщениях, что она «вызвала глубокий интерес у населения». Учитывалось, что многие немцы почувствуют недоумение, узнав о столь резком повороте от яростного антибольшевизма к сотрудничеству с большевиками, поэтому директива указывала, что в газетах не следует упоминать об идеологических различиях между двумя государствами и делать какие-либо оценки в этой области, как положительные, так и отрицательные. Для того, чтобы поворот в политике не показался внезапным, журналистам рекомендовалось ограничиваться в своих комментариях перечислением фактов, не вдаваясь в отвлеченные рассуждения. Читатели, узнав новость, не должны были испытать ни слишком большой радости, ни огорчения. Сообщение следовало набирать обычным шрифтом и давать в традиционном оформлении, чтобы не слишком напугать публику.

В нацистской правящей верхушке не было другого такого мастера тонкой лжи, превратных толкований и коварных намеков, каким был Геббельс. Конечно, такие деятели, как Геринг, Гиммлер и Борман, были ничуть не более щепетильны в политике и в жизни и точно так же были убеждены в том, что цель оправдывает средства, но они не умели так тонко и с таким искусством использовать речь, слово, как это делал «маленький доктор». Похоже, что у них не было и такого умения ловко очернить своего соперника. В диктаторском государстве борьба за власть проходит за кулисами, не на виду у публики (по крайней мере, до победы одной из группировок), и Геббельс с его неугомонной энергией острой проницательностью и критическим умом, был в такой среде мощной и опасной фигурой. Он знал, как представить своих недругов в смешном виде, и делал это мастерски, с расчетом на то, что Гитлер быстро лишает своего благоволения тех, кто имел несчастье прослыть смешным. Острый и злой язык и живой беспокойный ум делали Геббельса похожим на Вольтера — если только можно представить себе Вольтера в нацистской форме и с оружием.

Только сам фюрер был застрахован от злословия Геббельса. Его, как хозяина (да и себя тоже), Геббельс нередко забавлял за

обеденным столом, используя кого-либо из гостей в качестве мишени для своих циничных шуток. Он мог так ловко и к месту рассказать анекдот или передразнить слово или жест, что после этого его жертву уже никто не принимал всерьез. Он проделывал такие вещи с улыбкой и показным дружелюбием, затягивая своего противника в паутину намеков и двусмысленных шуток, а потом внезапно разоблачая его и выставляя на осмеяние. Он поступал так из злобы, или чтобы улучшить свое положение, либо добиться каких-то выгод для своего министерства. Действуя таким методом, он сильно навредил например, Русту, министру образования, желая заполучить под свое управление все германские университеты, но не преуспел в этой затее, хотя и вылил на Руста немало грязи. Даже в феврале 1945 года, всего за несколько недель до конца Третьего рейха, Геббельс не оставил своих интриг и уговорил Гитлера сместить доктора Дитриха, своего давнего соперника. Он всегда оставался опасным конкурентом, готовым использовать любую возможность, чтобы навредить своему недругу, подорвав его положение и престиж. Не зря его соперник Розенберг, не отличавшийся столь разносторонними талантами, сказал о нем в своих воспоминаниях: «Он всегда был Мефистофелем нашего движения и оставался им до конца».

3. Соперники из окружения Гитлера

Чтобы лучше понять деятельность Геббельса на посту министра пропаганды, необходимо получить представление о главных фигурах из ближайшего окружения Гитлера, с которыми Геббельсу приходилось соперничать в борьбе за власть и за влияние на фюрера. Здесь мы дадим их краткие характеристики, содержащиеся в воспоминаниях Э. Ханфпггенгля, который много с ними общался и хорошо знал их лично[6]

Розенберг и Риббентроп

«С возвышением Геббельса значение Розенберге как политической фигуры сильно упало, хотя жалеть тут, пожалуй, было не о чем. В то время он поселился в роскошной вилле в Тиргартене. Он заведовал отделом внешних сношений нацистской партии и мечтал о должности министра иностранных дел, которую занимал фон Нейрат. Чтобы поднять свой престиж, он совершил поездку в Лондон, обставленную с большой помпой, но попал впросак, выставив себя в глупом виде: он решил возложить венок к памятнику погибшим в первую мировую войну, но англичане сочли его поведение неискренним, и кто-то сразу после церемонии выбросил венок в Темзу. «Неплохо было бы, чтобы вслед за венком туда же бросили и самого Розенберга!» — так оценили многие этот случай. Гитлер, который всегда ему покровительствовал, но, видимо, не питал иллюзий насчет его способностей, сделал вид, что ничего особенного не произошло и что визит прошел успешно. Я прекрасно знал, что это не так, и сказал об этом во всеуслышание, на что Гитлер, поворотясь ко мне (на приеме в рейхсканцелярии), сказал строго: «Ханфштенгль, вы позволяете себе слишком многое, критикуя партайгеноссе Розенберга; если я еще раз услышу подобное, я вас уволю!» Я ответил так, чтобы мои слова были истолкованы в пользу Риббентропа, который все еще был не у дел и надеялся с моей помощью поправить свое положение. По-моему, любой был бы лучше, чем Розенберг. Риббентроп всегда с энтузиазмом поддерживал мою мысль о чрезвычайно важной роли Америки, и поэтому я, не жалея сил, оказывал ему поддержку. Но Гитлеру он не слишком нравился. «А, это тот, «вышедший из строя»!» — сказал он не слишком любезно. В конце концов Риббентроп добился своего, но и Гитлер не забыл своих слов (значение которых стало ясно позднее).

У меня были дружеские отношения с Нейратом, поэтому я

оставил свои попытки помочь Риббентропу, и вовремя, потому что вскоре вскрылись некоторые неприглядные факты из его биографии. Оказалось, что госпожа Мейсснер, жена государственного секретаря, служившего у Гинденбурга, знала Риббентропа еще мальчиком, когда он жил в Метце перед первой мировой войной. Его отец был кадровым офицером и служил в полку, стоявшем у Везеля, на Рейне. Маленький Иоахим был известен в своей гимназии как самый глупый ученик в классе, отличавшийся при этом непомерными амбициями и тщеславием. Фрау Мейсснер никак не могла поверить, что человек, поднявшийся до таких высот в нацистской партийной иерархии и считавшийся специалистом по иностранным делам, — тот самый Иоахим, знакомый ей по Метцу.

Приставку «фон», свидетельствовавшую о дворянском происхождении, он купил за деньги. Дело в том, что в Веймарской республике не были (как это ни странно) отменены аристократические титулы и звания; более того, можно было законным путем поменять буржуазную фамилию на дворянскую, убедив какого-нибудь бездетного аристократа передать вам свой титул. Риббентроп, женившись в 1920 году на богатой наследнице владельца фирмы по производству шампанских вин, отыскал пожилого бедного родственника, согласившегося оказать ему такую услугу. В то время он и его жена сумели проникнуть в высшее берлинское общество, где познакомились с некоторыми богатыми еврейскими банкирами. Риббентроп получил заем у одного из них, Герберта Гутмана, совладельца «Дрезднер-банка», и использовал деньги на то, чтобы основать фирму, специализировавшуюся на экспорте и импорте самых дорогих сортов шампанского и спирта.

Трудно сказать, случайно так вышло или нет, но официальное торговое название фирмы, образованное по первым слогам ее полного наименования, звучало как «Импогром» и получило вскоре самое зловещее толкование. Зимой 1933 года, вскоре после того как Гитлер пришел к власти, Гутмана зарезали в его доме (и кажется, не без участия Риббентропа).

Так Риббентроп оказался единственным среди нацистских руководителей, у кого имелись в личном распоряжении значительные денежные средства. Первым делом он свел знакомство с графом Геллдорфом, начальником берлинских штурмовиков, а потом, будучи человеком тщеславным и амбициозным, подружился с Герингом, по совету которого устроил у себя на вилле (в пригороде Берлина Далеме) ту самую знаменитую встречу Гитлера, Папена и Гинденбурга, состоявшуюся 22 января 1933 года, в результате которой Гитлер

пришел к власти. Тем не менее, его дальнейшее возвышение происходило не сразу. Он постоянно околачивался то во дворце президента рейхстага Геринга, то в министерстве иностранных дел, предпринимая неуклюжие попытки проникнуть в ближайшее окружение Гитлера, но никак не мог добиться решающего успеха.

Ключик, которым он наконец сумел открыть эту дверь, оказался достаточно простым: это была неизменная готовность услужить фюреру, с помощью которой он и пробудил у него интерес к своей личности. Помня, должно быть, о военной карьере своего отца (не дослужившегося, впрочем, до высоких чинов), он вел себя в присутствии Гитлера как младший офицер, угодливо бросающийся исполнять каждое пожелание своего начальника. Полное отсутствие интеллектуального багажа не помешало ему в его попытках. Он просто ловил на лету фразы, брошенные Гитлером, украшал их витиеватыми словечками, а потом произносил в присутствии фюрера как услышанные где-то великие мысли — и этим сумел-таки завоевать признательность «хозяина». Кроме того, он наловчился улаживать бесконечные распри между старыми членами нацистской партии, став среди них признанным и незаменимым авторитетом в этом деле. Ему потребовалось пять лет на то, чтобы Гитлер постепенно проникся мыслью о возможности доверить ему пост министра иностранных дел, занимаемый Нейратом, исполнявшим свои обязанности с высоким профессионализмом. Не обошлось без помощи многих нацистских вожаков, продвигавших своего любимца с помощью закулисных интриг. Его соперником в борьбе за этот пост был Розенберг, рьяно стремившийся к цели, но восстановивший против себя почти всех и тем лишивший себя реальных шансов на успех. Геринг тоже поглядывал на эту должность, но у него нашлась масса других возможностей удовлетворить свой ненасытный аппетит. Да и Геббельс проявлял нешуточные амбиции, но Гитлер не без сожаления отверг его кандидатуру, чувствуя, что его физический недостаток помешает ему на этой работе. Разрешить ситуацию неожиданно помог Отто Дитрих (заведовавший отделом печати НСДАП): он хоть и не испытывал к Риббентропу особой любви, но совершенно возненавидел Розенберга и никак не желал его продвижения, решив лучше отдать предпочтение новичку. Риббентропу помог даже тот факт, что он довольно поздно стал членом партии — благодаря этому он оказался в стороне от всех враждовавших внутрипартийных группировок. К тому же он обладал умением вести себя в обществе — по крайней мере, если этого требовали обстоятельства; в остальных случаях он следовал простому правилу: угодливо поддакивал Гитлеру в его присутствии, а в

отсутствие «хозяина» вел себя по отношению к окружающим с совершенно невыносимой надменностью и напыщенностью. Почти все главные фигуры партийной верхушки безошибочно определили его как «человека второго плана» и снисходительно решили, что он не сможет составить серьезную конкуренцию в борьбе за влияние на Гитлера.

Гитлер поручил Риббентропу возглавить специальное учреждение по вопросам внешней политики, получившее название «бюро Риббентропа», сотрудничавшее, с одной стороны, с внешнеполитическим отделом НСДАП, возглавлявшимся Розенбергом, а с другой — с министерством иностранных дел, которым руководил Нейрат. На средства партии была создана информационная сеть и установлены контакты с иностранными дипломатами и осведомленными людьми; это позволило снабжать Гитлера разнообразной и ценной информацией, содержавшей гораздо больше живых и интересных подробностей, чем деловые и взвешенные отчеты министерства иностранных дел. Постепенно Риббентроп подорвал позиции Нейрата, внушая Гитлеру при каждом удобном случае мысль о необходимости иметь во главе министерства надежного и преданного человека, умеющего организовать работу традиционно мыслящих чиновников в духе идей национал-социализма: «Невозможно добиться новых достижений со старой командой! — повторял он мысль Гитлера. — Эти люди не поймут ваших целей и просто избавятся от вас!»

Первый крупный дипломатический успех Риббентроп одержал в Англии в 1935 году, когда провел там переговоры о заключении англо-германского морского договора; и тогда же он возненавидел англичан за отказ принять его сына на учебу в Итон. Он посчитал это прямым оскорблением и не согласился удовлетвориться возможностью послать мальчика в Вестминстерскую школу. Потом он провел несколько лет в Лондоне в качестве германского посла, но так и не разобрался по-настоящему ни в характере англичан, ни в основных движущих силах британской дипломатии, и его ошибочные взгляды сыграли немалую роль в том, что Гитлер надеялся быстро и без больших потерь завоевать Англию.

Риббентроп не только сумел убедить Гитлера в плохой работе министерства иностранных дел, но и польстил своему хозяину, критически оценив качество работы армейского командования. Оказалось, что у него имелись для этого свои личные причины. В архиве рейхсвера хранилось заведенное на него дело с записью о том, что осенью 1918 года, во время отступления, он ушел из своей части и не вернулся на фронт. В то время он был в чине

лейтенанта резерва и подлежал за свой проступок суду и расстрелу, как дезертир; его спасли только революция и перемирие. Гитлер и Геринг, конечно, знали об этом деле и использовали свою осведомленность, чтобы держать Риббентропа в руках.

Геринг

Геринг был процветающей фигурой. Он числился на хорошем счету у Гитлера и мог позволить себе изобретать для себя сколько угодно красивых мундиров и фуражек и разъезжать по Берлину в эполетах неимоверной величины, похожих на клубничный торт. Он коллекционировал ордена так, как другие коллекционируют марки, и приставал к знакомым из семьи кайзера, чтобы они устроили ему награждение «Большим крестом за заслуги». Принц Виндишгрец, сильно нуждавшийся в деньгах, поддался на его шантаж, «устроив» ему крест за 150 фунтов стерлингов. По характеру Геринг был совершенное дитя, но отнюдь не дурак; он никогда не позволял собой пренебрегать, но в глубине души чувствовал, что все его величие — показное и что он может сохранить свое положение, только непрерывно блефуя. Он погряз в роскошной жизни, которую сам себе устроил, и Гитлер знал, что он готов сделать все, лишь бы не расстаться со своим положением. Если он совершал недозволенные или незаконные поступки, Гитлер знал, где его искать и кого за ним посылать. Ханфштенгль говорил, что его собственные отношения с Герингом одно время были прохладными: «Я был тогда в Лондоне; прочитав в газетах всякие выдумки о пожаре рейхстага, я сказал кому-то: «Геринг на самом деле — вовсе не национал-социалист, он скорее «военный социалист» — «солдат удачи». Это дошло до ушей Геринга, и он взбеленился, потому что именно это вменяли ему в вину многие старые нацисты. «Ну, Ханфштенгль, — сказал он мне с угрозой, — если ты еще раз обо мне такое сболтнешь — пеняй на себя!»

Гиммлер

Прочие фигуры из окружения Гитлера были в основном личностями «второго плана». Лей был пьяница. Гиммлер был бюрократ, неустанно трудившийся над созданием собственного могущества. Гитлер знал, что может на него положиться. «Он из тех людей, которые исполняют свой долг с холодной решимостью», — сказал фюрер как-то. То, что Гиммлер учился на сельскохозяйственном факультете, объясняет многое в его

характере. Людей, связанных с сельским хозяйством, редко можно встретить, например, в художественном музее, зато они готовы потратить несколько часов, чтобы познакомиться с какой-нибудь технической новинкой. Их не интересуют картины Ван Гога, зато они готовы сколько угодно просидеть над каталогом сельскохозяйственных машин, рассматривая фотографии новых жаток и молотилок. Генрих Гиммлер был человеком именно такого типа. Для него Германия была не более чем огромным поместьем, в котором он отвечал за порядок и безопасность. Ну, а в хозяйстве ведь как: если что-то испортилось — его нужно исправить или убрать; если кто-то заболел — посадить в изолятор; если распространяет заразу — стерилизовать или уничтожить. Больные домашние животные не должны доставлять своему хозяину слишком много хлопот, и на них не распространяются правила о запрещении жестокого обращения с животными. Гиммлер использовал для оправдания своей деятельности теорию Дарвина, вывернув ее наизнанку: он возвращал людей в животное состояние, а себя считал особого рода «универсальным ветеринаром», осуществляющим селекцию новой породы.

Гитлер считал главным достоинством Гиммлера его непоколебимую верность. Ханфштенгль иногда называл его в шутку «наш Фуше», но Гиммлер вежливо отклонял сравнение: «О нет, не надо так говорить!» Он считал Фуше непостоянным человеком, политическим перебежчиком и не хотел иметь с ним ничего общего.

Гесс и Борман

Гесс занимал непонятный пост руководителя отдела связи и взаимодействия НСДАП; фактически его обязанности состояли в том, что он был личным представителем Гитлера и посредником в его делах. Гитлер часто отменял его решения, и он под конец перестал их принимать, отделываясь обещаниями «рассмотреть дело». Это раздражало региональных лидеров, ворчавших, что он, мол, «самоустранился от работы».

Иногда он вел себя странно: переходил на вегетарианскую диету, лечился природными средствами и разными другими нетрадиционными способами. Доходило до того, что он не мог прилечь поспать, не пройдясь по комнате со специальной «чувствительной лозой», чтобы определить, не появились ли под его комнатой вредные подземные потоки, которые своим воздействием могут нарушить его сон. Своими познаниями он делился с женой, которая жаловалась знакомым, что стала за

время замужества «специалистом по нетрадиционным знаниям».

Борман был помощником Гесса. Это был аккуратный, скромный и бережливый человек, видимо, воспитанный в хорошей семье; вместе с Гессом они проводили непрерывные кампании по борьбе с коррупцией внутри партии, и Борман всегда следил за тем, чтобы бухгалтерские документы были оформлены правильно и содержались в порядке.

Влияние Гесса постепенно сошло на нет. Гитлер им дорожил и однажды сказал о нем: «Надеюсь, что он меня никогда не покинет. Даже не знаю, кто мне более дорог: Гесс или партия!»

Единственной общей чертой всех этих людей было неуемное ревнивое соперничество, обнажавшее их завистливую мелочность. Геринг и Геббельс ненавидели друг друга и старались перещеголять один другого, поразив Берлин очередной сенсацией; Геринг и Рем были готовы убить друг друга в борьбе за влияние над армией. Гиммлер, довольно слабохарактерный по натуре, втайне точил нож на Геббельса, который настраивал Гитлера против кавалерийского корпуса СС, описывая его как «пример возрождения классовых привилегий». Между тем эта воинская часть была любимым детищем Гиммлера, сохранявшего в душе привязанность к лошадям еще со студенческих лет. Геринг ненавидел Гесса и дразнил его обидной кличкой «полуджентльмен». Так они ссорились и дрались между собой, как дикие коты в клетке. Гитлер однажды высказался так: «Если я приду к власти, то постараюсь избежать ошибки, сделанной кайзером Вильгельмом, не терпевшим возле себя людей, говоривших ему правду. Я такого не допущу». На самом деле у него получилось гораздо хуже: его окружали люди, не знавшие правды, а он сам никого не хотел слушать.

4. «Американцы, англичане, русские — одним словом, евреи!»

Представляют интерес высказывания Геббельса о главных противниках Германии: Великобритании, СССР и США. Если считать, что его дневники действительно отражают его мнение, показывая его таким, каким оно и было на самом деле, то приходится удивляться той странной смеси острой наблюдательности и вопиющего невежества, которая определяет их содержание; удивительно также, как этот интеллигентный человек, занимавший почти 10 лет высокую государственную должность и имевший возможность влиять на ход мировой истории, имевший при этом доступ к источникам самой ценной и надежной информации и получавший секретные донесения германских послов, мог заполнять страницы подобными «опусами». Полная неосведомленность Геббельса относительно жизни и особенностей других народов и стран бросается в глаза; несомненно, это была одна из главных его слабостей.

О русских он писал, что это, собственно говоря, «не народ в общепринятом смысле слова, а сброд, обнаруживающий ярко выраженные животные черты. Это можно с полным основанием отнести как к гражданскому населению, так и к армии». Он легко принимал на веру сообщения из оккупированных областей о том, что русские военнопленные, занятые на сельскохозяйственных работах, пожирают друг друга, как людоеды. В то же время он обнаруживал более дальновидный подход к политике по отношению к России, чем все другие министры и сам фюрер. Например, только он один предлагал проводить в оккупированных восточных областях меры по укреплению «дружбы» с местным населением, имея в виду в первую очередь Украину:

«Я пришел к выводу, что мы должны коренным образом изменить нашу политику в отношении народов восточных территорий. Мы можем значительно уменьшить партизанскую опасность, если завоюем доверие населения. Продуманная и ясная сельскохозяйственная и религиозная политика поможет нам добиться замечательных результатов. Видимо, будет целесообразно также создать в некоторых регионах марионеточные правительства, которые будут проводить нужные нам непопулярные меры. Такие правительства будет, конечно, нетрудно образовать, и они будут служить удобным прикрытием для проведения нашей собственной политики. Нужно будет, не

откладывая, поговорить об этом с фюрером», — писал Геббельс 22 мая 1942 года.

Однажды он случайно услышал, что один американский парень из Техаса, попавший в плен, не мог точно сказать, является ли Бавария частью Германии или нет; удивлению и возмущению Геббельса не было границ. Он изощрялся в насмешках, долго не мог успокоиться и наконец заключил, что все американцы — практически неграмотные люди. Неизвестно только, смог бы он сам назвать хотя бы десяток из 48 штатов Америки. Тем не менее он судил об Америке с полной уверенностью, записывая 23 апреля 1942 года:

«Складывается впечатление, что через каждые четверть века Америка обязательно участвует в какой-нибудь войне в Европе, чтобы иметь возможность беспрепятственно и по дешевке поживиться здесь всем, чем придется, например, достижениями культуры. Американский континент вряд ли может похвастать собственными успехами в этой области. Америка выросла на том, что привозили из Европы, и к тому же американцы одержимы страстью к деньгам; вот они и стараются завладеть здесь результатами научных исследований и творчества, не заплатив за это ни цента. У них есть всего один приличный оперный театр на всю страну — Метрополитен-опера, да и тот стоит закрытым, а их руководители еще имеют наглость заявлять, что мы (и в нашем лице — европейская культура) им угрожаем! Они тащат свой народ к дикости! Между тем нам приходится жить вместе с ними в этом безумном мире! У них в Америке есть люди, призывающие к войне громче, чем сам президент Рузвельт, и это — явный признак морального вырождения, переживаемого их страной. Вот к чему привело то, что у них там всем заправляют евреи!»

Так он снова нашел возможность вернуться к излюбленной теме, подтвердив свои нападки раздобытой где-то «статистикой» насчет засилья евреев в Америке: согласно его «данным», евреи завладели в Америке кинопроизводством — на 100 % (!), а прессой и радиовещанием — на 90–95 %; доказательств Геббельс не приводил, но комментировал эти цифры с большой язвительностью.

Британцы тоже не пользовались его расположением. Британскую тему он разрабатывал охотно, но глубокими знаниями в этой области явно не располагал.

2 февраля 1942 года он записал следующее:

> «Могут спросить: почему, собственно, Англия с такой наглостью пропагандирует свою войну против «держав оси»? Возможно, что англичане плохо

представляют себе наше превосходство или же не знают как следует собственных слабостей; но скорее всего это объясняется их желанием вести войну чужими руками. Они хотят переложить тяготы войны на другие страны и народы, и за это их следует решительно критиковать в наших газетах и других средствах пропаганды, хотя наша критика, надо сказать, их мало трогает. Это ведь такой странный народ: с ними очень трудно что-либо обсуждать! Они невыносимо упрямы (или тупы!), и это в конце концов действует на нервы; однако же они считают это, пожалуй, своим национальным достоинством, а не недостатком».

А через несколько дней появилась вот такая запись по поводу понятия «джентльмен»:

«Вот это и есть «английские джентльмены»: когда дела у них идут хорошо, они сохраняют свой вежливый и невозмутимый вид; если же они сталкиваются с достойным соперником, то быстро сбрасывают маску, являя миру лицо жестокого угнетателя народов».

В декабре 1942 года во внешний мир просочились сведения о массовых убийствах евреев, совершаемых в Германии, и британская Палата общин почтила на своем заседании минутой молчания миллионы невинных жертв. Геббельс по этому поводу заметил следующее: «Иден выступил в Палате общин с речью, посвященной проблеме евреев, и ответил на заданные вопросы. Потом держал речь один из «самых дряхлых депутатов» (по словам английской прессы), который со слезами на глазах рассказал о горькой судьбе польских евреев. В конце заседания Палата общин устроила в их память «минуту молчания». Все депутаты поднялись с мест и произвели негромкую овацию. Это вполне в духе английского парламента: ведь он в действительности не что иное, как еврейская биржа. Англичане, хоть и являются арийцами, но по сути очень близки к евреям».

Короче говоря, Геббельс не жалел для англичан самых скверных оскорблений; но иногда, вопреки себе, не мог удержаться от похвалы настырному противнику; так, 20 февраля 1942 года он писал:

«Как ни трудно приходится сейчас англичанам, как ни тяжело дается им война, но в высказываниях простых людей не слышно осуждения. Английский народ привык стойко выносить удары судьбы и, в известной степени, достоин уважения. Английское правительство умело использует природное упрямство англичан. Но это до поры до времени: упрямство когда-нибудь да кончится

— тогда, когда наши удары приобретут сокрушительную, смертельную силу!»

В общем, Геббельс был невысокого мнения о противниках Германии; но и к своим союзникам он не испытывал особого уважения. Итальянцев и их фашистское движение он открыто презирал, считая, что они не идут ни в какое сравнение с немецкими национал-социалистами. По его словам, «идеи национал-социализма имели глубокие корни в характере германского народа, тогда как итальянский фашизм представлял собой совершенно несерьезное, поверхностное явление». Да и в остальном итальянцы «ничем себя не проявили в последнее время: ни военными успехами, ни достижениями в живописи и в музыке», так что налицо была определенная «неполноценность итальянцев по сравнению с немцами»: вряд ли эти два народа можно было, по мнению Геббельса, считать равноценными с точки зрения «расовой теории».

Впрочем, в применении теорий приходилось соблюдать осторожность, поскольку ситуация с другим, союзником, Японией, была весьма щекотливой: приравнять японцев к немцам — не поворачивался язык, но и обижать было нельзя, потому что они, в отличие от итальянцев, проявили высокие военные способности и добились успехов в ведении войны. Было над чем поломать голову, и 27 января 1942 года Геббельс записывал в дневнике:

«Американцы изо всех сил стараются втянуть нас в спор по расовым проблемам, имея в виду прежде всего Японию. Пресса США помещает гневные статьи против желтой расы, которые пытается распространить через Стокгольм по всему миру. Некоторые стокгольмские газеты перепечатывают эту пропаганду, пытаясь вызвать нас на спор; но я дал указание германским средствам информации обходить эту деликатную проблему, потому что дискуссия в этой области не обещает нам особых успехов. Нам придется отстаивать свои взгляды на расовые проблемы, стараясь не задеть Японию и страны Азии, а это не так-то легко; так что лучше обойти эти трудные вопросы молчанием».

Глава 7
Светская и семейная жизнь. Романтическая любовь и развлечения

Так можно доказать,

«Без всякого пристрастья,
Необходимость
самовластья
И прелести кнута».

По А. С. Пушкину

1. Возможность показаться миру

Многих зарубежных путешественников, посетивших Третий рейх в 1935–1936 годах, поражали мощь и величие нацистского государства. Летом 1936 года в Берлине состоялись Олимпийские игры, возможность проведения которых явилась настоящим (и неожиданным) подарком правительству Гитлера. Дело в том, что выбор Берлина в качестве места проведения игр вовсе не был заслугой нацистского режима; этот вопрос решили правительство Веймарской республики и Международный олимпийский комитет еще в 1928 и 1932 годах. Так национал-социалисты получили прекрасную возможность «показать товар лицом» всему миру. Спортсмены и многочисленные болельщики, прибывшие из многих стран, сразу оценили эффективную организацию игр, радушие и гостеприимство хозяев и продуманную программу разнообразных развлечений. Власти приказали убрать все следы варварской жестокости, насаждавшейся в стране, чтобы Германия предстала в глазах иностранцев в образе «процветающего и респектабельного государства». Немцы вели себя как вежливые хозяева, не пускающие гостя дальше нарядной гостиной, чтобы он не увидел неприглядных порядков, царящих в доме. В ресторанах, отелях и магазинах спешно смывали со стен надписи: «Евреев не обслуживаем!», а вульгарный порнографический еженедельник Штрайхера «Дер штюрмер» был временно изъят из продажи.

В канун Игр германскую прессу снабдили подробными и точными инструкциями. В конце января 1936 года газеты получили указание не помещать никаких сообщений об инцидентах с иностранцами и о случаях применения физического насилия к евреям. Эти темы моментально исчезли со страниц всех газет (даже местных), «чтобы не дать зарубежной пропаганде материал для срыва зимней Олимпиады». Выяснилось, что в германской хоккейной команде один игрок — наполовину еврей, и газетчикам было приказано «никоим образом не упоминать о его еврейском происхождении». Было объявлено (и это оказалось неожиданностью), что в спортивных комментариях не стоит говорить о расовой принадлежности спортсменов, потому что это «неуместно».

Геббельс решил отложить на время гонения на евреев, чтобы показать всем этим иностранным знаменитостям, чего стоит нацистский режим. 15 июня 1936 года редакторы германских газет получили указание «использовать Олимпийские игры и подготовку к ним для самой широкой пропаганды нашей идеологии».

Объем и тиражи изданий были увеличены. Олимпийские игры проходили через несколько месяцев после референдума по вопросу о Рейнской области, на котором Гитлер получил поддержку удачно проведенной ремилитаризации этого региона, и редакторам порекомендовали использовать подходящие материалы для пропаганды в поддержку правительства. Министерство пропаганды и его местные отделения обещали для этого свою помощь и поддержку.

Результаты получились весьма удовлетворительными. Американский корреспондент, освещавший соревнования зимней Олимпиады в Гармиш-Партенкирхене, писал: «Большинство иностранцев было приятно удивлено щедростью и приветливостью хозяев и их добродушием, которое нам, прибывшим из Берлина, показалось несколько наигранным». Действительно, иностранцы, особенно деловые люди, явно были очарованы умелым приемом, стоившим недешево (хотя были и скептики, утверждавшие, что все это делается ради пропаганды и производит впечатление неискренности, несмотря на обилие развлечений). Если оценивать события с точки зрения современности, то можно сказать, что Олимпийские игры оказались самым выдающимся успехом нацистских организаторов и пропагандистов, сумевших эффективно использовать все средства, чтобы пустить пыль в глаза иностранным гостям и всему миру.

Нацистам сильно помогло развитие радиотехники; благодаря радио впервые в истории миллионы людей во многих странах смогли стать непосредственными участниками событий. Компания «RRG» обеспечила возможность 67 репортерам из 19 европейских и 13 других зарубежных стран вести прямые репортажи из Берлина. Всего было передано 2500 репортажей на 28 языках мира и еще 500 репортажей на немецком языке. Не зря один из иностранных комментаторов обратился по окончании Игр к Геббельсу с телеграммой, выразив благодарность «за прекрасную организацию Олимпиады и за великолепные достижения германской радиотехники».

Германские власти постарались использовать мирные олимпийские соревнования спортсменов для демонстрации растущей военной мощи своей страны. Например, 1 февраля, после проведения в Берлине конных соревнований спортсменов из Германии, Италии, Японии и Польши был устроен кавалерийский парад (прошедший совсем неплохо), а потом — марш эсэсовцев в черной форме и показ военной техники: танков и бронемашин. Затем провели инсценировку боя: солдаты, укрывшиеся на земле, поджигали броневики. Зрители, которых

собралось около 20 000 человек, бурно аплодировали, а Гитлер и Геринг отвечали на приветствия.

Геббельс перед этим дал прием в честь гостей Олимпиады, на котором присутствовало несколько тысяч человек; он был устроен в бывшем имении кайзера Вильгельма Второго. Праздник проходил в парке на острове среди реки. Для связи острова с берегом навели понтонный мост, на котором всю ночь дежурили солдаты саперного полка, чтобы не допустить ни малейшей неполадки. Собралась самая изысканная публика из разных стран: дипломаты, генералы и адмиралы, члены германской императорской семьи, знаменитые певцы, актеры, писатели и журналисты, «звезды» спорта и, разумеется, члены нацистской партийной и государственной верхушки. Они прошли на остров сквозь строй молодых артистов, одетых пажами и державших в поднятых руках зажженные факелы. Весь остров был богато иллюминирован. Всюду, на постройках и на деревьях, горели тысячи огней, мерцавших как светлячки. Шампанское и кушанья были великолепны. Несколько оркестров играли всю ночь, и под их музыку актеры и актрисы в костюмах викторианской эпохи танцевали изящные старинные танцы, а молодые танцовщицы в костюмах «в стиле греческой мифологии» развлекали гостей. Все закончилось грандиозным фейерверком. Под утро, когда праздник приобрел слишком бурный характер, произошли кое-какие неприятные события, но они не испортили общего впечатления успеха.

Чета Геббельсов прибыла на праздник в белом; Магда была одета в вечернее платье из органди, а ее улыбавшийся муж — в двубортный габардиновый костюм; говорили, что их наряды обошлись казне в 40 000 марок. Некоторые из гостей, настроенные критически, назвали праздник вульгарным, а поведение Геббельса — циничным; тем не менее министр сумел показать всему миру, что положение нацистов (и его собственное в том числе) прочное и что они собираются еще долго править Германией. А главное — правительство получило очень неплохую выручку в валюте.

Расходы па строительство спортивных объектов (в том числе огромного Олимпийского стадиона в Берлине) составили несколько десятков миллионов марок, но все окупилось с большим избытком: общий доход, по словам Гитлера, превысил полмиллиарда марок.

Несмотря на пережитый триумф, Гитлер несколько раз попадал во время Олимпиады в затруднительное положение. Ему совершенно не хотелось награждать и чествовать чернокожих спортсменов из Америки, добившихся на Играх блестящих

успехов: ведь он считал их «людьми второго сорта, недавно вышедшими из джунглей», а тут они сумели победить в честной спортивной борьбе цивилизованных белых спортсменов. В другой раз публика встретила долгой овацией французских спортсменов, проходивших мимо правительственной ложи и поприветствовавших почетных гостей. Гитлера это раздосадовало: он увидел, что немцы хотели бы жить в дружбе с соседями, а у него на этот счет были совсем другие планы.

2. Нелегкие государственные обязанности бывают и приятными

В принципе Геббельс был против показной роскоши, которой любили похвастать другие партийные вожди, особенно Геринг. Министр пропаганды строго внушал журналистам, чтобы они призывали народ к скромности и сдержанности в быту — и как раз тогда, в пору этих призывов, в апреле 1935 года, Геринг устроил пышный праздник в Доме оперы в честь своего бракосочетания с актрисой Эмми Зоннеман. В январе следующего года Геринг закатил у себя вызывающе роскошный бал, а Геббельс в это время требовал от редакторов помещать меньше иллюстраций, чтобы сделать газеты и журналы более дешевыми.

Впрочем, Геббельс легко шел на любые расходы, если считал их необходимыми для дела. Так, в июле 1936 года он устроил у себя на вилле в Ванзее карнавал «Венецианская ночь», на который пригласил 3000 гостей — но отнюдь не ради собственного удовольствия, а чтобы достойно принять делегатов Международной торговой палаты, съехавшихся в Берлин со всего мира. В 1936 году в Берлине состоялись Олимпийские игры, и Геббельс решил сделать все возможное, чтобы представить миру Третий рейх как страну счастья и процветания; с этой целью он устроил там же, в Ванзее, бал, который продолжался две ночи. Бесчисленное множество молодых артисток и танцовщиц, одетых нимфами и дриадами, должны были придать празднику романтический и непринужденный колорит. Девушки немного перестарались, и к утру картина бала напоминала больше сцены вакхического разгула, а не чинные олимпийские торжества. Разгорелся нешуточный скандал, такой, что даже всемогущий министр пропаганды никак не мог его замять; Геринг же, которому частенько доставалось за его пристрастие к роскоши, получил на этот раз хороший повод посмеяться над промахом своего соперника. Впрочем, Геббельс все равно нашел способ поправить дело: через день после окончания Олимпиады по его распоряжению был устроен «Пивной фестиваль», показавший «образцовое поведение немецкой молодежи, уважающей традиции почтенных бюргеров».

Супружеская пара Геббельсов охотно участвовала в светской жизни, посещая приемы у Гитлера и принимая гостей у себя. Гитлер имел возможность приглашать к себе для застольных бесед известных и интересных людей своего времени, но предпочитал общество «старых друзей» и «товарищей боевых

лет», в компании которых предавался вечера напролет одним и тем же разговорам и воспоминаниям.

Все подобные застолья протекали одинаково, будь то в Берлине или в Берхтесгадене. У Гитлера было две особенности: он подолгу не мог уснуть с вечера и не переносил одиночества; поэтому он нередко устраивал у себя продолжительные «посиделки», в которых участвовал и Геббельс. Вот как описывал такие «собрания» Отто Дитрих (журналист, заведовавший партийным бюро печати), тоже часто на них бывавший.

«Говорил обычно Гитлер, не позволявший себя перебивать никому, кроме Геббельса; тот, улучив момент, подбрасывал фюреру «ключевое слово», вызывавшее у него интерес и новый поток высказываний. Геббельс научился использовать подобные моменты для принятия важных решений, которые, хотя и имели устную форму, воспринимались всеми как «указание фюрера» по тому или иному вопросу. Однажды случилось так, что Гитлер неожиданно замолчал, и Геббельс не нашелся, что сказать; последовкла долгая и неловкая пауза. Решили рассказывать анекдоты, и тут уж Геббельс оказался непревзойденным, без устали сообщая последние политические сплетни и шуточки, да еще и приправляя их словечками берлинского жаргона. С особым удовольствием он передавал остроты, жертвами которых были Геринг и другие партийные руководители — но, конечно, не он сам».

Так же охотно Гитлер принимал за своим столом красивых женщин, особенно актрис, не обнаруживая, впрочем, по отношению к ним никаких намерений завязать любовную интрижку; Геббельсу поручалось выбирать и приглашать подходящих дам. Геббельс и сам любил женское общество. Для приемов у фюрера он обычно отбирал привлекательных и женственных особ, умеющих с удовольствием поддержать беседу и не обремененных слишком высоким самомнением, потому что втайне страдал из-за своего небольшого роста и физического увечья. Так что можно сказать, используя любимый Геббельсом высокопарно-романтический стиль, что «в душе этого человека под маской могущественного и знаменитого государственного деятеля скрывался неискушенный ребенок, жадно, но несмело тянущий ручонки к ярким игрушкам», которыми манила его жизнь. Ходили рассказы о том, что он не стеснялся использовать свое могущество, чтобы заполучить ту или иную красотку из артисток к себе в постель, но эти слухи следует признать не соответствующими действительности. Ему просто не было нужды поступать подобным образом. Он знал, как заинтересовать женщин, и они слетались к нему сами, как бабочки на огонь, даже

без особых корыстных побуждений. Надо сказать также, что Магда ко времени заключения их брака представляла собой красивую и элегантную даму, в которую Геббельс был, без сомнения, искренне влюблен; и ни он, ни она не скрывали своих чувств друг к другу. В берлинском светском обществе, а особенно в артистических кругах, были не прочь позлословить насчет того, как молодой рейхсминистр и его женушка называют друг друга при посторонних разными ласковыми словечками вроде «мой сладенький» и «ангелочек». При этом Геббельс требовал от супруги, чтобы она не только соответствовала понятиям его мужской гордости, но и следовала библейскому завету «Плодитесь и размножайтесь!», выполняя тем самым свой патриотический долг. 1 сентября 1932 года у них родилась дочь Хельга; 13 апреля 1934 года — Хильда; 21 октября 1935 года — сын Гельмут; 9 февраля 1937 года — дочь Хольда; 5 мая 1938 года — дочь Гедда; а в октябре 1940 года — Хейда. Имена всех детей начинались с буквы «Х» («Г»); это была причуда Магды, которая и своего сына от первого брака с Квандтом тоже назвала именем, начинавшимся на «Г» — Гаральд. Все дети росли здоровыми и миловидными; Геббельс был им заботливым отцом: он ими гордился и охотно отдавал им свое время, свободное от служебных обязанностей, стараясь хоть раз в день, хотя бы ненадолго, заглянуть в детскую.

У этой идиллии была и оборотная сторона: Магда подолгу ходила беременной (раз или два у нее еще случились выкидыши), а Геббельс в это время (по долгу службы) встречался со многими красивыми женщинами из числа актрис театра и кино. Магда более или менее стойко выдерживала эту «конкуренцию», старалась не быть мелочной и предоставляла мужу известную свободу, которой он, впрочем, и так пользовался, не спрашивая ее разрешения. У него были загородные имения: Шваненвердер («Лебединый остров») и Ланке, где в уютно обставленных «павильонах», вдали от столичной суеты, можно было спокойно и в полной безопасности проводить «деловые встречи вдвоем» с очаровательными партнершами, среди которых были актрисы, секретарши, а также дамы и девушки из общества, относившиеся к «своему милому министру» с восторгом и восхищением, которые ему весьма льстили.

3. Любви подвластны и министры

В 1936 году Геббельс познакомился с молодой чешской актрисой Лидой Бааровой, снимавшейся в то время на немецких киностудиях. Ей едва исполнилось 20 лет, но она уже имела успех, особенно как партнерша известного киноактера Густава Фрелиха, с которым ее связывали и тесные личные отношения. У Фрелиха была дача в Шваненвердере, располагавшаяся рядом с дачей Геббельса. Там-то и встретились министр и актриса, хотя до этого Геббельс, конечно, уже видел Лиду на презентациях и премьерах фильмов. Фрелиха и его подругу пригласила на чай Магда, встретившая их во время отдыха на даче. Потом были еще такие же встречи и чаепития, имевшие вполне непринужденный характер: все думали, что Баарова собирается замуж за Фрелиха, тогда как на самом деле их отношения уже были близки к разрыву, и Лида почувствовала интерес к «очаровательному министру», хотя и знала, что он почти вдвое старше ее.

Потом она получила в числе других работников искусства приглашение на ежегодный партийный праздник в Нюрнберге, где, помимо участия в политических театрализованных представлениях, посещала, конечно, и бесчисленные светские приемы и вечера. Там она впервые встретила Гитлера, да еще и в сопровождении Геббельса.

— Я должен перед вами извиниться, госпожа Баарова! — обратился к ней Гитлер.

— Но почему, господин рейхсканцлер? — спросила молодая актриса с искренним удивлением.

— Меня подвел мой адъютант, — продолжал Гитлер, — он должен был вручить вам цветы.

— За что же, господин рейхсканцлер?

— Ну как же, ведь вы на следующей неделе выходите замуж, не так ли? Кажется, в понедельник?

— О нет, господин рейхсканцлер!

— А говорят, что вы выходите замуж за киноактера Фрелиха! — объяснил Гитлер, чувствуя с неудовольствием, что попал в неловкое положение.

— Нет, господин рейхсканцлер! — ответила актриса, покачав головой.

— А вы не замужем за Фрелихом?

— Нет, господин рейхсканцлер!

Тут в разговор вмешался Геббельс и спросил актрису, обручена ли она с Фрелихом и собирается ли в скором будущем выйти за него.

— Нет, господин рейхсминистр! — повторила она снова.

Следующая встреча с Геббельсом произошла день или два спустя на большом приеме, где устраивалось и музыкальное представление. Лида сидела в ложе рядом с министром; там были и другие гости. Оркестр играл лирическую мелодию из «Элеонор», и певица все повторяла припев модной песенки: «Я была влюблена, я была так влюблена!» Геббельс наклонился к своей соседке и, не стесняясь многочисленных соседей по ложе, прошептал ей на ухо: «Я тоже!»

Молодая артистка сделала вид, что не приняла это всерьез, и продолжала называть его «господин рейхсминистр», а он ее — «госпожа Баарова» и «Вы». На следующий день Геббельс должен был произносить свою главную речь на празднике, и оба снова встретились среди многочисленных гостей. Неожиданно Геббельс, извинившись перед присутствующими, сказал, что должен обсудить с госпожой Бааровой кое-какие вопросы, связанные с ее ролью в новом фильме, и увел ее в соседнюю комнату. Лида была удивлена не меньше других, потому что вот-вот должны были объявить о выступлении Геббельса с речью, но он, как ни в чем не бывало, заговорил о ее профессиональных делах, спросил о режиссере нового фильма и об исполнителях ролей, а также о том, что нужно сделать, чтобы картина получилась удачной; а она, слушая его, не могла отделаться от мысли, что ему нужно готовиться к выступлению. «Но, господин рейхсминистр, — сказала девушка, — ведь вам через двадцать минут уже нужно быть на трибуне!» «Это ничего, — ответил он, — для меня это дело привычное», — и снова с полным спокойствием заговорил об операторе фильма и о всяких мелочах. Но Лида не сводила глаз с больших часов, висевших на стене. «Ведь вам нужно идти на сцену, осталось всего семь минут!» — воскликнула она, нервничая. «Не беда!» — повторил ее собеседник и продолжал с увлечением развивать тему о фильме. Когда до выхода оставалось всего три минуты, он ее поцеловал, и тут оба заметили, что у него на лице остались следы губной помады, так что пришлось потерять еще две минуты, чтобы их убрать. Лида помогла министру привести себя в порядок, вытерев ему лицо дрожащей рукой. После этого Геббельс с улыбкой попрощался и отправился произносить свою речь. Лида сидела в зале и не сводила с него глаз, не вникая в то, о чем он говорил (она совершенно не интересовалась политикой). Тут он нашел ее взглядом среди публики, достал из кармана носовой платок и энергичным жестом вытер себе губы, повторив движение, которым до этого стирал следы губной помады; а потом, сделав этот намек, понятный только им двоим, продолжил речь.

Геббельс знал, как польстить женщинам, особенно избалованным: им нужно было уделять внимание и время. Когда он хотел приударить за такой, то не просто посылал ей букет роз с кем-нибудь из своих секретарей, а сам, выбрав несколько лучших цветков, отправлял их из магазина с запиской, содержавшей личные намеки и любезности. Такое внимание производило неотразимое впечатление на женщин, знавших, как сильно он занят на службе; каждой льстило, что он сумел найти время лично для нее. «Но, господин министр, — говорила обычно женщина после более близкого знакомства, — а как же ваша конференция? И выступление по радио? И другие дела?» «Дела подождут, — отвечал Геббельс, — сейчас я с тобой, и это самое важное дело!»

Для Бааровой у Геббельса всегда находилось время; они стали встречаться при каждом удобном случае. Ему нравилось с ней беседовать, обсуждать свои личные проблемы, никогда не касаясь политики, которая ее не интересовала и в которой она совершенно не разбиралась. Впрочем, он больше сам расспрашивал ее о профессиональных и личных делах. Баарова снимала в Берлине небольшую квартиру, но обычно она встречалась со «своим министром» в одном из его уютных «павильонов» за городом.

Снимаясь в кино, Баарова пользовалась неплохим успехом и не нуждалась в деньгах; у нее был даже небольшой автомобиль чешского производства, привезенный с родины; на нем она ездила каждые две-три недели в Прагу повидаться с родителями. Когда эта крошечная машинка стояла где-нибудь на площадке среди громадных «мерседесов» и «майбахов», на которых ездили большие нацистские начальники, это производило комическое впечатление. Даже Гитлер обратил на это внимание, обронив как-то: «Что это Баарова, не может что ли купить себе более приличный автомобиль?». И Геббельс, повторив при встрече этот вопрос, подарил ей «мерседес», который, однако, ей не понравился: ей был по душе ее собственный дребезжащий, но удобный «сундучок на колесах». Как правило, она не принимала от Геббельса ценных подарков — только разные сентиментальные безделушки на память.

Постепенно обычная любовная связь стала перерастать в серьезное увлечение. Геббельсу нравились мягкие славянские черты лица Лиды, ее высокие скулы; ее глубокий голос, богатый оттенками, и своеобразный чешский акцент. Она была женственнонежной, и это придавало ей особое очарование. Они встречались уже два года и за это время ни разу не поссорились. Он называл ее «Лидушка» и вел себя с ней свободно, отбросив

всякое позерство и забыв об условностях. Они просто были счастливы вместе, без всяких недоразумений и неприятностей.

Но в Берлине трудно что-либо утаить, и начались сплетни, которые дошли до Магды. Она пригласила Лиду на чай и сообщила, что хотела бы поговорить с ней наедине в более удобной обстановке. Молодая женщина сначала нисколько не испугалась, хотя ей предстояло вступить в спор с первой дамой рейха, с которой могла бы потягаться разве что жена Геринга Эмми. Все преимущества были на стороне Магды: она была на 20 лет старше Лиды (если это можно назвать преимуществом); она была лично знакома с фюрером и даже дружна с ним; и она была законной женой человека, которого Баарова просто любила. Поняв эти обстоятельства, Лида начала волноваться, но отказаться от приглашения было нельзя, и она поехала в Шваненвердер.

Встреча прошла совсем не так, как Лида себе представляла. К ее большому замешательству, хозяйка отнеслась к ней со всей сердечностью и сочувствием. Магда сказала, что знает способность Йозефа увлекаться и думает, что теперь он любит их обеих: «Конечно, он уважает меня как мать его детей, но наверное ценит и то, что вы его любите и не можете без него жить». Потом она поделилась тем, что было у нее на сердце: «Мы должны быть друг другу как сестры и звать одна другую на «ты». Лида растерялась и смогла только сказать: «О нет, уважаемая госпожа, я не смогу!» Встреча продолжалась уже почти два часа; Магда настаивала на своем предложении, обращалась к Лиде на «ты», а потом, со слезами на глазах и едва не теряя контроль над собой, высказала главное, что ее волновало: «Лида, пожалуйста, можешь поддерживать с ним дружбу, но, ради Бога, постарайся, чтобы ваша связь никогда не отразилась плохо на наших детях!» Этот взрыв чувств окончательно смутил молодую женщину; она не знала, что сказать, но все же, как могла, стала успокаивать свою собеседницу.

Объяснение двух женщин, полное слез и переживаний, ничего не изменило в ситуации и только усилило страдания Магды. Разговоры ходили разные; прошел слух и о том, что Магда тоже нарушила супружескую верность, «отомстив» таким способом своему мужу. Однако фон Ведель (тогдашний адъютант Геббельса) и другие решительно опровергали эту версию, утверждая в один голос, что Магда хранила верность своему супругу. Так или иначе, но постепенно любовная афера министра выплыла наружу; разразился скандал, и Магда должна была волей-неволей что-то делать. Между супругами начались бурные объяснения; Геббельс все отрицал, не желая терять свою

возлюбленную. В конце концов Магда решила потребовать развода. Ей помог собрать необходимые доказательства Карл Ханке, работавший заместителем государственного секретаря в Министерстве пропаганды; он хотя и очень уважал своего шефа, но в этом деле решился выступить против него. Ему удалось составить список супружеских измен министра, насчитывавший не менее 36 имен; там были и совсем молодые и неизвестные девушки, но больше — дамы из общества и актрисы. Геббельс и Магда стали жить отдельно; она запретила ему посещать дом в Шваненвердере, о котором в Берлине ходила масса сплетен.

Магда поделилась своими бедами с Эмми Геринг; та рассказала все своему мужу, а Геринг обо всем сообщил Гитлеру. Гитлер, услышав, что его министр пропаганды собирается разводиться с женой (которую фюрер глубоко уважал), пришел в ужас. Он решил сам заняться этим делом и пригласил Магду приехать к нему в Берхтесгаден. Разговор ничего не дал: Магда сказала, что больше не хочет иметь дела со своим мужем. Гитлер отправился в Берлин и вызвал Геббельса к себе на аудиенцию. Министр рассказал фюреру о своей любви, сказал, что хочет жениться на Бааровой и согласен даже отказаться от министерского поста, если это необходимо. Кажется, он хотел поехать работать послом в Японию. Его речи рассердили Гитлера, который объяснил Геббельсу, что германский министр вообще не может себе позволить быть замешанным в подобный скандал. Он должен немедленно отказаться от Бааровой и никогда больше с ней не встречаться. «Это приказ фюрера, — сказал Гитлер, — и он должен быть исполнен при любых обстоятельствах!»

По распоряжению Гитлера полицей-президент Берлина граф Геллдорф вызвал Баарову к себе в полицию. Лида приехала со своей подругой и доверенным лицом Хильдой Кербер. Геллдорф объявил Бааровой от имени фюрера, что ей запрещается видеться с Геббельсом по меньшей мере в течение полугода. Если по истечении этого срока они еще будут продолжать любить друг друга, то власти, возможно, рассмотрят вопрос о разводе Геббельса с его женой. Выслушав распоряжение фюрера, Лида упала в обморок, и подруге пришлось приводить ее в чувство, растирая виски одеколоном. После того как она пришла в себя, Геллдорф, стараясь говорить помягче, заявил ей, что теперь она должна, прекратив всякую связь с Геббельсом, как можно скорее покинуть Берлин. Ей придется пренебречь интересами карьеры, поскольку речь идет о ее безопасности. Так или иначе, но она должна обязательно выехать за пределы Германии.

Лиду охватил гнев; она заявила, что никуда не уедет, пока не поговорит со своим возлюбленным хотя бы по телефону; если же

ей помешают это сделать, то она покончит с собой — все равно жизнь потеряла для нее теперь всякую цену; но выйдет скандал, которого она совсем не желает. Пока Хильда Кербер безуспешно пыталась успокоить подругу, Геллдорф вышел в соседнюю комнату и заказал срочный разговор с фюрером, находившимся в Берггофе, в Баварии. Вернувшись, он сообщил девушкам, что «разрешение фюрера получено», и Хильда увезла рыдающую подругу к себе на квартиру, где они должны были ждать звонка Геббельса.

Наконец телефон зазвонил. Первое, что сказал Геббельс, было: «Я говорю из дома моего друга Германа Геринга!». Таково было требование Гитлера — чтобы Геббельс говорил со своей возлюбленной в присутствии свидетелей. Речь Геббельса звучала спокойно; он называл свою подругу «Лидушка», как делал это всегда, а она горько плакала. Он говорил ей о долге, о необходимости и о том, что им обоим нужно быть стойкими. Потом ласково попрощался и сказал: «Оставайся такой, какая ты есть, не печалься, не давай себя в обиду злым людям!»

После этого Геббельс уехал на несколько дней в свой дом в Ланке, где никого не принимал и ни с кем не говорил, пока не оправился от потрясения. Бедная Лида выплакала все глаза, сидя у себя в квартире и нигде не показываясь. Разумеется, Геббельс отговорил ее от мысли совершить самоубийство, но дела ее и без того были плохи: фильмы с ее участием исчезли с экрана, а все ее контракты были аннулированы; отчаяние отняло у нее все силы, она заболела и слегла в постель. Ее бывший возлюбленный, следуя приказу фюрера, избегал всяких контактов с нею. Так прошло недели две; Лида оставалась в Берлине, надеясь на встречу, и однажды такая встреча действительно произошла. Лида ехала в своем маленьком автомобиле по Курфюрстендамм и увидела впереди большой черный «мерседес» министра. Она поехала следом, и на одной тихой улице машины поравнялись, а потом остановились. Лида и Геббельс посмотрели друг на друга; его лицо осталось неподвижным, не выразив никаких чувств. Этот обмен взглядами продолжался минуту или две; потом Геббельс дал знак шоферу, и его автомобиль медленно двинулся вперед и вскоре скрылся из вида.

Теперь уже нет смысла гадать, мог ли Геббельс действительно пожертвовать карьерой ради своей любви. Известно одно: он тяжело переживал свою разлуку с Лидой.

Магда не захотела помириться с мужем и продолжала настаивать на разводе. Тогда в дело снова вмешался Гитлер: он пригласил обоих супругов к себе в Берхтесгаден и с большим трудом уговорил их возобновить свои семейные отношения.

Вскоре на титульном листе газеты «Берлинер иллюстрирте» появилась красочная фотография, изображавшая всю троицу в сборе; улыбался только Гитлер, довольный тем, что помирил супругов. Через некоторое время у Магды опять родилась дочь, которую назвали Хейда; это был знак того, что министр и его жена окончательно помирились; народная молва окрестила Хейду как «дитя примирения».

Геббельс с головой погрузился в работу. Потом у него, конечно, еще бывали любовные приключения, но все обходилось спокойно, без вреда для семьи. В конце января 1939 года Гитлер, по словам писателя Хасселя, сменил гнев на милость и снова стал относиться к Геббельсу с полным дружелюбием.

Потом пришла война, и с ней — множество новых забот. Незадолго до смерти Геббельс сжег большую часть своих писем и воспоминаний; свидетелем тому был его пресс-референт фон Овен, помогавший ему в этом деле. Овен рассказал, что рейхсминистр, просматривая фотографии, наткнулся на большой снимок, который отложил в сторону, сказав: «Вот была женщина, действительно красавица!» Это было фото Лиды Бааровой. Геббельс долго смотрел на фотографию, потом решительно порвал ее и подвинул обрывки Овену. «Все — в огонь!» — приказал он.

4. И еще о трудных обязанностях министра

Во время войны Геббельс очень хотел создать у народа впечатление, что именно он является самой важной фигурой в нацистском рейхе (разумеется, после Гитлера); поэтому он всеми способами старался поддерживать свою популярность на случай, если Гитлеру придется выпустить из рук власть, которой он так долго пользовался. Но оказалось, что подлинную популярность не так-то легко завоевать, и Геббельс сам признался в этом, беседуя с друзьями. Его секретарь Земмлер передал его слова так:

«По словам шефа, нет ничего тяжелее того, чтобы снова завоевать авторитет и известность, утерянные ранее; об этом говорит его собственный горький опыт. Ему потребовалось целых четыре года, чтобы восстановить уважение и доверие к себе, утерянные по легкомыслию в 1938 году. Все же, несмотря ни на что, он убежден, что добьется своих целей и что его звезда взойдет высоко и засияет в самом зените».

Говоря об «утерянном авторитете», Геббельс, несомненно, имел в виду «дело Бааровой», едва не погубившее всю его карьеру. Тем не менее, несмотря на полученный тяжелый урок, он не отказался от своих амурных похождений и не упускал возможности развлечься в военные годы, полные тревог и забот; об этом говорит забавная история, тоже рассказанная Земмлером. Это произошло в июне 1944 года.

«Вчера мне пришлось узнать об одном смешном происшествии, случившемся в Ланке, в загородном доме министра. В последние два дня Геббельс жил в маленьком бревенчатом домике, расположенном среди леса, в 800 метрах от главных построек. Нам он сказал, что желает побыть в тишине и одиночестве и разрешает беспокоить его только в случае срочной необходимости, предупреждая об этом по телефону. Обед ему приносил слуга, возвращавшийся потом в главный корпус. Госпожа Геббельс находилась на лечении в санатории «Белый олень» в Дрездене, а дети — в имении Шваненвердер.

Немногочисленные посетители, прибывавшие к министру, попадали сначала на проходную, откуда их провожали через заграждения. Но однажды вечером, где-то около одиннадцати, дежурный заметил на лесной дороге велосипедистку, уже заехавшую на охраняемую территорию. Это была очень красивая молодая женщина; когда часовой ее задержал, она самым решительным образом отказалась назвать и свое имя, и причину появления во владениях министра. Тем не менее дежурный не стал ей грубить и как галантный кавалер провел через темный

лес, помогая вести велосипед. Он собирался препроводить гостью к дежурному адъютанту, находившемуся в главном здании, как вдруг заметил недалеко от себя, примерно в 20 метрах, еще одного нарушителя, прятавшегося за темными елями. Часовой не медля навел на него автомат и закричал: «Стой! Руки вверх!» — как и положено по уставу, но тут же едва не выронил оружие от испуга, узнав в незнакомце, выходящем из-за деревьев, самого рейхсминистра; тот засмеялся и сказал ему: «Пиф-паф!»

Геббельс извинился перед незнакомкой за недоразумение, и часовой понял, что министр поджидал красотку в лесу, чтобы ее встретить.

Солдат побрел к проходной, а парочка двинулась в сторону лесного домика, где жил Геббельс.

Ясно, что Геббельс заранее договорился о встрече с молодой киноартисткой (которая, между прочим, и теперь, после войны, известна как очень красивая женщина и, к тому же уважаемый деятель искусства). Чтобы избежать сплетен, он не предупредил о ее прибытии ни секретаря, ни адъютанта, ни тем более обслуживающий персонал. По той же причине таинственная незнакомка прибыла не на автомобиле, который пришлось бы проводить через проходную и посты, а приехала на велосипеде по ровной лесной дороге».

Глава 8
«Миф о фюрере» в развитии

Некая восторженная почитательница фюрера всерьез утверждала, что ее собака умеет произносить слова «Адольф Гитлер», поскольку даже ее маленький собачий рассудок признает величие фюрера.

Энциклопедия Третьего рейха

В политической эволюции Геббельса постоянно присутствовали два фактора, действовавшие в течение всей его

карьеры: непоколебимая и бескомпромиссная ненависть к евреям и верность фюреру, своему обожаемому господину.

Геббельс оставался под обаянием фюрера с апреля 1926 года, когда он по его приглашению выступил на массовом митинге в Мюнхене. Его привязанность сочетала в себе как пылкое чувство, так и трезвый расчет: это было восхищение интеллектуала уверенным в себе вождем, твердо знающим, чего он хочет; и это было четкое представление карьериста, сознающего, что он может возвыситься только вместе с Гитлером и благодаря (но ни в коем случае — вопреки) ему. Известно, что отношение фюрера к «маленькому доктору» претерпевало изменения в течение ряда лет. Период наибольшего охлаждения их дружбы пришелся на 1938–1939 годы, когда сенсационный любовный роман Геббельса с чешской кинозвездой Лидой Бааровой вызвал серьезное отчуждение между ним и его женой, и фрау Геббельс уже подумывала о разводе — чего фюрер никак не мог позволить по соображениям престижа государственной власти. Сам Геббельс, даже почти лишившись расположения Гитлера, продолжал сохранять к нему горячую привязанность. Видимо, сыграло роль то, что Геббельс при всех своих талантах и уме остро сознавал свою физическую неполноценность, и ему недоставало грубой самоуверенности Гитлера и его природного умения распоряжаться людьми и ситуацией. Так что он был вполне искренен, когда говорил о своей вере в фюрера. Тем не менее приходится различать две вещи: личную приверженность Геббельса своему хозяину и его сознательные и расчетливые усилия по созданию «мифа о фюрере», который он выстраивал в течение многих лет. Интересно разобраться в том, как именно Геббельс развивал этот миф в период между 1925 и 1945 годами, по мере укрепления нацистского движения и самого Третьего рейха.

Любая тоталитарная система нуждается в как можно большем отождествлении своего лидера с руководимыми им массами. Чтобы добиться этого, вождь должен выглядеть и обаятельным суперменом, и «человеком из народа». Ему нужно уметь сохранять дистанцию — и быть близким к массам; казаться нечеловечески мудрым — и простым; одиноко нести груз ответственности — и быть открытым для почитания. Его успехи должны подтверждать его непогрешимость, а любая его неудача и ошибка — либо свидетельствовать о невежестве простых смертных, не разбирающихся в его делах, либо казаться результатом злостных козней его коварных, но неуклюжих врагов. Создание и сохранение такого сложного, но цельного образа является своего рода искусством, требующим использования всех

средств массовой информации: прессы, радио, кинематографа и других.

1. Перед 1933 годом

В декабре 1941 года, когда знамя со свастикой развевалось над большинством стран Европы и немцы привыкли воспринимать победы германской армии как нечто само собой разумеющееся, Геббельс проводил совещание в Министерстве пропаганды, на котором упомянул о своем вкладе в достижения нацистской партии: «Я работал по четырем решающим направлениям, — сказал он. — Во-первых, в начальный период существования партии я внес в нее элемент социализма, тогда как до этого она представляла собой организацию, базирующуюся только на среднем классе; во-вторых, я завоевал Берлин и создал предпосылки для полного захвата государственной власти; в-третьих, я разработал стиль и методы проведения массовых партийных мероприятий. Современные торжественные церемонии и ритуалы, посвященные великим событиям в истории партии, основаны на опыте, полученном мною в то время, когда я был гауляйтером Берлина. И, наконец, в-четвертых: я много поработал над созданием «мифа о фюрере». Гитлер приобрел ореол непогрешимости, и многие немцы, косо смотревшие на партию после 1933 года, теперь относятся к нему с полным доверием. Это очень важно, потому что миллионы немцев, еще проводящие различие между фюрером и его партией и даже отказывающие ей в поддержке, верят Гитлеру и поддерживают его».

Эти рассуждения, беззастенчиво афиширующие роль их автора и направленные на укрепление его положения в партии, все же содержат немалую долю истины. Конечно, существовали и другие факторы, способствовавшие широкому распространению среди немцев веры в гений фюрера и его непогрешимость, прочно продержавшейся ровно десять лет: от прихода нацистов к власти в 1933 году до сокрушительного поражения под Сталинградом в 1943 году; и все же Геббельс мог с полным основанием утверждать, что без его неутомимой деятельности миф о Гитлере действовал бы не так эффективно и не укоренился бы так прочно в первое десятилетие существования режима.

Итак, как же представлял Геббельс Гитлера широкой публике еще в тот период, когда нацистская партия представляла собой незначительную расистскую организацию, к тому же расколотую на несколько групп? Сам он был тогда никому не известным мелким партийным чиновником в одной из таких фракций, обосновавшейся в Рейнской области, а его отношение к Гитлеру еще не приняло форму безусловного обожания. В то время Геббельс опубликовал брошюру под названием «Вторая

революция», полную пылких рассуждений. Там уже содержались все составные части той полуавтократической и полуромантической идеологии, которую он исповедовал в последующие двадцать лет. Одна из глав книги была написана в форме «открытого письма» Гитлеру и озаглавлена так: «К вопросу о лидерстве». Геббельс называет фюрера «Высокоуважаемый господин Гитлер», выражает горячую веру в правильность принципа единоличного лидерства и признает Гитлера самой подходящей и привлекательной фигурой для воплощения этого принципа. Там же изложены и политические взгляды Геббельса: неприятие политической системы Веймарской республики, романтический мистицизм и вера в приход всемогущего и всеведущего политического пророка — новоявленного Мессии. Подлинный лидер (объяснял Геббельс) определяется не путем голосования: ведь он не может быть игрушкой, которой забавляются массы; его не найти и среди парламентариев; он — освободитель народных масс, и этим все сказано. Он разоблачает бесстыдные нарушения закона и коррупцию системы, в которой лидеры определяются по партийной принадлежности и пустому красноречию. Гитлер же тем более опасен для отживающей системы, что он искренне верит в то, что проповедует. Описывая фюрера как исполнение «таинственной мечты», как человека, указавшего людям верный путь в период отчаяния, Геббельс щедро использует язык германского романтизма и идеи молодежных движений: «Вы пронеслись, подобно метеору, перед нашими изумленными глазами; вы совершили чудо просвещения и вдохнули веру в этот мир скептицизма и отчаяния».

Гитлер описывается как выдающийся первопроходец, а не как всеобщий вождь. «Вы воплощаете в себе веру, — говорит Геббельс, обращаясь к Гитлеру, — веру, которой вы искренне и скромно служите, борясь за светлое будущее». Похоже, что в то время Гитлер еще выступал в образе «первого слуги своего народа», в духе Фридриха Великого. Во всяком случае в 1925 году слово «фюрер» еще не было принято как его общепризнанный и единственный титул. «Фюрер не должен решать сам все задачи. Ему не стоит также терпеть низкопоклонство и лесть со стороны отъявленных дураков и пустых мечтателей, — нахально намекнул Геббельс на мюнхенскую свиту Гитлера. — Ему нужно взять себе в помощники настоящих людей, «крепких мужчин», которые придут, если он их позовет».

Итак, на этом этапе истории нацистского движения, отмеченном неясностями и внутренними распрями, желанный вождь представлялся еще как глава ограниченного меньшинства членов партии. Геббельс с особенным усердием нахваливал это

«решительно настроенное меньшинство, которое, вдохновившись верой в необыкновенную личность, может в переломный момент истории остановить сползание нации в пропасть». Эти люди несли свою веру отчаявшейся стране, «как апостолы новой идеи, обещающей чудо освобождения».

Так, используя изобретенный им псевдомиссионерский жаргон, Геббельс противопоставлял друг другу два типа политических ораторов: профессиональных парламентариев, с одной стороны, и проповедников новой идеологии с другой. Первые изображались отпетыми личностями, погрязшими в коррупции, тогда как вторые если и призывали к разрушению старого общества, то только для того, чтобы построить новое. Они, как библейские пророки, старались не ради жирных окладов и высоких постов, а исключительно ради исполнения «таинственной, но желанной мечты» (суть которой пояснялась, правда, весьма туманно).

Гитлер, представший в марте 1924 года перед судом присяжных в Мюнхене, резко отличался, по словам Геббельса, от всех министров и государственных служащих Веймарской республики и даже от самого Рихарда Вагнера, истинного романтика, преданного расовой идее: «Оказавшись перед судом в Мюнхене, вы явились перед нами в образе истинного Фюрера, а ваша речь стала величайшим откровением, произнесенным в Германии со времен Бисмарка». И все же в этой хвалебной оде Гитлер был представлен не как «полубог» и «сверхчеловек», а как выразитель мыслей обиженного поколения немцев и образец несгибаемой стойкости. Заметно, что Геббельс охотно использовал религиозные выражения, такие как «чудо», «миссия» и т. п.; он утверждал, что человек живет в этом мире «не для того, чтобы наслаждаться жизнью, страдать и умереть, а для того, чтобы исполнить возложенную на него миссию». Этот комплекс «исполнения своего долга» и верности своему высокому предназначению имеет давние традиции в германской истории и восходит к таким мыслителям, как Фихте, Арндт и Генрих фон Трейчке. Геббельсу нравилось изречение Трейчке: «Великая политическая страсть — это бесценное сокровище!»

Так что Гитлер и его политическое окружение получили от прошлого готовую формулу поведения, включавшую в себя презрение к мягкосердечному и недалекому «человеку с улицы»; веру в магическую силу политических страстей; и культ «сильной личности».

В эту раннюю пору формирования нацистского мировоззрения Геббельс заявлял, что Гитлер для него — вождь и друг в одном лице.

Четыре года спустя правительство Брюнинга оказалось перед лицом проблем, связанных с массовой безработицей, и Геббельс, обеспечивший себе к тому времени прочное положение главы берлинской нацистской партийной организации, продолжил создание «мифа о фюрере» именно в таком духе, как было описано в его книге, учитывая и то, что рост экономических неурядиц действовал на руку наглой и самоуверенной нацистской оппозиции.

В день рождения Гитлера, отмечавшийся в апреле 1929 года, Геббельс объяснял читателям берлинской нацистской газеты, что «истинного фюрера» отличают четыре главные черты: сильный характер, несгибаемая воля, природные способности и еще — везение. Он должен был обладать даром философа и быть выдающимся оратором и организатором. Но и без везения, удачи тоже, оказывается, никак нельзя было обойтись; фюрер был просто обязан быть «баловнем судьбы», чтобы массы всегда оставались под впечатлением: что бы он ни сделал (или не сделал) — он действует под внушением «высшей силы», избравшей его для своего покровительства. Известно ироническое «изречение» Геббельса: «Массы могут простить фюреру все, кроме отсутствия удачи. В этом, и только в этом случае они к нему безжалостны!»

Впрочем, Геббельс был достаточно хитер, чтобы не доказывать прямо каждый раз, что Гитлер действительно обладает «четырьмя главными качествами». «Счастливая звезда» фюрера должна была сама говорить об этом, а Геббельс просто указывал «товарищам по партии», что Гитлер держит под полным контролем свою политическую организацию, работу которой он наладил до мельчайших деталей. Он выражал свою веру в Адольфа Гитлера и его «восходящую звезду», но не хвастал его успехами и его необыкновенным везением: «Сегодня мы торжественно отмечаем сорокалетие Адольфа Гитлера. Мы верим, что Судьба выбрала его, чтобы он указал путь германскому народу. Поэтому мы приветствуем его со всей преданностью и почтением и можем только пожелать, чтобы он оставался с нами до тех пор, пока его великие труды не будут завершены во всей возможной полноте!»

Невероятно, но через некоторое время волна истории действительно подхватила нацистскую партию и понесла ее к успеху. На выборах в рейхстаг, состоявшихся в сентябре 1930 года, она оказалась на втором месте по количеству собранных голосов, получив право настойчиво требовать допуска к реальной власти. К марту 1932 года Гитлер уже стал серьезным соперником престарелому фельдмаршалу Гинденбургу в качестве кандидата в

президенты. Голосование проходило в два круга, и каждый раз Геббельс лез вон из кожи, чтобы обеспечить победу Гитлера. Перед первым туром он сочинил пламенную статью: «Мы голосуем за Адольфа Гитлера!», в которой провозгласил своего хозяина «великим германцем — истинным фюрером — пророком — настоящим борцом».

Объяснялось, что «великий германец» перенес на себе все «расовые унижения», выпавшие на долю немцев; что он, родившись в Австрии, «был всю жизнь привязан душой к великому германскому рейху». «В молодости он испытал многие тяготы жизни и хорошо узнал жизнь простых людей и рабочих, нередко разделяя их участь; он прошел путь от рядового солдата до государственного деятеля, понимающего справедливые требования народа и знающего, как воплотить их в жизнь».

Дальше говорилось, что Гитлер — истинный вождь, фюрер, потому что он превратил свою партию из «малоизвестной и незначительной организации, подвергавшейся осмеянию, в самое впечатляющее массовое политическое движение во всей Европе. Теперь его цель — объединить германский народ, сплотить его силы, создав невиданно мощное государство».

«Гитлер — наш пророк, потому что он создал новую политическую веру среди послевоенной разрухи и несчастий. Он собрал вокруг себя миллионы национал-социалистов и дал им новое понимание жизни, избавив их от отчаяния и грядущей анархии».

И наконец, Гитлер — это великий боец, бросивший вызов гнилой системе Веймарской республики. Он избавит германский народ от тупой покорности, дав ему новые идеалы. Он — последняя надежда масс, сияющий символ стремления нации к свободе. Именно он должен стать рейхспрезидентом: ведь он представляет идеализм германской молодежи; он — глашатай интересов нации; он знает, как спасти экономику и обеспечить возрождение общества!»

Так каждый немец получил «всесторонние и убедительные доказательства» того, что победа Гитлера на выборах — «настоятельная необходимость».

После первого тура выборов ни один из нескольких кандидатов не получил абсолютного большинства голосов; второй тур превратился в поединок между Гитлером и Гинденбургом. Геббельс выдал в ударном порядке две статьи: «Адольф Гитлер — государственный деятель» и «Адольф Гитлер — великий и простой человек», применив к созданию образа фюрера два подхода, о которых говорилось выше: с одной стороны, он был обрисован как непогрешимый вождь,

наделенный сверхъестественным даром предвидения, а с другой — как удивительно человечная и добрая (!) личность.

Первая статья была написана в тоне спокойного убеждения; автор втолковывал читателям, что Гитлер — никакой не демагог и не подстрекатель, способный только «драть глотку» в оппозиции, а дальновидный стратег и преобразователь, видящий главную цель в достижении единства германском нации, т. е. государственный человек по самой своей сути. Для такого деятеля, объяснял Геббельс, народ — это сырой материал, из которого он создает замечательные творения политического искусства; «Гитлер — это истинный политик, который смотрит на людей, как скульптор — на необработанный мрамор. И так же, как скульптор, он творит свои произведения, формируя из массы людей — нацию. В век всеобщего вырождения он сумел вдохнуть в народ новую веру и волю к созданию нового государства, несущего людям радость».

Написать вторую статью было, наверное, даже труднее, потому что аргументы такого рода (о «человечности» Гитлера) уже широко использовали многие нацистские писатели и ораторы, но Геббельс и здесь сумел внести свой собственный новый вклад. Он напомнил о карикатурах на Гитлера, ходивших среди его противников, и ловко противопоставил им рассказ о том, какой он «на самом деле». Геббельс, нисколько не смущаясь, признал, что «бессовестные враги» фюрера представляют Гитлера «угрюмым и некультурным человеком, бесчувственным грубияном, полагающимся только на грубую силу; тираном в отношениях с подчиненными; посредственным актером, репетирующим свои речи перед зеркалом; обжорой и распутником; другом капиталистов и врагом трудящихся». Но на самом деле Гитлер — совсем не такой! По образованию и природным склонностям он — артист, архитектор к художник, которого несчастья, выпавшие на долю всего германского народа, заставили обратиться к политике. О, эта злополучная дата — 9 ноября 1918 года, день провозглашения «гнилой» Веймарской республики! Короче говоря, Гитлер — это воплощенная доброта, и один из главных стимулов его политической деятельности — желание сделать так, чтобы «невинные германские дети увидели новую жизнь в своем отечестве, лучшую, чем жалкая судьба, выпавшая на долю их отцов и матерей!»

Для тех, кого все-таки не тронули эти прочувствованные аргументы, берущие прямо за душу, и у кого еще остались сомнения в сверхчеловеческих способностях Гитлера, Геббельс особо пояснил, что «Адольф Гитлер требует власти для себя, чтобы иметь возможность воплотить свои политические идеи, но

он ни в коем случае не желает гражданской войны и анархии — напротив, он хочет исключить навсегда из жизни общества эти опасные явления, установив твердую власть и порядок.

Гитлер был представлен противником позерства и приукрашивания действительности, правдивым и естественным в речах и поступках; человеком, который лучше промолчит, чем скажет слово, в которое не верит. Что же касается выдумок о его излишествах в еде и питье, то он не только не притрагивается к алкоголю, но даже и не курит и к тому же является вегетарианцем. Ну, а уж когда говорят, что Гитлер — тиран, то это просто жалкая клевета, о которой не стоит и рассуждать: ведь этот скромный человек даже не призывает других быть такими же воздержанными в своих потребностях, как он сам!

«Если хотите знать правду, то Гитлер — хороший товарищ; с подчиненными обращается по-дружески; выступая на предвыборных митингах, он проехал на автомобиле всю страну, и все видели, какой это добродушный и компанейский человек. Отправляясь в поездку, он клал в карманы коробки из-под сигарет, наполненные мелкими деньгами, а потом останавливался по пути, чтобы перебросится парой слов с прохожими, даже с бродягами. В заключение беседы бродяги получали бумажку в 2–3 марки, и только тогда до них доходило, что им довелось пообщаться с самим фюрером!»

Эта трогательная история показывала, что Адольф Гитлер — «человек, который любит и уважает всех людей, а не только политиков!» Геббельс хотел, чтобы она дошла до всех простых людей, неискушенных в политике: пусть они увидят в Гитлере не только вождя, но и «отца нации»!

Один мыслитель сказал, что «вождь может относиться к массам по-разному: как отец, как товарищ, как деспот и даже как полубог». В современных государствах, где правят диктаторы (узурпировавшие власть, как Цезарь, или получившие ее на выборах), редко применяется деспотическая форма правления; предпочтение отдается «отеческим» или «товарищеским» отношениям или же позиции «полубога». Геббельс разбирался в таких вещах и в последующие двенадцать лет после прихода Гитлера к власти затратил массу усилий и проявил невиданную ловкость, чтобы добиться полного одобрения народом установленного в стране культа фюрера.

2. В период 1933–1939 годов

После прихода нацистов к власти Геббельс удвоил и утроил усилия по возвеличиванию фюрера как национального символа. В стране провели так называемую «координацию», т. е. запретили профсоюзы и все политические партии, кроме нацистской; ввиду этого потребовалось завоевать доверие людей, относившихся к нацистам с безразличием и даже враждебно. С этой целью Геббельс опубликовал свои так называемые «Заметки из дневника», охватывающие период с 1932 по 1933 год, в которых задался целью показать, с какой «подсознательной уверенностью» и безошибочным чутьем прошел фюрер трудный путь к власти, проведя за собой партию; как он остался стойким и невредимым, несмотря на все опасности и угрозы. «Только он, он один никогда не ошибался!» — вещал Геббельс. Новый канцлер никогда не позволял себе быть обманутым или соблазниться мнимыми преимуществами момента: «Это истинный слуга Господа, творящий справедливость и выполняющий свою историческую миссию, действительно великую — в подлинном смысле этого слова!»

В следующие десять лет Геббельс настойчиво и на разные лады проводил эту мысль о непогрешимости фюрера, его проницательности и принципиальности. В поздравлении ко дню рождения Гитлера, первом после того, как он стал канцлером, новоявленный министр пропаганды снова подчеркнул обаяние и человечность фюрера, используя прием «наивного восхищения», в котором, однако, проглядывал цинизм: «Сегодня все газеты полны приветствий в адрес рейхсканцлера Адольфа Гитлера. Они, конечно, различаются между собой в зависимости от характера и позиции издания, но все согласны в одном: Гитлер — фигура крупного калибра, человек, уже сумевший решить великую историческую задачу и стоящий перед еще более грандиозными свершениями. Это государственный деятель особого типа, не часто встречающегося в истории Германии; он уже заслужил уважение и любовь, а главное — понимание громадного большинства народа!» Все же тема всеобщего восхищения нации своим вождем показалась Геббельсу несколько преждевременной, и он перешел к традиционным формам восхваления, использовав традиционное и беспроигрышное сравнение с Бисмарком: «Недоброжелатели и скептики уже убедились, что Гитлер взял в свои руки дело, начатое Бисмарком, и полон решимости довести его до конца!»

Национал-социализм утвердился в Германии, и возник

большой наплыв людей, желавших вступить в нацистскую партию. Геббельс, наблюдавший за этим явлением со смешанным чувством удовлетворения и презрения, заявил о праве тысяч старых членов партии на особую близость к фюреру: «Пусть те, кто еще несколько месяцев назад находились в лагере наших противников и, вполне возможно, клеветали на фюрера, теперь изливают потоки неискреннего красноречия, прославляя его. Адольф Гитлер не любит фальши и ценит преданность своих верных старых друзей и соратников!»

Впрочем, было, может быть, и неплохо то, что новички не знали Гитлера как следует. Миллионы новообращенных видели его только издали и верили, что он и есть символ лучшего будущего. Тем более было необходимо убедить массы в том, что он — такой же «человек среди людей», друг своих последователей, покровитель способных и талантливых. Создавая «миф о Гитлере», рисуя своего вождя крупным планом, Геббельс взял на себя труд доказать, что Гитлер выделяется своей близостью к народу среди других выдающихся людей. «Обычно, — объяснял он, — великие люди, наблюдаемые с некоторого расстояния, теряют свое обаяние, когда с ними знакомишься поближе; но с Гитлером все обстоит как раз наоборот: чем дольше его знаешь, тем больше ценишь и любишь его и тем больше хочется быть похожим на него!»

Так возникал тщательно продуманный образ фюрера. «Этот человек никогда не покинет того, кто однажды завоевал его доверие! Какая это трогательная и благородная черта; какая удивительная стойкая верность старым друзьям свойственна этому человеку! Его терпеливость и отношениях с подчиненными поражает, и он не из тех, кто не терпит подле себя сильную личность. Чем жестче и откровеннее человек — тем сильнее он к нему благоволит! Если же среди его людей возникают несогласие и ссоры, он решительно, но тактично разрешает противоречия». Это сказано о человеке, который всю жизнь охотно применял принцип «Разделяй и властвуй!», так что «искренность» Геббельса просто поражает!

«Простота фюрера, — продолжал Геббельс, — это свидетельство его величия, проявляющегося и в дни побед, и после неудач. В тяжелые дни он не теряет бодрости и веры, вселяя надежду в окружающих. Всего около пятнадцати лет назад он был никому не известным одиночкой, но его выделила среди других великая вера и фанатическая настойчивость в претворении своих замыслов в дела. К нему применим афоризм Ницше (популярный среди образованных немцев): «То, что хотело, но не смогло меня убить — только укрепило мои силы!»

И снова — о доброте фюрера, даже к незнакомцам: «Для каждый матери у него найдется дружеское слово, для каждого ребенка — ласковое приветствие. Однажды во время поездки в Верхнюю Баварию, где фюрера приветствовали толпы ликующих людей, местный руководитель штурмовиков шепнул ему, что в больнице умирает старый член партии, попросивший о последнем свидании со своим вождем, и фюрер, оставив все дела, навестил умирающего соратника и провел полчаса у его постели!»

Снова и снова, не боясь повторений, возвращался Геббельс к созданию образа «отца нации», добиваясь полного отождествления с ним его последователей: «Фюрер переживает и радости, и печали тех, кто с ним работает. Он так скромен! В день своего рождения он бежал от шума столицы, от восхвалений и гимнов в его честь, укрывшись в своей любимой Баварии, чтобы в одиночестве вспомнить прошлое и подумать о будущем. Иногда кто-нибудь случайно включал радио в соседней комнате, и оттуда слышались слова благодарности миллионов немцев» — и приветственные речи самого Геббельса, обращавшегося перед всем миром с дружеским «ты» к своему вождю. В заключение, как водится, шли добрые пожелания: «Мы желаем вам, а заодно и себе, в ваш день рождения, чтобы судьба сохранила вас для фатерлянда еще на многие десятилетия и чтобы вы всегда оставались нашим добрым другом и товарищем. Мы протягиваем к вам руки и молим Бога, чтобы вы всегда были для нас таким же, как сегодня, наш Гитлер!»

Было бы преувеличением утверждать, что Геббельс просто выдумал веру масс в скромность и доброту Гитлера, создав ее из ничего; правильнее будет сказать, что он только усилил и укрепил эту веру, а потом и использовал ее. Гитлер, отличавшийся в личной жизни скромными привычками, общаясь с людьми (за пределами круга крупных политиков), хотел казаться добрым, демонстрировал любовь к детям и благоволение к старым членам партии и их семьям, особенно в предвоенные годы. И лишь немногие свидетели из его самого близкого окружения могли видеть, как эта показная доброта сменяется вспышкой ярости, как проявляется безжалостный холодный расчет и презрение к людям. Массы же, без сомнения, видели в Гитлере человека, поднявшегося из низов, сочувствующего «маленьким людям» и сжигающего самого себя на жертвенном огне служения нации. Этому помогала привычка фюрера обходиться в личной жизни без роскоши и излишней помпы, резко отличавшая его от прочих партийных вождей, жадных и ненасытных и к почестям, и к материальным благам. Гитлер появлялся перед толпой в облике бескорыстного бойца за высшие

идеалы, а уж Геббельс знал, как выжать побольше выгод из этого впечатления.

Спустя два года Геббельс сосредоточил все усилия на том, чтобы закрепить в сознании масс образ Гитлера как великого человека и убедить нацию в его необыкновенных способностях и силе его личности. В 1933 году он просто говорил, что Гитлера «чтит подавляющее большинство народа», а в 1935 году уже отмечал в фигуре фюрера некие «чудесные» черты: «Даже самые близкие к фюреру люди с трудом могли понять, как человек, всего полгода назад отвергавшийся половиной населения страны, теперь оказался выше всякой критики в глазах целого народа! Разве это не чудо?» Это новое непоколебимое единство нации следовало понимать как результат того, что Гитлер является «человеком великой судьбы» и «носителем особой миссии». Как раз в то время Гитлер неожиданно ввел в стране всеобщую воинскую повинность, намеренно нарушив некоторые статьи Версальского договора, и через несколько недель после этого Геббельс начал усиленно подчеркивать «чудесное предвидение» фюрера в международных делах. Он приветствовал Гитлера как «человека, ведущего нацию к желанной свободе, спасая ее от раскола и постыдного унижения, навязанного иностранными политиками».

Все же тема Гитлера как человека, предназначенного снова ввести Германию в круг великих держав, не получила тогда дальнейшего развития. Геббельс в тот год больше упирал на силу личности фюрера и на его нелюбовь к дешевым эффектам. Он утверждал, что главным принципом политики фюрера является простота и ясность в решении проблем и что к нему применимы слова Шлиффена: «Быть больше, чем казаться!» Снова подчеркивались положительные качества фюрера: трудолюбие, старательность и упорство в достижении целей, величие которых оставалось непостижимым для простого «человека с улицы», так что напрашивалась мысль: за привычками простого человека скрывается гений. Гитлер был представлен как человек широких знаний и как специалист во многих областях, например в военном деле. Он «знал устройство любой винтовки и пулемета», а его подчиненные должны были прорабатывать военные вопросы до мельчайших деталей, чтобы не попасть впросак на докладе.

Так появились новые важные черты в образе фюрера: «специалист по военным делам» и «государственный деятель, хорошо разбирающийся в вопросах международной политики». И при этом он оставался «человеком из народа и для народа», свободно общающимся с простыми людьми — а ведь «только что провел двухдневные переговоры с виднейшими

государственными деятелями Англии, на которых по пятнадцать часов в день обсуждал главные вопросы европейской политики, обменивался мнениями, приводил цифры и факты!»

Затем снова сентиментальный, человеческий аспект: рассказ о двух фотографиях, появившихся в газетах летом 1934 года. Первая показывала «трагическое одиночество фюрера» после событий 30 июня 1934 года (когда сторонники Гитлера расправились с главарем штурмовиков Ремом, проявившим чрезмерную самостоятельность). В тот день были убиты десятки штурмовиков, заподозренных во враждебности к режиму. Министр пропаганды объяснил, что «фюрер как новый Зигфрид, не колеблясь, пролил кровь врагов, чтобы избавить страну от грязных предателей и мятежников!» На следующий день Гитлер приветствовал войска рейхсвера, прошедшие маршем мимо имперской канцелярии, «и его лицо казалось высеченным из камня, отражая горечь прожитых мрачных часов».

Шесть недель спустя вышла вторая фотография, где Гитлер был показан выходящим из особняка умирающего президента фон Гинденбурга, любимого многими немцами-ненацистами. По словам Геббельса, лицо фюрера выражало «печаль и скорбь по своему престарелому другу и наставнику, которого милосердная смерть забрала с собой через несколько часов». На самом деле смерть президента усилила позиции Гитлера, позволив ему расширить свои функции как «фюреру и рейхсканцлеру».

Теперь Геббельс смело представлял Гитлера как «ясновидца и пророка». Он сообщил народу, что «фюрер в канун Нового года поведал своим близким друзьям о серьезных опасностях, которые несет с собой 1934 год, и о вероятной смерти президента Гинденбурга». Опять Гитлер выступил в роли мудрого отца (или «заботливой матери»?) своего народа: «Любой простой человек испытывает к нему дружеское доверие, чувствуя в нем защитника и покровителя. Его любит вся нация, чувствующая себя с ним в полной безопасности, как дитя на руках у матери!»

Вполне понятно, что окружающим не оставалось ничего иного, как повиноваться гению, и Геббельс стал усердно распространять эту мысль, очень важную для любого авторитарного государства и имевшую в Германии традиционно сильные корни; себя и других ближайших помощников фюрера он называл «всего лишь самыми послушными последователями» вождя. В этом он подавал пример массам, призывая их к полному отождествлению себя с Гитлером. Геббельс так и сказал в речи на праздновании своего дня рождения в 1935 году: «Мы, стоящие к фюреру ближе всех, признаем свое полное подчинение ему, и так же поступает любой немец, говоря: «Он был и остается для нас

тем же, кем будет всегда: нашим фюрером!»

В последующие годы (в 1936–1939 годах) агрессивная и динамичная политика нацистов стала ключевым фактором в международных делах, и Геббельс в своих речах старался подчеркивать замечательный вклад фюрера в возрождение Германии как великой державы.

20 апреля 1936 года (очередной день рождения Гитлера, когда ему исполнилось 47 лет) наступило всего через несколько недель после драматических событий ремилитаризации Рейнской области. Когда нацисты совершили этот отчаянный шаг, Гитлер чувствовал себя очень неспокойно, а его военный министр, фельдмаршал Бломберг, просто не находил себе места. И все же оценка ситуации, данная Гитлером, оказалась правильной. Франция была не готова действовать на свой страх и риск, а Британия не имела возможности ей помочь, да и на разделяла ее беспокойства по поводу событий.

Когда кризис закончился, Гитлер сказал в своей речи в Мюнхене слова, ставшие знаменательными: «Меня ведет Провидение по пути, назначенному свыше, и я только слепо следую за ним с уверенностью лунатика, проходящего по крыше!» Прошедшие события произвели глубокое впечатление на всех немцев, даже на тех, кто был настроен критически по отношению к нацистам. Приветственная речь Геббельса по случаю дня рождения фюрера прозвучала на фоне «триумфального обретения нацией уверенности в себе», и министр пропаганды не подкачал. Ему даже не потребовалось слишком и увеличивать значение случившегося, когда он говорил, что «нация стала единой как никогда» благодаря человеку, выступившему как «символ возрождения Германии и укрепления государства». Ошеломляющий успех фюрера позволил Геббельсу хвастливо заявить, что «никогда в истории еще не было человека, соединившего в своей личности уверенность и коллективный ум целой нации!»

Теперь Гитлера можно было смело сравнивать и с «одинокой скалой в океане повседневности», и с «титаном, стоически выносящим на своих плечах растущее бремя трудов, забот и ответственности». И когда фюрер объявил, что вернет Германии статус мировой державы, Геббельс обнаружил в нем редкую комбинацию замечательных качеств: простоту поведения, тесно переплетенную с монументальным характером исторического деятеля; великодушие и благородство в сочетании с твердостью характера. Геббельс сформулировал это так: «Он не просто называется «фюрером» — он и есть настоящий Фюрер — вождь нации!» В речах Геббельса отчетливо зазвучала нота религиозного

поклонения Вождю, подчеркивающая и освящающая полное принятие народом методов и целей фюрера.

После «Рейнского кризиса» правительство провело референдум, призванный показать, что народ одобряет смелую акцию своего вождя. Накануне голосования, 27 марта, Гитлер выступил в Кельне по радио с обращением к нации. Эта речь, по словам Геббельса, произвела огромное впечатление, о котором он поведал в духе религиозной проповеди: «Мы почувствовали, что вся Германия как будто собралась в одной огромной церкви, объединившей людей всех классов и убеждений, а оратор явился перед престолом Всевышнего, чтобы рассказать о своих целях и просить Его милости и защиты на будущее, остающееся пока неясным и непредсказуемым. Мы наблюдали, как многие суровые и сильные люди, преодолевшие много опасностей, пролили слезы при последних словах речи фюрера».

Геббельс представил это массовое поклонение как религиозное явление: «Это религия, в самом глубоком и таинственном значении этого слова. Нация проявила свою веру в Бога, показав, что верит его посланнику и вручает свою судьбу в его руки».

Потом, после речи в Кельне, Гитлер ехал вместе с Геббельсом в поезде, через Рур в Берлин, и тысячи людей встречали их на станциях по всему пути. «Фюрер молча сидел у окна в своем купе, — рассказывал Геббельс с сентиментальным надрывом, — он ехал по своей стране, видел свой народ и испытывал счастливое чувство покоя и безопасности, находясь у сердца нации». Так единство вождя и нации стало полным.

Прошел еще год, за который не случилось никаких драматических событий, помогавших обычно «главному пропагандисту» подновлять «миф о фюрере». В 1937 году на политическом горизонте было чисто и никаких сюрпризов не ожидалось. Поэтому в новой речи ко дню рождения фюрера Геббельс пустился в воспоминания и общие рассуждения, вспомнив выступление Гитлера 8 ноября 1936 года на встрече с «партийной гвардией» в Мюнхене. Гитлер рассказал тогда, какие трудности ему пришлось преодолеть, чтобы вернуть Германии безопасность и свободу, добавив, что теперь его труды уже продвинулись настолько далеко, что он впервые в жизни может без опасений заглянуть в будущее. Геббельс использовал свой любимый прием «крупного плана», чтобы приблизить фюрера к народу. Это был, по его словам, один из тех редких случаев, когда фюрер «открывает нации свое сердце, чтобы люди могли заглянуть в его духовную жизнь». Благодаря этому «каждый немец получил возможность поучаствовать в решении великой

исторической задачи, с которой фюрер справляется в одиночку, опираясь только на собственные силы, и это неудивительно: ведь он мгновенно схватывает существо любого дела и обладает феноменальной памятью; например, он знает Берлин лучше берлинца! Это необыкновенный человек, специалист во всех областях и знаток многих специальных вопросов, и он знает, как с толком распорядиться своими знаниями!»

К следующему дню рождения Гитлера, отмечавшемуся в в апреле 1938 года, только что был успешно осуществлен «аншлюс» Австрии, и легкость, с которой он был проделан, еще больше повысила престиж фюрера и дома и за границей. Геббельс, возбужденный и ликующий, сделал из своего радиообращения 19 апреля 1938 года настоящее драматическое представление. Это был рассказ о «громадном успехе», и каждое слово в нем стояло в превосходной степени: «Самая несчастная нация на Западе теперь стала самой счастливой, — объявил оратор, излучавший чувства самодовольства и превосходства. — В нашем обширном отечестве нет ни одного немца, который пожелал бы быть человеком другой нации или гражданином другой страны. Под благословенной рукой фюрера воплотилась в жизнь мечта всякого доброго германца: великий народ объединился в одной свободной и сильной империи!» Драматическим моментом речи стало воспроизведение выкриков австрийцев, приветствовавших вступление немецких войск: «Благодарим тебя, фюрер!»

Геббельс пролил слезы умиления по поводу радости фюрера, родившегося в Австрии и теперь, наконец, включившего свою страну в Великий рейх. Он вспомнил, как был перед этим вместе с Гитлером в Оберзальцберге, и немцы из всех областей рейха «приходили к фюреру, чтобы выразить ему свое уважение. Было трогательно увидеть среди них делегатов от Австрии, тогда еще независимой. Они мало говорили, просто смотрели на фюрера в глубоком молчании. Они даже не могли отвечать на его вопросы, заливаясь слезами. В эти трогательные минуты мы поняли по лицу фюрера, как близко к сердцу принимает он горе своего народа, как глубоко он страдает за свою родину».

Потом Геббельс напомнил о действиях фюрера в дни «австрийского кризиса» и о том, как резко он реагировал на «предательскую речь канцлера Австрии Шушнига, когда тот осмелился объявить референдум — какая невообразимая наглость! В тот момент лицо фюрера отразило священный гнев и божественную ярость! Это трусливое предательство потрясло его до глубины души!» Гитлер предвидел две возможности: «Либо Шушнигу снова удается оправдать в глазах мирового общества свою кровавую систему, проведя очередные мошеннические

выборы, либо народ поднимется на борьбу за свои права и сметет его режим!» Затем последовал призыв о помощи со стороны австрийских нацистов, и немецкие войска получили приказ — выступить! «Через несколько часов знамя со свастикой уже развевалось над Веной!» Как всегда в таких случаях, Геббельс переходит на религиозный язык: «Никто из нас не скрывал своих слез, когда в полночь мы впервые услышали «Песню Хорста Весселя», передаваемую радио Вены! Час спасения наступил!» Нацисты праздновали «счастливый конец», когда «время величайшей опасности» сменилось «временем величайшего триумфа».

Теперь нужно было полностью использовать бесспорный успех аншлюса. Геббельс начал разрабатывать тему мук и испытаний, перенесенных молодым Гитлером в Австрии: «Какие чувства испытывал этот великий человек, глядя на освобожденную Вену? Ведь он еще подростком ходил на этих улицах в составе демонстраций, требуя создания Великого германского рейха, и прислужники режима Габсбургов арестовывали и мучили его!» Видимо, эти разглагольствования опирались на какие-то реальные факты; Геббельс охотно применял также высказывание Трейчке о том, что «человек делает историю», говоря, что Гитлер — как раз «тот человек, который делает невозможное возможным». Снова следовало потрясающее описание того, как одинокий фюрер, отягощенный ужасным бременем ответственности, принимает важные решения в своем кабинете. Такие деяния вряд ли доступны простому «человеку с улицы», не имеющему ни опыта, ни необходимой информации, но это и не важно: ведь у руля стоит деятель исторического масштаба, знающий, куда вести государство, а народ должен просто поддержать своего вождя, отдав ему свою любовь и безграничное доверие. Так подтверждался лозунг нацистской пропаганды: «Один народ, один рейх — один фюрер!»

Геббельс подчеркивал, что успехи фюрера имеют в своей основе причины как «практического», так и «божественного» характера. Его исключительная проницательность, смелость и готовность идти на крайние меры создают в совокупности «тот замечательный прагматизм, который дает ему возможность добиться чуда, и само божественное провидение благословляет его неустанный труд!» Здесь очевиден «религиозный аспект» пропаганды Геббельса; заботу о судьбе нации он объявил «религиозным актом»: «Разве это не разновидность религии, — объяснял доктор наук, — поставить всю свою жизнь на службу нации, трудиться и действовать для счастья народа! Это действительно религия, к тому же не очищенная от пустых фраз и

догм и идущая из самой глубины души; так это и понимает наш народ! Так немцы должны были утвердить свое «религиозное превосходство над другими народами, которые только славословят Бога, оставаясь в душе черствыми и холодными». Молитвы, очищение души и религиозный символизм — вот чем были полны речи Геббельса в тот период; позже они стали более агрессивными.

К своему следующему дню рождения, отмечавшемуся в апреле 1939 года, Гитлер успел безжалостно расправиться с Чехословакией, лишив ее независимости и посадив в замке Градчаны в Праге своего протектора. Гитлеру исполнялось пятьдесят лет, и Геббельс в своем обращении по радио отметил «счастливый факт, когда карта Европы снова изменилась на благо рейха, обещая самые благоприятные перспективы, и перемены свершились без пролития крови, чего никогда еще не бывало в истории!» В этот раз Гитлер был представлен как реалистически мыслящий борец за мир и, впервые, — как создатель нового европейского порядка. Его «умиротворение» Чехословакии было названо «шагом практического реализма, когда мир достигается не бесплодными рассуждениями насчет того, что можно, а чего нельзя, а с помощью силы, дающей нации возможность полного решения назревших проблем».

На этом благодатном фоне новых международных успехов Геббельс снова принялся щедрыми мазками рисовать образ фюрера — великого вождя и мудрого государственного деятеля. «Два качества, — сказал он, — необходимы политику для успеха: реализм и воображение, и фюрер в избытке обладает обоими, пребывающими в его личности в необыкновенной гармонии, редко бывающей в истории. Воображение помогает ему намечать цели, а реализм — находить методы для их достижения. Он тверд и стоек в своих принципах, но гибок в политических средствах, и эта комбинация качеств обеспечила невероятное усиление Германии!»

Последовало и обращение к недавнему прошлому, с воспоминаниями о днях, когда партия была в оппозиции: «Уже тогда политические методы фюрера были такими же, как и теперь, только они прилагались к гораздо меньшим и не столь важным проблемам». Геббельс охотно подчеркивал непрерывность и последовательность трудов Гитлера: «С течением времени менялись только масштабы политической деятельности фюрера, а его пути и цели оставались неизменными!» Геббельс хотел объяснить и оправдать недавние завоевания, доказывая, что эмоциональные призывы «заграничных немцев» из Австрии и Чехословакии сделали

«совершенно необходимым» вхождение этих стран в состав рейха: «Как только страдающие «фольксдойче» обратились к фюреру с призывом о помощи, он тут же откликнулся и решил все их проблемы!» Геббельс напомнил об эпизоде, случившемся в 1938 году: «В то жаркое воскресное утро фюрер стоял на трибуне на Замковой площади в Бреслау, а перед ним проходили колонны физкультурников. И вот Когда шла колонна молодежи из Судетской области, она внезапно остановилась и стала стеной перед трибуной. Эти люди приехали издалека, чтобы увидеть любимое лицо, и ничто не могло принудить их уйти. Плачущие женщины окружили фюрера, желая коснуться его руки. Звучали бессвязные слова признательности; речи прерывались слезами. Фюрера взволновала эта трогательная сцена, и он решил помочь страдающим людям. Он решил их проблемы всего за несколько месяцев, подписав Мюнхенское соглашение». Геббельс умолчал об одной важной детали: еще за несколько месяцев до спортивного праздника в Бреслау Гитлер уже принял решение о разделе Чехословакии.

Геббельс (как и сам Гитлер) старался создать впечатление, что фюрер — только глашатай и исполнитель требований масс. Это обычный прием демагогических лидеров тоталитарного государства; как говорит профессор Хагеманн, они нередко стремятся показать, что массы сами проявляют свою волю и заставляют действовать вождей, тогда как в реальной жизни все обстоит наоборот.

Речь Геббельса, произнесенная в апреле 1939 года, содержала, помимо сентиментальных восхвалений фюрера, крикливые угрозы в адрес «западных демократий»: «Им не понравилось то, что фюрер установил мир в Центральной Европе, но их истерические вопли заслуживают только презрения. Теперь Германия достаточно сильна благодаря фюреру и сознает свою силу. Времена упадка и бессилия прошли, настало время нового величия!»

Так в речах Геббельса (а это была его последняя предвоенная речь, посвященная дню рождения Гитлера) зазвучала новая нота: Гитлер был представлен как добрый и мудрый государственный деятель европейского масштаба. Поздравления Гитлеру шли не только от немцев, живших в Германии и за рубежом, но и вообще из многих стран, и Геббельс драматически провозгласил, что «к хору сотен миллионов немцев присоединили свой голос все люди, проживающие за пределами нашего отечества, желающие мира, те, кто любят культуру и историю Европы и хотят установления нового порядка». Поздравительная речь заканчивалась пылким обращением к Господу от лица

германского народа «сохранить фюрера в добром здравии и полным энергии еще на многие десятилетия!»

3. «Гремели речи и развевались знамена…»

Образ Гитлера, искусно создававшийся Геббельсом в течение многих лет, был закреплен, конечно, не только в статьях и радиопередачах. Чтобы оценить размах этой работы, стоит вспомнить о регулярных партийных и государственных мероприятиях, проводившихся до войны, на которых фюрер был всегда в центре внимания, на вершине пирамиды, а уж сколько было создано театрализованных представлений с его участием — и перечесть невозможно! Массовые зрелища, хорошо спланированные и подготовленные, были важной чертой нацистского режима, и присутствие фюрера усиливало их значение. Все было рассчитано: прибытие колонн от СА и СС, от «гитлерюгенда» и «трудовых организаций», массовое скандирование приветствий и крики «Хайль!», так что эффект создавался ошеломляющий.

И вот появлялся фюрер, присутствие которого придавало особый смысл всему мероприятию. Его центральная роль подчеркивалась деталями оформления; в Берлине к его пятидесятилетию был проложен проспект «Ост — Вест», по которому колонны вермахта прошли, отдавая ему честь. Возле рейхсканцелярии в Берлине и перед «Коричневым домом» в Мюнхене были устроены специальные площадки, где толпы народа собирались «по зову сердца», «без всякого призыва», чтобы приветствовать вождя. Главным мероприятием в этой череде событий оставался ежегодный съезд нацистской партии, проходивший в Нюрнберге и длившийся сначала четыре, а потом семь и восемь дней (как в 1939 году).

Это было примечательное зрелище, пример всеобщего единения и всеобщего опьянения дурманом поклонения фюреру, в которое были вовлечены и участники, и зрители. Все имело гигантские масштабы. Огромный стадион «Цеппелин», построенных в 1939 году, вмещал на своих трибунах 100 тыс. зрителей, а на поле могли в это время маршировать 140 тыс. участников праздника: колонны членов нацистской партии, «трудового фронта» и других организаций. Еще более амбициозным был проект строительства Германского стадиона на 200 тысяч зрителей, заложенного в 1937 году, на поле которого могли поместиться полмиллиона человек — участников спортивных и военных парадов.

Это были гигантские мероприятия, напоминавшие не то религиозный карнавал, не то устрашающую политическую демонстрацию, и каждое движение в них было рассчитано и

имело свое значение. Все восемь дней съезда Нюрнберг блистал праздничными украшениями и одеждами, красочные возбуждающие зрелища сменяли друг друга, как в калейдоскопе, и каждое из них несло свою особую пропагандистскую нагрузку. И во всех представлениях фюрер выступал как светоч, как герой и полубог, как главная фигура сложной постановки, содержавшей много сцен. Вот какие события происходили за неделю, пока проходил съезд.

В первый день все внимание было приковано к прибытию Гитлера в город, где его горячо приветствовали ликующие толпы, размахивавшие флажками со свастикой. Через несколько часов он вступал под звуки фанфар в богато украшенный главный зал городской ратуши, где в присутствии высших деятелей партии и государства и членов дипломатического корпуса его приветствовал мэр города и вручал от имени его жителей памятный подарок. По этому случаю выставлялись привезенные из Вены после аншлюса государственные регалии первой германской империи, хранившиеся там еще со времен наполеоновских войн. Эти священные предметы символизировали преемственность и вечность рейха и возвеличивали власть Гитлера, напоминая о великой германской империи, существовавшей в древности.

На второй день еще большая толпа наблюдала за открытием съезда партии. Церемония была торжественной, в духе религиозной праздничной службы. Стены главного зала были обтянуты белым шелком, а над громадной сценой висела золотая свастика, под которой восседали все высшие должностные лица партии. Под гром фанфар и звуки оркестра, игравшего любимый Гитлером «Баденвейлерский марш», фюрер поднимался на сцену, приветствуемый аплодисментами и криками собравшихся.

В конце третьего дня устраивалось факельное шествие членов партии офицерского ранга, проходивших маршем перед отелем «Дойчер гоф», в котором жил Гитлер. На четвертый день устраивался праздник для партийных чиновников, которых присутствовало не менее 110 тыс. человек. Прибытие Гитлера отмечалось музыкой; все нацисты, одетые в коричневую форму, вставали навытяжку, а публика приветствовала фюрера раскатистыми криками «Хайль!» В небо устремлялись лучи 150 прожекторов, создававших гигантский световой купол. Фюрер поднимался на главную трибуну, над которой развевался его личный штандарт; звучали фанфары. По команде взметались вверх 30 000 флагов, освещаемых прожекторами, приветствуя вождя. Центром всеобщего внимания становилась платформа на главной трибуне, где он находился; туда указывало

симметричное расположение флагов и все оформление трибун. Потом флаги приспускались, следовала минута молчания в память о погибших членах партии, и в их честь исполнялась торжественная мелодия; Гитлер произносил краткую речь, составленную в духе нацистской теологии. Когда он заканчивал ее словами «Хайль» Германия!», флаги снова приспускались в свете прожекторов, и полмиллиона людей исполняли два нацистских гимна: сначала традиционный «Дойчланд юбер аллее», а затем партийный «Хорст Вессель».

На седьмой день торжеств фюрер снова был в центре всеобщего внимания. Арену заполняли 100 тыс. человек; это были отряды штурмовиков в коричневой форме и эсэсовцев в черных мундирах. Снова следовала церемония приветствия фюрера, его штандарт взвивался над платформой, где он сидел, и поднимались вверх все флаги и знамена. Гитлер приветствовал войска возгласом: «Хайль, мои солдаты!», и в ответ тысячи глоток ревели: «Хайль, мой фюрер!» В этом обмене приветствиями обязательно звучали слова «мои» и «мой», чтобы каждый из присутствовавших почувствовал личную близость к фюреру. Затем войска и знаменосцы перестраивались, и под торжественную мелодию Гитлер выходил вперед по специальной «дорожке фюрера», сопровождаемый командиром штурмовиков Лютце и командующим войсками СС Гиммлером. Флаги опускались в память о погибших, и Гитлер стоял в молчании несколько минут перед «окровавленным знаменем» (это был флаг партийной ячейки, на котором, как говорили, остались пятна крови штурмовиков, погибших в дни неудавшегося путча в ноябре 1923 года).

Весь вид и поведение Гитлера на таких торжествах говорили о том, что он — и неограниченный властитель, и товарищ; олицетворение связи между славным прошлым и великим будущим Германии. Он находился здесь среди своих верных людей, подчиненных ему по закону воинской дисциплины; и в то же время весь антураж подчеркивал его удаленность от простых смертных и гордое одиночество; он был один над всеми, в компании павших героев, пожертвовавших собой потому, что они верили в него и в его миссию. Он вел себя так, как будто был близок каждому — и в то же время далек от всех и одинок.

В последний день съезда фюрер стоял во весь рост в своем открытом автомобиле на площади у церкви Девы Марии, а мимо него проходили бесконечные колонны штурмовиков и войск СС; на заднем плане высились богато украшенные дома местной знати. Говорили, что фюрер успевал посмотреть в глаза каждому воину, проходившему мимо него; во всяком случае у каждого

оставалось впечатление, что вождь отметил его лично, и это было незабываемо!

Стоит вспомнить, что в прошлые века появление великих особ, таких как император Карл Пятый или принц Евгений Савойский, не говоря уже о диктаторах вроде Наполеона, привлекало толпы людей, приветствовавших их с энтузиазмом или просто получавших удовольствие от зрелища. Но никогда еще сотнями тысяч человек не манипулировали с такой уверенностью, тщательно расписывая их роли и управляя их поведением; такое бывало только на съездах нацистской партии. Здесь полностью исключалось всякое отклонение от программы; не допускался даже намек на неформальное общение, характерное, например, для партийных съездов в Соединенных Штатах. Впрочем, в организации нюрнбергских торжеств тоже присутствовало что-то от американского шоу-бизнеса, и этот рекламный дух странным образом смешивался с тяжелым душком милитаризма, одинаково дурманившим и участников, и зрителей.

Пропагандистский эффект от громадных воинских и партийных парадов, когда маршировавшие колонны демонстрировали свою верность фюреру, усиливался репортажами по радио и показом в кино-журналах. Например, был снят впечатляющий фильм о празднествах в Берлине, посвященных пятидесятилетию Гитлера, отмечавшемуся через месяц после оккупации Праги и всего за четыре месяца до вторжения немецких войск в Польшу. Съемки выполнили лучшие специалисты кино (разумеется, под контролем Министерства пропаганды); фильм был оформлен как специальный выпуск кинохроники, в котором официальные события 19 и 20 апреля были показаны со всей возможной полнотой и многосторонностью. Было потрачено больше 10 тыс. метров пленки, из которых в фильм вошла всего одна двадцатая часть, образовавшая этот шедевр пропагандистского искусства.

Самую интересную часть киножурнала составили сцены парада подразделений вермахта, проходящих перед фюрером, который отдает им честь, стоя на почетной трибуне. Съемки фильма были признаны образцовыми, а для специалистов кино был составлен отчет под названием «Как следует снимать парады». Все это говорит о тщательной организации культа личности фюрера и о большом значении кино как средства пропаганды при диктаторском режиме.

Вот что говорилось в отчете:

> «Итак, наступил этот славный день — день пятидесятилетия нашего фюрера. Берлин принял свой

лучший праздничный облик; заканчиваются последние приготовления к 20 апреля 1939 года, к дню торжества и поздравлений. Студия кинохроники получила специальное задание. Мы должны снять события этих великих дней, создав исторический документ для будущего. Съемки парада должны стать образцовыми. Нужно не просто сделать все безупречно в техническом отношении, но и передать настроение события, дух воинской дисциплины и сконцентрированной мощи. Нужно заснять все, секунда за секундой; то, что будет пропущено, уже не удастся повторить, и оно будет утеряно навсегда.

И вот событие начинается. Фюрер выезжает из парка Люстгартен на Площадь парадов. Сразу же начинается прохождение войск. Одновременно происходит перестроение частей, готовящихся к прохождению. Отряды строятся в колонны; пехота и военная техника следуют вместе, образуя живописный и строгий порядок. Вся широкая улица в несколько километров длиной заполнена солдатами всех родов войск, постепенно выстраивающимися в железную колонну, где каждый из участников готовится пережить великий момент прохождения мимо Адольфа Гитлера. На них нацелены 12 кинокамер, улавливающих каждое их движение, чтобы показать потом в нашем фильме».

В фильме были показаны подготовительные мероприятия 19 апреля и события самого дня рождения:

«Праздник начался в прекрасною солнечную погоду, под ярко-голубым небом. Доносится веселая маршевая мелодия: это оркестр полка личной охраны фюрера исполняет в его честь серенаду ко дню рождения. Гитлер принимает поздравления, окруженный своими соратниками, среди которых выделяется Гиммлер. Камера кинооператора любовно проходит по фигуркам детей Геббельса, одетых в белое; они немного растеряны, но ведут себя чинно, стоя рядом с фюрером, который, как известно, очень любит детей! (Этот кадр неизменно вызывал восхищение женщин-кинозрительниц). Затем следует панорама толпы. Огромный хор, разместившийся перед рейхсканцелярией, оглашает площадь песней, славящей юбиляра. Гитлер появляется на балконе перед толпой; площадь взрывается овациями.

Потом следуют сцены официальных приемов

чиновников, политиков и военных. К дворцу прибывает колонна больших легковых автомобилей, и Гитлер со свитой отбывает на парад. Под гром военных оркестров он проезжает вместе с войсками через Бранденбургские ворота, а затем занимает место на почетной платформе под навесом и наблюдает за парадом. Он держится прямо и подтянуто; это уже не государственный деятель, а командующий, делающий смотр своим войскам».

Фильм преследовал вполне определенные политические цели: Гитлер хотел подбодрить народ, который после Мюнхенского кризиса не проявлял горячих чувств по поводу возможной войны; тут-то и понадобилось показать огромную мощь вооруженных сил, включая и «люфтваффе» (авиацию). Заодно нужно было «впечатлить» представителей зарубежных стран, приглашенных на торжества. Среди почетных гостей были: бывший президент Чехословакии Гаха, президент Словакии Тисо, министр иностранных дел Румынии. Перед этим Гитлер отдал распоряжение своему министру иностранных дел: «На празднование моего пятидесятилетия пригласить группу иностранных гостей, и среди них — побольше этих трусливых штатских и демократов. Я покажу им парад самой современной армии в мире!»

4. Во время войны 1940–1945 годов

Общеизвестно, что в дни войны руководящие деятели нации играют гораздо большую роль, чем в мирное время. Это относится и к тоталитарным государствам, хотя их вожди и так обладают огромным престижем и влиянием. В странах западной демократии о единстве нации нередко вспоминают только тогда, когда появляется угроза со стороны соперничающей державы, покушающейся на статус этого государства и на жизнь его народа. Тогда людей призывают пойти на жертвы и принести на алтарь войны имущество и свои жизни, и здесь возникает необходимость в национальном единстве и выдающемся лидере — символе этого единства. Это должна быть сильная личность, способная действовать быстро и эффективно, вдохновляя народ на борьбу и подвиги; и потребность в таком человеке с наступлением войны возрастает во много раз. В годы первой мировой войны такими символами национального единства были Клемансо во Франции и Ллойд-Джордж в Англии; а во время второй мировой войны — Черчилль в Англии. Деятельность этих людей ясно показала, что функции и качества премьер-министра сильно различаются в мирное и в военное время.

В фашистских государствах не было смены лидеров, и с началом войны вождь оставался на своем посту. В Германии, как и в Италии, образ вождя тщательно создавался в течение многих лет. С началом войны, наступившей для многих неожиданно, пропаганда только подновляла и видоизменяла уже готовый образ «непогрешимого отца нации». При этом пропагандисты использовали накопленный вождем за годы мира залас политического доверия и напоминали о его предыдущих успехах и победах. Той же линии придерживался и Геббельс. Он заявил, что фюрер разрушил все подлые заговоры своих врагов, выполнил намеченные планы и будет продолжать делать то же самое в трудных условиях войны. Он обладает сверхъестественным даром разгадывать политические интриги своих противников, умеет действовать быстро и решительно, и это делает его необходимым и надежным «щитом нации». В своих речах и обращениях Геббельс подчеркивал незаменимую роль фюрера как «защитника нации» и как военного деятеля, наделенного невероятными талантами в этой области. Теперь Гитлер изображался как «военный гений», как друг своего народа и как умелый строитель «новой Европы». Геббельс стал изображать фюрера в более реалистических тонах, особенно в конце войны. Теперь это был прежде всего «спаситель нации», а не непогрешимый

«сверхчеловек»; фигура из героического эпоса, а не из волшебной сказки.

Геббельс продолжал обращаться к фюреру с речами ко дню рождения, но тон их изменился: они стали содержать гораздо больше полемики. В речи, произнесенной 19 апреля 1940 года, даже не упоминалось о «новой фазе оборонительной политики на Западе» — об оккупации Дании и значительной части Норвегии, осуществленной 9 апреля. Геббельс использовал выступление для нападок на Невиля Чемберлена и «глупцов из правящего класса Англии, погрязших в роскоши», и высмеял «выдумки английской пропаганды о разногласиях внутри Германии». Вторая мировая война началась 3 сентября 1939 года, и в тот день премьер-министр Англии сказал, что его страна ведет войну не против германского народа, а только против Гитлера и гитлеризма, и если немцы избавятся от этих двух зол, то они получат почетный мир. Шесть месяцев спустя Геббельс дал ответ на это предложение, заявив, что истинной целью английской плутократии является уничтожение германской империи и германской нации и низведение Германии к статусу 1648 года. Что же касается спекуляций о разногласиях внутри рейха, то это — полная чепуха! Западные политики просто не в состоянии понять глубины доверия, существующего между фюрером и его народом: «Ничто не может поколебать единства немцев, их любви и доверия к фюреру и готовности выполнять его приказы! Мы знаем, что это — самый надежный способ защиты нации в ее великой борьбе! Под благотворным влиянием фюрера германский народ совершенно невосприимчив к действию разрушительной вражеской пропаганды!»

Речь была не такой драматической и эмоциональной, как прежде; Геббельс подчеркнул прочную связь фронта и тыла и полное единодушие германского народа: «Мы отметим пятьдесят первую годовщину фюрера не пышными парадами и яркими праздниками, а упорным трудом и борьбой!»

Не обошлось и без очередного «портрета фюрера крупным планом». Для этого был взят эпизод из кампании в Польше, вошедший в пропагандистский фильм «Огненная купель». В купе поезда, везущего группу военачальников на польский фронт, показаны германские генералы, собравшиеся вокруг карты и обсуждающие планы ведения войны. Затем камера медленно поворачивается и показывает фюрера, сидящего в углу купе; его лицо задумчиво и омрачено тяжелыми мыслями; видно, какая это великая историческая личность, «гордая в своем одиночестве и страдающая за нас». Снова подчеркивалось полное единство чувств народа и его вождя и готовность повиноваться, на которую

Геббельс указывал особенно настойчиво.

В дни невзгод и опасностей войны снова извлекался на свет миф о «германском чуде»: «Вера в фюрера, готовность повиноваться ему и следовать за ним дает нам необъятные силы, которые иностранцы воспринимают как проявление «германского чуда». Для них это загадка, а для нас — естественный и понятный факт! Нельзя даже представить себе, что когда-нибудь будет иначе!»

Это был канун большого германского наступления на Запад, и призыв к полному единению народа и фюрера стал главным мотивом немецкой пропаганды. Спустя год, когда Германия достигла ошеломляющих военных успехов и установила контроль почти над всей Европой, тема «чуда» зазвучала еще сильнее: «Всего один человек, как великий первопроходец, определяет смысл, содержание и направление мирового развития в этом веке. Мы стали свидетелями величайшего чуда в истории: гений строит новый Мир на Земле!» Появился и новый мотив, не звучавший прежде: призыв к укреплению морального духа, способствующего увеличению военных усилий: «Германская нация снова воздает почести фюреру в его день рождения. Любовь и уважение к нему заставляют нас удвоить усилия в борьбе за победу!»

И вот настал 1941 год. Очередная речь ко дню рождения была полна нападок на Англию и восхвалений уверенности, обретенной Германией под руководством фюрера. Геббельс раскритиковал Черчилля, сказав, что английский премьер-министр не выдерживает сравнения с Гитлером: «Недавно мистер Черчилль сказал, что Англия выиграет войну, но он явно не знал, как это произойдет. Мы можем ответить только одно: выиграет фюрер, потому что он знает, как это сделать! Нация, ведомая одним вождем, единая в своем фанатизме, — вот залог победы! Нас ведет человек, стоящий выше любви к славе и похвалам, и мы склоняемся перед ним! Фюрер велик, и у него — надежные помощники и соратники, сияющие в лучах его славы. Вместе с ним они совершили революцию, а теперь выиграют и эту славную войну за свободу и величие Германии! Мы бились многие годы рядом с ним, и мы можем уверенно сказать, опираясь на свой опыт и знания, что наша победа неизбежна; нам нужно лишь оставаться сильными, верными, смелыми — и мы придем к ней с высоко поднятой головой!»

Геббельс выразил фюреру почтительную благодарность всей нации и перечислил все слои германского народа, живущие с именем фюрера на устах: рабочих; солдат, защищающих великий рейх на фронте от Норвегии до Африки; доблестных летчиков люфтваффе, несущих смерть и разрушения на Британские

острова; моряков военного флота, зажавших Британию в железное кольцо блокады; крестьян, женщин, молодежь; все они «приветствуют фюрера как своего вождя и главнокомандующего и все они едины в своей вере и преданности ему». Речь заканчивалась традиционным обращением к Богу о ниспослании фюреру долгой жизни и успехов в борьбе за свободу нации.

Прошел год, и война не принесла желанной победы, а только расползлась еще шире. В апреле 1942 года немцы осознали, что к ним снова вернулся старый кошмар ведения войны на два фронта: на Востоке и на Западе. Черчилль не сдался, и министр пропаганды уже не решался противопоставлять «этого хвастливого и заурядного англичанина» своему фюреру. Так как окончательная победа уже не казалась делом близкого будущего, то в пропаганде был сделан упор на стойкость и героизм сопротивления, а не на прежний энтузиазм. Обстоятельства потребовали извлечь из глубин истории новую фигуру, с которой можно было бы достойно сравнивать фюрера. Им оказался Фридрих Великий, фильм о котором был широко показан в Германии весной 1942 года. Картина «Великий король» прославляла героическую стойкость Фридриха Второго в критические периоды Семилетней войны и рассказывала о его страданиях, разочарованиях и трудностях. Словом, исторические параллели напрашивались сами собой.

Геббельс, разумеется, вспомнил о фильме, произнося очередную речь ко дню рождения фюрера в апреле 1942 года, и заявил, что было бы ошибкой полагать, будто великие победы всегда являлись результатом военно-политического превосходства, или же, наоборот, уповать на неизменную благосклонность Фортуны. Опасности и угрозы — дело случая, и авторитетная руководящая личность найдет им достойный ответ. Достаточно вспомнить «этот прекрасный фильм» и подумать об удивительных совпадениях в судьбе Фридриха Второго и в современной ситуации; о психологических кризисах, которые пережил король, сражаясь и страдая вместе со своим народом. Каков же главный урок фильма? Он таков: во все времена не экономический и военный потенциал, не удачное географическое положение и даже не стойкость солдат и тружеников тыла решали успех войны, а подавляющее превосходство вождя, его умелое руководство! «Умение вождя — вот что склонит чашу весов и нашу пользу! — провозгласил Геббельс в те дни, когда миллионы германских солдат оказались в лапах русской зимы. — А если к тому же в его распоряжении будут лучшие материальные возможности — то никакая сила на Земле не вырвет победу у него из рук!» Как говорится: «Что и требовалось доказать!»

«Великого пропагандиста» не смущала разница почти в двести лет между 1942 и 1761 годом. Гитлер был представлен новым Фридрихом Великим, воплощением силы и источником уверенности для сражающейся нации. Подчеркивалась необходимость общей солидарности в суровой борьбе: «В трудные дни и месяцы мысли всей нации обращены к фюреру; немцы чувствуют себя близкими к нему как никогда раньше».

Гитлер стал реже показываться народу, и Геббельс усердно лепил его символический образ: «Мы чувствуем необходимость видеть его постоянно, хотя бы его фотографии — это дает нам силы для решения повседневных трудных задач. Мы все постоянно с ним, пусть даже между нами и им не сказано ни одного слова!»

Геббельс снова указывал на огромное бремя ответственности и трудов, которое фюрер несет день и ночь; в сравнении с испытаниями, выпавшими на его долю, повседневные проблемы простых людей казались не такими уж значительными. Им нужно было всего лишь следовать указанным путем, который он намечал: «Он один стоит перед лицом Судьбы, возглавляя титаническую борьбу до победного конца, за жизнь нации!» Теперь Геббельс стал подчеркивать необходимость стоической выдержки, которая и является связующим звеном между фюрером и нацией.

К апрелю 1943 года этот призыв к стойкости стал еще более настоятельным, приобретая мрачные ноты. Разгром под Сталинградом потряс до основания оптимизм и народа, и партийных чиновников. Тотальная война становилась неизбежной. Приходилось объяснять необходимость продолжения тяжелой дорогостоящей борьбы, конца которой не предвиделось. Речь Геббельса, произнесенная по радио 19 апреля 1943 года, была посвящена этим объяснениям. Имя фюрера почти не упоминалось, говорилось о серьезности момента и о том, что четвертый год войны «принес самые тяжелые испытания» и что выхода из тяжелой ситуации пока не видно: «Во времена мира некоторые наивные люди могут полагать, что быть руководителем легко, но в такие опасные годы, как теперь, даже они сознают, что лучше поддерживать лестницу снизу, чем находиться на самом верху и отдавать приказы!»

В речи Геббельса образ Гитлера, борющегося с военным кризисом, приобрел поистине трагические черты персонажа с картины Гойи: «Бесконечные дни тяжелых трудов и бесконечные бессонные ночи оставили неизгладимый след на его лице, отразившем страдания и печаль целой нации». Теперь Геббельс стал развивать новый аспект своей любимой теории «единения

вождя и народа»: «Если бы кто-нибудь мог нарисовать лицо целой нации, отразившее страдания нескольких лет войны, то он обнаружил бы в нем те же глубокие изменения, какие мы видим с гордостью на лице нашего фюрера! Это не только черты решимости и твердости, но и следы страданий за судьбу народа и даже всего человечества, которые ему пришлось невольно вынести».

Заметим, что к концу 1942 года Гитлер вполне осознал тот факт, что война не может быть выиграна. Он понимал: баланс сил таков, что без появления какого-то совершенно неожиданного фактора вроде нового оружия поражение будет неизбежным.

Призывы Геббельса к единению народа и фюрера стали тем более необходимы, что Гитлер стал все реже появляться перед публикой. Зимой 1942/43 года он выступил всего один раз, с традиционным обращением к старым членам партии в день 8 ноября. После поражения под Сталинградом и до самого конца войны он выступал всего дважды (если не считать двух речей, произнесенных на похоронах). Министра пропаганды очень беспокоило нежелание фюрера использовать свои ораторские способности, и он пытался оправдать это постоянной занятостью фюрера работой над военными планами. Иногда он говорил о беспокойстве народа по поводу того, что фюрер «так перегружен работой, что не показывается на публике, а ведь он является главной фигурой политической жизни и военного развития, и лица из лагеря противника не упускают возможности покрасоваться на мировой политической сцене». Впрочем, оправдывался Геббельс, истинно великие исторические деятели не нуждаются в ненадежных похвалах публики; «их сила — в демонической мощи и целеустремленности, с которой они следуют своей исторической миссии, повинуясь высшим законам Провидения!» Продумав, он решил извлечь пользу из нежелания фюрера появляться перед обществом, объяснив это его «скромным образом жизни и полным погружением в работу, что делает его еще ближе нашим сердцам; хотя иногда и вызывает сожаление тот факт, что мы не можем видеть его почаще». Скромность и простота Гитлера противопоставлялись напыщенной хвастливости его врагов.

К апрелю 1944 года, когда Гитлеру исполнилось 54 года, германские армии отступали по всему Восточному фронту, и вторжение союзников на Западе было неминуемым. Геббельсу пришлось изо всех сил поддерживать «миф о фюрере», чтобы сохранить пошатнувшуюся веру германского народа и подавить сомнения и раздоры. Он настаивал на том, что преданность немцев фюреру и вера в него нисколько не уменьшились.

Он повторял, что уверенность в победе — лучшее моральное оружие во всякой войне, и «если она начнет падать — это и будет признаком начала конца». Начало конца! Эти слова, впервые сказанные Геббельсом, прозвучали так зловеще, что он попытался побыстрее сгладить впечатление от них: «О нет, конечно, нет, — объяснял он, — нет ни малейших причин думать, что такое может случиться; это всего лишь несбыточное желание наших врагов, выдумки их пропаганды!»

Теперь единение народа с фюрером стало толковаться как полная уверенность в победе: «Мы верим в свою великую победу, потому что мы верим в Него! Народ, который так верит фюреру, обречен на величие; он должен только всегда стремиться к этому величию».

К апрелю 1944 года опустошительные налеты авиации союзников и отступление на Востоке как никогда ослабили военное положение Германии, и Геббельс стал призывать к свободному историческому взгляду на сложившуюся ситуацию, «к оценке настоящего с позиций будущего». Это была попытка «подсластить пилюлю», укрыться от безжалостной действительности в тиши истории, ища в ней утешительные аналогии. В речи от 19 апреля 1944 года, произнесенной в Доме оперы в Берлине, он высказался в том духе, что войну можно оценить по-настоящему только после ее окончания; ведь сегодняшние события — это еще не конец всего, и кто, мол, знает, как еще может все обернуться; военное счастье переменчиво, и чаша весов может склониться под действием воли великого человека, которого поддерживает нация.

Германская общественность почти не видела Гитлера и не слышала его выступлений после речи по радио, произнесенной 9 ноября 1943 года в Мюнхене, перед «старой партийной гвардией». Это выступление порадовало Геббельса, он посчитал его «спасительным», но других спасительных слов от фюрера он так и не дождался. Среди высших руководителей рейха начались разногласия. В результате Геббельс послал Гитлеру длинное письмо с предложением предпринять попытку помириться со Сталиным (это было за неделю до дня рождения фюрера, в апреле 1944 года). Одновременно он обвинил Риббентропа как «человека, ответственного за нашу изоляцию за рубежом и за нарушение многочисленных договоров». Но Геббельс был далек от того, чтобы выступить против фюрера; он был предан ему не только умом, но и всей душой, продолжая выказывать ему «детскую любовь и почтение», как говорили некоторые свидетели их отношений. Всякий раз, отправляясь на прием к фюреру в его штаб-квартиру, он готовился сказать ему слова суровой критики,

разжигал в себе раздражение и даже неверие в его гений и намеревался «высказать ему все, что он о нем думает», — но всегда, возвращаясь с таких свиданий, он был снова «полон восхищения фюрером», излучая заразительный оптимизм. «Когда я с вами, мой фюрер, вы возвышаетесь надо мной с таким ошеломляющим величием, что я просто не в состоянии произнести ни одного слова критики!» — гласит запись в дневнике Геббельса того времени.

Итак, личная преданность министра пропаганды своему фюреру нисколько не пострадала, но приходилось успокаивать общественность, пребывавшую в подавленном настроении, вновь обращаясь для этого к темным глубинам истории. В речи ко дню рождения фюрера, произнесенной в апреле 1944 года, Геббельс, чтобы укрепить авторитет вождя в массах, снова сравнил его с Фридрихом Великим. На этот раз он зашел с другой стороны, указав, что современники короля не смогли тогда, в 1760–1763 годах, оценить его так, как последующие поколения немцев. «Наша теперешняя оценка его деяний, сделанная с учетом исторической перспективы, не искажена личными интересами, а потому более объективна и справедлива. Так и события идущей сейчас войны будут по справедливости оценены лишь сотни лет спустя, и тогда на первый план выйдут не разрушения от бомбежек (их следы исчезнут уже через десять лет), а главный вопрос: окажется ли Европа под властью большевиков или же она сможет избежать этой смертельной угрозы? И тогда человек, сумевший спасти Европу от большевистского порабощения, и будет признан главным героем ведущейся войны! В будущих учебниках истории Гитлера назовут «блестящим примером человеческого величия и мудрой проницательности, сияющим на фоне безликой и темной толпы его противников!»

«Наш фюрер остается неизменным, несмотря на все взлеты и падения военной удачи. В отличие от прочих деятелей он вовремя распознает опасности и смело их встречает. Его руководство — самый надежный залог грядущей победы!»

Геббельс не забыл о теме «единства народа и вождя», решив, что настало время ее подновить: «Никогда еще мы не были так близки к нему, как в эти минуты опасности, когда мы чувствуем, что необходимы ему так же, как и он нам!» Министр пропаганды снова выступал от имени миллионов немцев: «Гитлер для нас — все, и в суровом настоящем и в сияющем победном будущем! Мы желаем ему здоровья и сил; пусть знает, что он может положиться на свой народ!» В теме абсолютного единения прозвучал и новый акцент: «В этой битве между жизнью и смертью он остается для нас тем, кем был всегда — нашим Гитлером, нашим вождем!»

Любопытно, что и в последующие месяцы войны, когда уже приближались «сумерки богов», Геббельс прилагал невероятные усилия по возвеличиванию своего фюрера, еще большие, чем во все предыдущие годы.

Сам Гитлер всего лишь дважды обращался к населению в 1944 году по вопросам общенационального значения: в канун Нового года и восемь месяцев спустя, 20 июля, после неудавшегося покушения на него. Впервые в истории Третьего рейха он не появился даже на традиционном ноябрьском съезде «партийной гвардии». Вместо него Гиммлер прочитал «прокламацию от имени фюрера» о создании «фолькс-штурма» — народного ополчения, призванного спасти положение, которое уже невозможно было спасти. Западная пропаганда не замедлила использовать затворничество Гитлера, выдав в эфир ряд вопросов, тревожных для немцев: «Может быть, он заболел? А может быть, серьезно пострадал во время покушения 20 июля? Или просто не решается показаться перед публикой, зная, что положение безнадежно?» Эти выпады сделали свое дело, потому что ситуация на обоих фронтах быстро ухудшалась. Поползли слухи о болезни фюрера и даже о том, что его уже нет в живых. Пресс-секретарь Геббельса записал, что «люди охотно верят сплетням, потому что так и не дождались выступления фюрера. К тому же эти неприятные пересуды имеют под собой основание: ведь фюрер страдает от глубокой депрессии и очень ослаб здоровьем — он выглядит, как беспомощный старик!»

Неудивительно, что Геббельс решил оживить образ Гитлера как сильной личности, полной уверенности и здоровья. «Фюрер, — писал он в статье под тем же заголовком, — не постарел от войны. Во всяком случае не более, чем остальные немцы, выносящие ее тяготы. Если он и стал ходить, слегка опустив голову, то только потому, что постоянно сидит, склонившись над картами, — ведь он воспринимает проблемы войны более серьезно, чем простые граждане». Геббельс снова прибег к излюбленному сравнению с Фридрихом Великим, явно унизив при этом знаменитого короля: «Фюреру сейчас столько же лет, сколько было Фридриху в конце Семилетней войны, когда солдаты называли его «Старый Фриц», но он производит впечатление совсем молодого человека: его глаза излучают живой блеск; черты лица спокойны и гармоничны, сохраняя выражение ясности и благородства; и только виски тронула легкая седина — след многодневных трудов и беспокойных ночей, проведенных в одиночестве». Геббельс нашел для своего вождя новый, еще более блестящий образ, сравнив его со «Святым Георгием, поражающим гнусных врагов Германии и Европы ради спасения человечества».

«Благородство его характера восхищает не меньше, чем его гений; ни одно слово фальши или грубости никогда не слетало с его губ. Это избранный Богом вождь избранного народа, преобразователь человечества, ведущий его к светлому будущему!» Но эти заклинания уже не находили отклика. Вражеские армии продвигались все дальше по территории Германии, и все больше немцев теряли веру в военное искусство и дар предвидения Гитлера — и только Геббельс продолжал возвеличивать своего героя и прославлять «эру Гитлера», величие которой будет понято, когда минуют испытания войны; поразительно, но он славил фюрера с еще большим жаром и размахом, чем прежде.

К тому времени, когда прозвучала последняя речь Геббельса, поздравившего фюрера с пятидесятишестилетием, главный нацистский пропагандист уже оставил все надежды на заключение почетного мира. Поражения было не избежать; русские стояли у ворот Берлина, и всего через две недели фюрер, а вслед за ним и Геббельс вместе со всей своей семьей совершили самоубийство. Третий рейх рухнул, но неуемный сочинитель хвалебных речей продолжал до самого конца повторять штампованные фразы, как испорченная граммофонная пластинка. В его речах фюрер так и остался «человеком столетия», до конца прошедшим свой путь и увидевшим «не гибель нации, а счастливое начало беспримерного золотого века германизма».

В последний раз, перед лицом надвигавшегося краха, прозвучали клятвы в «верности заветам Нибелунгов» и нерушимом единстве фюрера и народа: «Мы чувствуем его в себе и рядом с собой. Пусть Бог даст ему силы и здоровье и защитит его от опасностей; остальное сделаем мы сами. Несчастья не раздавили, а закалили нас. Германия полна веры, она празднует последний триумф, презирая опасность! Нация не покинет своего вождя, и вождь не оставит свой народ. Это и есть победа!»

«Сегодня, в дни страданий, мы просим для фюрера того же, что и в прежние добрые времена — чтобы он всегда оставался с нами!»

Геббельс уже расстался с надеждой на победу, но в его сознании мерцала мысль о последнем утешении: войти в историю как героическая фигура, как верный рыцарь своего фюрера. На одном из последних собраний сотрудников своего министерства он призвал их «исполнять свои обязанности до конца, чтобы стать героями исторических фильмов, которые будут сняты через много лет»: «Через сто лет будут поставлены прекрасные картины о страшных днях, которые мы переживаем, и мы вновь оживем в них! Разве вы не хотите сыграть свою почетную роль, чтобы стать героями такого фильма? Я верю: это будет достойное и

возвышенное зрелище, ради которого стоит вытерпеть страдания. Держитесь же, чтобы через столетие, увидев вас на экране, публика не встретила вас насмешками и свистом!»

Таковы были последние отчаянные пожелания «постановщика пышных церемоний», увидевшего, что его роль сыграна, и пожелавшего сохранить для себя местечко в истории рядом со своим обожаемым фюрером.

5. Несколько штрихов к портрету фюрера

Ужасный феномен, производящий сильное впечатление своей поистине гранитной грубостью и бесконечно разнообразной убогостью; олицетворение чудовищной силы и свирепого гения в окружении гнойной мусорной кучи, собранной из интеллектуальных объедков столетий.

Тревор-Ропер, британский историк

Старания Геббельса по созданию образа «обожаемого фюрера» привели к утверждению в Германии культа личности Гитлера, принимавшего уродливые формы. Немецкие женщины, называвшие его «прекрасный Адольф», в его присутствии лишались чувств от восторга и присылали ему тысячи писем с выражением желания родить от него ребенка.

Те, кому доводилось узнать фюрера поближе, могли получить о нем другое впечатление, не совпадавшее с описаниями Геббельса:

«С побагровевшими от злости щеками, подняв сжатые кулаки, передо мной стоял весь трясущийся от гнева полностью потерявший самообладание человек. После каждого взрыва ярости Гитлер срывался с места, устремляясь по ковру туда и обратно, а затем снова останавливался передо мной и швырял в меня новое обвинение. При этом он надрывался от крика, глаза его вылезали из орбит и на лбу вздувались вены». Так описал свои впечатления от одной из «деловых встреч» с фюрером его верный полководец, генерал Гейнц Гудериан, одержавший для него немало громких побед.[7]

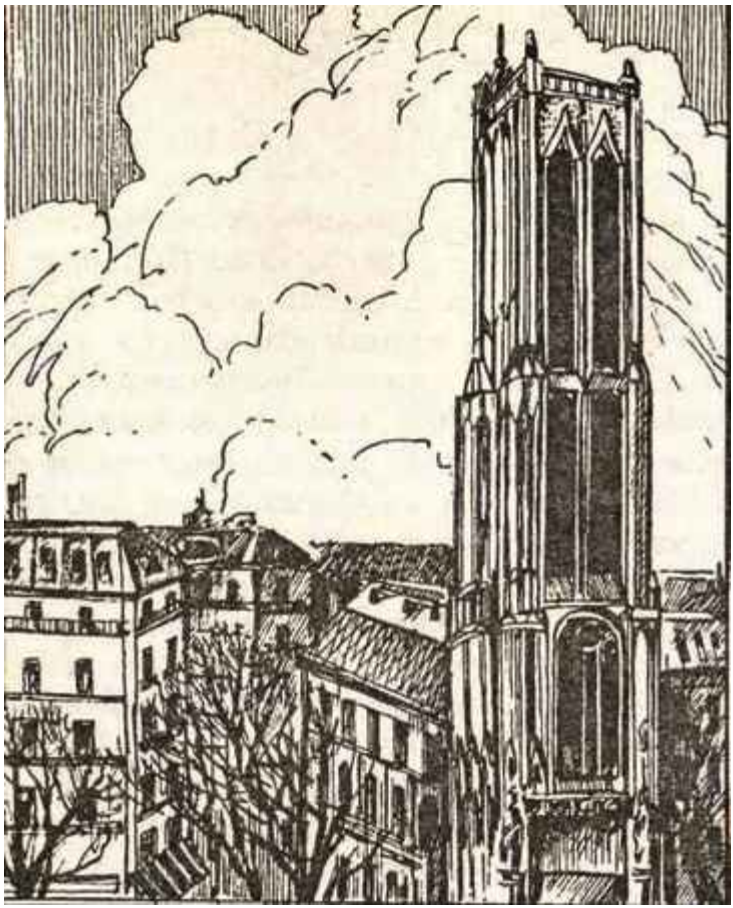
А вот как выглядели, по воспоминаниям современников, застольные беседы в ставке Гитлера в Растенбурге:

«Привлекательность (или, напротив, тягостность) этих трапез заключалась в том, что они мало походили на обычные обеды и ужины. Меню их не отличалось особым разнообразием: Гитлер был вегетарианцем и в этом своем пристрастии (как, впрочем, и в остальных) был деспотичен. Правда, один день в неделю он допускал для своих гостей мясные или рыбные блюда, но при этом сопровождал еду саркастическими рассуждениями о

«трупоедах», пьющих «трупный чай» (так он называл мясной бульон). Когда подавали угрей, он сообщал, что их ловят на дохлых кошек, а по поводу раков не забывал каждый раз рассказать о мертвой бабушке, которую внуки бросили в реку в качестве приманки.

Но главным украшением «частных трапез» фюрера было все же не меню и не конферанс хозяина-вегетарианца. Мемуаристы из числа близких к Гитлеру людей — Альберт Шпеер, Отто Дитрих и другие — единодушно и не сговариваясь отмечают присущую ему почти патологическую и неотъемлемую черту — «речевой эгоизм»: «Гитлер был неистощим в речах, говорение было стихией его существования». Его приверженность к коллективным застольям была выражением его неутолимой жажды к принудительным проповедям. Обеды в ставке продолжались, как правило, до полутора часов, а ужины обычно затягивались на два часа и более, но из-за стола гости фюрера вставали не всегда сытыми, не испытывая удовольствия от еды, с головой, опухшей от исполненных самоупоения, маниакальных речей хозяина».[8]

Глава 9
Уверенность в победе



«В результате прорыва немецких танковых соединений войска Первой группы армий союзников (10 английских, 18 французских и 12 бельгийских дивизий) оказались окруженными и прижатыми к морю в районе французского города Дюнкерка. Английское командование приняло 20 мая 1940 года решение об эвакуации своих войск, не согласовав его с союзниками. Эвакуация была облегчена тем, что Гитлер неожиданно одобрил приказ об остановке танковых частей на промежуточном рубеже. Причины этого приказа не выяснены историками до настоящего времени. Есть мнение, что Гитлер, позволяя деморализованным английским солдатам вернуться домой, рассчитывал вызвать с их помощью волну страха и растерянности в английском обществе и

побудить правительство Британии к заключению мира.

Удалось эвакуировать основную часть союзных войск (англичан, французов и бельгийцев) в количестве около 340 тыс. человек. Англичане потеряли около 70 тыс. человек, а также все вооружение и технику. 28 мая капитулировала бельгийская армия, а 4 июня сдались в плен 40 тыс. французов, прикрывавших эвакуацию и израсходовавших все боеприпасы».[9]

Пропаганда, согласно самой своей природе, не может заменить военный успех, но она может подготовить и усилить его, а потом еще и помочь воспользоваться его плодами. Пропагандист поддерживает военную кампанию, подстегивая в своем народе настроения агрессивности и уверенности и обвиняя народ вражеской страны и ее руководителей во всех мыслимых и немыслимых грехах, чтобы ослабить их сопротивление. В период военных действий пропагандистам приходится непрерывно подправлять свои планы, приспосабливая их к меняющейся ситуации. Такую регулировку легче производить в условиях тоталитарного государства, поскольку там никто не мешает им менять объем и интенсивность пропаганды в ту или другую сторону по своему усмотрению.

Разумеется, ничто так не способствует успеху пропаганды, как сами военные успехи. Молниеносные военные кампании, проведенные германской армией в Польше, а затем и в Скандинавии, создали в германском обществе безусловную уверенность в выдающемся стратегическом таланте Гитлера и в эффективности вермахта, действовавшего по его планам. Эта уверенность подкреплялась и усиливалась радиорепортажами и очерками, выпусками кинохроники и документальными фильмами (вроде картины «Огненная купель», показавшей с яркими подробностями разгром Польши, выполненный всего за 18 дней). После быстрой оккупации Нидерландов и несколько неожиданной капитуляции Бельгии падение Франции казалось неминуемым. Когда оно действительно произошло и единственным сражающимся противником осталась Британия (по выражению составителей ежедневного бюллетеня вермахта от 3 июля 1940 года), пропагандисты и население Германии поверили в скорую победу над англичанами и в полное завершение военных действий. Но завершающий удар по Британии так и не был нанесен, и германской пропаганде пришлось перестраивать свои выступления. Сначала отложили на время, а потом и вовсе оставили тему ненависти к Франции, составлявшую до этого главное содержание ожесточенной пропагандистской кампании; пришлось также умерить радостные ожидания победы над Англией, когда выяснилось, что никакой капитуляции Британии к

декабрю 1940 года не предвидится, а полное окончание войны отодвигается на неопределенное время.

Нацистская пропаганда всегда с большой охотой использовала прием разоблачения «коварных замыслов врага». Такой способ был удобен для оправдания агрессивных военных выступлений Германии против других стран, в том числе и нейтральных, суверенитет которых грубо нарушался: все объяснялось необходимостью «сорвать зловещие планы вражеской коалиции». Именно так освещались успешные военные походы против Дании, Норвегии, Голландии и Бельгии: они были представлены как «предупредительные меры, опережающие бессовестные поползновения Англии и Франции, всегда считавших нейтральные страны не более чем пешками в своей грязной игре».

Перед германским вторжением в Норвегию было объявлено, что западные державы собираются напасть на эту «беззащитную страну, чтобы получить возможность шантажировать Германию». 9 апреля 1940 года германское верховное командование объявило о высадке своих войск на побережье Норвегии, и Министерство пропаганды дало указание всем редакторам газет «характеризовать это событие как молниеносный ответ германской армии на попытки Британии превратить Скандинавию в театр военных действий против Германии». Сказать по правде, этот «предупредительный удар» имел свои основания, поскольку Британия и Франция планировали в то время провести морскую операцию в Норвегии. Западные державы собирались осуществить план «Уилфред», предусматривавший действия в норвежских водах и оккупацию части территории Норвегии с целью предупреждения высадки немцев. Согласно плану «Уилфред», предполагалось провести минирование норвежских территориальных вод и оккупацию городов Нарвик, Берген и Ставангер.

Обе воюющие стороны хотели бы выглядеть достойно в глазах мировой общественности и искали причины для оправдания своих действий, но у немцев имелось огромное преимущество: они могли выполнять свои планы, не спрашивая согласия норвежского правительства.

Начало осуществления британского плана, принятого верховным военным советом этой страны 28 марта 1940 года, было намечено на 5 апреля; в этот день правительствам скандинавских стран собирались вручить оправдательные дипломатические ноты, а затем приступать к постановке мин. По некоторым причинам ноты поступили в Стокгольм и Осло только вечером 7 апреля, а установка мин началась на следующий день.

Газеты скандинавских стран подняли шум, гадая насчет планов союзников в этой части Европы.

Гитлер еще 3 марта решил, что нападение на Скандинавию принесет ему пользу и создаст хороший прецедент для последующих действий против Голландии и Бельгии. Германская операция «Везерюбунг» началась рано утром 9 апреля. Случилось так, что военные флоты обеих стран начали свои передвижения одновременно в соответствии со своими планами. Гитлер был меньше осведомлен о намерениях союзных держав, чем они о его замыслах, но зато он был преисполнен решимости нанести удар первым.

Немецкая пропаганда утверждала, что германское правительство давно узнало о кознях противника в Скандинавии и следило за их развитием в течение нескольких месяцев. Затем последовал «молниеносный ответ на происки британских пиратов», провозгласивших, что «нейтралитет больше не принимается во внимание»; теперь немцы использовали этот лозунг в свое оправдание. Нацистское правительство заявило, что «Германия берет Данию и Норвегию под защиту рейха»; эта зловещая формула звучала уже не в первый раз и была знакома европейцам еще с той поры, когда германские войска оккупировали Прагу и расправились с Чехословакией. Люди Геббельса усердно подчеркивали «мирный характер действий Германии» в Дании и Норвегии. Говорилось, что Германия не собирается использовать эти страны в качестве плацдарма для нападения на Англию и что «их суверенитет не будет ущемлен».

Затем редакторы газет получили директиву, предписывавшую не сообщать ни при каких обстоятельствах, что «Германия предприняла эти меры, чтобы обезопасить поставки железной руды из Скандинавии и получить базы для новых военных операций». Также запрещалось выражать по поводу оккупации Дании и Норвегии какую-либо радость или торжество. Следовало только подчеркнуть унижение, понесенное Англией и Францией, и полное бессилие их правителей, не сумевших ничего противопоставить блестящей германской акции. Через две недели эта тема была усилена ссылками на документы, найденные в Норвегии, проливавшие новый свет на зловещие интриги Англии и Франции в этой стране. Обнаружение этих «документов», найденных весьма кстати, послужило для оправдания законности предупредительных мер, предпринятых Германией, и для посрамления Англии в глазах мирового общественного мнения, увидевшего, «какими нечистоплотными махинациями было занято английское правительство в Северной Европе».

Сразу же после успешной германской операции в

Скандинавии в лагере противников Германии раздались голоса, предупреждавшие, что вскоре такая же участь постигнет Голландию и Бельгию. В связи с этим германская пресса получила указание не упоминать названия этих стран в своих материалах, и после этого германские газеты отрицали наличие планов вторжения в Бельгию и Голландию даже тогда, когда до вторжения оставалось всего два дня. Немецкая пропаганда высмеивала «неуклюжие маневры англичан, пытающихся скрыть за разговорами о немецком вторжении собственные агрессивные намерения»: «Именно Германия всюду выступает в защиту мира, тогда как ее противники склонны к агрессии и к расширения театра военных действий».

Помощники Геббельса продолжали свою крикливую кампанию под лозунгом «Держите вора!» даже тогда, когда вторжение в Голландию и Бельгию уже началось. Германские газеты и радио ссылались на заявление Риббентропа, упомянувшего о «недвусмысленных доказательствах намерений Англии и Франции оккупировать эти две страны»: «Фюрер просто опередил их в очередной раз, оставив их в дураках, вот и все!» К тому же, как говорилось, «правительства Голландии и Бельгии долгое время помогали нашим противникам». Поэтому они и стали «жертвами нового витка войны, раскрученного плутократическими державами», и жертвами отнюдь не невинными, так как их генеральные штабы давно уже стали не более чем филиалами спецслужб Англии и Франции. Тут, кстати, опять нашлись «документы», подтвердившие «виновность правительств этих стран во враждебных замыслах по отношению к Третьему рейху». Сообщалось, что германские военные обнаружили в Голландии «32 000 топографических карт генерального штаба Нидерландов, охватывавших территорию Великой Германии», и это преподносилось как неопровержимое доказательство подготовки агрессии против рейха. Впрочем, отмечалось, что Бельгия, да и сама Франция, послужили всего лишь пешками в корыстной игре Англии и были вовлечены в войну не ради своих собственных интересов, а в угоду ее целям.

Таким образом, германская «предупредительная акция» была дополнена пропагандистскими усилиями, имевшими целью вбить клин между союзниками и поссорить Бельгию, Францию и Англию. Это предписывалось делать «искусно и осторожно», затрагивая эту тему как бы мимоходом. Газетам рекомендовалось намекать на отсутствие военного единства между союзниками и на недостаток военной мощи для осуществления стратегических решений. Утверждалось, что ни бельгийцам, ни французам нет смысла сражаться в Бельгии: бельгийцам следовало поберечь от

уничтожения свою столицу, а французам рекомендовалось подумать о защите собственных городов.

28 мая 1940 года бельгийская армия капитулировала. Премьер-министр Франции Рейно высказал сожаление по поводу этого события и тут же подвергся ожесточенным нападкам немецких газет, выражавших свое «возмущение и негодование», следуя директивам Геббельса. Они на все лады хулили «жалкую роль французских поджигателей войны, втянувших несчастную Бельгию в свои преступные планы, а теперь обвинивших ее короля в предательстве, хотя он всего лишь сделал правильный вывод о бесполезности дальнейшего сопротивления ввиду безнадежности военной ситуации».

В этот период германская пропаганда усиленно пыталась внести разлад в лагерь противника, действуя по двум направлениям: стараясь перессорить западных союзников между собой и посеять рознь внутри их народов. В Бельгии подручные Геббельса пытались противопоставить короля правительству этой страны, находившемуся в изгнании, а в Англии искали противоречия между народом и правительством, «попиравшим интересы собственной нации». Особенно удобными целями для наладок немецких пропагандистов стали различные эмигрантские правительства, обосновавшиеся в Лондоне в течение лета 1940 года. Их называли «обыкновенными перебежчиками, озабоченными только своей собственной судьбой и предавшими свои народы ради личных корыстных интересов».

Люди Геббельса не жалели сил, чтобы настроить население других стран против своих правительств; и первым их объектом стала Норвегия. За несколько дней до германского вторжения в эту страну норвежское правительство направило протест Лондону против нарушения британскими судами норвежских территориальных вод. Немецкая пропаганда назвала протест «робким», сказав, что истинными чувствами норвежского народа являются «глубокое возмущение неслыханной наглостью англичан» и тревога, даже паника, из-за возможного начала военных действий.

Следующей удобной возможностью сыграть на противоречиях между союзниками стала для Геббельса капитуляция Бельгии. Сразу же было заявлено, что король действует в интересах нации, а правительство, бежавшее в Лондон, предает их. Когда премьер Франции Рейно заявил, что король Леопольд согласился на капитуляцию вопреки воле бельгийского правительства, германские газеты дружно заявили, что никакого бельгийского правительства не существует, а есть только кучка эмигрантов, покинувших свой народ и свою армию в трудный момент, чтобы

спастись самим. Мимоходом многозначительно намекалось, что и король-то Бельгии — еще та «фигура»!

Те же методы практиковались и по отношению к Англии. Вот пример: 5-июля 1940 года редакторы газет получили указание не подвергать наладкам английский народ, ведя полемическую кампанию против Англии: «Наша политика заключается в разъединении народа и правительства Британии». После атаки британских сил на французский флот, отведенный в Оран (предпринятой, чтобы предотвратить захват кораблей немцами), немецкие газеты поставили риторический вопрос: «Что думает английский народ по поводу этого вероломного акта?», и ответили на него так: «Если бы в Англии нашлось хоть немного разумных людей, Черчилль уже давно не был бы премьер-министром!»

После падения Франции лорд Галифакс отверг призыв Гитлера к Британии «сложить оружие», и германская пропаганда стала в один голос кричать, что «английские плутократы не желают мира и разжигают войну, не принимая во внимание интересны своего несчастного народа и не советуясь с ним». Так «подлинные интересы английского народа» противопоставлялись «эгоистическим интересам правящего класса, взирающего на свою нацию с надменным безразличием». В начале августа 1940 года германская авиация засыпала Британию листовками, призывающими английских рабочих не верить своему правительству, поскольку оно использует разговоры о «защите прав человека» для усиления эксплуатации рабочих. Листовки имели успех, и встревоженные профсоюзные лидеры едва справились с этой напастью, вызвав своими умелыми разъяснениями злобу германских газет, объявивших их «отщепенцами, выступающими против интересов собственного народа».

Впрочем, заметим в скобках, прием противопоставления «народа» и «правительства» использовали, конечно, не только нацисты, но и западные державы, широко освещая эту тему в обращениях к населению Германии.

Уместно вспомнить, что древние германские сказания, описывающие давние битвы, рассказывают о принятом в старину обычае: воины враждебных армий, заняв боевые порядки друг против друга, обменивались перед сражением остротами и оскорблениями, чтобы раздразнить врага и поднять собственный боевой дух. Пропагандистская машина Геббельса дала новую жизнь этому старому обычаю, придав ему, как водится, новые масштабы и современное качество.

В период «Странной войны», когда французы отсиживались за

«Линией Мажино», германская пропаганда почти не нападала на Францию и французов, ограничиваясь поддразниванием их насчет того, что «Англия будет воевать до последнего французского солдата». Положение сразу же изменилось, когда военные действия переместились на территорию Франции. В конце мая 1940 года редакторы газет получили инструкции «сосредоточить все пропагандистские усилия на Франции, безжалостно разоблачая ее» так же, как это делалось по отношению к Британии. У немцев имелся богатый опыт критики Франции и французов, и в дело пошли все испытанные антифранцузские штампы и лозунги. Сразу же было извлечено на свет старое клише о традиционной антигерманской направленности французской политики, свойственной ей еще со времен Ришелье и Наполеона, которые ставили целью раздробление Германии и раздувание противоречий между ее землями. Затем пошел в ход тезис о «вырождении Франции», которым охотно пользовались Трейчке и германские националисты еще до 1914 года. Нацисты придали ему новое, более выразительное звучание, с презрением обвинив французов в неразборчивости, с которой они вступают в связи с представителями «низших рас», обрекая свою нацию на утрату первородной чистоты. Раньше, еще после 1918 года, когда французы оккупировали Рейнскую область, германские националисты ворчали по этому поводу: вот, мол, французы — вечно хвастают своей культурой, а сами поставили немцев, представителей «высшей расы», в подчинение неграм: «Какая это вопиющая глупость, настоящее преступление против культуры!» И вот пришло время расплаты. Германским газетам была поставлена задача «разжечь негодование и отвращение по отношению к французам и довести эти чувства до высшей точки». Акцент был сделан на то, что «французы выступают в этой войне в качестве бесправных наемников Британии», и эта тема, в разных вариациях, стала ежедневно прорабатываться во всех газетах. В течение двух недель газеты, не уставая, вколачивали в головы читателей тезис об «оскорблении, нанесенном Германии оккупацией Рейнской области и Рура» в 1918 году, припоминая все новые «омерзительные подробности» этого злодейского деяния французов.

Стремительное наступление германских армий во Франции стало сенсацией и сопровождалось такой же мощной пропагандистской кампанией в газетах и по радио. Нападки на Францию и французов, обвиняемых в «садистских и негроидных наклонностях», звучали, как оглушительный хор, и журналистам было приказано «не ослаблять полемических усилий».

Германские националисты издавна относились к Франции как к исконному врагу; возможно, это подстегнуло некоторые газеты дойти в своих нападках до крайностей, которые не понравились даже Министерству пропаганды. Его представители указали, что антифранцузская кампания «не должна сводиться к обыкновенным оскорблениям и грубостям; ее нужно вести аргументированно, опираясь на факты. Подходящим материалом для пробуждения ненависти и презрения являются рассказы о зверствах французских солдат, так что нет необходимости прибегать к мелодраматической декламации, звучащей неискренне. Не стоит также задевать понятия и символы, священные для всей французской нации, например, такие как французский национальный флаг: это просто неразумно и может вызвать неблагоприятную реакцию».

За этими словами скрывалось опасение, что слишком грубые нападки только укрепят моральный дух французов и усилия немецких пропагандистов обернутся против них самих. Германские газеты с таким рвением принялись исполнять директиву «О кампании против Франции», что министерству пришлось призвать их умерить свой пыл и быть более разборчивыми в средствах.

Победы вермахта во Франции положили конец существованию «комплекса неполноценности», наблюдавшегося у немцев по отношению к их западному соседу после 1918 года. Директива для прессы, указывавшая, как следует освещать в газетах оккупацию Парижа, недвусмысленно заявляла: «Необходимо подчеркивать, что современная германская армия сумела за несколько недель осуществить то, чего не удалось добиться за всю кампанию 1914–1918 годов. Причинами явились: лучшее вооружение, лучшее руководство и более крепкий тыл» (что было вполне правдоподобно и подтверждалось фактами).

Та же директива объясняла, что, говоря об оккупации Франции, следует избегать каких бы то ни было сентиментальных поблажек по отношению к французам, но маршала Петэна лучше избавить от критики: «В этом вопросе не стоит быть похожими на французов, обвинявших в свое время маршала Гинденбурга во всех грехах только за то, что он становился в 1918 году на защиту своего народа».

Так или иначе, но германские армии вступали в Париж, и немецкие журналисты никак не могли разобраться в том, как им осветить это событие: проводить мысль «о мести» не рекомендовалось; следовало придерживаться идеи «суровой расплаты» с Францией, но чем одно отличалось от другого, понять было трудно.

Когда стих грохот боев и немецкие бомбардировщики перестали висеть над дорогами, было подписано перемирие в Компьенне. Это был долгожданный и великий момент, и Геббельс, продумывая порядок «сцены подписания капитуляции», проявил немалые способности к пониманию сценических законов, которые могли бы сделать честь любому режиссеру провинциального драматического театра.

По его указанию капитуляция Франции была принята в том самом историческом железнодорожном вагоне, в котором маршал Фош принял в 1918 году капитуляцию Германии; для этого вагон забрали из музея в Париже и перевезли на старое место, в Компьеннский лес, где он стоял в первую мировую войну. Так новый триумф смыл позор прежнего поражения! Представители побежденной страны стоя выслушали условия капитуляции, которые продиктовал им Гитлер, восседавший (сами понимаете!) в том самом кресле, в котором двадцать два года назад сидел маршал Фош, принимавший капитуляцию немцев. Немецкие кинооператоры засняли эту сцену во всех подробностях, и ленту крутили во всех кинотеатрах под аккомпанемент восторженных комментариев диктора, упиравшего на историческую символику. Жаль, что в те времена не было телевидения! Тогда актерские способности участников сцены проявились бы, несомненно, еще более ярко!

После подписания перемирия редакторы германских газет получили указание несколько смягчить «пропаганду ненависти», не допуская, однако, никаких «фальшивых сентиментов» в отношении Франции. Составленный ранее обширный список «преступных деяний Франции, начиная с 1648 года и до наших дней», был отложен в сторону, и пропагандисты переключили все усилия на Англию, ставшую теперь «врагом № 1». Удобной мишенью для их нападок стала речь Черчилля, произнесенная 18 июня 1940 года, в которой он призвал всех французов, где бы они ни находились, бороться против немцев и помогать Англии.

Газеты получили команду (не выставляя себя друзьями Франции!), «разоблачать подлое поведение Черчилля по отношению к своему побежденному союзнику»: ведь Англия не только не послала во Францию обещанное количество дивизий, но еще в добавок ко всему 30 000 англичан отправились развлекаться на ежегодный конноспортивный праздник в Дерби, состоявшийся как раз в те дни, когда французские войска истекали кровью на полях сражений. Страдания французов, перенесенные ими во время войны (например, испытания, выпавшие на долю беженцев), тоже объяснялись происками англичан, проводивших «нечестный курс по отношению к

Франции».

Итак, пропаганда против Франции постепенно свертывалась, но зато наладки па Британию достигли летом и осенью 1940 года особого размаха, и огромное большинство немцев, от самого последнего партийного чиновника и до самого министра пропаганды, считало скорое падение Британии неизбежным и не вызывающим сомнений.

Но постепенно стало наступать отрезвление: пропагандисты начали переходить от безусловной уверенности в том, что «подлая игра господина Черчилля окончательно проиграна», к более осторожным оценкам и потихоньку внушить своим согражданам сознание того, что англичане отнюдь не считают себя побежденными и что конец войны наступит еще не так-то скоро.

Как раз в то время по указанию Геббельса начал выходить новый «серьезный» еженедельник для образованных читателей — «Дас райх», и его редакторы в мае 1940 года высказали убеждение, что Британия проигрывает войну. Месяц спустя, после поражения англичан под Дюнкерком и падения Парижа, судьба Англии считалась решенной. Еще через месяц, в передовой статье от 14 июля, журнал уверял читателей, что «в Англии все простые граждане постепенно начинают понимать, что эту войну нельзя выиграть». Затем в конце августа «Дас райх» поставил вопрос: «Почему Англия проигрывает эту войну?», а в конце сентября объяснял, что полное крушение Англии — всего лишь вопрос времени, и любопытно будет посмотреть, в каком виде оно произойдет.

Министерство пропаганды придерживалось более осторожной позиции. В июле, когда Гитлер, выступая в рейхстаге, посоветовал англичанам закончить войну и заключить мир с Германией, газеты получили директиву не создавать у читателей впечатление, что высадка в Англии вот-вот произойдет, поскольку британское правительство не проявило интереса к предложению фюрера. Через две недели после этого снова было сделано предупреждение газетам не писать в специальных выпусках новостей, что решающее наступление на Англию уже началось. Было дано разъяснение, что время нанесения решающего удара будет определено лично фюрером, поскольку только он, с его гениальной проницательностью и чутьем, способен решить эту ответственную задачу.

В сентябре 1940 года германские газеты опубликовали ужасающие сообщения о пожарах в разбомбленной английской столице и о бедствиях ее жителей, и министерство снова предупредило журналистов о том, что не стоит слишком

настойчиво развивать эту тему. Газетам посоветовали не расписывать панику в Лондоне и не убеждать читателей в том, что моральный дух лондонцев уже сломлен. «Какой бы мрачной ни казалась ситуация в Лондоне и какие бы сенсационные подробности ни обнаруживались при этом, следует строго избегать любых предсказаний и предположений о будущих событиях. Хребет Англии еще не сломан, и она еще сохраняет волю и способность продолжать войну», — гласила директива министерства.

Потом оказалось, что германские люфтваффе проиграли «битву за Англию», и в Министерстве пропаганды поняли, что драматические отчеты германских газет об объятых пожарами домах и целых улицах, о переполненных станциях метро и ненадежных бомбоубежищах не дают, при всей их яркости, правдивой картины событий. Поэтому в начале декабря германские периодические издания получили указание не помещать столь впечатляющих описаний ситуации в Англии, если по ним могут быть сделаны неверные выводы о моральном духе и стойкости англичан: «Население Германии не должно полагать, что сопротивление Англии будет сломлено уже через несколько недель».

Несмотря на такое благоразумие, германская пропаганда была просто не в состоянии смириться с тем, что противовоздушная оборона Британии одержала победу в боях с германской авиацией. Пропагандисты Геббельса сделали вид, что «битвы за Англию» просто не было — она никогда не происходила в действительности, только и всего: «Что же касается заявлений англичан о том, что подготовка германского вторжения в Англию сорвана и что высадка германского десанта в настоящее время невозможна, — то это не более чем уловки британской пропаганды, выдающей желаемое за действительное, как это уже бывало раньше, в октябре и ноябре 1939 года. Тогда британские газеты тоже писали, что Германия оставила попытки вовлечь Голландию и Бельгию в войну, но последующие события показали, что Германия действует так, как приказывает фюрер, знающий, что и когда надо делать. Так будет и теперь. Нужно только помнить о замечании фюрера, сделанном недавно в речи во Дворце спорта: «Когда люди в Англии проявляют чрезмерное любопытство и задают вопрос: «Почему же он не приходит?» — им следует отмечать так: «Не волнуйтесь, все еще впереди. Он придет!»

Еженедельник «Дас райх» послушно исполнял директивы министерства, делая акцент на аналогии с прошлыми победами: «Время не поможет Черчиллю, — гласил заголовок на первой

странице, — оно работает против него, как это было раньше с Францией! Французы тоже ждали несколько месяцев — и дождались сокрушительного удара, день которого был назначен фюрером. Дождется и Черчилль: ему просто ничего другого не остается!» Таким образом, читателю предлагалось сделать два вывода: во-первых, разрешение ситуации зависят от фюрера, и во-вторых, Англия находится в безвыходном положении, как белка, зачарованная змеей и ожидающая ее последнего удара.

К концу сентября тезис о неминуемом крушении Англии все еще сохранял свою силу, но скорое окончание войны уже не предсказывалось. В германской пропаганде стали заметны извиняющиеся ноты. Снова ссылались на фюрера, который сказал, что война не должна продлиться в общем более пяти лет: «Это, разумеется, не означает, — объяснял «Дас райх», — что война и в самом деле будет продолжаться столько времени — нет, мы в это не верим! Это высказывание только подчеркивает, что фюрер не хочет связывать себя, назначая определенный срок, и ставить на карту престиж Германии; нет, он намерен тщательно подготовиться к последней фазе войны».

Два месяца спустя казалось, что теперь уже точно ничто не спасет Лондон от полного разрушения. Один из помощников Геббельса написал в «Дас райх», что люфтваффе обладают подавляющим превосходством в воздухе, и это делает разрушение Лондона неотвратимым: «Все, чего добьется Черчилль своим упрямством, — только то, что однажды его столица исчезнет: она будет просто стерта с лица земли! Все его надежды на оборону и на превращение Средиземноморья в главный театр военных действий — пустые мечты. Главные бои развернутся на Британских островах, которые, собственно говоря, уже и не острова! Именно здесь все и будет решено!»

К началу 1941 года германская пропаганда стала все меньше писать о немедленном завоевании Англии и все больше — о несбыточных надеждах англичан: «Напрасно Черчилль надеется отсидеться за морями, окружающими Англию: они охраняют его лишь до тех пор, пока с этим мирится Германия!»

Постепенно тот факт, что англичане могут устоять и что жестокие бомбардировки с воздуха не подорвали их воли к сопротивлению, начал доходить до сознания немцев. Журнал «Дас райх», комментируя назначение Е. Бевина министром труда, писал, что он и подобные ему новые деятели смогут «поднять моральный дух англичан, укрепить их храбрость и замедлить наступление психологического кризиса. Но все это не изменит суровой реальности. Война будет перенесена на острова, и там будет решен ее исход, который приведет к освобождению Европы

от британского владычества. Пока англичане попусту тратят слова, вся Германия энергично работает на победу, и никакая сила в мире не вырвет ее из наших рук!»

Как ни агрессивен был Геббельс в своих речах и статьях, он, несомненно, задумывался и о том, что войны, может быть, следовало бы избежать. Он ясно представлял себе, что война усиливает позиции военных и принижает его собственное значение.

Несмотря на быстрые военные успехи, достигнутые осенью 1939 и весной 1940 года, Геббельс не питал слишком больших иллюзий на скорое окончание войны. Он даже не сомневался, что война продлится долго, очень долго и потребует больших жертв. Это подтверждал Ганс Фриче, начальник департамента прессы в Министерстве пропаганды, записавший следующее высказывание своего шефа:

> «Что бы там ни говорили опросы общественного мнения, но оно во времена войны не является решающим фактором. Народное воодушевление напоминает костер из соломы: он быстро прогорает и почти не дает тепла. Нам же не стоит питать особых иллюзий: это будет долгая и тяжелая война. И она не будет состоять из одних побед и праздников; ее ведение потребует от нас всей нашей решительности и ежедневного исполнения своего долга».

Но свое скептическое настроение министр никак не проявлял и старательно направлял работу пропагандистской машины на обслуживание войны, которой руководил Гитлер. Было объявлено о запрете на прослушивание передач зарубежных радиостанций, которое наказывалось штрафом; таким образом, немецким гражданам предписывалось ограничиваться официальной информацией, предоставляемой ведомством Геббельса. Служащие Министерства пропаганды и другие государственные чиновники, которым приходилось слушать иностранные радиопередачи «по производственной необходимости», заносились в особые списки и получали специальные удостоверения, действительные только в часы пребывания на работе; если же этих людей уличали в прослушивании вражеских передач на своем собственном радиоприемнике в выходной день или вечером, после работы, то они так же подвергались штрафу, как и все прочие граждане. При этом они были обязаны никому не передавать сведения, услышанные по радио на работе; в противном случае им грозило тюремное заключение или отправка в концентрационный лагерь.

Так в стране, ведущей войну, был создан информационный

вакуум, который министерство Геббельса заполняло сообщениями, комментариями, выпусками известий и прочими поделками нацистских «мастеров пропагандистской кухни». С большим размахом велись клеветнические кампании против государственных и военных деятелей вражеских стран. Яркий пример представил случай с гибелью британского судна «Афина», потопленного в Атлантическом океане, пассажирами которого были в основном женщины и дети. Уже тогда мало кто сомневался, что судно было «по ошибке» торпедировано немецкой подводной лодкой; позже это подтвердил гроссадмирал Редер на Нюрнбергском процессе. Однако Геббельс поместил в газете «Фолькишер беобахтер» сенсационную статью, доказывавшую, что судно было потоплено британской подводной лодкой по приказу Уинстона Черчилля (в то время первого лорда адмиралтейства), чтобы свалить вину на немцев и вызвать возмущение англичан.

К тому времени, когда мощь германской военной машины была повернута на восток, против России, немецкие газеты и радио уже с большой осторожностью описывали ситуацию в Англии, называя ее то неопределенной, то «неустойчивой». По-прежнему делался акцент на рассказы о бедах простых англичан, но и эта тема звучала более глухо, чем в июле или в сентябре 1940 года. Статья Геббельса, вышедшая в марте 1941 года, стала, пожалуй, последней, где провозглашалось, что вторжение в Англию и ее крах неизбежны; возможно, это был хитрый отвлекающий ход перед войной на Востоке. Геббельс в очередной раз посмеялся над незадачливыми английскими пропагандистами, пытающимися успокоить своих сограждан, и заявил, что вскоре, «уже этой весной, появятся факты, опровергающие ложь англичан. У Англии появится много новых забот, которые уже маячат на горизонте. Наши радиостудии уже готовятся к передаче новых победных сообщений. Фронт и тыл ждут приказа фюрера!»

И новый приказ поступил — но не о начале операции «Морской лев», которая была задумана как «последний удар по Англии», но долго откладывалась. Германия напала на Советский Союз. Англия получила передышку, и постепенно нарисованная людьми Геббельса красочная картина «полного разгрома Британии» куда-то отодвинулась и, потеряв смысл, исчезла, словно растаяла в воздухе, как дым.

«Мы, национал-социалисты, обратим наши взоры на земли, расположенные на востоке! Мы требуем территорий и колоний, чтобы поселить там избыток нашего населения и прокормить наш народ. Говоря сегодня о жизненном пространстве в Европе, мы

можем в основном иметь в виду только Россию и зависимые от нее приграничные государства. Сама судьба указывает нам этот путь!» («Майн кампф»).

Глава 10
Кампания в России: до и после Сталинграда
(1941–1943 годы)

Руссише мэдхен, геен зи шпацирен,
Геен зи шпацирен, мит дойче оффицирен!
Русские девушки, идемте погуляем,
Пошли погуляем с немецкими офицерами!

Немецкая солдатская песня времен второй мировой войны

1. Первые полтора года войны на Восточном фронте

«В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирными путями в порядке дружественного обмена мнениями или, в нужных случаях, путим создания комиссии по урегулированию конфликта» (Статья 5 «Договора о ненападении», заключенного между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 года).

22 июня 1941 года стало сюрпризом для большинства немцев. Приготовления к вторжению в Россию производились под завесой величайшей секретности. Правда, к середине июня по Берлину уже ходило множество слухов. Чтобы отвлечь внимание любопытных, ведомство Риббентропа запустило «новость» насчет того, что Сталин собирается приехать в Берлин в специальном бронированном поезде. В дипломатических кругах ожидали крупных политических событий, и было отмечено несколько интересных «утечек информации», подтвердивших обоснованность этих ожиданий. Самой сенсационной стала оплошность, допущенная профессором Карлом Бемером, начальником отдела иностранной прессы в Министерстве пропаганды, который имел слабость давать волю языку, когда выпивал лишнее. Весною 1941 года, на приеме дипломатов из Болгарии, он выболтал точную дату готовившегося нападения на Россию, вызвав этим самое живое удовольствие у недоброжелателей из Министерства иностранных дел. Ему грозило обвинение в измене и смертная казнь, и только энергичное обращение Геббельса к фюреру спасло беднягу от наказания. Впрочем, иностранные журналисты, посмеявшись, так и не придали значения откровениям профессора.

Простые граждане и не подозревали о назревавших событиях, но когда они разразились, пропагандистская машина сразу же набрала полные обороты. Нужно было объяснить публике столь неожиданный и крутой поворот, превративший недавнего «друга» в смертельного врага. К тому же вновь возникла ситуация войны на два фронта, всегда страшившая германских генералов, и требовались веские аргументы для подтверждения правильности решения, оправдания которого пошли по двум направлениям. Во-первых, было сказано о необходимости предотвратить неизбежное нападение русских: «Ведь эти отвратительные коммунисты снова начали концентрировать войска на восточных границах рейха,

создав серьезную угрозу безопасности Германии, и лучшим способом защиты в таких условиях было нападение».

Вторым козырем пропаганды был страх перед большевиками: «Невозможно себе представить, — надрывался Геббельс, — что произойдет, если эти дикие орды наводнят Германию и запад континента!»

Ссылки на «заботу о безопасности» и запугивание «образом врага» стали ловким оправданием идеи «крестового похода против большевистских варваров».

Так германские солдаты, охотно последовавшие приказу Гитлера «пройти по России победным маршем», выступили, по выражению Геббельса, в облике «спасителей европейской культуры и цивилизации от угрозы со стороны мира политических уродов и недочеловеков»: «В ваших руках — факел цивилизации, свет которого будет всегда сиять для человечества!»

Все же объявление о войне против России не вызвало особого энтузиазма у населения, прийявшего эту новость как неизбежный поворот судьбы. Пожалуй, что особых опасений тоже не высказывалось. У многих были еще свежи в памяти успехи «блицкрига» 1940 года, и они не возражали против идеи «крестового похода». Среди немцев с давних времен бытовало чувство превосходства над славянами; эти настроения были сильны задолго до того, как Гитлер добавил к ним свои истеричные лозунги. Главное же — всех привлекала возможность новой блестящей победы, которую можно будет одержать всего за несколько месяцев: «Большинство населения ожидало, что кампания будет короткой, заняв от двух до шести месяцев, после чего русских можно будет вовсе не принимать в расчет». Такие же настроения были распространены и в британском военном министерстве, и в посольствах многих европейских стран. Один известный дипломат сказал в конце июня 1941 года в Лондоне: «Германские армии раскромсают Россию, как нож — каравай сливочного масла!», и это суждение не вызвало возражений.

Немецкая пропаганда, сообщая о развитии событий на Востоке, применила ловкую тактику. Всю первую неделю боев верховное командование вермахта хранило молчание, и только в воскресенье, 29 июня, население Германии порадовали «специальными сообщениями с фронта» сразу о двенадцати победах; каждое из них передавалось отдельно, с интервалом в 15 минут, во время которого звучала только музыка. Так было сказано о падении Брест-Литовска, Белостока, Гродно и Минска. В следующие недели сообщения о победах и завоеваниях тоже делались не сразу; напряжение росло и разряжалось в конце недели очередной «сводкой военных успехов».

Моральный дух населения был высоким; сообщения прессы и радио внушали уверенность; и все же, с самых первых дней новой войны, в газетах проскальзывала некая нотка неуверенности. Чувствовалось, что бои в России отличаются от прежних кампаний на Западе. «Новый враг, — предостерегала газета «Франкфуртер цайтунг» в номере от 6 июля, — реагирует на немецкую тактику клиньев и прорывов не так, как французские армии, не обнаруживая привычной растерянности и паники. В большинстве случаев его войска не теряют способности к сопротивлению и пытаются окружить прорвавшиеся немецкие части».

Пресса и радио дружно живописали «зверства комиссаров», но даже газета «Фолькишер беобахтер» признала через неделю после начала войны, что русский солдат превосходит других противников Германии своим презрением к смерти. Его стойкость и фатализм можно преодолеть, только взорвав его вместе с окопом, в котором он засел, или убив в рукопашной схватке.

Ноты трезвого реализма, прорывавшиеся в репортажах военных корреспондентов и кинооператоров (все они были членами специальных «отрядов пропаганды»), неприятно поражали читателей и зрителей. Эти люди подчинялись непосредственно Министерству пропаганды и были прикомандированы к действующим частям вооруженных сил; они сопровождали войска в бою и давали драматическую, хотя и тенденциозную, картину сражений. Их «фронтовые репортажи» посвящались обычно жизни небольших подразделений или отдельных людей и имели целью «дать образ германского солдата на войне». Готовый материал потом попадал в войска, поэтому в нем не содержалось слишком много лжи, и военная жизнь не приукрашивалась чрезмерно. Корреспонденты сразу же начали писать о суровых условиях, с которыми столкнулась германская армия, начав войну в России. «Репортажи с фронта, — свидетельствовали современники, — повествовали о крупных успехах германских войск, которые, несмотря на огонь снайперов, палящее солнце и удушливую пыль (не белую, как во Франции, а желтую, серую или черную), несмотря на натруженные ноги, уверенно двигались вперед, как на параде».

Но парадное настроение омрачалось факторами, действия которых Гитлер не учел, планируя кампанию в России: это были обширные пространства, суровость климата и громадный людской потенциал, находившийся в распоряжении Советского правительства. Все же к началу октября натиск германских армий, наступавших по трем главным направлениям: на Ленинград, Москву и Ростов, — казалось, сломил сопротивление

русских, так что Гитлер с облегчением заявил: «Враг разгромлен; он лежит у наших ног и не сможет подняться снова!» Но об окончательной победе объявил не сам фюрер, а его пресс-секретарь Отто Дитрих, сделав сенсационное заявление немецким и иностранным журналистам на пресс-конференции в Министерстве пропаганды 9 октября 1941 года: «Кампания на Востоке практически закончена с разгромом группы армий маршала Тимошенко. Дальнейшее ее развитие будет происходить по нашему усмотрению. После этих мощных ударов Советский Союз перестал существовать как военная сила, так что мечты англичан о необходимости для нас вести войну на два фронта потеряли всякий смысл!»

Поскольку Отто Дитрих выступил как официальное лицо и взял всю ответственность на себя (Геббельс никогда не мог простить ему этого грубого промаха), германские газеты поспешили донести его слова до читателей, поместив кричащие сообщения под крупными заголовками, напечатанными красным цветом. Газета «Фолькишер беобахтер» сообщила о сенсации большими красными буквами на первой странице номера от 10 октября:

> «Час великой победы пробил! Кампания на Востоке выиграна!»

Но в номере от 11 октября было напечатано черными буквами и помельче:

> «Прорыв на Востоке углубляется!»

Наконец, номер от 12 октября сообщал: «Уничтожение советских армий почти закончено!» После этого в номере от 14 октября появилось сообщение, прозвучавшее неожиданно:

> «Операции на Востоке идут по плану».

В номере от 15 октября сообщалось с полной ясностью:

> «Операции на Востоке развиваются так, как и было предусмотрено».

Номер за 16 октября вышел с редакционной статьей, имевшей заголовок: «Три миллиона!» Имелось в виду количество русских солдат, попавших в плен, и делалось заключение: армия большевиков сокрушена, а оставшиеся у них резервы не имеют значения: «Война на Востоке достигла поставленной цели: враг уничтожен, армии Сталина просто исчезли с лица земли!»

Геббельс, проявивший себя в первые месяцы войны еще большим оптимистом, чем Гитлер, теперь забеспокоился: ведь народ мог сказать, что если все трудности позади, то больше нечего и напрягаться! Все же оплошность Дитриха пошла ему на пользу: престиж «главного пропагандиста» вырос, и он стал действовать более независимо, полагаясь больше на свой профессиональный инстинкт, а не на указания фюрера.

Тем временем приблизилась зима, и несмотря на родолжавшееся продвижение германских армий, в декабре начались русские контратаки по всему северному и центральному участкам фронта. Создалась совершенно новая ситуация. Германские войска, плохо подготовленные к зиме и столкнувшиеся с решительно настроенным противником, умерили свой натиск, и Геббельс дал сигнал к более реалистической оценке ситуации, поместив в журнале «Дас райх» статью под названием «Когда и как?» (в номере от 9 ноября 1941 года). Это было, по словам одного из помощников министра, «прощание с идеей закончить войну в России в начале зимы 1941 года». Мрачный тон статьи не оставлял и места от жизнерадостных откровений Дитриха, подчеркивая три главных тезиса:

1) «Чтобы выиграть войну, потребуется гигантское напряжение сил германского народа».

2) «Война — суровое занятие, а не увеселительная прогулка для солдат».

3) «Спекуляции насчет даты окончательной победы абсурдны. Не нужно спрашивать, когда это произойдет; нужно делать свое дело, и тогда победа придет сама!»

Геббельс еще за несколько недель до этого выступления почуял, что события в России принимают дурной оборот. 28 ноября капитан Зоммерфельдт, пресс-секретарь генерального штаба, доверительно сообщил иностранным корреспондентам, что «германские части достигли района Большой Москвы и находятся в 25–30 километрах от центра города». Но уже через десять дней, 8 декабря, верховное командование вермахта в своей ежедневной сводке о положении на фронтах сухо сообщило, что «теперь операции на Востоке будут зависеть от зимы». Многие в Германии почувствовали разочарование: обещанный быстрый конец войны на Востоке отодвинулся куда-то «в туманную даль». Война начала действовать на нервы; она как будто приблизилась и обрела черты суровой реальности, хотя большинство населения все еще не верило, что русские (силы которых оценивались весьма приблизительно) смогут выстоять против германской

армии. Вермахт еще слыл непобедимым.

Начавшееся отступление в России вся германская пропаганда единодушно оценила как результат нажима «генерала Мороза», т. е. непредвиденных условий суровой русской зимы, заставшей врасплох германские части (хотя официальные метеосводки сообщали, что температура воздуха в Москве не слишком отличалась от температуры в Берлине). Непредвиденными оказались скорее яростные контратаки Красной Армии, происходившие в декабре 1941 и в январе 1942 года. Но пропагандисты сочли за лучшее списать все на зиму. Сам Гитлер подчеркнул эту причину в ежегодном обращении к нации 30 января 1942 года, заявив: «Нас вынудили перейти к обороне не русские армии, а жестокие морозы, достигавшие сорока пяти градусов ниже нуля!»

Итак, врагом № 1 германских войск был объявлен русский климат, и Геббельс открыл специальную кампанию помощи солдатам «в борьбе с его ужасными происками». Это был знаменитый «сбор зимних вещей» для отправки на Восточный фронт, «чтобы помочь солдатам, страдающим от морозов». Возможно, что он и принес пользу, но главный эффект мероприятия состоял в укреплении связей между фронтом и тылом; к тому же он позволил чем-то занять мысли людей, отвлекая их от неуместных вопросов. В общем, получилось и практично, и трогательно, и хорошо повлияло на моральный дух. Доводы Геббельса в пользу благотворительной кампании были составлены с большим искусством:

1) Это пробуждает в людях благодарность к войскам — спасителям нации».

2) Помогает солдатам бороться с тяготами зимы, оказавшейся необычайно суровой.

3) Помогает оправдать в глазах немцев верховное командование вермахта, которое, в общем, сделало все возможное для правильной экипировки солдат.

4) Пробуждает в населении страны заботу об армии и солдатах, где бы они ни воевали.

В заключение следовал длинный список вещей, нужных фронту: от пуловеров и перчаток до нижнего белья и наушников. В радиообращении от 22 декабря сюда добавили даже непарные перчатки, ветошь и рваные одеяла; особенно же приветствовались любые меховые вещи.

Весть об акции Геббельса докатилась до Англии, и английский радиокомментатор недоумевал: «Ну а непарные перчатки на что? Или для тех, кто уже отморозил одну руку?» Так или иначе, но в последнюю неделю декабря делегации,

составленные из партийных активистов, устроили обход домов и сбор вещей, которые без задержки отправлялись в Россию.

Между тем стало ясно (хотя об этом не говорилось открыто), что положение на Восточном фронте становится угрожающим и даже критическим. По свидетельству шведского журналиста, выступления Геббельса «повергли людей в шок». Многие почувствовали, что дело не в плохой подготовке к зиме: главное заключалось в том, что «судьба впервые в этой войне явила немцам свой суровый лик, и где-то вдали замаячил странный призрак катастрофы». Но все были настолько запуганы официальной пропагандой, расписывавшей ужасы гипотетического вторжения русских в Европу, что даже убежденные противники нацистов были готовы жертвовать то, что требовалось. Гитлер приветствовал кампанию помощи фронту, назвав ее «подлинной демократией», и пригрозил наказать тех, кто вздумает обогатиться на этом деле, «утаив собранные народом вещи».

В течение нескольких недель пропагандистская машина Геббельса была занята «раскручиванием» кампании «сбора вещей». В ход пошли выступления кинозвезд и известных спортсменов, показывавших пример населению. Газеты помещали их фотографии на фоне пожертвованной одежды. 4 января пресса и радио объявили предварительные итоги, сообщив, что люди поддержали призыв фюрера «о помощи солдатам, сражающимся среди холодных просторов Востока», проявив беспримерный энтузиазм. К последнему воскресенью декабря наплыв жертвователей оказался так велик, что Геббельс объявил о продлении срока кампании еще на неделю, «чтобы все могли внести свою лепту». Разумеется, пропаганда трубила вовсю, превознося успех кампании. 14 января Геббельс объявил по радио окончательные итоги мероприятия, сказав, что общее количество собранных предметов одежды составило 67 232 000 штук, и что он приносит всем жертвователям сердечную благодарность и высоко ценит их чувства, поблагодарив особо сборщиков вещей (их набралось два миллиона человек) и германских женщин (1 миллион), которые по призыву фюрера работали в 24 000 швейных мастерских, ремонтируя одежду для солдат. Геббельс приветствовал результаты кампании, объявив их «убедительным свидетельством того, что германский народ готов довести эту войну до победы». Иностранные наблюдатели отмечали, что радовался он не зря: хотя вещей на самом деле собрали едва ли не в двадцать раз меньше, чем было объявлено, но дело было и не в них; главное заключалось в том, что удалось заметно повысить моральный дух населения. Люди постепенно привыкали к мысли

о том, что «эта война становится все более трудной».

К весне 1942 года в германской пропаганде зазвучали две новые ноты: приглушенная скорбь о жертвах прошедшей зимы и более «реалистическая» и суровая оценка будущего. В статье, написанной в начале 1942 года, Геббельс сказал, что начавшийся третий год войны «принесет много проблем на фронте и в тылу, о которых мы и не знали в мирные времена. Зима открыла нам глаза на многое! Германский народ за последние месяцы сильно изменился внутренне». Действительно, теперь не осталось и следа от легкомысленного отношения к войне, наблюдавшегося вначале; многие впервые попытались трезво и реалистически взглянуть на ситуацию.

Геббельсом овладела своего рода «запоздалая скорбь»; он заговорил об ужасных опасностях и бедах «русской кампании» после того как они миновали. 22 марта он рассказал о заявлении одной газеты из нейтральной страны о том, что немцы сумели избежать ошибок, допущенных Наполеоном во время его зимней кампании в России, сохранив свои главные силы и даже увеличив их. К этому он добавил: «Нечего и говорить о том, какие громадные трудности пришлось для этого преодолеть!»

Несколько месяцев пропаганда разрабатывала тему «героической и мужественной борьбы с опасностями в период прошедшей мрачной зимы». Не раз звучали сравнения с Наполеоном и воспоминания о его неудаче у Березины. 26 апреля Геббельс с гордостью заявил: «Мы сумели избежать злой участи, погубившей другого полководца 130 лет назад!»

В мае 1942 года началось второе германское летнее наступление на Восточном фронте, и Геббельс посвятил целую статью героизму германских солдат, проявленному прошедшей зимой: «Мы еще даже не в состоянии оценить как следует их почти мифический подвиг! Эта гигантская битва превзошла все, что происходило в первую мировую войну, не говоря уже о походе Наполеона! Германские войска сорвали планы русского командования. Русские показали себя как серьезный противник, умеющий в совершенстве применять тактику «выжженной земли».

Войска жили в условиях невообразимых трудностей, о которых на Западе не имеют и понятия. Уцелевшие деревни представляли собой не более чем скопления жалких лачуг, холодных и грязных. О трудностях с транспортом не приходится и говорить! Двигатели замерзали, машины не заводились; лошади, привезенные из Германии, падали от морозов; поезда не прибывали!»

Описывая героизм и чувство долга германских солдат, Геббельс переходил на романтический язык, полный поэтических

оборотов: «Кого не поразили перемены в лицах наших солдат, воевавших на Востоке зимой? Они заметны по фотографиям и кинохронике; изменилась и их речь! Их глаза приобрели особый блеск, потому что видели больше, чем выпадает увидеть обычному человеку! Черты их лиц отвердели, став как будто вырубленными из камня, но улыбка поражает мягкостью. Они мало говорят, меньше, чем после кампаний на Западе и в Польше, но их слова звучат более весомо». Видимо, обстоятельства войны подействовали и на Геббельса, если этот злобный циник был вынужден перейти на язык романтических сентиментов, творя миф о стойкости и героизме: «Что же будет теперь с нами после всех этих событий, которые нас потрясли? Как бы то ни было, но испытания позади. Как бы ни поворачивалась к нам судьба, мы не растерялись, и теперь она — в наших руках! Теперь, говоря о германском героизме, мы всегда будем с гордостью вспоминать эту жестокую зиму и события на Волхове и у Демянска, под Юхновом и Ржевым, на Донце и у Керчи! Слова «Восточный фронт» будут сиять в веках!»

Когда германское наступление возобновилось, пропаганда заняла осторожную позицию. Захват Керченского полуострова в конце мая 1942 года и бои под Харьковом не были представлены как начало нового летнего наступления, обещанного Гитлером.

Атаки армий маршала Тимошенко южнее Харькова потерпели неудачу, хотя вначале развивались успешно, и германские войска перешли в контрнаступление и окружили эти армии, так что к концу мая можно было говорить о большом успехе. После месяца тяжелых боев был взят Севастополь, но германская пропаганда так и не решилась предсказывать его падение.

24 февраля 1942 года Геббельс записал в дневнике: «Нам пришлось изменить тон нашей пропаганды, как и всю нашу политику на Востоке, и мы сделали это по согласованию с фюрером. До сих пор мы придерживались убеждения, что Восток будет захвачен очень быстро, но эти надежды не оправдались. Теперь нужно учитывать, что операция будет длиться дольше, и в соответствии с этим фундаментально изменить и лозунги, и всю политику».

15 марта 1942 года Гитлер в речи на празднике «памяти павших героев» объявил, что «какие бы испытания ни готовила нам судьба, худшее уже позади!» Он предсказал «полный разгром большевистских орд по всем направлениям в течение лета 1942 года», но не пообещал закончить войну в том же году.

Теперь немецкие газеты и радио посвящали свои отчеты только конкретным боям, представляя русских солдат как «дикарей, объединенных в бандитские шайки», сражающихся

стойко и с презрением к смерти. Геббельс старательно подчеркивал, что «их тупое упорство не стоит расценивать как воинскую доблесть», хотя и допускал, что эти «грубые человекоподобные существа с Востока» — самые опасные враги Германии. Его рассуждения будили страх и опасения того, что победа русских все же возможна, и тогда «нация станет добычей примитивных звероподобных хищников, представителей низшей расы». Но Геббельс был уверен в торжестве «высшей расы», при условии, конечно, что «население в тылу удвоит свои усилия».

К счастью для Геббельса, события, происходившие на других фронтах в начале лета 1942 года, радовали население Германии. Наступление Роммеля в Северной Африке закончилось 21 июня захватом Тобрука, ставшим приятной неожиданностью для масс простых людей, уже порядком уставших от войны. Многие из тех, кто прежде критиковал нацистов и высказывался за то, чтобы заключить почетный мир, не гоняясь за недостижимой «полной победой», теперь уже рисовали в своем воображении оккупацию Англии и соединение германских £ японских армий где-то в Индии. Они снова уверовали в нацистский режим и почувствовали себя «триумфаторами из высшей расы». Но победы Роммеля оказались преходящими, как и успехи на Востоке, и конец войны снова отодвинулся в неизвестность.

Заметим, что пропагандисты не могут сотворить ни побед, ни поражений; они могут только восхвалять успехи и оправдывать неудачи. Но они должны, при всех обстоятельствах, учитывать изменения в настроении народа и создавать своего рода «предохранительный клапан», чтобы это настроение не вышло из-под контроля. С февраля 1942 года Геббельс и его помощники стали вести пропаганду по-новому, рисуя войну в суровых тонах, с подчеркнутым психологическим реализмом. Правда, в последующие годы войны Геббельсу пришлось еще раз сменить тон, разоблачая нытиков, пораженцев и пессимистов и ругая их самыми резкими словами, но в 1942 году он предпочитал не замечать настроений досады и недовольства, вызванных усталостью от войны, и, надо сказать, что эта «новая реалистическая политика» во внутренних делах оказалась весьма удачной (это отмечали и объективные иностранные наблюдатели в Берлине). Она предусматривала оценку сложившейся ситуации, управление реакцией публики и создание впечатления, что события развиваются естественным порядком, без особых потрясений.

Геббельс даже снизошел до терпимого отношения к плохому настроению и раздражительности немцев, объяснив их естественными причинами и высказавшись в том смысле, что,

мол, стойкость народа не пострадает, если кое-кто поворчит время от времени, облегчив душу. Ничего страшного не случится, если люди поругают холода, пожалуются на нехватку угля и картошки, на переполненные поезда и поговорят о положении на фронтах: ведь все перегружены работой и испытывают усталость. Главное, чтобы у людей сохранялось общее положительное настроение: «Спросите тысячи людей, что они предпочитают — войну или мир, и каждый ответит вам: «Конечно, мир!» Но спросите их, хотят ли они продолжать войну или сдаться врагу, и все скажут с полным единодушием: «Нужно продолжать войну столько, сколько потребуется!»

В летнюю кампанию 1942 года германские войска на Востоке быстро продвинулись широким фронтом, захватив за короткое время обширные территории. Бои на харьковском выступе в конце июня переросли в общее наступление на фронте шириной около 400 км. 5 июля армии вышли к Дону и вскоре захватили плацдарм на его восточном берегу. В конце июля германские войска разделились: большая часть сил двинулась прямо на восток, а остальные армии повернули к югу. 24 июля было объявлено о взятии Ростова. Весь русский фронт был дезорганизован, и германские части форсировали Дон в его нижнем течении во многих местах. После этого наступление продолжалось с молниеносной быстротой. 9 августа были захвачены Краснодар и Майкоп с его богатыми нефтеносными полями, и германские армии растеклись по равнинам Северного Кавказа. 7 августа верховное командование объявило о выходе к предгорьям фронтом шириной в 450 км. Главной целью наступления был Баку. Такое же поразительно быстрое продвижение происходило в излучине Дона, и в конце августа в Берлине объявили, что германские части прорвали русский фронт юго-западнее Сталинграда.

Несмотря на все эти успехи, летом 1942 года уже не велось разговоров об окончании войны за несколько месяцев. Главными были объявлены достижения в экономике, а не победы на фронтах. Разъяснялось, что важно не количество пленных, а размер экономических ресурсов, оказавшихся в распоряжении Германии; что «блицкриг» превратился в войну на истощение, которую Германия выиграет благодаря подавляющему экономическому превосходству.

В статье, помещенной в еженедельнике «Дас райх» в конце мая 1942 года, Геббельс вернулся к теме «имущих и неимущих стран», открытой им перед войной, когда он описывал, сколько страданий перенесла Германия по вине богатых государств Запада. Он доказывал, сгущая краски, что после 1914 года немцы

никогда не могли есть досыта, перебиваясь на скудном пайке и рискуя оказаться перед лицом голода в случае двух-трех неурожаев подряд. А в это же самое время в таких странах, как Украина, богатые земли лежали без пользы и их никто не обрабатывал! Геббельс отставил в сторону идею о «великой германской культурной миссии» и перешел на более понятный язык, говоря об экономических целях войны: «Война ведется не за трон или алтарь; эта война — за зерно и хлеб, за возможность хорошо поесть три раза в день; за сырье: каучук, уголь и железную руду. Короче говоря, это война за то, чтобы нация могла жить достойно, тогда как наши враги держали нас в бедности, не подпуская Германию к мировым ресурсам».

Так под маской красивой утопии о носителях «факела цивилизации» обнаружилась обыкновенная и грубая реальность. Экономическое процветание, а не возвышенный идеализм, было объявлено целью и причиной гигантских военных усилий Германии. Лицемерную критику «западных плутократов, заявляющих о вере в Христа, но поклоняющихся только золоту», заменил «здоровый цинизм»: «Немцы не могут вечно сражаться за отвлеченные идеалы! Им надоело служить «культурной почвой», на которой расцветает вся мировая цивилизация; настало время получить свою долю богатств!» Короче: платите наличными, господа!

Тема «зерна и нефти» все лето не сходила со страниц газет, включая серьезные технические и коммерческие журналы, такие как «Нефть и уголь», который объявил о том, что «русские недостойны иметь нефтяные ресурсы, потому что не умеет ими распоряжаться». Фриче (глава департамента радио в министерстве пропаганды), посетивший Восточный фронт, в передаче от 13 августа описывал Россию как «страну, поля которой при надлежащем уходе могут прокормить весь европейский континент». В тот же день Геббельс заявил, что «перераспределение земли — это вопрос силы, а не этики. Жизненное пространство — вот главная цель! Враги Германии имеют все, а у нас нет ничего!»

Тогда же был опубликован декрет, имевший целью убедить германских солдат в том, что они первыми получат земельные наделы и возможности для создания «своего дела» на восточных территориях. В июле 1942 года берлинские газеты стали получать письма от читателей, «горячо уверовавших в нашу полную победу и спрашивавших о возможности переселиться в Крым или на Кавказ». Гитлер в речи от 30 сентября 1942 года, открывая очередную «кампанию зимней помощи», тоже подчеркнул идею экономических завоеваний. В качестве главных целей летнего

наступления 1942 года он назвал следующие: «Во-первых, лишить врага оставшихся у него хлебородных областей; во-вторых, захватить его последние угольные месторождения; в-третьих, подойти как можно ближе к месторождениям нефти или хотя бы отрезать их от центра России».

Простые граждане Германии тоже с надеждой следили за завоеваниями на Востоке, считая их нужным и полезным делом. 6 октября 1942 года Геринг, обращаясь к фермерам Германии по поводу снабжения страны продуктами питания, тоже посетовал на прошлые «тяжелые времена» и противопоставил им прекрасную картину настоящего. «Мы завоевали самую плодородную житницу Европы, — сказал он, имея в виду Кубань, — и вывозим из оккупированных районов все, что только можно. Теперь пусть наши враги страдают от голода, а Германия от него застрахована!»

Несмотря на эти уверенные речи и даже на улучшение рациона питания, население Германии чувствовало себя неспокойно: усиливались разрушительные налеты авиации союзников на германские города; наступление Роммеля застопорилось, и ожидание новой суровой зимы на русском фронте омрачало настроение. Пропаганда пыталась подбодрить немцев, бесконечно транслируя «Песню Восточного фронта» (написанную наподобие вышедшей перед этим «Английской песенки»); она звучала торжественно, но невесело:

Мы стоим на посту, охраняя Германию,
И несем свою трудную вахту.
Перед нами солнце встает на востоке
И зовет миллионы на великую битву!

«Великая битва» казалась бесконечной, и полной победы не предвиделось…

2. Повседневные заботы Геббельса

В 1942 и особенно в 1943 году Геббельс отчетливо осознал, что война, видимо, затягивается надолго и что моральный дух населения Германии подвергается все более серьезным испытаниям из-за бомбардировок германских городов и отсутствия решительной победы на Востоке. Любопытны его дневники того периода, отражающие и амбиции, и тревогу; методы манипулирования людьми и сведения счетов с соперниками. Там же содержатся заметки о положении на фронтах и о встречах с фюрером (которые происходили довольно редко), с министрами и партийными руководителями; размышления о текущих делах, о беседах с подчиненными и о принимаемых решениях. Предметом его постоянной любви было кино; каждую неделю он делал записи о последнем киножурнале или о еженедельном выпуске кинохроники. Имеются там и краткие сообщения о состоянии морального духа населения, сделанные по итогам донесений службы Гиммлера, сообщений местных партийных отделов пропаганды и анализа почты, приходившей на его адрес.

Характерна запись от 7 февраля 1942 года (за субботу). Она начинается с обзора военных событий: о положении осажденного Сингапура, о сражении японского флота в Яванском море и о ситуации в Северной Африке, неблагоприятной для англичан. Несмотря на то, что серьезных опасений как будто не было, Геббельс настоятельно рекомендовал прессе воздерживаться от прогнозов, описывая только текущие события и не вдаваясь в рассуждения о том, что может произойти. Он часто обсуждал с сотрудниками настроение жителей Британии, которое, как ему сообщали, было «чрезвычайно подавленным». Англичане боялись предстоявшего наступления немцев на Востоке, и Геббельса радовал их пессимизм, но он оценивал его с осторожностью, отмечая, что это «еще не признак признания поражения, а только постепенное освобождение от иллюзий и попытка взглянуть в лицо фактам».

Познакомившись еще с положением в Египте и в Китае и с содержанием американских листовок, сброшенных на Францию, Геббельс переходил к положению внутри страны, которое не внушало ему опасений: ситуация выглядела вполне стабильной, судя по многочисленным письмам, присланным гражданами; они содержали только положительные оценки и были полны оптимизма. Будучи тщеславным по натуре, Геббельс с большим удовольствием отбирал самые хвалебные отзывы для своих

статей. Если судить по этой почте, то надо признать, что его уверенность в «росте силы германского сопротивления благодаря поддержке народа» имела достаточно оснований.

Затем Геббельс обратился к делам собственного министерства. Приходилось проводить меры по перестановке кадров, потому что многие мужчины отправлялись на фронт и их места занимали женщины. Геббельс следил за тем, чтобы их политическая благонадежность тщательно проверялась. Возникало и много других острых проблем, например, в связи с необходимостью увеличения выпуска промышленной продукции, особенно военной. Геббельс стал думать над тем, что можно предпринять, но вскоре с облегчением узнал, что этим делом занялся сам Гитлер, собиравший специальную конференцию по этому вопросу. Имело смысл подождать выступления фюрера, а потом развернуть соответствующую пропагандистскую кампанию.

Существовала еще масса мелких проблем, которые Геббельс решал шутя, «одной левой»: вроде наказаний проштрафившихся членов партии и т. п. Помимо престижного поста министра пропаганды, Геббельс продолжал занимать еще и должность гауляйтера Берлина, и это добавляло ему немало хлопот. Например, на вокзалах Берлина начались взрывы небольших бомб, заложенных в багаж, и гауляйтер отдал распоряжение о более строгой проверке багажа пассажиров.

Были и приятные обязанности, вроде устройства приема для делегаций от зарубежных немецких организаций, прибывавших из многих стран, даже из-за океана.

Остаток дня министр провел в своем загородном поместье, где занимался «сложными проблемами, требующими тщательного изучения», и в заключение просмотрел очередную сводку новостей. В Сингапуре не произошло никаких крупных событий. «Интересно, — спрашивал себя Геббельс, — сумеют ли японцы взять город за четыре дня, к своему национальному празднику? Раньше они не раз удивляли мир крупными победами; получится ли у них что-нибудь в этот раз? Определенно, у них есть свой план, неизвестный никому из западных политиков. Хорошо было бы, если бы они нанесли еще один сокрушительный удар по Британской империи!»

Впрочем, случались и более беспокойные дни, как например, тот день в начале 1942 года, когда на Геббельса было совершено покушение. В этом событии осталось много неясного; неизвестно, было ли оно связано с пропагандистской деятельностью Геббельса или же с его любовными похождениями, о которых много говорили в народе. Ходили рассказы о том, как один известный киноактер, оскорбленный настойчивыми

ухаживаниями Геббельса за его женой, не сдержался и изрядно поколотил министра; а актриса Рената Мюллер, пользовавшаяся любовью публики, покончила с собой, не выдержав домогательств «Мефистофеля». Так или иначе, но в прессе ничего не сообщалось о попытке покушения на Геббельса: он сам настоял на этом, сказав, что «таковы его принципы». В дневнике тоже содержится только краткое упоминание об этом деле: говорится, что «состоялось закрытое заседание военного суда, приговорившего к смерти предателя, пытавшегося меня убить». Более подробно об этом происшествии написал пресс-секретарь Геббельса Земмлер.

Покушавшийся, по фамилии Кумеров, был радиоинженером по профессии; он намеревался заложить мину с дистанционным управлением под мост в Шваненвердере (загородном имении Геббельса), по которому должен был проехать министр. Инженер устроился у моста под видом рыболова и начал закладывать мину перед самым появлением автомобиля Геббельса, но был замечен и арестован охранником. После этого меры по охране министра, и без того строгие, были еще больше усилены.

Гитлер, узнав о покушении на своего «незаменимого пропагандиста и соратника», был потрясен и приказал выставлять вооруженную охрану во всех местах, где тот появлялся. В рождественские каникулы (в 1942 году), через несколько недель после покушения, Гитлер прислал в подарок Геббельсу новый служебный автомобиль — «мерседес» огромных размеров, имевший кузов из восьмимиллиметровой брони, непробиваемой для пуль и осколков мин; окна машины были сделаны из бронестекла толщиной в 3 сантиметра. Вместе с автомобилем фюрер прислал записку, содержавшую наилучшие пожелания к Рождеству и строгий приказ пользоваться в дальнейшем для всех поездок только этой специальной безопасной машиной.

3. Героические сказания вместо правды

«Я считаю ситуацию благоприятной. Мое решение остается неизменным: 6-я армия будет стоять там, где стоит. Я не уйду с Волги!»

(Ответ Гитлера фельдмаршелу Паулюсу на предложение совершить прорыв из окружения в Сталинграде).[10]

Сдача в плен 6-й армии в Сталинграде, которая произошла в начале 1943 года, потрясла все германское общество: от простых граждан, плохо разбиравшихся в политике, до самых верных и оптимистически настроенных работников нацистского партийного аппарата; все поняли, что с этого дня характер войны изменился коренным образом: «Впервые за все время войны наблюдаются сомнения и упадок духа как среди гражданского населения, так и в высших военных кругах и среди работников государственного аппарата. Германские войска на Востоке оказались в очень ненадежном положении».

Поражение под Сталинградом оказалось для Германии гораздо большей потерей, чем неудача англичан под Дюнкерком: ведь была потеряна целая армия, и притом совершенно неожиданно. До этого в течение месяца все официальные сводки о событиях на Сталинградском фронте звучали оптимистично: «Сталинград будет взят, и никто никогда не сможет вытеснить нас оттуда, можете мне поверить!» — так заявил сам Гитлер в речи от 30 сентября 1942 года. Он подчеркнул огромное стратегическое значение этого города, контролировавшего важнейшую транспортную артерию Советского Союза и прикрывавшего тыл всей кавказской группировки немцев. 8 ноября 1942 года Гитлер сказал о Сталинграде: «Мы фактически его уже взяли!» 16 ноября представитель военного командования заявил по радио: «Взятие этого города было главной целью нашего летнего наступления с самого его начала; теперь мы им овладели, и это достойно венчает всю нашу летнюю и осеннюю кампании».

Геббельс, неискушенный в военной стратегии и не бывавший на фронте, не имел настоящего представления о накале боев за

Сталинград. Это подтвердил его помощник, вернувшийся с фронта в декабре 1942 года. На его вопрос Геббельсу: «Будем ли мы удерживать Сталинград любой ценой?» — тот ответил так, как только и мог ответить: «О да, конечно, ведь на карту поставлена репутация фюрера как стратега! Нам не следует вмешиваться и путать его планы!»

Вскоре после этого все хитроумные планы фюрера оказались разрушены русскими. Остатки 6-й армии сдались в плен вместе с командирами: фон Паулюсом, недавно произведенным в фельдмаршалы, и генералом фон Зейдлицем. Их поведение вызвало ярость Гитлера, обвинившего их в «черной неблагодарности, выходящей за всякие рамки». 22 января Гитлер отверг предложение Паулюса, поддержанное его начальником Манштейном, о начале переговоров о сдаче в плен, заявив, что «каждый день, пока войска противника остаются скованными под Сталинградом, дает живительную передышку немецким армиям». После того как 6-я армия прекратила боевые действия, Гитлер объявил Манштейну 5 февраля: «Я один несу ответственность за Сталинград!» Манштейн впоследствии похвалил Гитлера за то, что тот не стал искать «козла отпущения» и взял всю ответственность на себя; но вряд ли слова Гитлера о единоличной ответственности слышал кто-либо, кроме кучки испуганных и покорных генералов.

Геббельс был страшно подавлен столь неожиданным поворотом событий и в частной беседе с сотрудниками поставил в вину фельдмаршалу Паулюсу нежелание совершить самоубийство. Он не сомневался в правдивости заявлений русских о пленении Паулюса и других офицеров высокого ранга (хотя некоторые его помощники считали их лживыми); Геббельс понимал, какие пропагандистские выгоды может извлечь Советское правительство, используя таких важных пленников, и ему бы очень хотелось сделать нечто подобное, заполучив в свои руки пленных из войск союзников; но увы! Вскоре из русского плена пришли в Германию почтовые открытки от офицеров и солдат, захваченных в Сталинграде, и Геббельс попытался воспрепятствовать их доставке адресатам; но он не мог помешать советскому радио передать имена и адреса многих из 90 000 бывших военнослужащих Шестой армии.

В Германии не было сделано никаких официальных сообщений о том, что некоторые из 300 000 солдат и офицеров, воевавших в Сталинграде, остались в живых. Все они считались погибшими, потому что таков был их долг — умереть, чтобы быть причисленными к сонму павших героев, благословляющих и вдохновляющих свою нацию на решительное сопротивление,

пребывая в Валгалле. Германская пропаганда пыталась создать впечатление, что 6-я армия погибла вся, до последнего солдата, доблестно сопротивляясь врагу. На массовом митинге в Берлине 18 февраля 1943 года Геббельс объявил, что незадолго до конца Сталинградской битвы ее герои слушали по радио обращение фюрера, которое Геббельс читал 30 января, на праздновании десятой годовщины нацистского режима: «Они пели партийные гимны, подняв руки в германском приветствии; они чувствовали связь с нами до последней минуты жизни. Это настоящая германская доблесть, достойная нашего великого времени. Сталинград — это тревожное предупреждение судьбы, обращенное к германской нации!»

В первой сводке новостей, выпущенной после разгрома, пропагандировалась та же версия всеобщей героической гибели окруженных. 1 февраля 1943 года вышло официальное сообщение командования вермахта, в котором говорилось, что «южная группа частей 6-й армии Паулюса героически оборонялась, но была снята противником». Радио рассказывало об «отчаянных рукопашных схватках, в которых солдаты и офицеры, возглавляемые генералами, отбивались штыками от атакующего противника». Вышло также специальное правительственное сообщение, в котором крайне неприятный факт гибели войск был преподнесен как «славный и великий подвиг», и объяснялось, что «жертвы, принесенные героями 6-й армии, не напрасны», потому что она «сдерживала атаки нескольких русских армий в течение многих недель». Сообщение было передано по радио; сначала прозвучала печальная мелодия марша и глухая барабанная дробь, затем — три куплета песни «Он был моим боевым другом»; после этого сыграли немецкий, румынский и хорватский национальные гимны, и последовали три минуты молчания в память о погибших. Потом, после нескольких маршей и отрывка из Пятой симфонии Бетховена, прозвучал приказ о закрытии на три дня всех театров, кинозалов и варьете. Во всех последующих передачах повторялись слово в слово штампованные фразы о «героизме и великой миссии» и звучали слова: «торжество силы духа», «моральная победа над подлым врагом», «испытание судьбы» и «доблестные защитники западной цивилизации и культуры». Американские обозреватели писали, что Геббельс умудрился превратить оплакивание немцами жертв сталинградской трагедии в «торжества, напоминающие фестиваль музыки Вагнера, сравнимые по размаху с празднованием победы над Францией в 1940 году, надеясь таким способом отвлечь сограждан от реалистической оценки поражения».

Геббельс потратил много слов на обещания строго

разобраться в причинах катастрофы — но попозже. Этот счет так никогда и не был предъявлен; вместо него звучали только оправдания в случившемся. 18 февраля 1943 года Геббельс торжественно заявил: «Германскому народу и всему миру надо со всей откровенностью сказать, что несчастья последних недель имели глубокое и роковое значение. Великая историческая жертва, принесенная германскими солдатами в Сталинграде, имела решающее значение для всего Восточного фронта. Она не была напрасной, и будущее подтвердит это».

Геббельса не смущали факты: чем страннее они были, тем с большим рвением он отыскивал в них скрытый благоприятный смысл, и все это — вполне сознательно, с желанием подстегнуть народ в тылу, заставить его больше трудиться. Факты были таковы, что их было просто невозможно скрыть — но их можно было извратить, придав им «высший смысл», непонятный простым смертным. Восхваляя погибшую 6-ю армию, Геббельс рассуждал о моральном долге оставшихся в живых, пытаясь обязать людей, работавших в тылу, проявлять героизм, достойный подвигов солдат, павших под Сталинградом.

Он использовал судьбу погибших для обоснования новых радикальных идей — для провозглашения «тотальной войны». Об этой новой кампании он думал еще в декабре 1942 года и тогда же представил фюреру перечень крутых мер по укреплению тыла. Гитлер, обеспокоенный положением в Сталинграде, был готов их принять; позже за их осуществление взялась «большая тройка» в лице Бормана, Ламмерса и Кейтеля. «Тотальная война» обернулась новым «закручиванием гаек» в тылу. 27 января 1943 года Фриц Заукель, рейхскомиссар и «полномочный представитель правительства по трудовому найму и распределению рабочей силы», издал декрет, согласно которому все мужчины в возрасте от 16 до 65 лет и все женщины от 17 до 45 лет были обязаны трудиться «в целях укрепления обороны страны». Эта мера оправдывалась необходимостью «направления всех сил на достижение главной цели — быстрейшей победы в тотальной войне с врагами Германии».

«Тотальная война» сопровождалась корректировкой содержания пропаганды. В начале марта 1943 года Геббельс объяснил журналистам, что «людям нужно внушить — предстоящие месяцы будут трудными: «Когда мы объявляли «блиц-кампанию на Востоке», у нас не было таких трудностей, но теперь похоже, война закончится нескоро. Нужно подготовиться, и разумом, и душой, к предстоящим горьким испытаниям».

Официальная пропаганда настраивала народ на терпение и стойкость, а не на ожидание скорой победы: «Мы сохраним все,

что завоевали, и у нас есть немало шансов на победу!» Вот так звучал теперь главный лозунг дня — вместо прежних заявлений о непобедимости германской армии, о мощи и быстроте ее атак. До Сталинграда совершенно не было в ходу слово «капитуляция»; даже само обсуждение такой идеи казалось нелепым; теперь же Геббельс счел возможным объяснить: «Слово «капитуляция» нужно исключить из нашего словаря!» Кроме того, ему очень нравилось рассуждать о том, что территории, захваченные в Европе, послужат то ли «залогом», то ли «заложниками» для обеспечения победы Германии.

Изменение ситуации в тылу и на фронте, необходимость переориентации народных масс заставили Геббельса маневрировать, демонстрируя показную «объективность» и «откровенность». Он стал признавать за собой некоторые «оплошности» и даже «ошибки» — правда, из числа тех, что уже потеряли свое значение. Теперь он охотно рассуждал об «изменившихся взглядах на войну», о необходимости «нового, более беспристрастного подхода», об «учете исторической перспективы». Теперь, говорил он, война становится «подлинно народной», вовлекая в себя всю нацию. Настойчивость, с которой он вколачивал в головы немцев идею «тотальной войны», сыграла злую шутку с ним самим, превратившись во всепоглощающую «навязчивую идею»: «Враг намерен нас полностью уничтожить, но мы ответим на это тотальной, всеохватывающей войной и обеспечим себе тотальную, то есть самую полную победу!» Да, говорил он, идет война, и многие горожане испытывают неудобства от бомбежек, от закрытых магазинов и пивных, персонал которых отправлен на военные работы, — но все это требуется для нашего сопротивления, для ведения тотальной войны, так что нужно «шире смотреть на эти вещи». «Размах боев, — доверительно объяснял он в обращении к солдатам на фронтах, — привел к увеличению длительности войны, на которую мы не рассчитывали в 1939 году; поэтому теперь приходится решать новые сложные проблемы, не возникавшие прежде». Но трудности увеличивались, и приходилось признавать новые неудачи и даже бедствия.

Конечно, во время войны ни один руководитель не может открыть массам полную правду о событиях (даже искренне задавшись таким желанием), хотя бы потому, что враг может воспользоваться такой информацией в своих целях. Но в случае с Геббельсом истина вообще отодвигалась в сторону. Он делал вид, что говорит своим слушателям горькую, но настоящую правду, сообщает им факты, а на самом деле рассказывал им красивые побасенки: «Германский народ состоит из образованных,

дисциплинированных и идеологически грамотных людей, поэтому он не дрогнет, узнав полную и неприкрашенную истину!» — таковы были слова Геббельса.

После катастрофы в Сталинграде Геббельс понял, что нужно организовать несколько крупных демонстраций национального единства и стойкости. Было необходимо приглушить звучание слова «Сталинград», ставшего для миллионов немцев символом первого страшного военного поражения. 18 февраля 1943 года в берлинском Дворце спорта был устроен громадный массовый митинг, ставший одним из самых удачных в карьере Геббельса, настоящим «шедевром» нацистской организованной пропаганды.

Мероприятие было тщательно подготовлено. В Берлин приехали из всех областей члены «старой партийной гвардии» и несколько тысяч надежных партийных функционеров, которых чиновники из министерства Геббельса проинструктировали насчет целей митинга. Одновременно по всему рейху прошли местные митинги, участники которых слушали по радио выступления ораторов в Берлине и бурные «естественные и искренние» отклики публики на их речи.

Министр пропаганды хотел произвести впечатление на зарубежные страны, воюющие и нейтральные.

В официальных протоколах митинга тщательно фиксировались бурные аплодисменты и одобрительная реакция публики; энтузиазм и истерические выкрики, прерывавшие в нужных местах речь Геббельса, показывали, как тщательно был подготовлен этот спектакль его организаторами. Еще по пути во Дворец спорта Геббельс сказал своим помощникам: «Сегодня мы увидим мероприятие, по сравнению с которым наши первые массовые митинги покажутся скромными сходками любителей».

В своей речи Геббельс признал существование «серьезного военного кризиса на Востоке», объяснив его «дьявольскими происками злобных еврейских сил», и призвал «фанатично и преданно проводить тотальную войну». Он объяснил, что для стабилизации военной ситуации нужно организовать «современное народное ополчение», т. е. призвать в армию и военную промышленность многих гражданских лиц, и объявил о ряде других чрезвычайных мер, подчеркнув, что «только напряжение всех сил и тотальная война помогут нам отвести от Германии нависшую угрозу!» Он провозгласил необходимость учета трех главных тезисов текущего момента:

1) «Если германская армия не сможет справиться с угрозой с Востока, то Германия, а затем и вся Европа окажутся под пятой большевизма. Поэтому Германия — спаситель Европы».

2) «Только вооруженные силы Германии и немецкий народ,

вместе со своими союзниками, способны спасти Европу от надвигающейся угрозы. Германия — единственный спаситель Европы от большевизма!»

3) «Промедление опасно! Нужно действовать быстро и решительно, иначе будет поздно. Вперед, сыны отечества!»

Во Дворце спорта, над сценой, была протянута широкая лента с надписью: «Тотальная война!» В публике присутствовали представители всех слоев общества. В президиуме и в первых рядах сидели высшие партийные чиновники, рейхсляйтеры и гауляйтеры, генералы, министры, преподаватели вузов, артисты, учителя, служащие, инженеры, рабочие высокой квалификации, солдаты, инвалиды Восточного фронта (некоторые — без ноги, без руки и даже слепые). Геббельс собрал всех, чтобы показать полное единство нации.

В этот раз «Главный пропагандист» показал все свои ораторские способности, заворожив публику и доведя ее до исступления (проявления которого были скрупулезно отмечены во всех официальных отчетах). Едва он сказал: «Сегодня здесь, в этом дворце, происходит небывалая демонстрация наших сил, одно из самых выдающихся событий в жизни нашей страны!» — как все вскочили со своих мест, как наэлектризованные; крики «Да!» и «Да здравствует!», вырвавшиеся из тысяч глоток, пронеслись по залу, как ураган. Оратор продолжил: «Это собрание — настоящий съезд представителей нации, выражающих ее свободную волю!»

Чтобы создать впечатление «свободы волеизъявления», Геббельс применил изощренную тактику «вопросов и ответов», с помощью которой достиг сразу двух целей: внедрил в сознание слушателей нужные образы и мысли, использовав для этого всю силу своего убеждения, и одновременно показал всему миру наличие полного согласия между властями Германии и ее народом, выразившим безусловное одобрение политике «тотальной войны». В условиях острого кризиса подобная демонстрация единства всех слоев общества со своими вождями была необходима, а ее успех имел неоценимое значение.

Люди, собранные в зале, были все (в большей или меньшей степени) горячими сторонниками военных усилий Германии и самих нацистских руководителей, поэтому Геббельс мог быть заранее уверен в «правильности» их реакции, как и в том, что трансляция митинга поднимет моральный дух миллионов немцев. Объявив присутствующих «представителями германского народа», он хотел убедить сомневающихся и колеблющихся и показать и самим немцам, и зарубежной общественности, что германская нация едина в своих военных усилиях. Для этого

избранная им ловкая и решительная тактика «вопросов и ответов» подошла как нельзя лучше, а сам «съезд» действительно стал «памятным примером» организации нацистской пропаганды.

Аргументы Геббельса довольно любопытны, как и лозунги, которые он хотел внедрить в сознание слушателей в тот момент войны. Первые пять вопросов, заданных им собранию, имели целью «безжалостно разоблачить ложь английской пропаганды о положении в Германии», а вопросы с шестого по десятый были явно направлены на укрепление доверия к фюреру и на демонстрацию единства вождей и масс, которое Геббельс всегда считал необходимым. Геббельс старался побольше говорить о лживости англичан и поменьше — о Сталинграде и русских армиях, и, видимо, не зря: ему было легче опровергать пропагандистские аргументы, чем простые и упрямые факты, от которых некуда было деться. Словом, он сумел использовать англичан, считавшихся тогда не слишком опасными врагами рейха, для «показательной порки» на глазах у публики, отвлекая ее внимание от главной опасности, созданной катастрофой в России. Вот как звучали эти знаменитые «десять вопросов», зафиксированные, как и реакция фанатичной публики, в официальных отчетах о митинге:

«Итак, вы, мои слушатели, представляете здесь в данный момент всю нацию. Поэтому я хотел бы задать вам десять вопросов, на которые я прошу вас ответить от лица германского народа и перед лицом всего мира, учитывая и то, что наши враги слушают нас сейчас по радио.

Первое: англичане утверждают, что германский народ утратил веру в победу.

Я спрашиваю вас: верите ли вы, вместе с фюрером и нами, в полную и окончательную победу германского народа? Готовы ли вы следовать за фюрером через все испытания в борьбе за победу и выносить даже самые тяжелые личные тяготы?

Второе: англичане утверждают, что германский народ устал от борьбы.

Я спрашиваю: готовы ли вы, под руководством фюрера, составить крепкий тыл и поддержать вооруженные силы для продолжения борьбы, с полной решимостью и невзирая на все превратности судьбы, до тех пор, пока победа окажется в наших руках?

Третье: англичане говорят, что германский народ не желает больше нести растущее бремя военных работ, требуемых от него правительством.

Я спрашиваю: готовы ли вы, как и все немцы, работать по приказу фюрера десять, двенадцать, а если необходимо — то

четырнадцать и шестнадцать часов в день и отдать все, что у вас есть, ради нашей победы?

Четвертое: англичане утверждают, что германский народ сопротивляется мерам правительства по ведению тотальной войны (Крики: «Нет! Никогда! Нет!»).

Я спрашиваю вас: хотите ли вы продолжения тотальной войны? Желаете ли вы усилить ее и вести ее еще более решительно, чем можно представить себе сегодня?

Пятое: англичане говорят, что германский народ утратил веру в фюрера.

Я спрашиваю вас: является ли ваша вера в фюрера более сильной, более крепкой и непоколебимой, чем когда-либо раньше? Готовы ли вы следовать за ним во всех его делах и выполнять все необходимое, чтобы привести войну к победному концу, полному и безусловному?

Примечание в протоколе митинга: все флаги и флажки поднимаются вверх как по команде, подчеркивая торжественность момента и уважение народа к своему вождю!

Там же, в протоколе: только с большим трудом смог министр продолжить чтение вопросов и слышать собственный голос. Публика пришла в состояние крайнего возбуждения и энтузиазма. Каждый следующий вопрос звучал с непередаваемой остротой; каждый участник собрания чувствовал себя лично вовлеченным в диалог с оратором и отвечал ему с огромным подъемом. Крики одобрения сливались в один мощный возглас, сотрясавший все здание Дворца спорта.

Читая следующие вопросы, с шестого по десятый, Геббельс продолжил эту хорошо поставленную игру, бросая публике вызов и получая от нее ожидаемую реакцию:

— Готовы ли они отдать все свои силы, послать новые войска и оружие на Восточный фронт, чтобы нанести окончательный удар по большевизму? Готовы ли германские женщины принять на себя главную роль в работе в тылу, чтобы освободить мужчин для отправки на фронт? Согласны ли слушатели принять самые решительные меры против тех, кто наживается на войне, увиливает от обязанностей? И наконец: одобряют ли они, для укрепления единства фронта и тыла, введение нового военного налога, накладываемого на всех: и на богатых, и на бедных?

Гром аплодисментов потряс зал, и Геббельс, конечно, счел это триумфальным подтверждением полного единения народа и правительства. Бросая свои отчетливые ритмические фразы, он внушил слушателям, что все немцы, как один, — народ и правительство — хотят одного: решительного продолжения войны, вступившей в новую, «тотальную» фазу: «Я вас спрашивал,

и вы дали мне ясные ответы. Вы — часть германского народа, выразившего вашими устами свою волю. Все мы находимся в прочном братском единстве, как это было всегда, все десять лет, с первого часа нашего прихода к власти!»

Сам Геббельс отвел себе роль посредника, выступающего и от имени правительства, и от лица народа и пробуждающего во всех живительные патриотические чувства. Он сумел, не углубляясь без надобности в больной вопрос о Сталинграде, выразить «общее глубокое убеждение» в том, что «германский народ достойно вынес этот трагический удар судьбы», способствовавший «его глубокому духовному очищению»: «Мы заглянули в жестокое и безжалостное лицо войны, но теперь знаем суровую правду и полны решимости идти вперед, под руководством фюрера, сквозь все беды и несчастья!»

Из протокола митинга: Весь зал встает со своих мест, как один человек. Всеобщее воодушевление достигает невиданной силы. Многие тысячи голосов запевают песню, громовыми раскатами разносящуюся по залу: «Веди нас, фюрер, мы с тобой!» Слышны бесконечно повторяющиеся выкрики «Хайль Гитлер!», тонущие в общем шуме.

Интересно, что этот безумный митинг вызвал неодинаковые отклики среди немцев. Например, чиновники из Министерства пропаганды говорили позже, что Геббельс действительно умел внушить немцам свои идеи и обладал секретом воздействия на массы, связанным со способностью рассчитывать наперед эффект каждого слова. С другой стороны (как указал профессор Хагеманн), последующие опросы показали, что «даже сторонники нацистов, не присутствовавшие на митинге и не участвовавшие лично в этом безумии, с неприязнью вспоминали истерические выкрики и визги участников митинга: «Было что-то отталкивающее в том, как они бесновались!» — вспоминали современники события. «Как бы то ни было, — подвели итог аналитики, — митинг оставил у немцев глубокое впечатление. Всякий, кто хоть немного разбирался в происходящем, понял, насколько серьезно оценивают сами власти сложившуюся ситуацию, и что можно ожидать от этой «тотальной войны», о которой они всюду трубили».

Оказалось, что митинг имел не только ближайшие, но и многие долгосрочные последствия. Он, конечно, произвел впечатление на многих и укрепил моральный дух, но когда первое опьянение прошло, немцы «задумались над тем, что означали настойчивый тон и острота призывов Геббельса, и не предвещают ли они «новые ужасные катастрофы на Востоке». Геббельс сумел блестяще достигнуть своей цели и пока что

убедить соотечественников, но положение оставалось угрожающим; сжатая пружина могла распрямиться и больно ударить по тем, кто затягивал ее все туже.

Глава 11
Суровая реальность войны
(1942–1943 годы)

1. Англо-американская авиация начинает «рейды устрашения»

Во второй половине войны авторитет Геббельса в глазах народа вырос. Причина скорее всего заключалась в том, что он много общался с населением и был в курсе переживаемых им трудностей. Беседы с простыми людьми давали ему много ярких впечатлений, на основе которых он и строил свои фанатичные призывы, находившие у многих благоприятный отклик.

В 1943 году резко усилились налеты британской и американской авиации, причинявшие германским городам тяжелые разрушения: «Почти каждую ночь происходит массированный авианалет на какой-нибудь германский город, — писал Геббельс в дневнике. — Эти бомбардировки наносят нам большой материальный и моральный урон». Приходилось признаваться, хотя бы самому себе, что англичане сумели-таки развернуть широкое воздушное наступление и что оно приносит свои результаты. Германская пропаганда даже не пыталась отрицать опустошительный ущерб, причиняемый налетами, и только грозила врагу близким возмездием, называя бомбежки «актами терроризма, ведущими к напрасным жертвам, которые только повышают моральный дух населения».

Будучи циником по натуре, Геббельс тем не менее вел себя смело и не уклонялся от решения неприятных проблем. В отличие от фюрера, переставшего показываться на людях, он часто выезжал на места бомбежек, подбадривая и воодушевляя пострадавших. В июле 1943 года он прибыл в Кельн после большого воздушного налета, и его спутник с удивлением отметил, что прохожие тепло приветствуют министра на местном диалекте. Было заметно, что здесь, в Кельне, Геббельса уважают больше, чем всех других партийных вождей. Люди были рады тому, что хоть один из руководителей интересуется их участью.

Начиная с этого времени Геббельс, говоря о властях, почти перестал употреблять слово «фюрер», предпочитая ему термин «фюрунг» («руководство»), имея в виду, что и он входит в это «руководство» и является одним из главных «вождей» страны. Его сотрудники заметили, что он стал часто говорить по разным поводам: «Вот если бы я был фюрер…», сопровождая свои слова многозначительным вздохом.

Так Геббельс укрепил свою популярность благодаря умению не уклоняться от обсуждения и решения острых проблем. В ноябре 1943 года его пресс-секретарь Земмлер отметил: «Геббельс

разъезжает по всему Берлину, посещая районы наибольших разрушений и даже руководя тушением пожаров. Среди развалин его сверкающий черный бронированный автомобиль выглядит подозрительно, и мы не раз слышали крики «Плутократ!», раздававшиеся вслед. Потом его узнают и приветствуют вполне дружелюбно, несмотря на все то, что творится вокруг. Даже люди, только что пережившие бомбежку, подходят, чтобы пожать ему руку; он всегда готов их подбодрить, отпустив шутку». Геббельс ценил спокойных и дисциплинированных берлинцев, видя в их лояльности немалую собственную заслугу: «Это большой успех нашей пропаганды, — говорил он, — что люди не собираются толпой перед зданием министерства и не кричат: «Долой войну!»

2. Геббельс и публика: четыре принципа отношений

Итак, вторая половина войны подвергла моральный дух населения серьезным испытаниям, гораздо более суровым, чем первая, и Геббельс сумел учесть изменения в настроении людей и предпринять свои меры. В отношениях Геббельса с публикой можно выделить четыре важных аспекта.

Первый заключался в его стремлении иметь всегда самую точную информацию о настроениях, мыслях и чувствах населения. Он просматривал много специальных отчетов на эту тему, комментировал и оценивал их с точки зрения практической пользы для своего дела. При этом он сохранял объективность и ценил в информации ее достоверность, а не ее соответствие собственным воззрениям, и не отказывался внести поправки в свои представления о предмете. Вместе с тем он вполне сознавал, какую опасность может нести в себе беспристрастная и неприкрытая истина. В мае 1943 года, просматривая отчеты ведомства Гиммлера, он оценил их как «пораженческие» из-за их «чрезмерного реализма», и Гиммлер принял его поправки; отчетам дали другую форму и ограничили их распространение пределами Министерства пропаганды, перестав отправлять в другие учреждения.

Пока Геббельс чувствовал внимание и поддержку публики, он считал, что все идет хорошо или по крайней мере не слишком плохо. «Конечно, народ ворчит по разным поводам, — писал он в дневнике 18 апреля 1943 года. — Случаются и вульгарные нападки личного характера — как правило, в анонимных письмах; по их стилю можно заключить, что их пишут евреи». Вряд ли, однако, нашелся бы тогда в Германии еврей, осмелившийся писать министру пропаганды: его тут же отыскали бы и (в лучшем случае) выдворили из страны; так что «еврейский стиль» в немецком языке означал что-то другое. Впрочем, большинство писем, приходивших Геббельсу, были, по его словам, «трогательными и ободряющими». Он гордился тем, что его журналистские труды вызывают «сильнейший интерес, поднимают настроение и проясняют суть важнейших проблем внутренней политики». Если же Геббельс чувствовал, что общественность недовольна, он без колебаний сваливал вину на других: на евреев, или на своих соперников, или на другие организации.

Когда отчеты разведслужб стали сообщать, что рядовые

немцы (в отличие от властей) достаточно давно смирились с возможной потерей Туниса, это вызвало у Геббельса наивное удивление: «Оказывается, наш народ не так уж и глуп, как обычно думают!» Но удивляться было нечему: хотя населению не сообщали прямо о потере Туниса, нормы отпуска мяса были уменьшены, а жестокие бомбежки немецких городов усилились; эти факты сами по себе достаточно проясняли ситуацию, и настроение людей ухудшалось.

Геббельс с грустью отметил: «Нас стали критиковать за малейшие промахи, случающиеся иногда в работе!» Он понимал: немцы чувствуют неуверенность, потому что не имеют ясного представления о дальнейшем ходе войны. Общественность хотела получить правдивую картину сложившейся ситуации. Разумеется, это было невозможно, потому что пресса была связана по рукам и ногам целым рядом запретов и ограничений. К его удивлению, письма читателей, приходившие к нему, были, в общем, более благожелательными, чем можно было ожидать, читая отчеты разведки. Все единодушно хвалили его статьи, и он считал это «решающим фактором в сложившейся ситуации».

Второй важный принцип отношений Геббельса с публикой состоял в его настойчивом желании пользоваться доверием своих читателей и слушателей. Пожалуй, ему даже было достаточно хотя бы поддерживать общее мнение о том, что такое доверие действительно существует; с этой целью он считал необходимым давать публике время от времени, если и не самую правдивую информацию о событиях, то хотя бы правдоподобные и логичные комментарии к ним. Этому служили, его статьи в еженедельнике «Дас райх», которые он помещал там регулярно.

В конце июля 1943 года был совершенно неожиданно отстранен от власти Муссолини, и в Риме установился режим маршала Бадольо, что вызвало немалый переполох в ставке фюрера в Берлине. Геббельс не стал сразу же комментировать случившееся, предпочитая подождать дальнейшего развития событий. Ради этого он задержал выпуск очередной своей статьи в «Дас райх», и она появилась только в середине сентября, когда германские войска установили свой контроль над Римом и Северной Италией. Статья называлась «Пример из школьного учебника»; в ней министр определял поведение итальянцев как «предательское» и говорил, что они показали пример того, как не следует поступать с союзниками. К этому времени Муссолини был освобожден в результате смелого рейда, совершенного под командованием полковника Отто Скорцени; это стало мировой сенсацией и сильно подняло моральный дух населения Германии.

Воспользовавшись случаем, Геббельс убедил фюрера

выступить по радио с обращением к населению по поводу отношений с Италией; это тоже стало выдающимся пропагандистским достижением, потому что за последние полгода Гитлер ни разу не выступал перед народом. Как и предполагал Геббельс, публика с восторгом встретила речь фюрера; секретные отчеты подтвердили, что она оказала большое влияние на настроение населения. «Авторитет фюрера снова стал совершенно бесспорным!» — записал Геббельс.

Спустя два месяца, в ноябре 1943 года, немецкий фронт и на Востоке, и в Италии стал разрушаться, и Геббельс снова захотел, чтобы Гитлер выступил перед массами. Удобным случаем для этого стала двадцатая годовщина «Пивного путча» 1923 года. Гитлер обратился с речью к членам «старой партийной гвардии», собравшимся в Мюнхене. Геббельс был в приподнятом настроении и записал в дневнике, что речь фюрера произвела «глубокое впечатление». Народ, кажется, приободрился просто от того факта, что Гитлер вообще еще существует и выступает. Многие фразы, по словам Геббельса, «успокоили население и смягчили страдания народа, а слова о том, что германский народ снова обретет уверенность и Германия одержит победу, стали настоящим бальзамом для многих страждущих».

Действительно, обещание Гитлера «отомстить Англии и восстановить разрушенные германские города» быстро подняло энтузиазм немцев. «Мудрый отец нации» снова появился перед своими детьми и указал им правильный путь. Вывод, сделанный Министерством пропаганды, был краток: «Гитлер убедил народ, что в конце концов все будет хорошо».

Но возможность слышать и видеть фюрера становилась все более редкой, и Геббельс считал тем более важным не допустить распространения «ложных идей» среди населения, призывая народ «больше доверять властям». К тому времени многие уже расстались с настроением самонадеянной и высокомерной уверенности в «мощи Германии», и стали слышаться слова о том, что в сложившихся обстоятельствах «просто выжить — и то было бы неплохо?» Геббельс возмущался тем, что люди «совершенно неправильно судят о жизни руководителей», которые в военное время «день и ночь работают, не находя себе места от ответственности и беспокойства». Так, неожиданно для себя, Геббельсу пришлось убеждать немцев, что руководство страны заслуживает их доверия и полной поддержки, без которой «вожди» не могли продолжать «творить историю».

Геббельс решил, что нужно провести новую массовую кампанию с целью убедить население в необходимости поддержки правительства, и осенью 1943 года по стране

прокатилась организованная им «волна митингов», ставшая проявлением «третьего принципа» в отношениях между Геббельсом и публикой, состоявшего в том, что людей нельзя оставлять наедине с их размышлениями о трудностях жизни и отвратительной изнанке войны; напротив, им нужно постоянно внушать ненависть к врагам, используя «благоприятные возможности», создаваемые интенсивными воздушными налетами.

Массовые митинги заряжали людей фанатизмом и злобой по отношению к англо-американским «воздушным террористам», но далеко не всех удавалось одурманить таким способом. В мае 1943 года Геббельс заметил в дневнике, что «в германском обществе произошла интересная трансформация: те, кто и раньше верили в победу, теперь уповают на нее с особым фанатизмом; тогда как «пораженцы» (в основном интеллектуалы) сбивают с толку себя и других пессимистическими репликами. Нужно подбодрить оптимистов и одернуть сомневающихся; нужно дать лояльным гражданам надежные аргументы для опровержения доводов пораженцев». И такие «надежные аргументы» были найдены: их в арсенале нацистов всегда было достаточно.

Шесть месяцев спустя Геббельс заявил: «Наша серия митингов имела грандиозный успех. На них пришли многие тысячи людей, залы и площадки были переполнены». В то же время стало появляться все больше сообщений о разоблачениях, арестах и наказаниях «пораженцев», причем объявления о вынесении и исполнении смертных приговоров «за пораженческую агитацию» делались намеренно широко. Геббельс с мрачным удовлетворением записал в дневнике, что «после исполнения нескольких смертных приговоров любители поворчать прикусили язык, и на всякого рода пораженцев это подействовало отрезвляюще». Смертный приговор (среди многих других) был вынесен, например, госпоже Шольц, сестре писателя Э. М. Ремарка, эмигрировавшего в США, и советнику Теодору Корселту из Ростока, случай с которым особенно показателен. Советник был арестован за то, что, находясь в трамвае и услышав о свержении Муссолини, сказал своему собеседнику, городскому чиновнику и члену нацистской партии, что немцам нужно сделать то же самое и отправить фюрера в отставку: «Победы нам не видать, — сказал Корселт, — мы все здесь сгорим заживо!» Дело было после сильного воздушного налета, последствия которого служили наглядным подтверждением его словам. Народный суд приговорил советника к смерти за то, что он, «будучи официальным лицом, нарушил клятву верности фюреру». «Теперь, — удовлетворенно заявил Геббельс после проведенной

кампании митингов и устрашения, — достаточно будет хотя бы одной победы на фронте, чтобы настроение в тылу изменилось коренным образом».

Четвертый принцип, на котором строились отношения Геббельса с публикой, состоял в том, что аудитории следует преподносить легко усваиваемую смесь из пропаганды и развлекательной информации. В этом отношении Геббельс оказался более дальновидным, чем многие из его коллег. Он ясно понимал, что и радио, и кино, помимо исполнения своей главной, пропагандистской функции, должны служить своего рода «предохранительным клапаном» для общества, уставшего от трудов и военных невзгод. Поэтому тяжеловесные радиобеседы «в духе Розенберга» перестали удовлетворять слушателей. Радио должно было обслуживать массовую аудиторию, а не избранное меньшинство, и его программы нужно было строить в расчете на средний уровень слушателей, а не на вкусы немногочисленных интеллектуалов. Геббельс внушал своим подчиненным, ответственным за передачи германского радио, что дикторы и продюсеры должны считать своей аудиторией «весь народ, а не его отдельные группы». Он решил перестроить работу радио, приспособив его к желаниям слушателей, не ослабляя при этом пропаганды военных усилий. И ему нравилось думать о себе как о «знатоке человеческих душ», интуитивно угадывающем пристрастия публики: «Публика хочет получать объективное освещение событий, лишенное сенсационной окраски и не слишком тенденциозное, — замечал он в дневнике в декабре 1942 года и с удовлетворением заключал, — в целом вкусы публики совпадают с моими намерениями; могу сказать, что я очень тонко улавливаю переживания и чувства широких масс». Это заявление звучит хвастливо, но оно имело под собой основания. По словам Геббельса, диктор, появляясь перед микрофоном, должен решить две главные задачи: «информировать массы, а также развлечь и успокоить их. Можно и нужно сочетать идеологическую обработку с развлечением».

В 1942 году Геббельс сохранял свое старое пристрастие к символам, каким он грешил еще в 1928 году. Он был убежден в том, что публику нужно воодушевить понятным и ярким символическим образом, способным привлечь общее внимание и воплотить дух сурового реализма, требуемого временем. Дела на фронтах шли плохо, а воздушные налеты союзников все больше убеждали немцев в силе врага, которого высмеивала геббельсовская пропаганда; поэтому потребовалось найти символ стойкого сопротивления и бесстрашного героизма, преодолевающего несчастья и испытания. Такая символическая

фигура должна была быть всем знакомой и в то же время достаточно возвышенной; и ее нужно было прославить в массах не путем скучных патриотических проповедей, а с помощью развлекательных постановок и кинофильмов. Так и случилось, что когда дела правителей Третьего рейха пошли плохо, они выбрали в качестве национального символа стойкости и постоянства историческую фигуру короля Фридриха Великого.

Идея сразу показалась привлекательной; нужно было только по-новому раскрыть старую тему, пересказав историю короля с точки зрения современности. Фильм о Фридрихе Великом был задуман давно, еще в годы удач и побед; теперь же, в дни национальных бед и отчаяния, он получил новое звучание: «Этот фильм — хорошее средство для пропаганды нашей политики, — заметил Геббельс. — Он поможет нам укрепить сопротивление немцев, необходимое для победы в войне».

Геббельс сделал все возможное и невозможное, чтобы ускорить выход фильма. Премьера состоялась 4 марта 1943 года перед специально подобранной публикой: кавалерами ордена «Рыцарский крест», ранеными солдатами и офицерами, рабочими военных заводов. С разрешения фюрера Геббельс присвоил фильму почетный титул «Фильм нации», а актера Отто Гебюра, исполнившего главную роль, наградил званием «Государственный актер». «Фильм имеет сенсационный успех, — записал Геббельс после премьеры. — Он был принят так, как я и предполагал. Несомненно, он поможет во многом просветить и воспитать германский народ, с учетом нынешнего положения». Геббельс был рад тому, что фильм вышел как раз в нужный момент, «когда военные невзгоды стали еще более суровыми». Странно, но он, кажется, и в самом деле надеялся резко поднять моральный дух народа с помощью всего лишь одного исторического фильма.

3. Время признавать ошибки

Как всякий пропагандист и политик, Геббельс неохотно признавал свои ошибки, но понимал, что иногда такое признание неизбежно, а то и целесообразно; его нужно только правильно оформить и уравновесить привлекательными заявлениями и обещаниями. Например, после разгрома под Сталинградом Геббельс объяснил, что «плутовской большевистский режим сумел путем обмана и махинаций замаскировать военный потенциал своего государства, который мы не смогли правильно оценить». «Ведь люди, сидящие в правительстве в конце концов не ясновидящие, — сокрушался он. — Свои цели и свои возможности они знают точно, но что касается противника, то тут приходится только гадать. Правительство может ошибаться, и вряд ли стоит порицать его за это. Военное положение непрерывно меняется, и перемены зависят не только от нас, но и от противника».

Геббельс ясно сознавал, что почти вся пропагандистская работа, выполненная его министерством в первый период войны, пошла насмарку. Пришлось с горечью сказать во всеуслышание в августе 1943 года: «Наши оценки перспектив войны были несколько тенденциозны, так как мы находились под впечатлением великих побед, одержанных до этого. Их образы заслонили нам будущее, которое мы видели в искаженном свете». Действительно, многие в Германии были уверены, что гигантская битва мирового масштаба пройдет без особых осложнений. События под Сталинградом серьезно поколебали уверенность рядовых немцев в непогрешимости, всеведении и всемогуществе своего правительства. Теперь Геббельс счел необходимым объяснить гражданам, что нельзя требовать от правительства слишком многого и что оно не может никогда не ошибаться.

Начиная с 1943 года, Геббельс стал считать уместным критиковать отдельные действия правительства, хотя в целом расхваливал его политику. 25 июля 1943 года он записал в дневнике: «Письма читателей вызывают беспокойство: в них содержится слишком много критики. Звучат и такие вопросы: почему фюрер не посещает районы бомбежек? почему не видно Геринга; а главное — почему фюрер не выступит перед народом и не объяснит все как есть? Думаю, что фюреру пора это сделать, несмотря на бремя военных забот, одолевающих его. Нельзя слишком долго пренебрегать людьми: ведь они в конечном счете и есть цель всех наших военных усилий.

Если люди совсем утратят волю к сопротивлению и веру в

ведущую роль Германии, то мы окажемся перед лицом небывало тяжелого общего кризиса».

По мере общего ухудшения обстановки Геббельс изо всех сил старался доказать, что его министерство работает с высокой эффективностью и тщательно рассматривает все принимаемые решения; приказы отдаются только после обсуждения и полной проверки. Это означало: хотя общественное обсуждение и отсутствует, но по крайней мере проходят дискуссии внутри министерства.

Геббельс заявлял, что получает много ценной информации от фронтовиков, прибывающих в отпуск; тут он хотя и не лгал, но порядком преувеличивал. Конечно, он получал кое-какое представление о моральном состоянии войск, но проводил такие встречи больше для рекламы, чем для дела. Отчеты о встречах с ранеными и с кавалерами ордена «Железный крест» передавались по радио; Геббельс говорил, что обменивается предложениями со своими посетителями и ценит их откровенные высказывания. «От них можно узнать много интересных подробностей, которых не найти ни в одном официальном отчете», — говорил он.

4. Мрачная тень поражения

Внезапное свержение режима Муссолини в Италии усилило угрозу распространения пораженческих настроений. Геббельса поверг в изумление такой поворот событий; он назвал «предателями» людей, объединившихся вокруг маршала Бадольо и короля Виктора-Эммануила, и всерьез задумался о возможном росте оппозиции в своей стране: «Информация о событиях в Италии, — записал он в дневнике 27 июля 1943 года, — может сильно приободрить подрывные элементы в нашей стране.

Фюрер уже отдал распоряжение Гиммлеру принять самые строгие полицейские меры на случай возникновения такой опасности. Впрочем, он не слишком верит в то, что у нас можно ожидать чего-нибудь подобного. Немцы слишком враждебны к итальянцам и не станут подражать им в таких делах». Тем не менее министр был явно не готов к решительным действиям и приказал представителям прессы следовать линии «выжидания и наблюдения», хотя и чувствовал, что такая позиция не способствует улучшению настроения населения. Все же он решил, что будет умнее промолчать, чем подвергнуться потом критике за неправильное толкование событий.

Через несколько недель он собрался с духом и выступил с еженедельной статьей в «Дас райх», где смело заявил, что «итальянский пример вызывает у немцев не одобрение, а отвращение; для нас это пример того, как не следует поступать. У нас в Германии нет желающих подражать клике Бадольо». Немцы, действительно, не слишком восхищались военными подвигами своих итальянских союзников, но события в Италии их потрясли. Корреспондент швейцарской газеты в Германии отметил, что они произвели даже более тяжелое впечатление, чем разгром в Сталинграде. Даже германское руководство не могло довольно долго оправиться от шока. Целый день правительство воздерживалось от комментариев, и это породило массу слухов, которые только ухудшили моральный дух населения, и без того подорванный воздушными налетами союзников. У людей появились серьезные опасения за свою судьбу, которые хотя и не высказывались открыто, но лежали тяжелым бременем на душе у каждого. Дурные новости шли таким потоком, что заставили поколебаться даже самых стойких почитателей фюрера. Вера в нацистский режим ослабла, особенно из-за того, что давно обещанная месть англичанам за их воздушные налеты все откладывалась, тогда как разрушение германских городов происходило в «невообразимых масштабах». Простые граждане

все чаще задавали себе вопрос: «Неужели мы все это заслужили?» Люди начали с удивлением осознавать, как долго дурачили их нацисты и в какой тупик они их завели. «Надежды немцев на победу, — писал иностранный обозреватель, — уступили место глубокому беспокойству, потому что все были убеждены: нацисты не пойдут на уступки, даже если еще многие крупные города, такие как Гамбург, будут стерты с лица земли».

Каждый почувствовал себя перед лицом страшной дилеммы: либо погибнуть вместе с правительством, утратившим всякую связь с народом, — либо испытать на себе все тяжелые последствия полного военного поражения. Отсутствие третьего пути, легкого выхода из ситуации, повергло многих немцев в состояние нерешительности. Надо сказать, что огромное большинство населения (кроме партийных начальников и незначительных групп участников антинацистского Сопротивления) уже прониклось к тому времени настроением «пораженчества на словах», которое, однако, никогда (и это важно отметить) не переходило в конкретные поступки. Народ был обеспокоен, но не протестовал и продолжал терпеть.

Понятно, что Геббельс счел целесообразным напасть в очередной статье на «отщепенцев и предателей нации, возымевших опасную привычку выступать против интересов своей страны». «Эти глупцы, — говорил он, — не понимают, что на карту поставлено не существование режима, а их собственные жизни, как и существование всей нации». Геббельс признал, что «существует совершенно незначительная прослойка людей, которую противник считает подходящей мишенью для ведущейся им «войны нервов» и которых министр обвинил в намеренной необъективности: «Это пораженцы и соглашатели, легко поддающиеся вражеской пропаганде. Они восхищаются англичанами и их отношением к войне — но только потому, что сами не имеют качеств, вызывающих их поклонение».

Геббельс горячо настаивал на том, что немцы обладают не меньшими достоинствами: решительностью, энергией и абсолютной верой в правоту своего дела. «Если бы это было не так, — говорил он, — мы просто не смогли бы выжить в окружавшем нас мире мстительной зависти!»

В свое время Бисмарк сожалел о том, что многим немцам не хватает «гражданской смелости»; теперь Геббельс тоже взялся восхвалять это качество, возможно, не понимая того, что оно противоречит самой сути тоталитарного режима. «Настоящий гражданин, — заявил он, — с достоинством отвергает домогательства врагов; мы, немцы, научились ценить это качество во время войны; оно называется — гражданская смелость!»

Теперь Геббельс почти не питал иллюзий по поводу военного положения Германии, которое непрерывно ухудшалось. В очередной статье он пытался, не говоря всей правды, рассказать о гигантском танковом сражении, разворачивающемся на Восточном фронте. Он уже знал, что июльское наступление германских сил под Курском провалилось и что неутомимый противник вводит в бой все новые силы, но не говорил об этом прямо своим читателям. Его пресс-секретарь фон Овен сделал тогда мрачную запись в своем дневнике: «На Востоке наши попытки оторваться от противника так и не привели, после Сталинграда, к стабилизации фронта. Трудно поверить в то, что все это происходит «по плану». Доводы насчет того, что «сокращение фронта дает нам преимущество», звучат уже совершенно неубедительно. Провал наступления под Курском окончательно деморализовал наших солдат; они чувствуют себя еще хуже, чем после Сталинграда. Поражение под Курском нанесло самый тяжелый, даже непоправимый удар по нашим надеждам одержать победу на Востоке. Солдаты потеряли уверенность в силе и стойкости нашей армии».

В конце августа 1943 года министр пропаганды впервые сказал фон Овену, что немцы, возможно, проиграют эту войну. Ситуация на Востоке и в Италии и непрерывные бомбежки с воздуха делали такую возможность вполне вероятной. Геббельс заявил, что принял решение на такой случай: «Если наши враги восторжествуют, я без колебаний расстанусь с жизнью. Либо мы преодолеем кризис — а я брошу на это все свои силы! — либо придется в очередной раз склониться перед силой духа англичан и пустить себе пулю в лоб!»

Примерно за месяц до этого состоялась беседа доктора Герделера, главы германской оппозиции, с фельдмаршалом фон Клюге; Герделер уговаривал фельдмаршала свергнуть Гитлера и предпринять шаги к окончанию войны; он сказал: «Если хотите, я приглашу к вам в союзники господина Геббельса или господина Гиммлера, потому что они давно уже поняли, что с Гитлером они обречены на гибель!» Так или иначе, но факт состоял в том, что Геббельс лучше понимал действительное положение вещей, чем многие другие представители нацистской верхушки. 7 ноября 1943 года он записал в дневнике: «Мне кажется, что мы все иногда как-то слишком легко воспринимаем войну. Жизнь уже стала слишком суровой, а борьба теперь ведется не на жизнь, а на смерть. Чем быстрее осознают это все немцы, и особенно наше руководство, тем лучше будет для всех нас. Будет очень жаль, если в какой-то момент войны нам придется сказать самим себе: «Мы сделали не все, что могли, и спохватились слишком поздно!»

5. Главные заповеди войны

К концу сентября 1943 года общее положение выглядело мрачно и казалось гораздо более тяжелым, чем сразу после Сталинграда. За этот месяц британская авиация сбросила на Германию 14 000 тонн бомб и совершила десять крупных налетов на ее города и на территории, оккупированные немцами на Западе; особенно сокрушительными были рейды на Берлин, Маннгейм, Мюнхен и Бохум. В дополнение к этому американские «летающие крепости» обрушили 5400 тонн бомб на различные цели, расположенные в Западной Европе. 3 сентября союзные войска высадились в Италии, и в тот же день правительство Бадольо подписало с ними договор о перемирии, на который Гитлер ответил оккупацией Рима и всей Центральной и Северной Италии. На Восточном фронте русские войска, используя удобный момент, предприняли наступление и освободили Донбасс, а 25 сентября — Смоленск. Правда, германские войска провели успешную операцию по освобождению Муссолини, ставшего главой новой фашистской республики; это подняло престиж немцев. Германская пропаганда постаралась извлечь все возможное из этой удачи эсэсовских парашютистов, но (как признался Геббельс в частной беседе) все вещание на зарубежные страны все равно потерпело полный крах. Дело в том, что бои за Салерно, где 9 сентября высадились американские войска, были названы, вопреки его указанию, «победой Германии»: «Я всегда предупреждал, что о победах следует объявлять только после того, как они одержаны, и вообще не стоит делить шкуру неубитого медведя! Наши коллеги, офицеры из службы информации вермахта, опять оскандалились, нарушив один из элементарных принципов своего ремесла!»

Но эти промахи сотрудников соперничавшей организации были ничто по сравнению с плохими известиями, продолжавшими поступать с русского фронта. «Мурашки бегут по спине, — писал Геббельс в дневнике 21 сентября, — когда глянешь на карту и сравнишь то, что у нас было год назад, с тем, что осталось сейчас. Совершенно ясно, что Советский Союз сейчас в лучшем положении, чем тогда. В то время они сражались, чтобы спастись от военного и экономического крушения. Теперь об этом не может быть и речи!»

Все эти события заставили министра пропаганды решиться в конце сентября на проведение новой широкой пропагандистской кампании, имеющей целью укрепление стойкости самой нацистской партии. Для этого он собрал всех начальников

местных отделений Министерства пропаганды и местных партийных руководителей, ознакомил их с ситуацией и передал им новый пропагандистский материал — «Манифест о заповедях войны». Геббельс похвалил высокий моральный дух этих людей, оценив его как «отличный». Перед ним были руководители высокого ранга, опытные в политических делах и никогда не позволявшие себе впадать в уныние. Манифест Геббельса, обращенный к партии и к народу, встретил у них полное понимание.

Новый «Манифест» провозглашал «тридцать главных заповедей войны для немецкого народа» и стал основой для ведения пропаганды в тот период. Это было мастерски написанное руководство, имевшее целью повышение морального духа масс и закреплявшее методы управления ими; оно четко указывало, что можно и нужно делать, а чего делать нельзя. «Заповеди» были изданы отдельной брошюрой, в расчете на миллионы читателей; Геббельс придавал этой книжке особое значение: он был уверен, что ее широкое распространение принесет большую пользу.

В «Заповедях» почти не говорилось о грядущей победе, она упоминалась только в последней статье. Прежний призыв: «Мы победим!» был теперь заменен новым: «Мы не сдадимся!» Главная мысль провозглашалась в статье Первой: «На этой войне возможно все, кроме одного: мы никогда не капитулируем и не склонимся перед врагом!» Тот, кто сказал или только подумал о возможности капитуляции, провозглашался предателем и «подлежал позорному изгнанию из рядов сражавшегося и трудящегося германского народа».

Третья статья подчеркивала оборонительный характер войны: «Война была навязана нам нашими врагами, захотевшими лишить нас возможности жить и развиваться. Проигрыш войны будет означать, что теперешнее поколение немцев не сумело сберечь то, что было накоплено предыдущими поколениями». Геббельс призывал немцев к единению, к тому, чтобы поступки и мысли каждого человека были проникнуты глубоким сознанием принадлежности к обществу, в котором он живет. Видимо, министр полагал, что только такое сознание способно заставить каждого соблюдать запреты и указания правительства.

Статья Одиннадцатая свидетельствовала о том, что влияние вражеской пропаганды зашло уже достаточно далеко; в ней говорилось о намерении врагов посеять рознь между народом и правительством, «чтобы правительство не могло руководить, а народ стал беззащитным. Только таким путем враги могут победить Германию. Те, кто поддадутся на эту уловку, — тупицы

и предатели, заслуживающие сурового наказания». В других статьях осуждались «всезнайки — те, кто много говорит, но ничего не делает», болтуны, выдающие по глупости секреты врагу, паразиты, наживающиеся на войне, и «несознательная чернь», озабоченная только собственным благом и не думающая об «историческом долге». Геббельс осуждал тех «глупцов», которые думают, что руководители живут лучше, чем народ. «Какие бы потери ни несли простые граждане, они несравнимы с тяжелым бременем ответственности постоянного беспокойства, возложенным на руководителей», — говорилось в статье Восемнадцатой.

Потом шли нападки на «несогласных, подрывающих усилия солдат, сражающихся на фронте»: «Саботажники и подрывные элементы заслуживают смерти, во имя солдат, которые гибнут в бою, исполняя свой долг».

Объявлялось, что придется идти на жертвы ради свободы — но не свободы личности, а «свободы нации». Как и другие «революционеры», национал-социалисты были не прочь подчеркнуть необходимость идти на тяжелые жертвы в настоящем ради «светлого будущего следующих поколений». Геббельс противопоставлял такую «истинно патриотическую» позицию беспринципности «презренных материалистов», живущих по правилу: «После нас — хоть потоп!». «Пусть мы будем страдать в годы войны, отказывая себе в счастье, но зато наши дети и внуки увидят лучшую жизнь!» — провозглашалось в статье Двадцать девятой.

«Заповеди», проникнутые фанатизмом и безудержным национализмом, заканчивались лозунгом в духе «светской теологии», призывавшим преодолеть любые трудности ради «высших целей»: «Сквозь тернии — к звездам!» «Что бы вы ни делали и о чем бы ни думали, что бы ни говорили и о чем бы ни умолчали, помните, что вы — немцы! Будьте непоколебимо верными фюреру! Верьте в победу! Помните о своей принадлежности к самой доблестной и передовой нации на Земле, призванной преодолеть любые трудности ради своих целей, защитить свою свободу и свое будущее!»

Такие призывы звучали и раньше; новым же было то, что в «Заповедях» впервые говорилось о «национальной Голгофе», т. е. о том, что «весь народ должен пройти путем страданий, чтобы завоевать свободу».

Как говорится, «от чего ушли — к тому и пришли!»

Глава 12
Запугивание врагов и собственного народа

Если не можешь победить — попробуй напугать!

Пословица

По мере того, как отодвигались на неопределенный срок и конец войны, и обещанная победа, Геббельсу приходилось решать новые пропагандистские задачи и изобретать новые лозунги. Никто в Германии не ожидал, что противник перейдет на круглосуточные бомбежки немецких городов, начавшиеся со второй половины мая 1943 года, когда британская авиация стала совершать налеты по ночам, а Восьмой воздушный флот США —

днем.

В это время на побережье Балтийского моря немцы развернули секретные работы по созданию ракет среднего радиуса действия. О подготовке нового оружия было известно лишь немногим, но Геббельс получил возможность делать многозначительные намеки на то, что англичан и их города ожидает страшное возмездие и что оно не за горами. Тема «возмездия врагу» звучала уже давно и в разных вариациях, но ее цель всегда оставалась одна и та же: укрепить и поднять моральный дух населения обещаниями опустошительных разрушений на территории врага с помощью небывалого «чудо-оружия». Одновременно подразумевалось, что разрушения принесут врагу столь серьезный ущерб, что он потерпит поражение и война будет выиграна.

Одновременно пропаганда разрабатывала и другую тему: о том, какие ужасы придется пережить немцам в случае поражения Германии в войне. Так намеревались обрести «силу через страх», т. е. укрепить стойкость населения, рисуя кошмарные картины зверств, которые будут совершать враги, если победят Германию. Нужно было внушить такой страх населению Германии, чтобы каждый немец и каждая немка предпочли лучше стоически умереть, чем оказаться в рабстве под гнетом чужеземных завоевателей. Заодно ставилась задача распространить страх перед большевизмом на все европейские страны.

Обе эти главные темы пропаганды: одна — агрессивная и хвастливая (о «чудо-оружии»), а другая — оборонительная и героическая (о необходимости не допустить прихода большевиков) — широко развивались в последние два года войны, усложняясь и переплетаясь между собой.

1. Ракеты «ФАУ» — оружие возмездия

Начиная с лета 1943 года, Геббельс и Гитлер стали говорить о мести врагу за его «воздушный террор» против германских городов, обещая применить для этого новое секретное оружие. На массовом митинге во Дворце спорта в Берлине 5 июня 1943 года Геббельс, под бурные аплодисменты присутствующих, заявил: «Весь германский народ полон одной мыслью: отомстить врагам, причинив им такое же зло, какое они причинили нам. Мы не хотим ни угрожать, ни хвалиться. Мы говорим о фактах. Британцы рано стали радоваться: им придется заплатить по счету за те кровавые злодеяния, которые они совершили, подстрекаемые евреями-парламентариями!» Через две недели, выступая на митинге в Эльберфельде, посвященном памяти жертв воздушной войны, Геббельс выразился более определенно: «Наступит день и придет час, когда мы ответим террором на террор. Враг громоздит одно преступление на другое и сам составляет кровавый счет, который ему придется оплачивать». И Геббельс заявил, что уже множество конструкторов, инженеров и рабочих заняты тем, что приближают желанный день возмездия. Он знает, что весь германский народ ожидает этого с горячим нетерпением; что «долгие недели страданий переполнили сердца немцев желанием мести. Врагу будет предъявлен счет, ему придется ответить за свою вину».

Тема «мести» звучала еще несколько месяцев, то затухая, то усиливаясь. 14 августа 1943 года Геббельс писал: «Мы отражаем воздушные налеты врага путем военной и гражданской обороны, но недалек тот день, когда в дополнение к этому у нас появится средство для нанесения массированного контрудара. Пока приходится ждать, но ни один человек в Германии не считает это невозможным». В том же духе высказывался и Гитлер в своей речи по радио 10 сентября: «Создаются технические и организационные возможности для того, чтобы не только прекратить воздушный террор врага, но и нанести ему ответный урон с помощью новых и более эффективных средств». Подобные же намеки он сделал в своей речи в Мюнхене, выступая перед членами «старой партийной гвардии» 8 ноября: «Хотя мы пока что не можем добраться до Америки, но, слава Богу, поблизости есть еще одна страна, на которой мы и сосредоточим свои усилия». В обращении к германскому народу по случаю нового, 1944 года, Гитлер сказал, что 1943 год хотя и принес немцам самые тяжелые испытания, но дал надежду жителям городов, пострадавших от бомбежек, на то, что «час расплаты придет».

Геббельс впервые узнал о планах фюрера по созданию управляемых ракет 23 марта 1943 года. После этого он направил запрос Шпееру, и тот стал присылать ему регулярную информацию о продвижении работ в Пенемюнде. Первая ракета была задействована против Британии в июне 1944 года; до этого у Геббельса было несколько встреч с учеными, работавшими над проектом.

Понимая, что идея мести за бомбежки очень популярна в массах, Гитлер настоял на том, чтобы новое оружие получило название «Возмездие», хотя военным это не понравилось. Вернер фон Браун и Дорнбергер, ответственные за разработку и производство ракет, были раздосадованы тем, что их детище используется в целях пропаганды, и сожалели о том, что с ним связывают слишком большие надежды; но Гитлер оставил их чувства без внимания. Дорнбергер потом говорил, что на встрече в ставке Гитлера, состоявшейся 7 июля 1943 года, он убеждал фюрера исключить из пропаганды слова о «решающем значении всесокрушающего чудо-оружия», но Гитлер резко оборвал его, и он счел за лучшее оставить эту тему. Как бы то ни было, но выпуск ракет сильно задержался, особенно после того, как британская авиация нанесла успешный удар по заводу в Пенемюнде в августе 1943 года.

Тем временем разведка союзников пришла к заключению, что немцы действительно создают какое-то новое оружие и что угрозы нацистских вождей не являются блефом; и тогда пропаганда западных стран стала указывать на расхождение между обещаниями и делами немецкого руководства. Это заставило Геббельса сказать в своей речи в октябре 1943 года следующее: «Что касается темы возмездия, горячо волнующей весь германский народ, то я могу только заметить, что англичане совершают роковую ошибку, считая ее не более чем пропагандистской выдумкой, не имеющей под собой реальной почвы. Придет день, и Англия ощутит на себе эту реальность».

После этого Геббельс стал более осторожным в своих предсказаниях и на некоторое время возложил надежды на другие способы возмездия, например, на бомбардировки Англии с помощью обычных самолетов. Обращаясь к немцам в канун Нового, 1944 года, он сказал, что немцы до некоторой степени приспособились к ужасам современной войны, но у англичан в этом отношении все впереди: «Воздушная война пока что радует наших врагов, потому что она идет в одну сторону; вот когда им будет доставаться так же, как и нам — лондонские газеты поумерят свои восторги».

В начале 1944 года Геббельс выпустил директиву, обязавшую

прессу и радио не использовать в течение некоторого времени термин «возмездие». Дело в том, что чем больше население обсуждало эту тему, тем более частыми и опустошительными становились налеты союзников. Так слово «возмездие» оказалось под запретом, потому что Геббельс не хотел возбуждать чрезмерные надежды, обсуждая этот вопрос открыто.

Выпуск «чудо-оружия» все время задерживался, и это вызывало у Геббельса беспокойство. Его адъютант признавался, что «ответственность за программу «Возмездие» или даже за ее провал преследовала Министра, как кошмар». На самом деле Геббельс был не в состоянии ни ускорить, ни задержать программу, в отличие от Геринга и Шпеера; но он отвечал, так сказать, за само осуществление мести: ведь он сам объявил о ней и к тому же взял на себя ответственность перед населением за весь ход воздушной войны или хотя бы за успешную оборону от налетов. Поэтому он почувствовал большое облегчение, когда во время визита в ставку фюрера в начале 1944 года услышал от Гитлера подробности о существенных успехах в подготовке нового оружия. «Это совершенно новое средство нападения, — рассказывал Геббельс фон Овену (имея в виду ракету «Фау-2»), — против него бессильна любая противовоздушная оборона; никакие сигналы воздушной тревоги тут не помогут. Англичане думают, что победа — у них в кармане, но им придется испытать шок, когда они поймут значение чудо-оружия. Возможно, они станут теперь более сговорчивыми насчет заключения компромиссного мира — кто знает? Вполне может случиться, что все это будет иметь далеко идущие политические последствия».

К сожалению для Геббельса, дело шло совсем не так гладко. Воздушные налеты сильно мешали работе секретного завода: «Прошло уже полгода с тех пор, как фюрер держал в руках полностью готовые чертежи нового оружия, — сокрушался Геббельс, — но и сегодня мы не в состоянии назвать точную дату его применения». Все, что Геббельс мог пообещать населению, — это «обычные» воздушные налеты на Лондон и другие английские города. А ведь во время одной из бомбежек Берлина он дал «слово чести» горожанам, что «возмездие» обязательно состоится.

Пришлось быть более осторожным в обещаниях. Геббельс совсем исключил из употребления слово «возмездие», отделываясь от вопросов туманными общими рассуждениями. «Пройдет не слишком много времени, — объяснял он, — и инициатива будет снова в наших руках; мы не только ликвидируем временное техническое превосходство врага, но и сами будем его превосходить». Через несколько недель он не удержался и похвастал в «Дас райх», сказав о новых

«решительных мерах, которые заставят врага понять, что воздушная война не выгодна для него ни в материальном, ни в моральном смысле. Я пока что не могу сказать всего, но в довольно скором времени мы введем в действие новый аргумент, который будет для врага более убедительным. Тогда англичанам придется показать, могут ли они быть такими же стойкими, как немцы. Мы уже прошли самую тяжелую часть войны, а для англичан она только начинается. Мы остались несломленными; посмотрим, как англичане пройдут это испытание».

Наконец, в июне 1944 года ракета «Фау-1» была применена впервые, и Геббельс признался фон Овену, что его совершенно измотали постоянные задержки с пуском: «Дата применения была сначала назначена на декабрь 1943 года, потом — на 1 января 1944 года, а потом перенесена из-за технических неполадок еще на два месяца; но пуск так и не состоялся, ни в марте, ни в апреле, ко дню рождения фюрера. Потом в напряженном ожидании прошел май, и фюрер сказал, что акция «Возмездие» произойдет в день высадки союзников. В июне враг уже готовился к вторжению, а наши конструкторы все еще вносили изменения в ракету».

Сообщение о состоявшемся первом пуске ракеты «Фау-1» вызвало у Геббельса смешанное чувство облегчения и неуверенности. Долгая задержка с выполнением обещания, данного им в прежних статьях и речах, теперь, как бумеранг, ударила по его престижу. Когда проходил месяц за месяцем, а обещанного оружия все не было, авторитет Геббельса падал все ниже. «Он знал, что если откладывать «возмездие» и дальше, то публика начнет смеяться над ним», — свидетельствовал современник.

Один из сотрудников Геббельса, известный журналист Шварц ван Берк, предложил назвать новое оружие «Фау» — по первой букве слова «Фергельтунг» («Возмездие») — и обозначать его модификации как «Фау-1», «Фау-2» и так далее, чтобы создать ажиотаж, намекнув на возможность дальнейшего развития. Геббельс передал это предложение Гитлеру уже от себя, и фюрер его принял.

Гитлер распорядился применить ракету через десять дней после высадки союзных войск в Нормандии. Английские газеты сообщали: «Вблизи Лондона, в Южной Англии, имели место взрывы нового типа, видимо, от действия оружия очень крупного калибра».

До последнего момента никто не знал, как именно будет действовать новое оружие; ходили десятки слухов, в том числе и такие: «Нажимают кнопку, и ракета улетает. Когда она

взрывается, то половина Британских островов взлетает к небу, а другая половина погружается на дно моря, а ракета возвращается назад, неся 50 000 пленных на борту!» Серьезные люди одергивали шутников: «Нет, это действительно мощное оружие: 24 часа бомбардировок, и Англия запросит пощады, согласится на перемирие и на любые условия. Ведь это новое германское изобретение, связанное с расщеплением атомов, высвобождением электронов и тому подобными штучками. Потрясающая вещь! Весь мир вздрогнет!»

Министр пропаганды был и доволен и счастлив. Он говорил своему пресс-секретарю: «Я, наверное, больше всех удовлетворен тем фактом, что «Возмездие» наконец свершилось! Ведь именно я обещал его немцам, и мне пришлось бы отвечать в случае неудачи. Вы помните, конечно, о тех сотнях писем, содержавших один и тот же вопрос: «Где же ваше новое оружие?» Геббельс говорил, что до последнего момента все это дело с ракетами висело на волоске, и он сильно беспокоился по поводу результатов.

Впрочем, и теперь, когда пуски состоялись, у него хватило хитрости вести пропаганду достаточно осторожно; Он убедил Гитлера в том, что бюллетень верховного командования вермахта должен содержать всего одно предложение, сообщающее о факте испытания, и что слово «возмездие» вообще не должно упоминаться. На совещании в своем министерстве, проведенном 16 июня, Геббельс тоже настоял на том, что пресса и радио не должны говорить о «Возмездии». «Достаточно простого сообщения в бюллетене вермахта, — сказал он, — чтобы произвести потрясающее впечатление на германский народ. Нам нужно не подогревать возбуждение, а наоборот, успокаивать людей». Геббельс боялся, что немцы будут охвачены ложными надеждами на скорый конец войны. Неудивительно, что министр пришел в сильный гнев, когда узнал, что его старый соперник Отто Дитрих в директиве для прессы нарушил его указания, а известный журналист Отто Криг, следуя директиве, поместил в берлинской «вечерке» передовую статью, начинавшуюся с торжественной фразы: «День, которого так ждали 80 миллионов немцев, наконец, наступил…»

Геббельс в приступе ярости пригрозил расстрелять несчастного журналиста, едва сумевшего оправдаться ссылками на директиву Отто Дитриха, который и был признан главным виновником происшествия. Тогда министр стал добиваться от фюрера, чтобы тот подчинил Дитриха Министерству пропаганды или хотя бы приказал посылать «директивы» Дитриха на утверждение Геббельсу.

Тем временем выяснилось, что после применения ракеты «Фау-1» в течение недели ничего необыкновенного не произошло. Гитлер был сильно разочарован таким результатом и приказал прессе и радио избегать всяких преувеличений в сообщениях о новом оружии, хотя сам же положил им начало. Газетам было приказано ограничиваться перепечаткой информации из иностранных изданий.

Несмотря на это, германские газеты стали помещать отчеты об огромных разрушениях, причиненных ракетами «Фау-1». Военный корреспондент одной газеты, описывая обстановку в Лондоне 6 июля 1944 года, писал, что город охвачен огнем: «Столица Британии — в кольце огня и уже несколько дней подряд борется за свою жизнь, стараясь спастись от этого ужасного нового оружия. Особенно сильные пожары бушуют в центре Лондона, у Темзы. Облака, нависшие над городом, окрашены в багровый цвет; похоже, что потушить пожары не удастся».

Сам Геббельс оценивал применение «Фау-1» и «Фау-2» более осторожно. Выступая на митинге в столице 7 июля 1944 года, он заявил, под бурные аплодисменты публики, что «хотя и не стоит питать иллюзий насчет немедленных решающих результатов применения нового оружия, но длительные ракетные обстрелы, безусловно, повлияют на всю обстановку в Англии.

В статье «К вопросу о возмездии», переданной по радио 21 июля, он рассказал о «парализующем чувстве страха, охватывающем британцев при взрывах «Фау-1», и о том, что «британская противовоздушная оборона не в состоянии помешать нам обрушить на Англию поток ракет, преодолевающих пролив Ла-Манш без всяких помех. Британское правительство, — сказал он, — пыталось сначала преуменьшить размеры ущерба; но теперь оно, напротив, драматизирует события и пытается пробудить жалость во всем мире, выступая в роли «оскорбленной невинности».

Тем временем вторжение союзников во Францию набирало силу, но Геббельс сосредоточил все старания на пропаганде успехов «Фау-1», наверстывая все, что было потеряно за долгие месяцы ожидания. «В свое время, — говорил он, — мы сдержанно давали понять, что готовим меры возмездия против англичан, и их руководители, те, что сидят в Лондоне, громогласно насмехались над нами, говоря, что наше оружие возмездия — изобретение пропагандистов, а не ученых и инженеров. Что-то теперь они не смеются у себя в Англии! Сначала их газеты сравнивали «Фау-1» с «надоедливыми жуками», а теперь называют их «бомбы-роботы». Это показывает, что они начинают понимать разницу между вчерашними выдумками и сегодняшней

действительностью!»

Пропаганда Геббельса настаивала на праве применять ракеты «Фау», явно рассчитывая на сочувствие немцев, страдавших от бомбежек. Германское население было сильно обеспокоено и теперь почувствовало ободрение, увидев, что давно обещанное «чудо-оружие» наконец появилось и действует. Геббельс отвергал критику англичан, утверждавших, что «Фау-1» не имеет нужной точности попадания и не может быть направлено исключительно против военных целей, как американские и английские бомбы, падавшие на Германию всю зиму. «Но это же смешно, — говорил Геббельс, — достаточно посмотреть на наши города, лежащие в развалинах! Если бы это было так, то Лондон не стал бы взывать о мести, забывая, что «Фау» как раз и есть оружие возмездия; и если англичане не боятся его действия, то зачем же они говорят о наказании за его применение? У них много самолетов, но они сейчас заняты, прикрывая вторжение во Францию; если они их оттуда снимут, это даст Германии большое оперативное преимущество. Одно это доказывает, что «Фау-1» имеет важное военное значение, но англичане не желают этого признавать, говоря о страданиях мирных граждан, чтобы вызвать сочувствие мировой общественности».

Понятно, что британские и американские пропагандисты, видя успех пропаганды Геббельса, постарались преуменьшить чисто военное значение «чудо-оружия». Американцы заявили, что оно не принесло немцам никаких видимых успехов: наступление союзников в Нормандии продолжается, и военное снабжение осуществляется без всяких перебоев; так что можно только удивляться тому, зачем поднят весь этот шум вокруг нового оружия и стоит ли тратить на него столько времени и сил. Им вторили англичане, повторявшие, что «летающие бомбы» бесполезны в военном отношении.

Все же есть свидетельства того, что пропаганда Геббельса, рассказывавшая об успешном применении «Фау», подняла боевой дух немецких солдат. Это подтвердил генерал Эйзенхауэр на заседании Объединенного комитета начальников штабов: «Пропаганда успехов «Фау» сильно укрепила боевой дух немецких войск на раннем этапе операции вторжения». В сентябре 1944 года Эйзенхауэр решил атаковать побережье пролива Па-де-Кале (откуда производились пуски ракет), чтобы захватить «летающие бомбы» и отвести тем самым угрозу от Англии, а также лишить козырей вражескую пропаганду, «которые она использует в тылу и на фронте, твердя об «атаках на Лондон» и о «решительном повороте в войне».

Геббельс отверг утверждения англичан о том, что «Фау-1» —

«подлое и бесчеловечное оружие, разрушающее с тупой силой дома мирных граждан». «То же самое можно сказать о ночных налетах британской авиации, — сказал он. — Бывает, что они сыплют бомбы, когда небо полностью закрыто облаками, так что даже наши истребители не могут взлететь из-за отсутствия видимости».

Геббельс также уверял своих читателей в Германии и за рубежом, что не испытывает никакой «мрачной радости» из-за того, что «бомбардировки Лондона создали там невыносимые условия для населения». Едва не проливая слезу, министр пропаганды, полный сострадания, объяснял: «Мы с болью представляем себе, какие страдания ждут британскую столицу, когда мы обрушим на нее новое, более мощное оружие возмездия. Ведь операция «Возмездие» только начинается!»

Военные обозреватели во всем мире единодушно высказывались в том смысле, что немецкая «Фау-1» открыла революцию в военной технике. «Но что они скажут, когда появится наше новейшее оружие, совершенно несравнимое с этим? — вопрошал Геббельс и заключал с удовлетворением: — Мы не считаем технику главным фактором современной войны, но ее важное значение бесспорно. Победу обеспечивают высокая техника и высокий моральный дух. До сих пор враг имел превосходство в технике, хотя мы превосходили его морально. Теперь мы сравняемся с ним в технике, но он никогда не достигнет уровня нашего боевого духа. Это и есть наше главное преимущество, с помощью которого мы победим. Теперь посмотрим, кто выдержит дольше на «втором дыхании» и не испугается трудностей!»

Тем не менее Геббельс продолжал придерживаться осторожного и ограниченного подхода в пропаганде «чудо-оружия», даже несмотря на то, что еще до его применения он, увидев секретный цветной документальный фильм о производстве «Фау-2», пришел в полный восторг и сказал после просмотра: «Это оружие, несомненно, поставит Англию на колени! Если бы можно было показать этот фильм во всех кинотеатрах, то мне больше не надо было бы произносить речи и писать статьи: даже самые твердолобые пессимисты перестали бы сомневаться в нашей победе!»

Надо сказать, что первые пуски «Фау-1» не произвели особого впечатления на британское правительство. Когда же на пригород Лондона упала первая «Фау-2» (это случилось 7 сентября 1944 года), оптимизм британских властей сильно поблек. Будто назло, как раз за день до этого министр снабжения Дункан Сэндис заявил, что «битва за Британию» закончилась; разве что

прогремит еще «несколько одиночных выстрелов». Его слова были основаны на данных британской разведки, сообщившей о полном разрушении пусковых площадок «чудо-оружия». На самом деле «последние залпы» звучали еще полгода, в течение которых на Англию упало 1000 ракет «Фау-2» и 500 ракет «Фау-1». И все же они не смогли поставить Англию на колени.

Историческая справка. Ракета «Фау-2» имела длину около 15 м; вес — 13 т (в том числе вес боеголовки

— 1 т); скорость полета — около 7000 кмч; дальность полета — 500 км. Всего на Англию было выпущено более 1000 ракет; потери англичан составили 10 тыс. человек убитыми.

2. «Сила через страх» (1943–1944 годы)

Выражение «Сила через страх», употребленное в пропаганде, не является немецким изобретением. Его впервые применили британские пропагандисты в конце 1942 года, описывая деятельность немецкой пропаганды в тот период, когда германская армия была накануне своего первого крупного разгрома на Восточном фронте. Это отметил Геббельс, который написал (за несколько недель до поражения под Сталинградом): «Англичане организуют против нас широкую контрпропагандистскую кампанию, называя наши выступления «Сила через страх». (Возможно, это была пародия на известное немецкое выражение «Сила через радость», служившее названием крупной германской туристской фирмы).

Это выражение хорошо отражало то, что происходило в действительности: во второй половине войны германские армии переходили к обороне, и немецкие пропагандисты стремились укрепить силу сопротивления на фронте и в тылу, нагнетая страх, и одновременно ослабить противника, сея страх и неуверенность в его лагере. Страх должен был поднять моральный дух немецких солдат на фронте и трудящихся в тылу и укрепить привязанность к Германии ее друзей и союзников, начинавших проявлять колебания. Страх же должен был ослабить коалицию западных держав, парализовав их военные усилия угрозой зловещих последствий их дружбы с большевиками. Искусно манипулируя одними и теми же стереотипами, немецкая пропаганда использовала рассказы о грядущих несчастьях, страданиях и гибели в качестве «тонизирующего средства» для граждан Германии и ее союзников, и одновременно — в качестве отравы, ослабляющей и разъединяющей их противников. После Сталинграда постоянной темой германских газет и радио стали рассуждения об ужасной судьбе, ожидавшей каждого немецкого мужчину, женщину, ребенка в случае, если, не дай Бог, случится невозможное и Германия проиграет войну. Ясно, что все нацистские руководители были лично заинтересованы в ведении такой пропаганды: ведь они прекрасно понимали, что в послевоенной Германии им не будет места.

Программа «Сила через страх» должна была внушить гражданам Германии и союзных с ней стран мысль о необходимости стойко выносить трудности и неудобства войны, чтобы не оказаться в гораздо худшем положении в случае крушения фатерлянда.

Точно так же программа «Слабость через страх»

подразумевала коварную пропаганду в духе Макиавелли с целью разделения партнеров по антифашистской коалиции путем убеждения западных лидеров в том, что победа большевиков принесет им гораздо больше опасностей, чем победа Германии а тем более — сепаратный мир с ней.

Призывы к обретению «силы через страх» строились просто: они были основаны на разоблачении «зловещих планов», якобы составленных врагами Германии и подразумевавших, что жизнь немцев в побежденной Германии будет совершенно невыносимой. С этой целью Министерство пропаганды вылавливало в британской и американской прессе всякое непримиримое или преувеличенно жесткое высказывание, всякое суровое замечание о будущем Германии и приспосабливало этот материал для своей пропаганды. В этом отношении известное высказывание Роберта Ванситгарта (английского дипломата, противника нацистского режима), сурово осудившего всех немцев без исключения, стало настоящим подарком для Геббельса и его пропагандистской команды. Например, в декабре 1943 года редакторы германских газет получили следующую директиву: «Заслуживают особого внимания намерения наших врагов по уничтожению Германии, нашедшие выражение в высказываниях Ванситтарта и в замечании Ллойда (члена парламента, консерватора) о том, что Сталин, вероятно, не согласится с попытками облегчить судьбу Германии. Стоит запоминать все подобные заявления, считая их проявлениями политического безумия, потому что Германия в настоящее время, конечно, сильнее в обороне, чем ее противники».

Объяснение этой директиве можно найти в записях Геббельса, сделанных им несколькими днями раньше и указывающих на его озабоченность по поводу развертывания пропагандистской кампании западных держав:

«Если говорить коротко, то сейчас противник развертывает против нас «войну нервов», невиданную прежде. Ее лозунг: «Сдавайся, или умри!» Думаю, что на нас все это не подействует. Германский народ прекрасно знает своих противников и их повадки; каждый немец хорошо представляет себе, что его ждет, если он попадет в руки врага».

Немцы, в общем, гораздо больше опасались русской, а не западной оккупации, и причиной тому послужила усиленная антибольшевистская обработка населения в период 1933–1939 годов, а потом и вторжение гитлеровских войск в Россию в июне 1941 года. В ноябре 1943 года западная печать сообщила о требовании Советского Союза предоставить в его распоряжение после войны 1 млн германских рабочих сроком на пять лет для

восстановления разрушений, и Геббельс от радости стал потирать руки, предвкушая, как он использует этот козырь:

«Подобные требования — наилучший материал для нашей пропаганды, — писал он в дневнике. — Они очень глубоко впечатляют немцев. Любая мать и жена проклянет саму мысль о том, что ее сын или муж останется после войны в Советском Союзе на принудительных работах. Чтобы избежать такой участи, немцы будут сражаться до последнего дыхания!»

В июне 1944 года началось вторжение западных союзников во Францию, и Геббельс почувствовал, что пора сеять страх среди немцев перед наступающими англо-саксами; германская пресса и радио с большой охотой стали рисовать мрачные картины неприглядного поведения завоевателей. Директива шефа германской прессы Дитриха гласила: «Сообщать о бесчисленном количестве писем, идущих в английские газеты с требованиями убивать всех немцев без разбора: не только мужчин, но и женщин и детей, даже младенцев в колыбелях».

По мере продвижения союзных войск во Францию и Бельгию угроза «фатерлянду» увеличивалась, и пропаганда усиливала разработку темы «Сила через страх». Не так-то легко было втолковать немцам, несмотря на перенесенные ими бомбежки, что они должны страшиться «западных оккупантов» не меньше, чем «восточных варваров». Официальная версия гласила: тот, кто считает приход западных войск меньшим злом, — глупец, жестоко обманывающий себя. Ведь западные державы — союзники большевиков, а тот, кто вступил в союз с дьяволом, должен плясать под его дудку. Ситуация во Франции, оккупированной англо-американскими войсками, была взята в качестве примера для других, и немецкие газеты ежедневно расписывали, какие там царят беспорядки, голод и беззаконие — как и везде, куда вступают армии западных союзников.

В октябре 1944 года англо-американские части заняли небольшую территорию в Рейнской области, к востоку от Аахена, и немецкие газеты, как по команде, принялись ругать и осуждать их поведение по отношению к гражданскому населению. Редакторов газет обязали давать резкие комментарии по поводу декретов оккупационных войск, занявших частичку германской территории: «Там воцарился зверский режим штыка и голода; немецких рабочих гонят со своих мест, а вместо них ввозят евреев, надзирающих за немцами, как за рабами, и это показывает в новом свете, как близки между собой плутократия и большевизм. Поистине, гангстеры с Запада — такие же вандалы, как и дикие орды большевиков, нахлынувшие с Востока!»

На самом деле Геббельс не слишком опасался «гангстерских

привычек западных оккупантов», потому что спустя несколько месяцев предложил жене поехать вместе с детьми на Запад и сдаться там где-нибудь британским войскам. «Они тебе ничего не сделают!» — сказал он. Зато насчет русских у Геббельса было иное мнение: он был уверен, что «оккупация рейха Советами принесет жестокие страдания германскому народу». Он на самом деле боялся вступления русских войск на немецкую землю, и этот страх он вкладывал в свои пропагандистские призывы, преувеличивая и извращая его без меры. В ноябре 1943 года, после того, как Берлин перенес несколько жестоких воздушных налетов, Геббельс побывал в фешенебельном районе на западе столицы и погоревал о ее судьбе. «Как прекрасен был Берлин, — сказал он со вздохом, — и как он теперь изуродован и разрушен! Но что толку вздыхать, этим дела не поправишь! Надо продолжать войну. Хорошо еще, что наши рабочие трудятся здесь (хоть и живут в подвалах), а не погибают в Сибири, как рабы!» Наверное, Геббельс потому и умел так красочно нарисовать для немцев картину большевистского рабства, что он сам его искренне страшился: «Для немцев нет более ужасной участи, чем попасть в лапы большевиков!»

Чтобы донести до населения эти ужасающие перспективы, в ход шли любые подходящие средства. Именно в этой обстановке Геббельс изобрел новую пропагандистскую концепцию, суть которой он раскрыл только своим сотрудникам. Она обозначалась термином «поэтическая правда», которую следовало отличать от «конкретной правды». «Конкретная правда» означала установленные факты, а «поэтическая» — не более чем фантазии на темы фактов, о которых имелись скудные сведения. Если пропагандисты знали недостаточно о планах противника или о событиях, то, по мнению Геббельса, можно было, «не греша против истины, добавить кое-какие подробности, чтобы заполнить стыки». Допускалось описывать события так, как они «могли бы выглядеть в действительности» или как они «по всей вероятности, происходили». Геббельс уверял, что подобная «правка истины» делается для пользы публики. «Мы только помогаем читателям, призывая для этого свое воображение, если сведения о фактах по какой-то причине являются неполными!» — утверждал он. «Поэтическая правда» должна была сделать события более понятными, потому что (как говорил Геббельс) «многие вопросы международной политики остаются неясными, если их не дополнить и не приукрасить немного с помощью поэтической правды, чтобы немцы могли в них разобраться».

Метод «поэтической правды» был удобным средством для пробуждения «силы через страх»; об этом говорит пример,

приведенный самим Геббельсом. Он указывал, что сведения о жестоком и издевательском обращении с немецкими женщинами и детьми на востоке Германии поступают в каком-то «неполном и недостаточном виде», и задача немецких пропагандистов — дополнить и расцветить эти слухи живописными подробностями, чтобы превратить в суровые обвинения против оккупантов. «Поэтическая правда», подсказанная страхом перед противником, считалась допустимой (в разумных пределах!), потому что, по словам Геббельса, «то, что происходит в действительности, намного страшнее того, что можно себе представить!»

Одновременно вышла директива для прессы, предписывавшая использовать для описания «большевистских зверств против населения» самые решительные слова, выражения и заголовки. Такая информация, приправленная «поэтической правдой», должна была окончательно открыть глаза всем, кто еще не верил германской пропаганде. В конце октября 1944 года очередная директива Дитриха, «шефа германской прессы», поясняла, что «если до сих пор еще оставались в Европе и в Германии наивные люди, считавшие сообщения об ужасах, творимых большевиками, выдумкой нашей пропаганды, то теперь, после событий в Восточной Пруссии, все их сомнения решительно опровергнуты. Каждый узнал ужасную правду о том, что ждет всех нас, если большевики придут на территорию рейха. Все немцы, до единого человека, будут жестоко и систематически истреблены, и вся Германия превратится в огромное кладбище».

Подобные отвратительные картины должны были вызвать у каждого немца внутренний протест и желание сопротивляться врагам. Пропагандисты хотели вызвать «волну мрачной народной ярости», которая отбросила бы «большевистского монстра» от границ Германии. Предполагалось, что страх перед большевиками, раздуваемый пропагандой, возбудит армию и население и заставит всех пойти на любые жертвы, чтобы остановить врага.

Те же самые истории о «зверствах, творимых наступающими русскими солдатами», передавались по радио для стран Запада, не только вражеских, но и нейтральных, но здесь они преследовали другую цель: ослабить вражескую коалицию и напугать население нейтральных государств.

3. «В лесах, под Смоленском…»

Наибольшего успеха в проведении политики ослабления союзников путем их разъединения Геббельс добился, вытащив на свет «историю о зверствах в Катыни», которую он обнародовал в апреле 1943 года. Ее результатом стал разрыв дипломатических отношений между двумя участниками антигитлеровской коалиции: Советским Союзом и Польским правительством в изгнании, находившимся в Лондоне.

13 апреля 1943 года германское радио сообщило об открытии массовых захоронений в Катыни, в лесах под Смоленском, где были найдены останки 10 000 польских офицеров, хладнокровно убитых выстрелами в затылок. Описывая эту страшную находку, пропагандисты Геббельса назвали ее «ярким примером еврейско-большевистских зверств, совершенных весной 1940 года советской тайной полицией — НКВД». Эта сенсационная новость взволновала польскую эмиграцию, потому что действительно была неизвестна участь многих польских офицеров, взятых в плен русскими войсками во время оккупации Восточной Польши в 1939 году. Судьба этих людей осталась неясной и тогда, когда после вторжения немцев в Россию все поляки, находившиеся там в плену, были освобождены и вступили в «Войско Польское» — освободительную армию, воевавшую на Восточном фронте.

Геббельс сразу же понял, какое значение для его пропаганды будет иметь находка захоронений (хотя количество похороненных было сильно преувеличено немецкими военными); он оценил эти сведения как первоклассный материал, с помощью которого он сможет подорвать престиж русских в глазах их западных союзников и нейтральных государств. «Обнаружение останков 12 тысяч польских офицеров, убитых ГПУ, должно стать главной темой антибольшевистской пропаганды, — записал он в дневнике. — Мы пригласили корреспондентов из нейтральных стран и представителей польской интеллигенции посетить это место. Подробности, передаваемые иностранной прессой, вызывают содрогание. Фюрер разрешил нам поместить специальный отчет в германских газетах. Предписываю использовать этот материал наиболее полным образом. Это обеспечит нам несколько недель спокойной жизни!»

Радость от неожиданно свалившейся удачи возросла еще больше, когда Геббельс сделал первую оценку «глубокого впечатления», произведенного повсюду, даже во вражеских странах, находками в Катыни: «Теперь все это дело становится первостепенным политическим событием, которое может иметь

далеко идущие последствия, — с торжеством записал он 17 апреля 1943 года. — Мы выжмем из этой истории все, что можно. Поскольку погибли десять или двенадцать тысяч польских офицеров (хотя, возможно, и не без вины с их собственной стороны — потому что разве не они фактически развязали войну!), этот случай поможет открыть глаза народам Европы, показав им истинное лицо большевиков».

Иностранные журналисты, посетившие места захоронений и опубликовавшие свои впечатления в прессе нейтральных и зависимых стран, были, в общем, склонны принять на веру германскую версию событий. Что же касается русских, то они обвинили немцев в «подлой подтасовке фактов» и приписывании им преступления, которое они не совершали. Согласно официальной версии советских властей, обнародованной 15 апреля 1943 года, польские офицеры были заняты на возведении оборонительных сооружений западнее Смоленска и попали в плен к немцам во время отступления русских войск.

Позиция польского правительства, выпустившего 17 апреля, после некоторых колебаний, собственное коммюнике, подписанное министром национальной обороны, выглядела, пожалуй, довольно странной. Прежде всего оно обратило внимание на то, что неоднократные попытки польских властей получить информацию о пропавших офицерах оказались безуспешными, так как не было получено никакого ответа на эти запросы от советской стороны. Далее говорилось, что хотя польское правительство имело немало возможностей убедиться в лживости немецкой пропаганды, но в данном случае оно все же «решило, на основе полученной информации, обратиться в Красный Крест с просьбой проверить обвинения, отправив в Катынь компетентную международную комиссию. Получилось так, что в тот же день (17 апреля) с такой же просьбой обратилось в Красный Крест и германское правительство, так что оба обращения стали выглядеть как совместная инициатива Польши и Германии.

Но этим дело не закончилось. Советское правительство выразило несогласие с решением польских властей, подвергнутых резкой критике в газете «Правда» от 19 апреля в статье под заголовком «Польские пособники Гитлера», где говорилось, что они помогают нацистам в их нечистой игре. Подобный поворот событий донельзя обрадовал Геббельса, который записал в дневнике, что хотя английские газеты и называют все это дело «стряпней немецкой пропаганды, стремящейся отравить отношения между союзниками», но это возражение не имеет силы, поскольку дело зашло слишком далеко. «Наши враги

сделали ошибку, затеяв обсуждение этого вопроса; на их месте я бы лучше промолчал», — сказал министр. Так Гитлер и Геббельс, решившие раздуть этот случай, были сполна вознаграждены за свои старания, и Геббельс имел все основания записать 21 апреля в своем дневнике: «Нашей пропаганде удалось полностью достигнуть поставленных целей, внушив европейской общественности ужас перед большевиками».

Но события продолжали развиваться еще более драматически, принося немцам новые политические дивиденды. 26 апреля Советское правительство предприняло новый шаг. В ноте, врученной польскому послу в СССР министром иностранных дел Молотовым, выражалось суровое осуждение польской стороны за действия, предпринятые одновременно с немцами, выразившиеся в просьбе к Красному Кресту о проведении расследования «за спиной Советского правительства» и в осуществлении в связи с этим кампании в прессе. Поскольку Польское правительство «опустилось до того, что вступило на путь соглашения с гитлеровским правительством и заняло враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу, Советское правительство «приняло решение прервать отношения с Польским правительством».

Британские и американские правящие круги были встревожены возникновением опасных противоречий между союзниками. Действия польского правительства подверглись критике в американской и особенно в британской прессе. Лондонская «Таймс» в номере от 28 алреля осудила поляков за содействие Геббельсу б его триумфе, а американская «Нью-Йорк тайме» выразила сожаление по поводу того, что и поляки, и русские «угодили в ловушку, расставленную нацистами».

Статья осуждала поляков за то, что они подняли этот вопрос, а русских — за резкий разрыв отношений.

Геббельс имел все основания праздновать успех и поздравлял сам себя с тем, что ему удалось устроить разрыв отношений между двумя союзными правительствами. «Все вражеские газеты и радиостанции заявляют в один голос, что разрыв отношений — стопроцентная победа германской пропаганды и моя лично, — записал он без ложной скромности, польщенный своим достижением. — Все комментаторы восхищаются необыкновенным умом, с которым мы превратили «катынский инцидент» в принципиальный политический спор. В Лондоне сокрушаются по поводу этого успеха немецкой пропаганды. Внезапно обнажились все рифы, разделяющие союзников, о существовании которых многие не догадывались. Все говорят, что это — полная победа Геббельса!»

Чтобы не сделать неверный шаг и не испортить столь значительный успех, министр пропаганды отдал строгий приказ всем своим службам ни в коем случае не показывать общественности, «как мы довольны случившимся. Хотя разрыв между Москвой и польским правительством в изгнании является крупным успехом германской пропаганды, было бы неразумным обнаруживать свою радость по этому поводу».

27 апреля 1943 года, делая очередную запись в дневнике, Геббельс признался себе, что среди населения оккупированной Польши немецкая версия «катынского инцидента» не имела успеха: «Здесь наша пропаганда явно провалилась, и руководители польского Сопротивления сумели в конце концов повернуть все это дело против нас, хотя оно глубоко задело поляков, воспринявших его как национальное унижение». Геббельс почувствовал, что в лице пропагандистов польского движения Сопротивления столкнулся с сильным противником.

Геббельс почти не преувеличивал, похваляясь, что «достигнут полный триумф немецкой пропаганды» и что «такого успеха не было еще за всю войну». Он с усмешкой отмечал также, что сумел вызвать подозрение всех участников конфликта в том, что германская сторона раздувает «дело о Катыни» с целью добиться сепаратного мира с англичанами или с Советским Союзом. Он с сожалением сказал сам себе, что не имел такого намерения, хотя такая возможность оказалась бы отнюдь не лишней.

Если посмотреть на все дело с позиций нашего времени, то можно видеть, что успех Геббельса, хотя и был существенным, все же имел ограниченное значение. Результатом его искусной пропаганды стал разрыв отношений между польским правительством в Лондоне и Советским Союзом, которые так и не были восстановлены; но связи между британским и советским правительствами не были нарушены, и горячие надежды Геббельса посеять между ними рознь оказались тщетными. Тактика Геббельса, рассчитанная на ослабление вражеской коалиции путем нагнетания страха перед русскими, хотя и имела успех в отношении польского правительства, но не поколебала союз его главных противников. Подобные исторические уроки не забываются, и союзники больше не дали Геббельсу возможности повторить его успех. Имеются основания полагать, что несчастные польские офицеры расстались с жизнью не позднее весны 1940 года, когда находились в плену у русских; но это не было установлено с полной уверенностью, и западные державы не стали придавать этому делу слишком большого значения в годы войны. Многие так и остались во мнении, что вся эта история — дело рук германской пропаганды. Видимое безразличие западных

держав объяснялось отчасти желанием их правительств сохранить союз с Россией, а также сознанием того, в каких гигантских масштабах идет истребление людей в немецких концентрационных лагерях.

Геббельс же до конца сохранял уверенность в том, что Англия может расстаться со своим советским партнером. Он даже говорил своим приближенным о том, что стремительное продвижение русских войск на Запад дает гибнущему рейху шанс на спасение, потому что может заставить Англию изменить свою позицию в пользу Германии. По свидетельству Вернера Штефана (подчиненного Геббельса), Геббельс уже в 1945 году уверял своих близких сотрудников, что настанет день, когда «они там, в Англии, забудут о своей пропаганде, о своих пактах, обо всей этой чепухе просто потому, что будут вынуждены действовать согласно своим реальным интересам». «В решающие моменты истории, — говорил министр, — подобные прозрения наступают мгновенно! Так часто бывает в жизни народов».

Но надежды Геббельса-пропагандиста оказались тщетными; здесь он явно взял верх над Геббельсом-реалистом. Он недооценил глубокое отвращение, которое испытывали к Гитлеру и к нему самому по ту сторону Ла-Манша, и не учел твердой решимости правительства Черчилля окончить войну ниспровержением нацистского режима.

Здесь невольно приходит на память изречение «Каждому — свое!», которое нацисты водружали в виде лозунга над воротами концлагерей, имея в виду, что они всегда будут «господами» и что их никогда не постигнет участь, на которую они обрекали представителей «низших рас».

Пример Геббельса показывает, что история не любит предсказателей, самоуверенно выступающих от ее имени, и сама назначает «каждому — свое!»

Глава 13
Стратегия утешения (1943–1945 годы)

1. «Высшие цели и перспективы»

В последние годы войны и существования Третьего рейха Геббельс усиленно проводил «политику утешения», разработанную им после Сталинграда и допускавшую признание некоторых неприятных фактов и ситуаций, но при непременном выявлении других, благоприятных событий, которые, конечно, уравновешивали неприятности, а то и вовсе лишали их значения.

Еще в июне 1943 года Геббельс применил трюк с «уравновешиванием» для оправдания нелегкого положения Германии. Вместо того, чтобы объяснить причины недавних поражений германских армий под Сталинградом и в Тунисе, он пустился в рассуждения о преимуществах и недостатках недавних побед, одержанных в ходе «блицкрига». Недостаток, по его мнению, был один, но существенный: все эти победы «слишком быстро следовали одна за другой», так что стали казаться обычным и заурядным делом. «Настоящая война» началась, по его словам, только с декабря 1941 года, когда «шансы на выигрыш стали колебаться, ставки повысились и создалась угроза временного кризиса». До этого немцы не страдали от опасностей, непосредственно связанных с войной. Для них стало привычным, что кампании легко начинаются и заканчиваются, не занимая много времени. Вот этот факт Геббельс и назвал «неблагоприятным», потому что он «извратил представление о войне» не только у германской, но и у зарубежной общественности. После этого возникли неожиданные «психологическиетрудности», которые могут повторяться и в дальнейшем.

Итак, согласно Геббельсу, возникшие трудности носили только «психологический» (а отнюдь не военный) характер и уравновешивались фактом приобретения Германией «огромных материальных преимуществ», обеспеченных прежними успехами. Это позволяло ей наращивать свой военный потенциал и спокойно отражать наскоки врагов. Нужно было всего лишь избавиться от «психологического ущерба»: ведь если посмотреть на обстановку в целом, то «мы, немцы, находимся в абсолютно выигрышном положении, просто многие этого не понимают или не хотят этому верить».

Подобная софистика позволяла оправдывать даже явные военные неудачи, «открывая» в них неожиданные достоинства. К концу 1944 года военные действия велись уже в западных и восточных областях рейха, но Геббельса это не смущало. «Мы бьемся теперь, упираясь спиной в стену, — объяснял он. — Это,

конечно, опасно, но дает ряд преимуществ. Построив оборону на своей территории, мы избавились от множества неразрешимых проблем, тогда как наши враги могут действовать лишь в ограниченных масштабах и в ограниченное время».

Через несколько дней после этого заявления началось последнее германское контрнаступление на Западе под командованием генерала фон Рундштедта. Сначала оно имело успех, и это сильно обрадовало Геббельса. Он с оптимизмом объявил, что «до конца года три четверти американских войск будут окружены или сброшены в море, а остатки американских и британских сил будут вытеснены во Францию». Геббельс просто сиял от похвалы Гитлера, заявив своим сотрудникам, что достигнутый успех, по словам фюрера, был наполовину обеспечен именно им, Геббельсом, и его министерством. Меры, предпринятые в рамках «тотальной войны», позволили создать «народное ополчение» и ошеломить врага, введя в бой свежие части. Между тем эти «новые дивизии» даже не были полностью вооружены автоматами. К Рождеству немецкое наступление застопорилось, а в январе германские части были отброшены на исходные позиции.

Тем временем Геббельс продолжал толковать о «медленном, но верном восстановлении германской военной мощи и о наращивании силы наступательных и оборонительных ударов». Он выявил новый фактор, способствовавший «поддержанию равновесия». «Противник, — говорил он, — превосходит нас в материальном обеспечении, но мы бросаем на чашу весов наш национальный характер и моральную стойкость, а по этим качествам нам нет равных в мире; поэтому мы непобедимы!» Он любил приводить слова Фридриха Великого: «Бог ведет в бой храбрейших. Бог нам поможет, если мы поможем сами себе. Он на стороне мужественных, а не на стороне тех, кто полагается лишь на силу!»

Спустя два месяца, в конце марта 1945 года, когда у жителей разбомбленных городов не осталось никаких надежд (как не осталось их и у самого Геббельса), он продолжал попытки «сохранить лицо», указывая на «разницу между военным положением и политической ситуацией». «Не стоит отрицать, — говорил он, — что мы находимся в опасном положении и что враг продолжает наносить нам жестокие удары, которые, однако, только ранят, но не губят нас. Мы еще не разбиты, как думает противник. Война только достигла своей критической точки как в военном, так и в политическом плане. И если военное преимущество на стороне врага, то в политическом отношении все козыри у нас, а не у противника. Между тем эти две стороны

войны тесно связаны между собой. У наших врагов нет в этой войне общей цели, и чем крупнее их военный успех, тем яснее обнаруживается вся неестественность и противоречивость их коалиции».

Исходя из этого, Геббельс смело предсказывал возникновение политического кризиса во враждебном лагере. Его позиция была предельно ясной: «Германии нужно справиться с влиянием военного кризиса, пока ее враги будут заняты улаживанием политического кризиса в отношениях между собой. Исход войны зависит от того, какая из сторон первой потеряет почву под ногами: она же проиграет войну, утратив надежды на победу. В этом — суть создавшейся ситуации!»

Еще одна тема, которую Геббельс настойчиво развивал в тот период, шла под рубрикой: «Врагу так же плохо, как и нам!» — «Враг тоже устал и истощен, он не в лучшем положении, чем мы». В сентябре 1944 года Геббельс писал: «Нашим врагам тоже трудно: они воюют уже больше пяти лет и вполне ощутили на себе, что это такое». Это сравнение было довольно выразительным, но не основывалось на конкретных данных (особенно в отношении Советского Союза), а скорее выдавало желаемое за действительное. В октябре 1944 года Геббельс отважился на такое предсказание: «Говорят, что цыплят по осени считают, но все же я рискну заметить, что людские ресурсы Советского Союза, казавшиеся неистощимыми, похоже, скоро иссякнут». Даже в конце февраля 1945 года, когда линия фронта неуклонно приближалась к Берлину, Геббельс продолжал твердить о «трудном положении врага» то ли от наглости, то ли с отчаяния: «Разве положение наших противников лучше? Да ни в коем случае! Советский Союз потерял в войне больше пятнадцати миллионов человек! Такие потери отрезвят кого угодно! Им скоро придется отступать».

Не располагая достаточными фактами, Геббельс искал выход в области моральных категорий и символов: «Большевизм, несомненно, — воплощение воли дьявола, задумавшего таким путем подчинить себе мир, но в конце концов дьявол будет сброшен в преисподнюю!» Другой аргумент звучал как утешение: «Мы делаем сейчас то, что нашим врагам приходилось делать в прошлом». И по-другому: «Наши прежние испытания теперь выпали на их долю!»

Геббельс с ученым видом объяснял читателям еженедельника «Дас райх» в сентябре 1944 года, что все три главных участника войны должны пройти через глубокий военный кризис, являющийся суровым испытанием национального характера: первыми его преодолели британцы, потом — русские, а теперь

настала очередь немцев: «Летом 1940 года мы завоевали Атлантическое побережье, и Англия была открыта для атак люфтваффе; это и было временем испытания воли британского народа. Осенью 1941 года мы окружили Москву, и Советскому Союзу пришлось напрячь все возможности в последнем усилии. Теперь настал наш час: враги бросают против нас все свои людские и материальные ресурсы, и мы должны показать, на что мы способны. Сила приходит через испытание — таково общее правило! Преодоление опасности добавляет сил, и чем больше была опасность — тем больше сил прибывает — таков урок этой войны!»

«В этом есть глубокий исторический смысл, — вещал Геббельс. — Все нации должны пройти через кризис; та нация, которая его выдержит, и будет оправдана историей!» Та же мысль звучит в статье, вышедшей пять месяцев спустя под отчаянным заголовком: «Ничто не потеряно, пока война еще идет!» Геббельса не смущало то, что война идет уже на земле Германии; он снова искал утешения в исторических параллелях: «Это вовсе и не важно, где идет война в данный момент, — заклинает он своих читателей. — Мы тоже стояли у Атлантики и под Москвой и Ленинградом — но ведь враги не капитулировали! Теперь они пришли к нам, на Рейн и на Одер — так неужели же мы не сможем повторить то, что они сделали тогда!» Некоторые робко возражали, указывая на превосходящие материальные ресурсы противников Германии, дававшие им в прошлом надежду на изменение ситуации, но Геббельс отвергал этот аргумент: «У врага нет настоящих идеалов, и у него низкий моральный дух — поэтому он проиграет!»

Чем безнадежнее становилась ситуация, тем более смелые образы и метафоры привлекал Геббельс, стараясь успокоить сомневающихся и убедить их в обратном. Тогда-то, за два месяца до конца войны, ему и пришло в голову знаменитое сравнение с бегуном, преодолевающим марафонскую дистанцию, который прошел уже тридцать пять километров из сорока двух: «Он должен бежать во что бы то ни стало, даже в полуобморочном состоянии; пусть он даже лишится чувств за линией финиша — все равно его ждут лавры победителя!»

Образ «бегуна на длинную дистанцию» был одной из отчаянных попыток «дать народу возможность увидеть события в их истинной перспективе». «Люди должны оценить ситуацию с точки зрения ее высшего исторического значения, не отвлекаясь на мелочи!» — эта мысль лежала в основе всех пропагандистских усилий Геббельса, предпринятых в последние месяцы войны. В конце февраля 1945 года он уже и сам потерял всякую надежду,

но, выступая по радио, призвал своих слушателей «увидеть общую картину событий, которые хоть и выглядят скверно, но имеют свое глубокое значение, и его можно оценить, взглянув на происходящее под правильным углом зрения».

Геббельс, всегда бывший яростным фанатиком, теперь, как благочестивый проповедник, стал призывать к спокойному созерцанию событий. Это была идеология скрытого отчаяния, потому что неофициально он уже признавал, что «война, как в собственно военном, так и в политическом смысле, не может быть приведена не только к благоприятному, но даже и к просто приемлемому концу». Похоже, что рассуждения о «высшей перспективе» служили Геббельсу лишь средством для одурачивания масс, поскольку ничего лучшего уже не находилось. Возможно также (и этому есть подтверждения), что в последние месяцы войны он и сам успокаивал себя мыслью о необходимости «беспристрастного взгляда на вещи» и оценки ситуации «с чисто исторической точки зрения». В январе 1945 года он попытался поделиться этой идеей даже со своей женой, которая обдумывала планы самоубийства для себя, для детей и для мужа, но колебалась, понимая, как нелегко будет это осуществить. «Попадая в отчаянную ситуацию, подобную теперешней, — утешал ее Геббельс, — стоит воспользоваться советом Фридриха Великого и попытаться мысленно взглянуть на окружающее как бы с далекой звезды; тогда текущие события, да и вся наша планета, покажутся нам совершенно ничтожными — а ведь они так нас пугают, пока мы видим их вблизи!» «Ты, может быть, и прав, — мягко вразумила фрау Геббельс своего романтического супруга, — но все дело в том, что у Фридриха Великого не было детей!»

2. «Провидение на нашей стороне!»

Призывы к применению «исторической перспективы» привели самого Геббельса сначала к полумистической, а потом — к безоглядно фаталистической вере в провидение. Он создал целую «историческую теологию», в центре которой стояло учение об «особой миссии германской нации», и за последние шестнадцать месяцев войны его теория претерпела значительное развитие. В переломный период между 1943 и 1944 годами в ней еще звучал оптимизм и слышались звуки фанфар, прославлявших «великий крестовый поход двадцатого века», но потом возникли жалобные ноты смирения перед судьбой, подавляющей неугодных своей мерной тяжелой поступью.

«Мы — истинные воины Господа, — провозглашал Геббельс, — и мы призваны исполнить возложенную на нас великую историческую миссию. Именно теперь, и именно мы должны это сделать, иначе человечество постигнет страшная кара!»

Это псевдорелигиозное рвение, как и вера в «великую миссию», игнорировало все противоречащие ему факты: «На нас взирают все угнетенные и страдающие народы, ожидающие установления нового порядка и спасения мира!»

Все современное мировое развитие было представлено под девизом: «Божественное Провидение — с нами!» После «чудесного спасения» Гитлера во время покушения 20 июля 1944 года Геббельс выразил твердую веру в то, что «фюрер находится под защитой провидения». Подведя итог событиям того дня, он сделал вывод, что теперь «нет таких опасностей и несчастий, которых мы не смогли бы преодолеть с пользой для себя»: «Моя глубокая вера в скрытый смысл истории получила новое подтверждение 20 июля, сколько бы ни смеялись над этим материалистические толкователи истории. Судьба взяла фюрера под свое милостивое покровительство, потому что желает сохранить его для новых великих дел». Интересно, что Геббельс в этом случае не стал ссылаться на Бога и уповал только на «милость судьбы».

В то время Геббельс, заполучив наконец от Гитлера желанное назначение на пост «уполномоченного по ведению тотальной войны», все еще надеялся на то, что нацистский режим сможет выжить и заключить компромиссный мир; но к марту 1945 года он уже оставил все эти надежды и намерения. Тем не менее старая пластинка с песней «Провидение на нашей стороне» все продолжала крутиться. В начале марта 1945 года Геббельс писал:

«История не знает ни одного примера, когда народ, до конца остававшийся несломленным, был бы потом вынужден склониться перед грубой силой. В решающий момент провидение проявляет свою скрытую силу и все расставляет по местам. Вечные законы истории не знают исключений».

Желаемое вместо действительного. Геббельс и сам чувствовал слабость своих аргументов и добавлял: «Мое утверждение может показаться спорным только на первый взгляд». Он уже не верил в дурманящую силу идеологической смеси, которую всегда с таким мастерством готовил для публики. «Когда событие созрело, оно состоится. В последней схватке между духом и грубой силой победит сила духа!»

Смерть Рузвельта оживила надежды Геббельса и подкрепила его веру в «глубинные законы истории»: «Война приближается к концу, — заявил он по радио 19 апреля 1945 года, в канун дня рождения Гитлера. — Противоестественный союз плутократов и большевиков разваливается! Глава мировых заговорщиков раздавлен судьбой. Его погубил тот самый рок, который сберег нам 20 июля нашего фюрера, восставшего живым и невредимым среди руин и трупов, чтобы завершить свое великое дело согласно воле провидения». На самом деле представление Геббельса о фюрере утратило в те дни всякий романтизм. 16 апреля 1945 года он признавался фон Овену: «Похоже, что счастливая звезда фюрера его покинула! Если бы теперь его увидел человек, не встречавшийся с ним два или три года, он был бы потрясен его видом. Он не только постарел, но и утратил инициативу и уже не может принимать молниеносные решения, полагаясь на интуицию, которая явно его оставила. Он колеблется, сомневается и откладывает принятие трудных решений». Гитлер и сам признавался Геббельсу: «Все идет не так, словно кто-то наслал на меня злые чары; удача от меня отвернулась». Да, гигантская игра «ва-банк» приближалась к концу; игрок растерянно стоял у стола, опустив руки.

3. Утопии и реальность

Когда военное положение складывается неудачно, перед пропагандистом любой страны встают трудные задачи. С одной стороны, он должен распространять уверенность в конечной победе и в последующем благоприятном развитии событий, а с другой — как-то объяснять возникшие «временные трудности». Он должен заявлять, что «о капитуляции не может быть и речи», и в то же время напоминать о необходимости «сражаться изо всех сил, чтобы «не допустить капитуляции и ее ужасных последствий». Он рисует в розовых красках послевоенный мир, но тут же с мрачным сарказмом говорит о бедствиях, ожидающих народ в случае поражения.

В последние два года войны вся пропаганда Геббельса строилась на противопоставлении идиллических картин послевоенного благополучия и пугающих описаний мрачной участи, ожидающей Германию и всю Европу, если они окажутся под гнетом победившего врага. Обе эти темы, которые можно условно обозначить так: «Прекрасная утопия в ближайшем будущем» и «Европа, закабаленная врагом», часто переплетались в его речах, но в последние месяцы войны негативные образы решительно вытеснили все остальное.

Геббельс до последнего момента жонглировал словами, пытаясь отвлечь массы картинами счастливого и мирного послевоенного времени. Нередко он старался смягчить впечатление от удручающих известий с фронтов, рисуя заманчивые образы скорого будущего. Так, выступая в берлинском Дворце спорта в октябре 1943 года, он поговорил немного о «предательстве клики Бадольо» в Италии (заявив с мрачной решимостью: «Для нас нет пути назад, только вперед!») и тут же нарисовал перед слушателями волшебную картину послевоенного времени: «Наступит день, когда война закончится, перестав испытывать наши нервы и силы. Занавес, скрывающий от нас будущее, внезапно упадет, и перед нами откроется новый мир — мир процветания и покоя, в который мы шагнем прямо из этого мира войны и крови». Эту прекрасную картину он дорисовал три месяца спустя, в радиообращении по случаю наступающего нового 1944 года: «Победа откроет нам путь к полной свободе и независимости нашей нации. Это будет путь мира и свободного труда, восстановления отечества и полного процветания общества, основанного на всеобщем единстве. Мы не зря терпим лишения и страдания и напрягаем силы — победа стоит того!» В июле 1944 года (возможно, для того, чтобы отвлечь внимание от

высадки союзников во Франции) Геббельс посвятил целую статью в еженедельнике «Дас райх» увлекательным описаниям послевоенной идиллии. Это был разгул словесной эйфории, зовущей читателей в «иной, лучший мир»: «После войны все народы будут жить в состоянии покоя и умиротворения, социального прогресса и обновления, экономического процветания и счастья, и все это — не за счет других наций, а благодаря собственным достижениям».

В конце февраля 1945 года, когда русские войска уже стояли на Одере, а американцы — на Рейне, и когда гром войны сотрясал Германию до основания, Геббельс старался успокоить население сладкими песнями о грядущих райских днях: «Разгневанные фурии войны проносятся над нашими головами, испуская устрашающие хриплые крики, но помните: они скоро умолкнут, и зазвучат прекрасные мелодии мира и счастья».

Русские армии уже стучали в ворота Берлина; Гитлер и семья Геббельса готовились к смерти, а сам «Великий Пропагандист» все продолжал наигрывать ту же успокоительную мелодию о приближающихся сладких днях мира. Он даже почти перестал восхвалять фюрера, сосредоточившись на создании картин «прекрасного завтра». Чем мрачнее и безнадежнее выглядела реальность, тем с большим красноречием рисовал он волшебные картины будущего, ожидающего и Германию, и всю Европу. «После этой войны, — предрекал он, — Германия расцветет как никогда раньше. Все ее разрушенные города и села будут восстановлены в еще лучшем виде, и в них будут жить счастливые люди. Вся Европа переживет такой же подъем. Мы снова станем дружить со всеми людьми доброй воли. Вместе мы залечим глубокие раны войны, обезобразившие наш континент. На тучных пашнях вырастут богатые хлеба, чтобы накормить миллионы нуждающихся и страждущих. Работы будет хватать всем; настанет лучшая весна человечества, несущая счастье и процветание!» Так мечтал закоренелый циник, разочаровавшийся в действительности и готовившийся увидеть крах своего дела.

4. Геббельс предсказал «железный занавес» и «холодную войну»

По мере приближения краха нацистского режима сияющие картины грядущей утопии все чаще перемежались предсказаниями наступления зловещего времени «сумерек богов» — тех самых нацистских богов, падение которых должно было вызвать гибель Германии и всей Европы: «Наш успех будет означать начало новой жизни для всего человечества, но наше падение станет крахом для всего Запада!»

Геббельс совершенно ясно предсказал наступление «холодной войны», разразившейся после 1945 года, и ошибся лишь в том, что она не переросла в «горячую», как он того страстно желал. И именно Геббельс (хотя это известно не всем) ввел в феврале 1945 года термин «железный занавес», предсказав, что он опустится по воле большевиков и отгородит Европу, оккупированную русскими войсками. Он высказал эту мысль в одной из последних статей, чтобы внушить страх перед большевизмом как немцам, так и западным державам: «Если Ялтинское соглашение действительно будет выполнено, — предостерегал он, — то Советы оккупируют всю Восточную и Южную Европу и большую часть рейха. Перед этими гигантскими территориями (если прибавить сюда и Советский Союз) будет опущен железный занавес, за которым начнется массовая резня, а еврейская пресса в Лондоне и Нью-Йорке будет ей аплодировать. Там будут жить «живые роботы» — миллионы забитых, нищих людей, влачащих жалкое существование рабочей скотины; они будут получать из внешнего мира лишь те крохи информации, которые Кремль сочтет нужным им предоставлять». Звучит впечатляюще, и все-таки забавно слушать горькие обвинения в адрес тоталитарной системы из уст главного пропагандиста тоталитарного нацистского государства, переморившего в газовых камерах миллионы людей. У немцев на этот счет есть пословица: «Горшок говорил чайнику: что это ты весь в копоти!»; она неплохо звучит и по-русски: «В чужом глазу соломинку ты видишь, а у себя не видишь и бревна!»

Каким же, по мнению Геббельса, должно было стать положение западноевропейских стран после войны? Он предсказал, что могущество Англии сильно сократится: там придет к власти правительство лейбористов, которое «повернется спиной к Европе». В США режиму демократов и Рузвельта придет конец; на президентских выборах 1948 года победит представитель республиканской партии, всегда выступавшей за

изоляционизм; он выведет из Европы все американские войска. Начнется третья мировая война, которая приведет к большевизации Англии, и она тоже попадет за железный занавес. После этого возникнет угроза четвертой мировой войны.

Советская Россия, выжав пот из миллионов своих рабов, создаст новое оружие и нападет на США. Но как бы ни пошли дела дальше, пока что, в ближайшем будущем, победителем будет Сталин (которым и Гитлер и Геббельс втайне восхищались), а Рузвельт и Черчилль окажутся в проигрыше.

Предсказание создания железного занавеса стало венцом пропагандистских трудов Геббельса, желавшего напугать западные державы и воздвигнуть барьер между Москвой — с одной стороны, и Лондоном и Вашингтоном — с другой.

Чем дальше продвигались русские армии к границам Германии, а потом и вглубь нее, тем истеричнее становились вопли Геббельса, предупреждавшего западные державы об опасности. 12 января 1945 года произошел прорыв русскими немецкого фронта под Барановым, за которым последовало освобождение Варшавы, Лодзи и Кракова, с выходом в Силезию, и Геббельс написал с горькой издевкой: «Напрасно так радуются английские и американские газеты — им придется уронить немало горьких слез в чашу своего торжества. Все не так просто, как они думают, и победа русских может оказаться похуже иного поражения. Сами британцы признают, что Советы бросили на Восточный фронт двести дивизий, которых сейчас сдерживают наши войска. Мы держим на Востоке большую часть своих армий. Англичане и американцы имеют против нас на Западе восемьдесят дивизий. Итак, что же произойдет, если германские дивизии на Востоке вдруг перестанут существовать, и двести разъяренных дивизий русских столкнутся лицом к лицу с англо-американскими войсками? В этом случае Кремль вполне может вспомнить о своей прежней цели — большевизации Европы как этапа на пути к большевизации всего мира, и тогда Сталин бросит к ногам господ Черчилля и Рузвельта клочки договора, заключенного с ними!»

Геббельс, разумеется, отрицал возражения западной пропаганды, обвинявшей его в том, что он пытается «ловить рыбку в мутной воде», т. е. хочет поссорить между собой участников коалиции. Он отвергал также обвинения в том, что готов просить милости у западных держав ввиду тяжелого положения Германии. На самом деле он все еще питал надежду, что режим Гитлера сумеет преодолеть трудности и нанесет удар по вражескому союзу. Впрочем, эти надежды были непрочными, и настроение Геббельса менялось с каждым днем. «Раздоры в рядах

наших противников, — сказал он 30 января 1945 года в частной беседе, — вынуждают нас продолжать сражаться до тех пор, пока их союз не даст трещину; тогда мы сможем как-нибудь улизнут из драки, иначе же…» И он не закончил фразу, смысл которой и так был ясен.

5. «Показать пример следующим поколениям…»

Через неделю, в феврале, Геббельс уже не питал таких надежд. По словам фон Овена, «министр пришел к выводу, что теперь уже слишком поздно пытаться сыграть на противоречиях между союзниками по коалиции; мы слишком близко подошли к краю бездны. Положение Германии еще никогда не было таким тяжелым, и не осталось никаких возможностей заключить не то что выгодный, но даже и просто приемлемый мир. Нам не остается ничего иного, как погибнуть с честью, показав пример потомкам и убедившись, что мы использовали все возможности для спасения Германии и Европы от большевизации». Мысль об «ужасах большевизации» германская пропаганда продолжала использовать до самого конца войны; видимо, Геббельс чувствовал, что должен выжать все из этой идеи, пока у него есть возможность писать и выступать; ему хотелось повлиять не только на настоящее, но и на послевоенную ситуацию в Европе.

Так Геббельс продолжал развивать избитую тему о противоречиях между союзниками по коалиции, хотя его сердце уже было охвачено отчаянием. Наступление союзников продолжалось, несмотря на все разглагольствования о разногласиях и спорах в их лагере. «Нет ни единой мировой проблемы, — заявлял Геббельс в апреле 1945 года, — по которой между ними существует согласие! Они едины лишь в том, чтобы уничтожить германский рейх, а с ним — и весь немецкий народ; но и здесь они предлагают совершенно разные способы и средства. Каждый из них хотел бы при этом утащить побольше добычи и не делиться ею с другими». Но многие уже не прислушивались к речам «главного пропагандиста». Он и сам это понял, сказав, что теперь «многие сердца колеблются и дрожат; слабые и нестойкие охвачены безразличием; других захлестнули усталость и отчаяние, покорность судьбе». Немцы уже не хотели верить наводящим страх описаниям зверств врагов, но министр пропаганды продолжал стараться: «Вас будут ставить к стенке и убивать выстрелом в затылок, а уцелевших выселят подальше; тех же, кто останется, выкосят голод и притеснения. Все будет плохо, гораздо хуже, чем могут себе представить те, кто решил рискнуть, чтобы остаться и все это увидеть!»

Призывы, запугивания, увещевания завершились проклятиями: сначала в адрес германских военных старшего поколения и так называемой «реакции», а потом и в адрес всего

немецкого народа. Выступая на последнем собрании сотрудников своего министерства, на которое пришло всего тридцать человек, Геббельс обвинил всех немцев в трусости: «Что можно сказать о нации, мужчины которой не желают сражаться, даже видя, что их жен тащат в постель. Германский народ побежден! На востоке население бежит от врага, а на западе не дает солдатам сражаться, встречая противника белыми флагами».

Глава 14
Последние месяцы

Со второй половины 1944 года все силы немецкого народа были полностью мобилизованы для ведения тотальной войны. 24 августа Геббельс раскрыл подробности организации этой кампании. Женщины до пятидесяти лет были обязаны трудиться на военных заводах, чтобы освободить здоровых мужчин для отправки на фронт. На всех оборонных предприятиях, в первую очередь — на заводах, производивших вооружение, была введена шестидесятичасовая рабочая неделя. Распоряжением от 18 октября все мужчины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, еще не отправленные на фронт, призывались на службу в народное ополчение — «фольксштурм».

Жизнь населения протекала в рамках строгих ограничений.

Частные поездки были практически запрещены; театры закрыты; выпуск журналов сокращен; газеты выходили минимальными тиражами, и те из них, которые осмеливались поместить статью, выражавшую неуверенность в конечной победе или усталость от войны, наказывались огромными штрафами.

К началу зимы 1944 года армии союзников стояли на западной границе Германии и в Северной Италии. Красная армия вышла к Висле. После этого на фронтах установилось временное затишье.

Румыния была потеряна в августе 1944 года, Болгария — в сентябре, Югославия и Греция — в октябре. Только в Венгрии немецкие войска оставались до 1945 года. 16 декабря 1944 года началось контрнаступление германских армий в Арденнах, имевшее конечной целью овладение Антверпеном. Для его проведения были сняты дивизии с других фронтов, но после некоторых начальных успехов наступление было остановлено союзниками уже в декабре. 12 января Красная Армия прорвала фронт на востоке. В эти последние месяцы войны немецкая пропаганда изменила свою тактику, мелодраматически рисуя происходящие события как некое стихийное бедствие, как акт «немилости богов».

Прежняя главная ставка фюрера, находившаяся в Восточной Пруссии, попала в руки русских. В январе 1945 года Гитлер вернулся в свои апартаменты, устроенные в здании рейхсканцелярии, в Берлине, но они были плохо защищены от авиабомб, и он перебрался в глубокий подземный бункер, построенный для него в саду при рейхсканцелярии. О его физическом и духовном состоянии в эти последние недели войны нам известно по многим записям, оставленным свидетелями. Они сообщают, что приступы ярости сменялись у него периодами депрессии и слезливой жалости к самому себе; ему казалось, что все предали его и покинули. Движения его стали суетливыми и неточными, и голова подергивалась, как у нервнобольного. Герхард Больдт, молодой офицер, впервые увидевший фюрера вблизи в феврале 1945 года, запомнил его возбужденные глаза, блестевшие ненормальным, «неестественным блеском».

Гитлер упрямо отвергал все разумные предложения. Он со злостью отказывался отдать распоряжение о сокращении фронтов, когда для этого еще были возможности и время, и не хотел поберечь для будущего ни людей, ни ресурсы. За шесть недель до конца он сказал Альберту Шпееру, своему «придворному архитектору»: «Если война будет проиграна, значит, немецкий народ заслужил свою гибель!» Он видел только две реальные возможности: победу в войне, либо окончательную

и всеобщую гибель; ничего иного для него не существовало. Он приказал разрушать и взрывать все мосты, заводы и железнодорожные сооружения, чтобы они не достались врагу. Прослушав утром неутешительные новости с фронтов, он больше не хотел ничего знать, и когда Геббельс однажды дал ему для просмотра альбом с фотографиями городов, разрушенных бомбежками союзников, он вернул его обратно, сообщив через секретаря, что «фюрер не желает, чтобы его беспокоили по таким пустякам».

Для Гитлера знакомство с войной ограничивалось всегда обсуждением положения на фронтах, и дальше своей ставки в Растенбурге (в Восточной Пруссии) он никогда не выезжал. Видимо, это считалось у него поездкой на фронт, хотя там, над зелеными газонами и зеркальными прудами, всегда стояла полная тишина; настоящий фронт, с его разбомбленными домами, воронками от снарядов и следами крови, был где-то далеко. Гитлер избегал какого бы то ни было знакомства с ужасами войны, потому что это могло «отвлечь его гений и повлиять на глубину принимаемых решений».

Теперь идиллический Растенбург остался далеко за линией фронта, приближавшегося к Берлину с пугающей быстротой. Так же неотвратимо надвигалось и безумие; Гитлер часамц просиживал в бункере над картами генерального штаба и составлял невыполнимые приказы дивизиям, которых уже не существовало в действительности.

В этом мрачном фарсе участвовали, кроме Гитлера, и другие персонажи и среди них — Геббельс и Борман, давние соперники в борьбе за благосклонность фюрера, до конца игравшие роли его верных оруженосцев. Риббентроп, хотя и числившийся все еще министром иностранных дел, фактически утратил всякое влияние. Геринг и Гиммлер строили планы смещения Гитлера и заключения мирного договора, но действовали нерешительно и упустили время; и только Шпеер находил в себе мужество сопротивляться безумным приказам фюрера и делал все возможное, чтобы избежать бесполезных разрушений. Он один из всего высшего партийного руководства сознавал, каких ужасных жертв стоит каждый день задержки неизбежной капитуляции, и находил в себе силы не только для соболезнований, но и для спасения того, что еще можно было спасти. Одно время он даже всерьез подумывал о том, чтобы закачать в вентиляционную систему бункера отравляющий газ, положив этим конец безумствам сумасшедшего диктатора.

В течение января 1945 года русские войска заняли Польшу и вышли к Одеру, создав угрозу продвижения к Берлину; 16 марта

русские прорвали Южный фронт и двинулись к Вене; тогда же, в марте, британские и американские части форсировали Рейн; 9 апреля пал Кенигсберг, а 13 апреля — Вена; 25 апреля американцы и русские встретились в Торгау, на Эльбе, и в конце апреля замкнулось кольцо советских войск, окруживших Берлин.

Гитлер утратил всякое представление о действительности и едва сознавал, что происходит наверху, над его убежищем. 20 апреля, в день его рождения (ему исполнилось 56 лет), его советники предложили ему перенести свою штаб-квартиру на юг Германии. Поколебавшись, фюрер отказался, решив ожидать конца в Берлине.

22 апреля 1945 года Геббельс, вместе со своей женой и детьми, перебрался в бункер к Гитлеру. Теперь уже трудно сказать, сохранил ли Геббельс в своих мыслях верность фюреру до конца. Записи в его дневнике, как и воспоминания свидетелей из его окружения, позволяют сделать вывод, что он больше не питал иллюзий насчет «непогрешимости» своего фюрера. Похоже, что избрав самоубийство для себя и для своей семьи, он рассматривал его не как жертву своему господину и хозяину, а как способ героического ухода с исторической сцены, как заключительный штрих в портрете великой личности, оставляемом для следующих поколений. Многие современники догадывались о его глубокой и подлинной преданности Гитлеру; об этом же говорят и его дневники; но вполне вероятно и то, что привязанность к Гитлеру была для Геббельса всего лишь возможностью порисоваться перед историей, показав себя самым талантливым, самым усердным и преданным последователем фюрера.

Гитлер, со своей стороны, высоко ценил, особенно в последние месяцы, неизменную верность, фанатическое усердие и беззастенчивую лесть Геббельса и проявил эти чувства на праздновании последнего дня рождения своего подчиненного (в октябре 1944 года), взяв на себя труд навестить его и поблагодарить за службу, а потом отдельно поговорил с женой Геббельса, Магдой. Когда после этого разговора фрау Геббельс вызвали к телефону, она вышла с сияющим видом, заплаканная от счастья. Фюрер предсказал им, что к Рождеству будет одержана крупная победа на Западном фронте. Гитлер имел в виду операцию в Арденнах, планировавшуюся на осень 1944 года. Очевидцы рассказывали, что все общество, собравшееся за праздничным столом, было глубоко обрадовано этой новостью. Каждый думал, что фюрер решил пустить в дело последние и главные козыри. Геббельс настолько приободрился, что разрешил своей матери приехать к Рождеству в Берлин, подвергавшийся

частым бомбежкам, чтобы навестить его сестру, Марию Киммих, ожидавшую ребенка к началу нового года. Рождество (в декабре 1944 года) семьи Геббельсов и Киммихов встречали вместе, и Магда рассказала Марии под страшным секретом, что Йозеф уже видел новое «чудо-оружие», фантастическое по своей силе, и что очень скоро в войне произойдет неожиданный поворот, о чем фюрер уже поручил сообщить народу, дав указание министру пропаганды.

12 января 1945 года в доме Геббельсов произошло еще одно подобное же примечательное событие, о котором секретарь Геббельса рассказал так:

> «Сегодня, впервые за пять лет, Гитлер приехал в гости в дом к Геббельсам просто так, «на чай». Дети встретили высокого гостя в прихожей, с букетами цветов. Автомобиль фюрера подъехал к дому в 16.30. Вся семья встречающих уже стояла у входа. Девочки сделали книксен, а Гельмут отдал поклон, и Гитлер выразил удивление, увидев, как сильно они выросли. Потом он преподнес фрау Геббельс небольшой букет лилий и сказал, извинившись, что лучшего он найти не смог, «потому что доктор Геббельс приказал закрыть в Берлине все цветочные магазины».

После этого Геббельс представил фюреру своих сотрудников, находившихся в доме на тот момент. Так мне впервые (это говорит пресс-секретарь Геббельса, Земмлер) представился случай пожать руку Гитлеру. Вместе с фюрером прибыли его адъютант, денщик и еще шесть офицеров СС в качестве личной охраны.

Денщик внес вслед за Гитлером его портфель с деловыми бумагами, на крышке которого красовалась большая белая буква «F» («Фюрер»), а из бокового кармана торчала головка термоса: фюрер прибыл со своим собственным чаем и с закусками.

Чаепитие продолжалось с полчаса, но мы, служащие, на нем не присутствовали. За столом в средней гостиной находились только Геббельс и его семья, а также Гитлер, его адъютант и доктор Науманн. Вечером, после визита, фрау Геббельс рассказала, что атмосфера их семьи благотворно подействовала на фюрера. Было заметно, что он рад этому краткому перерыву в своем невольном уединении; он также пообещал в скором времени приехать сюда еще раз. Разговор за столом, по словам фрау Геббельс, поддерживал в основном сам Гитлер, вспоминавший о событиях 1932 года и поделившийся планами восстановления разрушенного Берлина.

Вечером за ужином фрау Геббельс и ее муж радостно обсуждали этот визит. «А вот у Герингов он не был!» — с гордостью отметила госпожа Геббельс.

Доктор Науманн тоже с удовольствием вспоминал это чаепитие и волнение, вызванное телефонным звонком из рейхсканцелярии, где требовали срочного прибытия фюрера — совсем как в старые добрые времена! У Науманна осталось впечатление, что Гитлер выглядел более серьезным и молчаливым, чем прежде».

В ту зиму Геббельс исполнял не только обязанности министра пропаганды и гауляйтера Берлина, но и уполномоченного по организации «тотальной войны», и у него едва хватало времени для своих бесчисленных занятий, которым он предавался с поразительной неутомимостью, иногда поддаваясь, впрочем, приступам острой депрессии. Тогда он запирался в своем загородном доме и перечитывал любимые книги по истории, особенно политическую переписку Фридриха Великого и главы из «Истории Рима» Моммзена, посвященные Пуническим войнам. Замечая признаки сомнений и уныния у своих сотрудников, он приходил в бешенство и отправлялся на фронт, чтобы снова и снова призывать солдат и офицеров к стойкости, предрекая им великое будущее, которое обеспечит им их фатерлянд после победы. Но, вероятно, он и сам уже не верил в то, что говорил, потому что в октябре 1944 года попросил доктора Винклера позаботиться в будущем о его семье и отдал распоряжения по приведению в порядок финансов и составлению завещания. Похоже, что он уже обдумывал тогда свою смерть, но только для себя лично; семья должна была остаться в живых. Через несколько недель, в конце ноября, он отдал приказ по министерству произвести систематическое и полное уничтожение документов, которые ни при каких обстоятельствах не должны были попасть в руки врага; а в феврале 1945 года попросил своего брата Ганса уничтожить все без исключения семейные бумаги, в том числе и рукописи литературных работ, написанных в молодости; правда, брат так и не выполнил это распоряжение.

Оправившись от депрессии, Геббельс принимался кричать и командовать, отпуская иногда такие словечки, которых никогда бы не потерпел от своих подчиненных. Одному из них он устроил разнос, когда тот вздумал рассказать о полном упадке морального духа в своем родном городе, расположенном на юге Германии: Геббельс пришел в ярость, стучал кулаком и ругался так, что у него «вздулись жилы на лбу». В другой раз, к полному недоумению сотрудников, он неожиданно закричал на собрании, обращаясь к докладчику: «Да зарубите же себе на носу, что это

конец, полный конец! Нас больше здесь не будет, ничего не будет! И никакого «чудо-оружия» не существует!» В другой раз, когда к нему прибыл офицер связи и стал с оптимизмом рассказывать о подробностях наступления в Арденнах, он, не дослушав, оборвал его и сказал: «Что вы тут толкуете об этих мелочах, когда я уже десять раз спрашивал сам себя: не пора ли отравиться вместе с женой и детьми!»

Некоторые его высказывания вообще ставили окружающих в тупик. Однажды, беседуя с Фриче (начальником департамента радиопропаганды своего министерства), он сказал ему, что после войны поедет в Америку: там, мол, сумеют оценить его талант пропагандиста и заплатят по заслугам. Тот так и не понял: были ли это новые честолюбивые планы, или попытка самоутешения, или шутливое важничание. Как бы то ни было, но перед переселением в бункер к Гитлеру он заново сделал авторскую правку всех своих статей и речей.

Он очень гордился своими дневниками, считая их ценным историческим первоисточником, и в последние месяцы перед катастрофой приказал сделать с них микрофильм. Эти записки он писал тридцать лет, ежедневно, до конца жизни, и вот теперь все это уместилось на небольшой пленке, изготовленной техниками всего за одни сутки. Микрофильм хранился в сейфе у доктора Науманна, а потом его следы затерялись; скорее всего он попал в руки русских.

Иногда Геббельсом овладевала странная мнительность. Однажды он внушил себе, что болен раком; поднялась суматоха, и врачи нашли у него безобидную опухоль. Его часто мучили суеверия, принимавшие иногда характер навязчивой идеи. «Геббельс очень суеверен, — заметил его секретарь Земмлер.

— Чем туманнее ситуация и мрачнее будущее — тем сильнее он им подвержен». Однажды Геббельс признался ему, что у его матери одно время были видения, пока она не обратилась к священнику-иезуиту, и тот освободил ее от них. Земмлер также рассказал: «Геббельс утверждал, что видел своих умерших предков ожившими. Во время учебы в Вюрцбурге, еще студентом, он видел ожившей свою бабушку, через неделю после ее смерти. В другой раз он увидел в своей комнате брата, выглядевшего живым и невредимым, хотя он в то время находился в плену во Франции».

По рассказу Земмлера, как-то раз Геббельс нечаянно столкнул с письменного стола фото Гитлера, оправленное в рамку; при этом острый кусочек разбитого стекла воткнулся фюреру в левый глаз. Геббельс пришел в сильное волнение и целый час после этого не мог успокоиться и взяться за работу.

В 1944 году Геббельс приказал во что бы то ни стало найти гадалку, предсказавшую в 1932 году довольно точно захват власти Гитлером и последующие события. Он хотел, чтобы она рассказала, как будет протекать и чем закончится война, но несмотря на все старания и расходы, эту женщину так и не смогли разыскать.

Занявшись воплощением в жизнь замысла «тотальной войны», Геббельс в последние девять месяцев жизни почти не имел времени на текущую пропагандистскую работу в своем министерстве; да ему и нечего уже было сказать немцам, кроме набивших оскомину требований фанатического сопротивления наступающему противнику и приказов уничтожать все, что может ему пригодиться. Одно время он занялся публикацией фотографий женщин и детей, пострадавших от русских, но обнаружил, что сеет в людях страх, а не волю к сопротивлению. Все дороги, ведущие с востока на запад, оказались забиты беженцами, предпочитавшими сдаться западным войскам, а не советским армиям, наступавшим с востока.

Геббельс всегда был радикалом, но теперь, в условиях войны, его радикализм стал принимать странные и уродливые формы. «Сейчас вся Европа лежит в развалинах, — говорил он, — но ничего, когда-нибудь мы все это восстановим. Люди, обзаводясь собственностью, всегда превращались в буржуа. Бомбы, сброшенные в войну, убили не слишком много людей в Европе, но зато разрушили «тюремные стены, в которые люди сами себя заключили. Наши враги, в попытках уничтожить Европу, превратили в обломки только ее ветхое, никому не нужное прошлое, то, что уже отжило свой век!»

Это была настоящая мания разрушения; охваченный ею, Геббельс проповедовал политику «выжженной земли»: «Не оставляйте ничего ценного, сжигайте все до земли; превращайте заводы и фабрики в развалины! Взрывайте мосты и вагоны!»

Участь собственного народа и его будущее волновали Геббельса так же мало, как и его фюрера. «Уж если нам придется когда-либо уходить с исторической сцены, — сказал тот как-то еще до войны, — мы постараемся так хлопнуть дверью, что вся Земля содрогнется!»

И вот скорый (и, увы, бесславный) уход неожиданно приблизился; эффектного «хлопка дверью» не получалось, и «главный пропагандист», желая расцветить суровую реальность и подбодрить народ, стал широко применять изобретенный им метод «поэтической правды», о котором говорилось выше. По радио зазвучали захватывающие рассказы о «героических подвигах немецких партизан» («вервольфов»), бывшие во многом

«поэтической выдумкой» Геббельса, старавшегося таким путем «расшевелить» население западногерманских городов, уставшее от войны и покорно ждавшее прихода американских войск. Министр пропаганды сообщил, что «немецкое партизанское движение является более широким, более героическим и эффективным, чем было антифашистское сопротивление во Франции, в Норвегии и на Балканах. Последней «поэтической правдой», родившейся в недрах министерства Геббельса, стало сообщение о скором начале войны между русскими и их западными союзниками; Германия при этом должна была занять позицию «стороннего наблюдателя, с усмешкой взирающего на их «разборки».

30 января 1945 года Гитлер назначил Геббельса «уполномоченным по обороне Берлина». Так министр пропаганды, глубоко штатский человек, стал главой сил вооруженного сопротивления. Берлинцев это известие привело в ужас: они поняли, что Гитлер решил превратить столицу в «образцово-показательный объект стойкого военного сопротивления врагу». Чтобы подчеркнуть важность полученного им назначения, Геббельс стал носить офицерскую фуражку, но не полную военную форму со знаками различия. Одновременно он продолжал занимать посты министра пропаганды и гауляйтера Берлина, а также «Председателя совета по обсуждению военного положения». Он был полон решимости «стоять до конца» и не сомневался в своей стойкости. Другие министерства уже эвакуировались на юг Германии или готовились это сделать, и только министерство пропаганды продолжало работать на полную мощность. В период с 4 по 23 февраля здание министерства подверглось сильным бомбежкам и получило повреждения. Геббельс перевел рядовых сотрудников в бомбоубежище, а сам вместе с руководящим составом занял служебные помещения, находившиеся в подвале.

В середине февраля американская авиация подвергла опустошительному налету город Дрезден, уничтожив 80 % его зданий и убив много жителей, и Геббельс, вне себя от бешенства, предложил Гитлеру разорвать Женевскую конвенцию о защите военнопленных и расстреливать на месте экипажи сбитых самолетов. Фюрер с радостью ухватился за эту идею; он и сам давно подумывал о таком шаге, досадуя на то, что немецкие солдаты «слишком легко сдаются в плен англо-американским войскам», надеясь на гуманное обращение. Немецкие военные, которым очень не понравилась эта идея фюрера, с большим трудом уговорили его отложить на время ее осуществление.

Тем временем в бункере Гитлера уже передавали друг другу,

как величайшую драгоценность, маленькие ампулы с ядом. Гитлер распорядился снабдить ими всех своих верных сотрудников, «заслуживших, благодаря своей преданности, почетную и быструю смерть». Госпожа Магда Геббельс тоже получила от профессора Морелла (личного врача Гитлера) ампулы для себя и для своих шестерых детей. Она не просила об этой услуге своего мужа, потому что он был перегружен работой, да и вообще, когда она чувствовала необходимость поделиться с кем-нибудь своими мыслями, она все чаще обращалась к Земмлеру и его коллегам:

«Вечером она снова, как это бывало часто в последнее время, зашла к нам в бюро, поговорить о том, что ее волновало. Я чувствую, что мне ее жаль. Она не испытывает никаких иллюзий насчет будущего. Она призналась, что боится смерти, приближающейся с каждым днем, с каждым часом. Она сказала, что не смогла говорить с мужем на эту тему: ведь у него слишком много забот — чересчур много для одного человека. Еще она сказала, что пришла к выводу о необходимости собственной смерти; по ее словам это — единственный выход; но вот смириться с тем, что придется отнять жизнь у собственных детей, — это свыше ее сил! «Вчера вечером я укладывала их спать, всех шестерых: четырехлетнюю Хейду, пятилетнюю Гедду, семилетнюю Холли, девятилетнего Гельмута, десятилетнюю Хильду и двенадцатилетнюю Хельгу; и когда я подумала о том, что их ждет, я чуть с ума не сошла от боли и мук! Я долго ломала голову над тем, смогу ли я справиться со всем, что на нас свалилось. С мужем я не могу об этом говорить: он не простит мне такой слабости! Он верит, что не все потеряно, пока он еще может бороться».

Через несколько дней после этого муж предложил Магде уехать с детьми куда-нибудь на Запад, чтобы оказаться потом у англичан, но она, не колеблясь, отклонила это предложение: «Без тебя я никуда не поеду!» — сказала она.

Был конец февраля. Незадолго перед этим, 10 февраля, Магда отправила письмо своему старшему сыну Гаральду, находившемуся в английском лагере для военнопленных:

«Мой милый сын! Прошло уже четыре недели с тех пор, как я писала тебе последний раз; я много думала о тебе в это время и боюсь, что и ты волнуешься за нас, потому что положение действительно не блестящее. Не беспокойся, все мы здоровы **И** заняты делами; наш дом в Ланке мы закрыли и переехали в Берлин, чтобы быть всем вместе.

Несмотря на бомбежки, наш дом в Берлине пока цел, и мы ни в чем не нуждаемся, в том числе и бабушка, и другие родные.

Дети веселы и довольны тем, что не нужно ходить в школу. Слава Богу, они не понимают, что творится вокруг! Что касается папы и меня, то мы вполне уверены в себе и будем до конца исполнять свой долг.

С ноября я не получала от тебя известий, но папа сказал, что ему о тебе сообщали и что тебе лучше. Все же напиши поскорее и поточнее, как твои раны, что с ними: сколько ты потерял зубов, и сильно ли мешает ходить рана на бедре.

Обнимаю тебя от всего сердца; мои мысли всегда с тобой. Твоя мама».

Сестра Геббельса, Мария Киммих, заметила, что Магда оставила всякую надежду сохранить жизнь себе и своим детям. Мария убеждала невестку оставить в живых хотя бы самую младшую из девочек, Хейду, отдав ее кому-нибудь на воспитание, но Магда была неумолима: «Я не могу покинуть Йозефа, я должна умереть вместе с ним и фюрером. А если я умру, то и мои дети должны умереть со мной. Все, без исключения. Мне невыносима мысль о том, что останется в живых хоть один, хотя бы и с тобой».

Доктор Науманн тоже убеждал Магду спасти себя и детей. После второй сильной бомбежки зданий министерства часть персонала была переведена в разные служебные помещения, а семья Геббельса оказалась на островке среди реки, где были устроены домики для лебедей. Стараниями доктора Науманна к острову пригнали баржу с запасом провизии на несколько месяцев. План доктора состоял в том, что после крушения власти Гитлера Магда с детьми переберется на баржу, где и переживет первое смутное время, чтобы потом сдаться оккупационным властям. Геббельс одобрил план и убеждал жену согласиться с ним, но Магда не хотела ничего слушать. Ее преданность фюреру и рейху была непоколебимой, и ее пугала мысль об ужасных издевательствах, которым могут подвергнуться в плену ее дети и она сама. Она решила расстаться с жизнью и в первую неделю апреля переехала обратно в город, чтобы занять свое место рядом с мужем и рядом с фюрером.

Тем временем Геббельс как уполномоченный по обороне Берлина делал все возможное, чтобы подготовить город к последней решительной битве. Все его подчиненные работали на своих местах, пока позволяли условия, а после, получив автоматы и фаустпатроны, вышли на улицы, как и многие берлинцы, чтобы оборонять свой город «до последней капли крови», как приказывал Геббельс; и он всерьез надеялся, что так оно и будет, не учитывая того, что большинство горожан благоразумно предпочтет пережить крушение фашистского рейха. По приказу Геббельса по всему городу были устроены баррикады. Новость о

том, что западногерманские города встречают союзные войска белыми флагами, вызвала у него презрительную усмешку: «Если хоть на одной улице Берлина появится хоть один белый флаг, я, не колеблясь, прикажу взорвать всю улицу, вместе со всеми жителями! В этом меня полностью поддерживает фюрер». Из персонала Министерства пропаганды был сформирован отдельный батальон «Вильгельмплатц» под командой Вернера Наум анна.

В течение апреля в окружении Гитлера широко обсуждали вопрос о том, должен ли фюрер оставаться в Берлине. По воспоминаниям Науманна, Геббельс советовал фюреру отправиться на юг Германии и там принять на себя командование войсками. Земмлер (пресс-секретарь), напротив, сообщал, что Геббельс убеждал фюрера терпеливо выжидать в Берлине и, если понадобится, умереть в столице, бывшей так долго символом его могущества. Похоже, что Гитлер и сам склонялся к этой мысли, не желая слушать тех, кто советовал ему укрыться в Баварии, чтобы организовать там сопротивление врагу. 20 апреля состоялось совещание по этому вопросу, выступая на котором, Гитлер еще допускал возможность устроить в Альпах укрепленный район и руководить оттуда войсками, приняв на себя командование вместо фельдмаршала Кессельринга. Тогда же он назначил гросс-адмирала Деница главнокомандующим Северной группировки войск, со штаб-квартирой в городе Плен, земли Шлезвиг-Гольштейн.

На совещании, кроме Гитлера и нескольких военачальников, присутствовали шесть высших партийных руководителей: Геббельс, Борман, Шпеер, Гиммлер, Геринг и Риббентроп. Геббельс по-разному оценивал участников конференции: Геринга и Риббентропа он презирал; Шпеера ценил за его трудолюбие и организаторские способности, но с усмешкой относился к отсутствию у него жажды власти; но за маневрами Бормана и Гиммлера всегда следил с повышенным вниманием. Оба были могущественны: Борман был самым близким доверенным лицом фюрера, а Гиммлер командовал войсками СС и занимал пост министра внутренних дел; с ним Геббельс был не прочь завязать тесные отношения. В феврале 1945 года он имел долгую беседу с Гиммлером в санатории «Хоэнлихен», в 40 км севернее Берлина. На этой встрече обсуждалась, по некоторым сведениям, возможность формирования нового правительства, в котором Геббельс должен был стать канцлером, Гиммлер — главнокомандующим вермахта, Борман — руководителем партии, а Гитлеру отводилась роль «вождя народа». План не был осуществлен, и Гиммлер остался в ожидании новых

возможностей. Земмлер так отзывался об отношениях между Геббельсом и Гиммлером:

«Геббельс явно не переносил Гиммлера, хотя по работе они отлично ладили друг с другом. Дело в том, что Геббельс приходил в ужас от «неэстетичных» людей, к которым, без всякого сомнения, принадлежал Гиммлер. Его «азиатский профиль», короткие толстые пальцы и грязные ногти — все вызывало у Геббельса отвращение. Ему был противен радикализм Гиммлера и скотские методы, которыми он пользовался для достижения цели».

Привязанность Геббельса к Гитлеру в эти последние месяцы стала даже более горячей, чем во времена захвата власти, когда фюрер был частым гостем в его доме. Граф Шверин фон Крозиг записал в своем дневнике рассказ Геббельса о том, как он пытался поднять настроение фюреру, приводя ему выдержку из «Истории Фридриха Великого» Карлейля: «Во время Семилетней войны бывали такие «черные периоды», когда одна плохая весть едва не обгоняла другую». Великий король, как и Гитлер, носил с собой ампулу с ядом, который можно было принять в любой момент. Его русский противник доставлял ему ужасные неприятности, но король среди всех невзгод не забывал обмениваться письмами с маркизом д'Аргенсоном, содержавшими образцы высокого красноречия и благородного мужества. Гитлера вдохновляли цитаты из этих писем, которые с благоговением в голосе читал ему его министр пропаганды.

Там же говорилось об избавлении (это место Гитлер всегда слушал особенно охотно), пришедшем к королю в час его величайшей нужды: совершенно внезапно умерла русская царица Елизавета, и на престол взошел Петр Третий, бывший другом и почитателем Фридриха. Прослушав этот пассаж, Гитлер приходил в хорошее настроение; в его глазах блестели слезы умиления.

Помимо чтения Карлейля, фюреру хорошо помогали гороскопы, составлявшиеся для него лично и для рейха. У Гиммлера для этих целей имелся специальный исследовательский отдел. Оба гороскопа предсказывали победу во второй половине апреля, после ряда ужасных поражений. Это внушало надежду и волновало; оставалось только ждать исполнения предсказания.

Весть, взбодрившая Геббельса, пришла 13 апреля. В этот день после обеда он посетил штаб 9-й армии, находившийся в Кюстрине; там он держал речь перед молодыми офицерами и напомнил им о чудесном избавлении короля Фридриха, пришедшем к нему в самое тяжелое время жизни. Среди офицеров нашелся нахал, спросивший Геббельса о том, какая же

царица должна умереть теперь, чтобы рейх устоял, — и Геббельс, замявшись, не сумел ответить ему с должной внушительностью. И вот в тот же вечер, во время очередного страшного налета авиации союзников на Берлин, по радио сообщили о смерти Рузвельта. Министр тотчас поспешил из Кюстрина в Берлин, где был встречен Земмлером, уже знавшим «великую весть». Геббельс выглядел бледным и осунувшимся; видно было, что новость его страшно взволновала. Он приказал подать в кабинет шампанское, позвонил Гитлеру и сообщил ему известие в таких высокопарных выражениях, каких от него давно уже не слышали: «Мой фюрер, — сказал он, — поздравляю вас; Рузвельт мертв! Судьба убрала с вашего пути величайшего врага! Бог нас не забыл! Чудо свершилось! Это похоже на смерть русской царицы во время Семилетней войны. Не зря предсказывали звезды, что во второй половине апреля нас ждет полная перемена событий! Сегодня пятница, 13 апреля, и этот день стал поворотным в истории!»

Потом еще погадали насчет того, кто станет преемником Рузвельта, и сошлись на том, что им будет Трумэн, человек гораздо более умеренных взглядов, чем его непримиримый предшественник. После разговора с Гитлером, оставившего обоих собеседников в настроении приподнятого ожидания, Геббельс позвонил в Кюстрин, тому офицеру, который сомневался в его предсказаниях, и сообщил ему о смерти «американской царицы». Эта маленькая победа над очередным оппонентом доставила министру огромное удовольствие; когда он положил трубку, все его лицо сияло от радости.

Действительно, положение гитлеровцев было таким, что они рады были в поисках спасения ухватиться за любую самую тонкую соломинку и вспомнить какие угодно примеры из истории, чтобы подбодрить себя, думая о будущем. Весь день и всю ночь Гитлер, как и Геббельс, пребывал в состоянии радостного ожидания, которое, однако, улетучилось на следующий день. Враждебность западных держав ничуть не уменьшилась, и война продолжалась, уже без Рузвельта. К вечеру настроение Геббельса совсем упало. «Судьба вновь показала нам свой мрачный оскал, оставив нас в дураках!» — сказал он.

Спустя несколько дней, 17 апреля, Геббельс участвовал в просмотре только что законченного фильма «Кольберг» — очередного произведения на тему «Держись во что бы то ни стало!», как их прозвали в народе. Чтобы закончить эту картину, Геббельс до предела ужесточил мероприятия по экономии средств, проводившиеся в рамках «тотальной войны». Фильм рассказывал о мужественном сопротивлении гарнизона крепости Кольберг войскам Наполеона, вторгшимся в Германию.

«Господа, — обратился Геббельс к своим сотрудникам после просмотра фильма, — пройдет сто лет, и на экранах будут показывать картины о наших жестоких и страшных временах. Каждый из нас имеет возможность сам выбрать себе роль, которую он будет играть в таком историческом фильме. Если мы будем храбры, то и фильм получится волнующим. Так что, мои господа, от вас самих зависит, чтобы будущая публика не высмеяла и не освистала вас, увидев на экране!»

По свидетельству Земмлера, это было последнее собрание сотрудников министерства. На нем присутствовало всего около пятидесяти человек; министр (как вспоминал Земмлер) покинул зал с бледным лицом и сияющими глазами, а оставшиеся не могли понять, что все это значит и как им себя вести: просто посмеяться — или выругаться от души!

Спустя день жена Земмлера с ребенком покинула Берлин с одним из последних грузовиков министерства, отправлявшимся на юг; он отдал ей свой дневник. Через несколько дней состоялся еще один отъезд. Мать Геббельса, которой было уже восемьдесят лет, до этого все еще жила в Берлине у своей дочери Марии. Ее отъезд откладывали со дня на день, потому что ребенок, родившийся у Марии в январе, был еще очень мал, а потом ее муж был ранен в руку. Настал день, когда задерживаться дольше стало просто невозможно; никакого транспорта не было, и старухе пришлось покидать горящий Берлин пешком, опираясь на руку своей дочери. Так они путешествовали три месяца; раненый Киммих толкал перед собой тачку с пожитками, удерживая ее здоровой рукой; другая рука была у него на перевязи.

19 апреля, накануне дня рождения Гитлера, Геббельс произнес свою последнюю речь по радио. Он попытался внушить слушателям надежду, но его слова невольно звучали как прощание человека, ожидающего скорой смерти рядом со своим фюрером. Вот что он сказал:

«В тот момент войны, когда вся мощь сил ненависти и разрушения, наверное, в последний раз обрушилась на наши фронты с востока, запада, юга и юго-востока, чтобы прорвать их и нанести рейху смертельный удар, я обращаюсь к народу в канун 20 апреля от имени фюрера, как делал это всегда, начиная с 1933 года. Так было и в счастливые, и в несчастные для нас времена; но никогда еще ситуация не была такой острой, и никогда еще немецкий народ не сталкивался с такими опасностями, когда ему приходится напрягаться в последних сверхчеловеческих усилиях, чтобы защитить рейх и спасти свое имущество и саму жизнь.

Сегодня нет нужды произносить ко дню рождения фюрера обычные слова поздравлений и пожеланий счастья. Сегодня

нужно сказать более важные вещи от лица тех, кто имеет особые заслуги перед фюрером и перед народом. Я нахожусь рядом с фюрером более двадцати лет, со времени зарождения его движения и принятия власти, и я отдал ему свои лучшие силы. Я делил с ним радости и горести всех незабываемых военных лет, начиная с 1939 года и до сегодняшнего дня, когда судьба подвергает последним, самым суровым испытаниям его самого и его народ, чтобы потом — я в этом уверен! — увенчать его лаврами победителя! Могу сказать, что наше трудное и великое время нашло в фюрере своего единственного достойного представителя. Только ему должны мы быть благодарны за то, что Германия еще жива, а с ней жива и вся западная цивилизация и культура, подвергающаяся сейчас страшной опасности.

Наши враги утверждают, что солдаты фюрера прошли по всем странам Европы как завоеватели; на это мы можем сказать: везде, где бы они ни появлялись, они несли с собой счастье и благополучие, порядок, спокойствие, общественную гармонию, изобилие, работу и достойную жизнь.

Враги говорят, что их войска приходят в эти страны как освободители; но везде, где они оказываются, воцаряются бедность и страдания, разорение, хаос и разруха, безработица, голод и болезни, и провозглашенная свобода оборачивается жалким прозябанием, подобным жизни отсталых племен в глубинах Африки, где не знают, что такое жизнь, достойная человека.

Мы должны рассеять этот туман лжи, которым евреи, большевики и плутократы прикрывают разрушение мира, и противопоставить ему ясную программу строительства счастливой жизни для народов Европы. Только один человек со своей крепкой и несгибаемой волей способен противостоять этой противоестественной коалиции врагов, являющихся лакеями мировых заговорщиков. Теперь Европа стоит перед выбором; она может оказаться на стороне сил анархии и разрушения и навлечь на себя бесчисленные бедствия. Времени больше нет; европейцы должны решить свою судьбу. Дело идет о жизни и смерти!»

Да, европейцы решали свою судьбу; но существовал еще один, более злободневный вопрос: когда русские армии закончат окружение Берлина и перекроют последние магистрали, идущие из столицы? Те, кто хотел уехать из Берлина, уже не могли больше медлить. Геринг покинул бункер, довольно сухо попрощавшись с его обитателями, и, не мешкая, направился в Оберзальцберг. Гиммлер уехал в санаторий «Хоэнлихен»; Риббентроп скрылся где-то на севере. Никого из них Гитлер уже больше не увидел.

Геббельс не тратил времени на прощальные церемонии. Он и его люди (из которых дезертировали лишь немногие) продолжали работать, несмотря на то, что к ночным бомбежкам добавились ежедневные артиллерийские обстрелы. Иногда появлялся Шпеер, занятый заботами о том, что нужно будет сделать после катастрофы, как помочь немцам и спасти то, что еще можно спасти. Он саботировал приказы Гитлера и Геббельса о всеобщем уничтожении, имея для этого сильного помощника в лице Карла Кауфманна, гауляйтера Гамбурга. Эти два человека спасли Германию от голода, грозившего ей в случае осуществления всех планов Гитлера.

21 апреля Гитлер отдал приказ о массированной атаке русских позиций, который так и не был выполнен.

22 апреля фюрер позвонил фон Цорну и, ругаясь от бешенства, пытался добиться у него ответа, почему не исполняются его приказы. В это время весь правительственный квартал уже представлял собой одни сплошные руины, но в бесчисленных бомбоубежищах и бункерах, находившихся под министерствами и во дворах, еще продолжали работать (или пытались это делать) чиновники госаппарата. В один из последних дней осады Геббельс и Науманн стояли у окна развалины, оставшейся от их министерства. «То, что мы здесь пережили, — сказал Геббельс, — это величайшая драма в истории; такой не бывало ни в этом столетии, ни в предыдущих, со времен Голгофы!» Эта прочувствованная фраза прозвучала на фоне грохота разрывов, напоминавших о том, что так оно все и есть и что Божья кара уже не за горами.

22 апреля Гитлер собрал свой штаб, на заседании которого в последний раз обсуждалось «создавшееся положение». Во время беседы им овладел очередной приступ бешенства; он полностью потерял контроль над собой и никак не мог успокоиться, а собравшиеся сидели вокруг, не говоря ни слова, объятые ужасом. Он проклинал своих злобных врагов, а с ними — и немецкий народ за его подлость и трусость, за его предательство, из-за которого он погибает здесь, под развалинами Берлина. Три часа подряд он бушевал и грозился, не слыша в ответ ни единого возгласа возражения. Потом совершенно внезапно он успокоился, и стало тихо. Это был последний взрыв чувств, во время которого сам Гитлер осознал всю тяжесть своего положения. Геббельс не присутствовал при этой страшной и мерзкой сцене и узнал о ее результатах позже, из сообщения радио, передававшего приказ фюрера: Берлин оборонять до конца; фюрер остается в столице и сделает все, что можно сделать.

Успокоившись, Гитлер приказал Кейтелю поторопить 12-ю

армию Венка, увязшую в тяжелых боях на Эльбе: армия должна была оставить позиции и двинуться на выручку столицы рейха. Армия Венка, которая так и не дошла до Берлина (и у которой не было ни малейшей возможности это сделать) стала последним проблеском надежды для Гитлера, который он углядел из своего глубокого и безопасного бункера сквозь дым пожаров осажденного города. В тот же день после обеда он распорядился, чтобы Геббельс и его семья перебрались к нему в бункер.

Глава 15
В бункере

22 апреля, после обеда, около 17 часов, Геббельс с женой и детьми покинули свою городскую квартиру. Они поехали на двух машинах; одну вел шофер Геббельса Рах, а другую — адъютант Гюнтер Швегерманн. Земмлер попрощался с ними у дверей дома, а потом отправился к месту своей военной службы. Геббельс поблагодарил его за сотрудничество и пожелал ему достойно исполнить свой воинский долг. Министр был спокоен и держался сухо, тогда как Магда и дети плакали. Земмлер постоял пару минут, проводив машины взглядом, пока они не скрылись из

вида, и ушел.

Было последнее воскресенье апреля, и день прошел для семьи Геббельсов довольно спокойно. Сам глава семьи провел пару совещаний; продиктовал ежедневную запись в дневник и прочел в радиостудии приказ фюрера, объявлявший в Берлине военное положение. Во время записи приказа происходил непрерывный артиллерийский обстрел, и один снаряд разорвался совсем близко, заглушив несколько слов. Прослушивая пленку, Геббельс отметил, что приказ прозвучал эффектно на фоне артиллерийской канонады. Потом он принял доктора Винклера и поблагодарил его за многолетнюю работу. «Больше мы с вами не увидимся!» — сказал он старику, прощаясь с ним за руку. Прощание со стенографистом Отте было более деловым; ему он сказал, что пробудет в бункере не больше недели, пока к столице подойдет армия Венка, а потом вернется на поверхность; он посоветовал Отте держаться подальше от боев и беречь себя, «потому что скоро ему опять будет много работы».

Едва ли Геббельс верил в то, что действительно вернется из бункера живым, но все же (по свидетельству Науманна) у него всегда оставалась надежда на то, что западные союзники, столкнувшись с русскими, поссорятся с ними и вступят в союз с вермахтом, чтобы защитить мир от большевистской опасности.

Тем временем артиллерийский обстрел усиливался с каждым часом, так что оставаться в любом из домов по Герман Геринг-штрассе было бы теперь очень опасно; поэтому переселение в бункер казалось вполне оправданным. Окончательное подтверждение этому принесло неожиданное известие о том, что русские войска уже ворвались в предместья Берлина.

Как только Геббельс отбыл в бункер, все работники его министерства, вплоть до последней уборщицы, поспешили покинуть здание, как экипаж тонущего корабля, к тому же оставленного его капитаном. Большинство их уже давно подготовили и сложили вещи, так что уйти было для них делом одной минуты. Они были рады освободиться и беспокоились только об одном: как бы их уход не оказался слишком запоздалым. Впрочем, те, кто входил в фольксштурм, должны были оставаться на местах.

Геббельс, прибыв в бункер, сразу же имел первую беседу с Гитлером и уверил фюрера в своей готовности умереть вместе с ним.

Бункер и его устройство уже были описаны много раз. Он имел два этажа. Верхний состоял из двенадцати небольших комнат, четыре из которых были отданы под кухню; все комнаты соединялись общим коридором, проходившим посередине, в

котором обычно располагались обедающие. В заднем конце коридора находилась винтовая лестница, ведущая на нижний этаж, к комнатам Гитлера. Нижний этаж состоял из восемнадцати несколько более просторных комнат, тоже располагавшихся по обе стороны коридора, задний конец которого служил помещением для совещаний; он имел площадь всего около шести квадратных метров. Стены были серые, без всяких украшений. Обстановка состояла из длинной коричневой скамьи, большого стола для топографических карт и одного простого стула. Оба коридора были довольно просторны, но комнатки были маленькие, не больше вагонного купе или судовой каюты. Шесть таких комнат занимали Гитлер и Ева Браун; еще пять были отданы под туалеты, кладовые и телефонный узел. Бункер имел два главных выхода: один вел в кухонные помещения рейхсканцелярии, а другой — в сад министерства иностранных дел; и был еще запасной выход, ведущий из заднего конца коридора нижнего этажа в сад рейхсканцелярии.

Главными жильцами бункера были Гитлер, Ева Браун и Геббельс с женой и шестью детьми. Магда Геббельс с детьми заняла четыре комнатки на верхнем этаже, а Геббельс поместился в одной комнате, находившейся напротив апартаментов фюрера. К прочим обитателям бункера относились адъютант Геббельса Гюнтер Швегерманн и доктор Людвиг Штумпфеггер, личный врач Гитлера, сменивший на этом посту профессора Морелла, отпущенного 22 апреля; еще там жили: адъютант Гитлера, его камердинер, две его секретарши и его личный повар, готовивший ему вегетарианские блюда. Рядом находился еще один бункер, который занимал Борман.

Со слов одного из дежурных офицеров известно, что комнатки, где жили жена и дети Геббельса, были роскошно отделаны и обставлены, хотя Науманн это оспаривал. Далее известно, что общее число солдат и офицеров СС, ординарцев, секретарей-стенографистов, официантов и кухонных работников, обслуживавших бункер и связанных с ним, не превышало 600–700 человек. Те, кто посещали бункер, всегда с облегчением покидали его душную атмосферу, выходя на свежий воздух. Один из свидетелей отметил, что до бракосочетания Гитлера с Евой Браун ее нигде и никогда не было видно, как будто ее и не существовало.

В первые дни после переселения в бункере проходило много совещаний и туда приходило много посетителей. Они теряли представление о времени, попадая в этот мрачный подземный мирок, залитый безжизненным искусственным светом. Гитлер и до этого спал немного, только в ранние утренние часы. Он

появлялся к обеду, отдавал распоряжения, работал, диктовал, произносил речи — и так весь день, пока наверху не наступали вечер и ночь. В последние недели апреля русские армии полностью блокировали город, и в его восточных предместьях бушевали уличные бои. Связь между бункером и остальной Германией, куда еще направлялись приказы и распоряжения, осуществлялась только с помощью небольших самолетов, садившихся и взлетавших с проспекта «Ост-Вест». Поэтому некоторые высокие посетители бункера, такие, как Шпеер, побывали там всего по одному разу.

Геббельс в эти последние дни был всего лишь тенью Гитлера. Люди, которые приходили и уходили, почти не имели с ним дела, решая все вопросы с фюрером. Ближайший помощник Геббельса, Науманн, не относился к штату Гитлера, так как был работником Министерства пропаганды, майором вермахта и командиром дежурного батальона, т. е. чужим человеком в команде бункера. Единственным лицом, официально и непосредственно подчиненным Геббельсу, был его адъютант Гюнтер Швегерманн. Впрочем, Науманн, как старый и близкий друг семьи Геббельсов, часто с ними виделся и бывал у них в комнатах, и ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, как они живут, а потом рассказать об этом. Видно было, что Геббельс оказался свободным почти от всех своих обязанностей. Его министерство больше не работало, а оборона Берлина, насколько можно было понять, перешла под непосредственное руководство фюрера, хотя и он, похоже, уже не контролировал ситуацию; поэтому Геббельс проводил большую часть дня со своими детьми. Он с ними играл и пытался по возможности облегчить им трудное и неестественное существование в бункере. Магда не покладая рук, трудилась над тем, чтобы одежда всех шестерых детей была чистой и исправной, тем более что при отъезде, в спешке, было взято с собой совсем мало вещей. Никто не знал, сколько времени придется прожить в бункере; а тем временем пошел уже девятый день их пребывания там.

Магда держалась мужественно; это производило впечатление на окружающих. Один из них (Больдт) писал потом: «Фрау Геббельс до самого конца не обнаруживала страха смерти. Она всегда выглядела элегантной и бодрой; легко поднималась по винтовой лестнице, перешагивая через ступеньку. Для каждого у нее находилась дружеская улыбка. Возможно, что эта изумительная сила характера поддерживалась в ней ее фанатичной верой в Гитлера».

Геббельс вел себя активно: наблюдал за обитателями и посетителями бункера и ежедневно делал записи в дневнике;

участвовал во всех совещаниях, проводившихся Гитлером, и общался с ним в неофициальной обстановке. Тот же свидетель, Больдт, встретив Геббельса на одном из совещаний, написал потом: «Этот маленький худой человек выглядит бледным и осунувшимся. Он в основном молчит, вопросы задает редко, только внимательно слушает объяснения по картам. В его глазах, горевших прежде фанатичным блеском, затаилось выражение невыносимой боли». Науманн, наоборот, утверждал, что Геббельс активно участвовал в совещаниях и часто высказывал свое мнение.

Последней надеждой обитателей бункера была 12-я армия генерала Венка, которая должна была начать 22 апреля операцию деблокирования, прорываясь в Берлин с юго-запада. Гитлер специально отправил Кейтеля в штаб 12-й армии, чтобы он ускорил проведение этой операции. Сам он окончательно решил не уезжать на юг (об этом он сказал Гиммлеру, прибывшему из «Хоэнлихена»), но своим приближенным разрешил покинуть Берлин — всем, кто этого хотел. Это был последний шанс спастись, которым воспользовались многие.

В понедельник, 23 апреля, случилось следующее: Геринг, находившийся на юге Германии, заявил (по словам генерала авиации Келлера, представителя Геринга в Берлине), что Гитлер, оставшийся в осажденной столице, практически не может исполнять свои обязанности главнокомандующего и главы государства, и поэтому должен вступить в действие закон, провозглашенный самим Гитлером 1 сентября 1939 года перед рейхстагом, регламентировавший назначение его преемника. Именно Геринга Гитлер и назвал тогда первым кандидатом в свои преемники. И вот теперь Геринг послал Гитлеру в бункер телеграмму с просьбой о согласии на передачу полномочий, которую Гитлер расценил как попытку предателя захватить власть. Тем временем Гиммлер встретился на севере Германии со шведским послом, графом Бернадоттом, и уполномочил его просить западных союзников принять капитуляцию германской армии. В это же время Гитлера посетил в бункере Шпеер с прощальным визитом и признался фюреру, что намеренно не исполнил его приказ о полном уничтожении всех стратегически важных сооружений. Гитлер выслушал его признание с кривой усмешкой. Он был необычно спокоен и объяснил Шпееру, что окончательно решил застрелиться, и приказал, чтобы его тело сожгли, чтобы оно не досталось на потеху врагам. Геббельс сказал, что считает такое решение правильным, и что добровольная смерть — единственный достойный выход для фюрера. Только Борман еще пытался убедить фюрера изменить

свое решение. Сам он не собирался умирать ради того, чтобы обрести ореол мученика; он хотел жить, жить дальше. В это время русские танки уже проносились по улицам Берлина, и спастись можно было только по воздуху или же прорвавшись через позиции русских.

Спокойно выслушав признание Шпеера в непослушании и мягко пожурив его, Гитлер затем пришел в полное неистовство, услышав от Цорна о телеграмме Геринга. Геббельс и Борман пытались, как могли, успокоить его ярость. Гитлер отдал приказ о лишении рейхсмаршала всех его громких титулов и об исключении его из партии и всех государственных организаций, а также дал телеграмму командованию СС в Оберзальцберг с приказом арестовать Геринга как государственного изменника. Геббельс в это время, по свидетельству очевидца, «кипел от возмущения и изливал свои чувства потоком высокопарных фраз, который никак не мог прерваться». Он говорил о чести, верности, чувстве долга, но при этом кое-кто подметил переполнявшее его чувство зависти к Герингу, сумевшему вовремя удрать из ловушки, в которой оказались теперь и Геббельс, и Гитлер. Впрочем, возможно, что молодой офицер Больдт ошибся в этом наблюдении, потому что Геббельс, несомненно, бесповоротно решил умереть вместе с Гитлером.

В тот же день произошло прощание с генералами Йодлем и Кейтелем. Вслед за ними незаметно улизнул Риббентроп, а Шпеер покинул бункер ранним утром 24 апреля. В ночь с 25 на 26 апреля летчица Ханна Рейч привезла на своем самолете в Берлин (уже почти захваченный русскими) генерал-фельдмаршала Риттера фон Грейма и проводила его в бункер к фюреру. Гитлер назначил Грейма командующим люфтваффе вместо так позорно осрамившегося Геринга. Вообще-то приказ о назначении можно было передать по радио, тем более что германские военно-воздушные силы практически уже перестали существовать; но Гитлер, явно желая досадить Герингу, предпочел соблюсти все формальности. Ради этого фон Грейму пришлось проделать опасный перелет в Берлин. При заходе на посадку самолет был обстрелян, и Грейм, получив серьезное ранение в ногу, потерял сознание во время трудного приземления. Прибытие в бункер раненого фельдмаршала в сопровождении прославленной летчицы вызвало у его обитателей вспышку лихорадочного оживления, но его визит, планировавшийся как кратковременный, неожиданно затянулся на несколько дней, пока доктор Штумпфеггер, прописавший ему постельный режим, смог подлечить его ногу.

27 апреля, в пятницу, случилось происшествие, вызвавшее

очередной приступ гнева у Гитлера: неожиданно исчез Герман Фегеляйн, шурин Евы Браун, офицер связи Гиммлера, прикомандированный для работы в бункере фюрера. Он просто ушел домой, переоделся в гражданскую одежду и хотел попробовать выбраться из осажденного Берлина. Территория, на которую распространялась в тот день власть Гитлера, уже сократилась до крошечных размеров, но у фюрера нашлось достаточно преданных стражников, чтобы пресечь столь явное непослушание — даже проявленное родственником будущей госпожи Гитлер; они сумели быстро выудить беглеца из развалин горящего Берлина и притащить в тот же вечер обратно в бункер. Фегеляйн был посажен под стражу, а на следующее утро допрошен и приговорен к наказанию.

Но тут нашлись дела поважнее. Ночью, когда грохот снарядов, рвавшихся наверху, проникал во все уголки бункера, Гитлер созвал всех своих верных соратников и сообщил им (по словам Ханны Рейч) время, способ и все остальные подробности своего добровольного ухода из жизни. Вопрос о времени был ясен сам собой: все нужно было сделать до того, как русские передовые части, в составе хотя бы одного батальона, появятся в районе бункера.

Несмотря на составленный план самоубийства, Гитлер до последнего часа сохранял надежду на подход 12-й армии Венка; но попытки прорыва к Берлину, предпринятые Венком в районе Ферча (близ Потсдама) и у Беелитца (к юго-западу от Берлина), оказались безуспешными. 28 апреля из бункера пошли одна за другой телеграммы и приказы по радио с требованиями ускорить продвижение наступающих частей — тех, которых уже не существовало в действительности. На следующий день Гитлер узнал о предательстве Гиммлера, по поручению которого граф Бернадотт вел с союзниками переговоры о капитуляции немцев. Когда до Гитлера дошло это известие, у него начался припадок бешеной ярости, грозивший, кажется, перейти в полное безумие. Никто не мог остановить этот поистине вулканический взрыв страстей; все вынуждены были молча слушать, как их свихнувшийся повелитель рычит и воет от бессильной злобы, доводя себя до изнеможения. Когда он наконец успокоился, то позвал к себе Геббельса и Бормана на тайное совещание, о содержании которого не было сказано ничего; догадывались только, что все трое наметили последовательность своих дальнейших действий; больше им просто ничего не оставалось делать. Фегеляйн, как офицер, представлявший Гиммлера в бункере, был немедленно подвергнут перекрестному допросу. В конце концов он признался, что ему было известно о переговорах

Гиммлера с Бернадоттом. После этого беднягу снова заключили под стражу, а потом по приказу Гитлера вывели наверх, в сад, и расстреляли.

Позже произошло еще одно неожиданное событие. Русские танки были уже почти в центре города, но, несмотря на это, какой-то фельдфебель люфтваффе сумел прилететь в Берлин на небольшом учебном самолете, взятом где-то с выставки, и благополучно сесть на проспекте Ост-Вест. Полет проходил на высоте 4000 м, так что его можно было смело назвать выдающимся достижением, учитывая условия полета и посадки и состояние самолета, не пригодного для полетов на таких высотах. Фельдфебель сказал, что командование прислало его за Риттером фон Греймом, чтобы доставить его в главный штаб авиации. Гитлеру пришлось проявить немалое красноречие, чтобы отговорить Грейма и его экзальтированную спутницу, Ханну Рейч, от принятого ими решения умереть в бункере вместе с фюрером. Грейм после четырехдневного лечения в бункере едва мог передвигаться, но старательный фельдфебель (сержант) авиации сумел доставить его к самолету и поместить внутри, посадив туда же и Ханну Рейч. Обитатели бункера воспользовались последней возможностью передать письма во внешний мир. Магда Геббельс послала письмо своему старшему сыну Гаральду Квандту, находившемуся в плену. Письмо сохранилось. Оно имеет пометку: «Написано 28 апреля 1945 года в бункере фюрера». В письме говорилось следующее:

«Мой дорогой сын! Мы уже шесть дней живем здесь, в этом бункере. Здесь все мы: твой папа, пять твоих маленьких сестренок и братишка и я, — закончим свою жизнь как национал-социалисты, единственно возможным и достойным способом. Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо. Может быть, все же найдется добрая душа, которая передаст тебе мой последний привет. Ты должен знать, что я здесь осталась против воли твоего папы, и фюрер еще в прошлое воскресенье предлагал мне помощь, чтобы выбраться отсюда. Ты меня знаешь, ведь мы — одна кровь! У меня не было сомнений. Наша идея для меня — все: все прекрасное, доброе и благородное, что у меня было в жизни. Мир, который настанет после ухода фюрера и национал-социализма, не стоит того, чтобы в нем жить; поэтому, уходя из жизни, я возьму с собой и детей. Им будет плохо в той жизни, которая настанет после нас; поэтому милостивый Бог простит меня за то, что я сама дам им избавление. Ты же должен жить, и я прошу тебя только об одном; никогда не забывай, что ты — немец; не совершай поступков, противных твоей чести, и не делай ничего такого, что бросило бы тень на нашу смерть. Дети ведут себя чудесно! Они обходятся без

всякой помощи в этих странных обстоятельствах. Сами укладываются спать, сами умываются, сами кушают — и все без плача и хныканья. Бывает, что снаряды рвутся прямо над бункером, и тогда старшие прикрывают собой младших, и их присутствие здесь — это милость Божия, хотя бы потому, что их смех, который иногда звучит, ободряет нашего фюрера. Вчера вечером фюрер снял свой золотой партийный значок и прикрепил мне на платье; я была счастлива и горда. Дай Бог, чтобы у меня хватило сил совершить свой последний и самый тяжкий долг. У нас теперь только одна цель: быть верными фюреру и умереть вместе с ним; ведь то, что мы можем окончить жизнь рядом с ним, — это милость судьбы, которой ни в коем случае нельзя пренебречь!

Гаральд, милый, я хочу передать тебе самое ценное из того, чему научила меня жизнь: будь верен себе, будь верен людям и будь верен своей стране — как бы не препятствовали тебе обстоятельства! Заканчиваю; этот лист дописан, а новый начинать тяжело; не знаю, что еще сказать; хотя я хотела бы отдать тебе всю свою любовь и все свои силы и забрать у тебя всю печаль о нашей гибели. Держись достойно, постарайся вспоминать о нас с гордостью и радостью. Каждый человек должен когда-то умереть, и кто знает, что лучше: жить недолго, но достойно и умереть мужественно или терпеть долгие дни позора и унижений!

Ну все, надо отдавать письмо: его увезет с собой Ханна Рейч, она отсюда улетает. Я обнимаю тебя — искренне, от всего сердца, со всей материнской любовью! Мой милый сын, живи для Германии! Твоя мама».

Партийный значок, о котором писала Магда, был сделан из чистого золота. Вскоре после того, как Гитлер передал его ей, ее встретил Науманн, вспоминавший потом, что она выглядела совершенно счастливой: на короткое время она забыла о том, какое страшное дело ей предстояло вскоре совершить.

Геббельс тоже воспользовался этой последней возможностью послать письмо своему пасынку; стиль письма очень характерен для Геббельса:

> «Милый Гаральд! Мы сидим взаперти в бункере фюрера, неподалеку от рейхсканцелярии, и боремся за свою жизнь и честь. Одному Богу известно, когда кончится эта битва. Я же знаю одно: живой или мертвый, я не покину этого бункера, не сохранив своей чести и славы. Думаю, что мы с тобой вряд ли еще увидимся, так что это, наверное, последние строчки, которые от меня получишь. Я надеюсь, что ты, пережив эту войну, будешь

вести себя так, чтобы не уронить чести твоей матери и отца. Я говорю не о том, что мы жили ради будущего своего народа. Речь о том, что ты, вероятно, будешь единственным из всей нашей семьи, кто останется в живых, и именно тебе придется сохранять наши семейные традиции. Поступай всегда так, чтобы нам не было стыдно за тебя. Германия переживет эту ужасную войну, и все будут думать о восстановлении разрушенного. Мы же хотим дать тебе пример верности. Ты должен гордиться тем, что у тебя такая мать. Вчера фюрер отдал ей свой золотой партийный значок, который он много лет носил на груди, и я могу только сказать, что она его вполне заслужила.

В будущем помни об одном: ты должен быть достоин той великой жертвы, которую мы готовы принести. Я знаю, что ты так и поступишь. Не дай сбить себя с пути тем кривотолкам и сомнениям, которые воцарятся в мире. Настанет день, когда нагромождения лжи рухнут от собственной тяжести, и правда восторжествует! Снова придет час, когда мы предстанем перед миром во всей чистоте и непорочности, такими, какими мы были всегда в наших мыслях и намерениях!

Живи во благо, мой сын! Встретимся ли мы еще — не знаю, все в руках Божьих! Если этому не суждено сбыться, то помни с гордостью о своей семье, которая и перед лицом невзгод осталась верна фюреру, его чистым и святым делам. Желаю всего наилучшего, с приветом от всего сердца.

Твой отец».

Грейм и Ханна Рейч покинули бункер самым ранним утром, оставив к восходу солнца далеко за спиной жуткое зрелище полыхающего Берлина, в то время как их самолет с трудом карабкался на высоту, для которой он вовсе не был предназначен. Вскоре они достигли Рехлина, откуда прибыли в ставку адмирала Деница под Пленом.

Следующий день после отлета Грейма был воскресенье, 29 апреля. Это был знаменательный день для Гитлера, когда состоялась регистрация его брака с Евой Браун. Церемония проходила в нижней части бункера и была сокращена до предела, а провел ее совершенно неизвестный человек, Вальтер Вагнер, один из городских инспекторов, находившихся в подчинении у Геббельса, так что его, с некоторой натяжкой, можно было считать представителем администрации Берлина. Господин

Вагнер прибыл, одетый в партийную униформу; Гитлер и Ева Браун ожидали его в одной из крошечных комнат нижнего этажа бункера, стоя рядом друг с другом. Были заданы, в самом кратком виде, положенные в таком случае вопросы и выслушаны ответы, после чего «представитель городской администрации» объявил их мужем и женой. Хотя ритуал и был предельно коротким, но вопрос об арийском происхождении лиц, вступающих в брак, не был забыт: он был задан каждому из них, и оба они ответили утвердительно. Единственными свидетелями были Геббельс и Борман; они же расписались в свидетельстве о браке. Тем временем в коридоре, у дверей комнатки, собралась небольшая группа поздравляющих; последовали многочисленные рукопожатия, похлопывания жениха по плечу и целование руки невесты, а потом в комнатку к новобрачным были приглашены Геббельс и Магда, и там обе пары за бокалом шампанского вспомнили счастливое старое время, когда еще супруги Геббельс были женихом и невестой, а Гитлер — свидетелем на их свадьбе. Но мрачное настоящее незримо присутствовало за столом; вскоре Гитлер снова начал проклинать предателей, а затем покинул общество и ушел в свой кабинет.

Там он продиктовал свою последнюю волю и свое политическое завещание, в котором, впрочем, не было ничего нового. Он снова сказал о справедливости нацистского режима, коварстве международного еврейства и о досадных упущениях в обеспечении боеспособности войск, особенно высшего военного командования. Продиктовав этот документ, он составил еще один, в котором было письменно подтверждено исключение из партии Геринга и Гиммлера и вывод их из состава государственных организаций и учреждений. Далее Гитлер назвал нового главу государства. Рейхспрезидентом и главнокомандующим вермахта назначался гроссадмирал Дениц, которому, однако, не было позволено сформировать правительство; Гитлер сделал это сам, как вождь германского народа. Он назначил также Геббельса рейхсканцлером, а Бормана — главой нацистской партии.

Так они продолжали сидеть в бункере, глубоко под объятой пожарами столицей, ожидая неизбежного прихода русских танков, пробивавшихся все ближе к центру города. В этой ситуации и Гитлер, и Геббельс были заняты одним: они хотели так устроить дела разгромленного рейха, чтобы существование нацистского режима было продолжено. Главным был вопрос о разделе власти.

Дениц, назначенный рейхспрезидентом, не мог играть в государстве ключевую роль: ведь если бы рейх сохранился, то

реальная власть оказалась бы в руках рейхсканцлера и руководителя нацистской партии, тем более что титул верховного главнокомандующего вермахта, тоже полученный Деницем, был для него совершенно бесполезен: война шла к концу, и через несколько дней все германские военнослужащие должны были оказаться в лагерях для военнопленных, устроенных западными союзниками. Так что Гитлер все хорошо продумал и позаботился о том, чтобы власть оказалась в руках Геббельса и Бормана. План выглядел идеально, но в нем имелся один «небольшой изъян»: все, задуманное Гитлером, оставалось только на бумаге, и сам творец плана прекрасно это понимал. И тем не менее трое нацистских главарей, обреченных на смерть, находили подлинную радость в дележе портфелей будущего правительства нового рейха, хотя их реальная власть не простиралась за пределы ничтожной территории, составлявшей считанное количество квадратных метров.

В завещании Гитлера имелась и вторая часть, посвященная не политическим, а личным делам; там он в кратких выражениях воздал должное своей жене и сотрудникам, распорядился по поводу имущества (назначив Бормана исполнителем завещания) и в заключение объявил, что он и его жена будут отныне готовиться закончить счеты с жизнью.

После этого одна из секретарш Гитлера, фрау Юнге, перепечатала весь документ на машинке, Гитлер его подписал, а Геббельс и Борман заверили подлинность подписи фюрера. Внизу была проставлена дата и время: 29 апреля, четыре часа утра.

Составив политическое завещание, Гитлер пришел в полное спокойствие; Геббельс же решил приложить к этому документу свое собственное завещание. Все его мечты и надежды рассыпались впрах; великие исторические труды так и остались ненаписанными. Нужно было найти единственно правильные слова, чтобы представить свое самоубийство как жертву, как смерть во имя идеи. Он пошел к себе в комнату и потратил остаток ночи на то, чтобы написать дополнение к завещанию фюрера:

«Бредовые планы предателей омрачили эти критические дни войны; теперь для меня единственно возможное решение — держаться вместе с фюрером до конца, до самой смерти. Таким путем я хочу сослужить службу немецкому народу и его будущему; наступают тяжелые времена, и теперь хороший пример может оказаться еще важнее, чем обычное мужество. Исходя из этого, я объявляю, от себя лично и от имени моей жены и детей, о нашем непреклонном решении не покидать столицу рейха даже в случае ее падения и кончить жизнь на стороне фюрера, потому

что для меня жизнь вне службы фюреру и не на его стороне не имеет никакой ценности». Под заявлением было указано время: 5 часов 30 минут утра.

Когда настал день, было решено отправить три экземпляра завещания фюрера для опубликования. С этой целью отобрали трех курьеров, которые должны были прорваться сквозь позиции русских; каждому из них дали по одному экземпляру драгоценного документа. Курьерами были выбраны майор Йоханмейер, один из адъютантов Гитлера; Вильгельм Цандер, один из подчиненных Бормана, и Гейнц Лоренц, служащий из министерства Геббельса. Йоханмейер должен был доставить завещание фельдмаршалу Шернеру, новому главнокомандующему сухопутными войсками. Цандер отправлялся к Деницу и нес с собой не только экземпляр завещания, но и свидетельство о браке фюрера; Лоренц имел с собой заверенный экземпляр завещания, который тоже должен был доставить Деницу, но с условием, что позже он будет передан в Мюнхен, столицу нацистского движения, для вечного хранения, как исторический документ большой важности. Геббельс лично написал в третьем экземпляре завещания фюрера свое послесловие, чтобы быть уверенным, что его последняя воля тоже станет достоянием времен.

Всем трем курьерам удалось благополучно пройти сквозь позиции русских и добраться до западных предместий Берлина, где они наткнулись у реки Хафель на небольшой отряд гитлерюгенда, до сих пор державший оборону против врага, который не обращал на них ровно никакого внимания. Оттуда все трое двинулись на юг, миновав по пути прекрасное поместье Геббельса у озера Ваннзее, стоявшее пустым и совершенно нетронутым в ожидании прихода завоевателей.

Тем временем в бункере Гитлер проводил свои последние часы в непрерывных совещаниях, во время которых стало известно, что русские появятся в районе бункера не позднее чем через сорок восемь часов. Геббельс тоже присутствовал при получении этого известия. В середине ночи во внешний мир был отправлен последний курьер, полковник фон Бюлов, с заданием передать кое-какие важные указания. Они касались порядка управления войсками и предписывали им смело прорывать позиции противника согласно приказам верховного командования.

После обеда Гитлер отравил свою овчарку Блонди. Затем пришло известие об убийстве Муссолини и его любовницы и о том, что толпа надругалась над их трупами. Прослушав сообщение о позорном конце дуче, Геббельс сказал Науманну:

«Вот еще одно свидетельство того, что не стоит, ни при каких обстоятельствах, попадать живым в руки врагов. В связи с этим я припоминаю, что фюрер как-то сказал, что в случае захвата в плен таких деятелей, как Черчилль и Сталин, им должно быть гарантировано почетное обращение. Вот каковы мы, немцы: мы лучше тех, кто называет нас «варварами»!» Поздно вечером, когда в коридоре верхнего этажа был накрыт ужин, было объявлено, что фюрер желает устроить официальные проводы женщин, еще остававшихся в бункере. Вечеринка состоялась в столовой рейхсканцелярии (ее называли «солдатским бункером»): там, по словам Науманна, пили вино, танцевали и горланили песни мужчины и женщины, которые вряд ли могли надеяться, что переживут ближайшие двадцать четыре часа. Многие из них, наверное, вздохнули с облегчением, услышав, что этот «последний приказ фюрера» предвещает его скорый конец. Под шум вечеринки, происходившей наверху, женщины из ближайшего окружения фюрера собрались у него на этаже и выстроились в ряд, а он медленно подходил к каждой и пожимал руку на прощание. При этом его губы шевелились, но слов не было слышно. По окончании этой церемонии веселье наверху разгорелось с новой силой, так что охрана бункера стала просить участников застолья вести себя потише.

Незаметно наступило утро 30 апреля. К обеду радио сообщило, что небольшой район вокруг бункера, удерживавшийся немецкими частями, стал еще меньше; в направлениях на север и на запад до наступавших русских войск оставалось меньше километра. Гитлер приказал всем покинуть его бункер и соседний бункер Бормана, как и убежище под старым зданием рейхсканцелярии; в его бункере оставались только он сам и участники церемонии прощания с жизнью. После обеда все оставшиеся в бункере снова прощались друг с другом, жали руки, целовали ручки дамам. Ева Гитлер тоже присутствовала на церемонии, Геббельс видел своего фюрера в последний раз; Магды при этом не было. Она попрощалась с Гитлером еще ночью и теперь была с детьми, чувствуя, что приближается и ее последний час.

После обеда, вскоре после 15 часов, все услышали выстрел, резко прозвучавший в тесном пространстве бункера. Гитлер пустил пулю себе в рот. Он лежал на диване, рядом с женой, которая себя отравила. Охранники из СС и люди из обслуживающего персонала вынесли тела через верхний главный выход в сад, где должна была состояться кремация. Тела облили бензином и подожгли; огонь медленно разгорался под грохот артиллерийского обстрела, звучавшего как прощальный салют.

Когда пламя поднялось, Геббельс вскинул руку в последнем приветствии, которому покойный дал свое имя.

После этого все, кроме тех, кто должен был проследить за огнем, молча и медленно спустились в бункер. Огонь скоро догорел, и останки забросали землей.

Смерть Гитлера означала полную перемену обстановки в бункере. Первым ее следствием было то, что Борман, вся власть которого служила до сих пор продолжением власти фюрера, теперь как бы вышел из тени и превратился в одну из ключевых фигур. Впрочем, для Геббельса, ставшего рейхсканцлером, он, напротив, утратил теперь всякий авторитет, тем более что между ними и раньше не было никакой дружбы. К тому же Геббельс быстро понял, что Борман, как и все остальные, занят только одной мыслью — о том, как бы побыстрее скрыться из бункера. Борман отправил Деницу телеграмму, извещавшую, что тот стал преемником Гитлера, но о смерти фюрера не упомянул. В ответ Дениц телеграфировал Гитлеру о своем согласии и поклялся ему в полной верности.

Ночью 30 апреля Геббельс и Борман провели совещание, на котором решили, что они, в силу полученных от Гитлера высоких полномочий, должны теперь установить связь с маршалом Жуковым и добиться перемирия. После этого, как они полагали, Дениц будет вести переговоры. Русские сообщили, что готовы принять парламентера, и к ним был отправлен генерал Кребс с предложением о перемирии. Ответ Жукова пришел в середине дня: он требовал безоговорочной капитуляции всех обитателей бункера. Геббельс провел совещание, на котором требование Жукова было признано неприемлемым.

Ультиматум, полученный от Жукова, определил все дальнейшие действия Геббельса. (Остальные жители бункера думали в это время уже только о побеге). Первым делом он отправил сообщение по радио новому рейхспрезидиенту, не получившему еще завещание Гитлера, посланное ему с курьером:

> «1 мая 1945 года. Составлено: 14.46. Отправлено: 15.18. Гроссадмиралу Деницу (только лично или через офицера связи). Вчера, в 15 часов 30 минут, фюрер ушел из жизни. Согласно его завещанию от 29.04.45, вам поручается занять пост рейхспрезидента. Рейхсминистру Геббельсу вручается пост рейхсканцлера; рейхсляйтер Борман получает пост министра по делам партии; рейхсминистр Зейсс-Инкварт — пост министра иностранных дел. Завещание отправлено из ставки фюрера вам и фельдмаршалу Шернеру, а также передано

для опубликования в Берлине. Еще сегодня к вам попытается прибыть рейхсляйтер Борман для разъяснения обстановки. Форма и время сообщения информации войскам и общественности остаются на ваше усмотрение.

Геббельс, Борман».

Радиограмма была отправлена в 15 часов 15 минут. Это было последнее официальное распоряжение Геббельса; после него он занялся семейными делами.

В последние пять часов, оставшихся им до смерти, Геббельс и Магда попрощались с друзьями, в том числе — с Науманном и Швагерманном. Науманн побыл с ними еще некоторое время. Все остальные обитатели бункера готовились к прорыву через позиции русских войск, который они намеревались совершить ночью. Предполагалось с наступлением темноты попытаться пройти через фронт в нескольких местах, чтобы потом отправиться на юг или на запад. Швагерманн отправился к Геббельсу и рассказал ему о формировании групп прорыва. Группа под командованием Науманна должна была отправиться в 22 часа 30 минут. Она была одна из последних; все попытки прорыва нужно было закончить до полуночи, потому что на этот час была назначена, по сообщению коменданта Берлина генерала Вейдлинга, сдача города русским. Геббельс дал Швагерманну свои последние указания. Он хотел, чтобы тела его и Магды были сожжены после смерти так же, как это было сделано с телами Гитлера и Евы. Швагерманн обещал. После этого Геббельс решил сделать своему адъютанту хороший прощальный подарок и вручил ему на память фото Гитлера в рамке, с собственноручной подписью фюрера, которое он подарил Геббельсу еще в давние довоенные годы. Швагерманн вышел и распорядился собрать побольше топлива для погребального костра.

Большую часть оставшегося времени Геббельс потратил на то, чтобы сделать последние записи в дневнике. Эти страницы он писал с убеждением, что каждая строка будет иметь историческое значение. Всего получилось около шести тетрадных страниц, которые он передал Науманну, уже готовому немедленно отправиться в путь. Новоиспеченный рейхсканцлер не сказал в своих записях почти ничего нового. В основном это были жалобы: на то, что тотальная война была начата слишком поздно; на западный мир, не желающий замечать угрозы большевизации всей Европы; на опрометчивые действия Черчилля и Рузвельта, разрушивших «национал-социалистическую Германию — единственную державу, способную противостоять большевистской

опасности».

Вечером за ужином Магда дала своим детям сильное снотворное и уложила в постель. После этого она дала им яд. Выло около 20 часов 30 минут, когда Науманн (заместитель государственного секретаря в министерстве Геббельса), Швагерманн (адъютант Геббельса) и Рах (его личный шофер) увидели Геббельса и Магду, выходящих, взявшись за руки, из своей комнаты. Лицо Магды покрывала смертельная бледность; она тяжело опиралась о руку мужа; Геббельс же был очень спокоен. Он обратился ко всем троим подчиненным: сначала к Науманну, а потом — к остальным, и поблагодарил их за верную службу. Его слова звучали ясно и подчеркнуто четко. Он даже попытался улыбнуться, объяснив, что они с Магдой решили избавить их от лишнего труда и самим подняться по лестнице, чтобы их тела не пришлось потом тащить наверх. Магда не смогла произнести ни слова, только протянула руку Науманну, которую тот молча поцеловал. Геббельс тоже замолчал и больше не говорил ничего. Он медленно снял перчатки, осторожно стянув их с пальцев, снова подал руку Магде, и оба стали медленно подниматься по лестнице. Науманн и остальные постояли внизу, провожая их взглядами, а потом тоже ступили на лестницу, когда те двое скрылись из вида. Через некоторое время, показавшееся, по словам Науманна, невыносимо долгим, раздались выстрелы: сначала один, потом, сразу же — другой.

Науманн тоже носил в кармане ампулу с ядом мгновенного действия, которую ему вручил фюрер в благодарность за преданность; но он решил, что воспользуется ею только для того, чтобы избавиться от пыток и истязаний. Он хотел жить, потому что у него были жена и дети, о которых нужно было позаботиться. «Стоя на нижней ступени лестницы, — вспоминал Науманн, — я с беспокойством ощупал маленькую ампулу, спрятанную в нагрудном кармане. Я знал, что Магда должна была раскусить точно такую же ампулу перед тем, как ее муж выстрелил ей в висок. Так же должен был поступить и Геббельс: стреляя в себя (нажимая на курок), он должен был одновременно раскусить ампулу.

После того, как прозвучали выстрелы, Науманн должен был действовать быстро, чтобы успеть подготовить свою группу к прорыву. Швагерманн пошел наверх, выполнять последний приказ своего начальника. Он облил тела бензином и подождал, пока пламя разгорится. Но времени уже не было; как только пламя охватило тела, он бросился вниз, в бункер.

Было где-то 20.30–21.00 вечера 1 мая. Перед смертью Геббельс распорядился взорвать бункер, когда все его покинут, и

Швагерманн попытался исполнить его приказ, но едва не погиб под обстрелом, сметавшим все с лица земли и бросил эту затею. Тем временем пламя едва лизало обгорелые тела Йозефа и Магды, а потом, придавленное легким туманом свежей весенней ночи, постепенно потухло совсем.

Рано утром пришли русские. Они осторожно спустились в бункер с автоматами наготове и тщательно обыскали его, заглядывая во все комнаты и не находя ничего, кроме мусора и мертвых тел. Потом они поднялись по лестнице в сад рейхсканцелярии и увидели там, в воронке от взрыва, труп Йозефа Геббельса. Одна его рука, обугленная и скрюченная, была поднята вверх, как будто приветствуя победителей.

Солдаты не тронули тела и не стали их хоронить, пока не прибыли специалисты по опознанию. Они привезли с собой Фриче, который перед этим без особых приключений попал в плен, и ему пришлось принять участие в неприятной процедуре идентификации трупов. Сделали фотографии — последние в карьере этого человека, запечатленного при жизни на бесчисленном множестве снимков. Эти последние изображения Геббельса выглядят ужасно, так что никто пока не решился их опубликовать.

Потом трупы Геббельса и его жены закопали в изрытую и перепаханную взрывами землю завоеванного города. Ни один человек не может теперь сказать, где лежат их тела.

Итак, погребальный костер Геббельса не догорел, и можно сказать (если обратиться к жанру мистики и романтических метафор, любимому покойным), что это что-нибудь да значило!

Вспомним, что Геббельс (и это роднит его с Мефистофелем) использовал огонь в переломные моменты своей жизни. По его приказу сжигали на кострах книги немецких писателей; потом он бросил в огонь письма и фотографии любимой женщины — возможно, самое дорогое, что было у него в жизни. Но его самого огонь не взял, и это может означать, что его идеи не погибли, а разлетелись по свету и живут в людях.

И этому есть много подтверждений.

Назойливая реклама, ежедневно вбиваемая слушателям телевидением и радио, основана на «главных принципах пропаганды», провозглашенных Геббельсом: на примитивности смысла и настойчивости повторения, в сочетании с образностью, которую дает живая речь.

Современные политики и журналисты охотно используют метод «поэтической правды», изобретенный Геббельсом (хотя, конечно, не дай Бог сказать им об этом открыто!), допускающий подтасовку и искажение фактов ради создания нужного

впечатления.

И даже сам Президент Великой и Свободной страны, приказавший разбомбить в «Маленькой плохой стране» мосты, электростанции и нефтехранилища и принудивший ее граждан сидеть без света и воды (не говоря о гибели от бомб) — не постеснялся заявить телезрителям, что он «воюет не против ее народа, а против ее руководителя», повторив один из излюбленных штампов геббельсовской пропаганды (который, впрочем, охотно использовали и противники нацистов).

А что же народ, так называемые «простые люди с улицы», то есть мы с вами?

О нас можно сказать: мы по-прежнему легко верим всему, что нам говорят с экрана и по радио, и лишь кое-как различаем «черное» и «белое», не желая разбираться в оттенках. (И среди нас не всегда есть согласие в том, что считать «черным», а что — «белым»). Это значит, что у людей сохранились те слабости, благодаря которым имела успех пропаганда Геббельса.

Прошло более полувека с тех пор, как Геббельс горел и не догорел на своем костре, но можно ли с уверенностью сказать, что мир с тех пор стал лучше? А главное: можно ли утверждать, что лучше стали люди, хотя многие искренне верили 55 лет назад, что «эта война — последняя»? С тех пор было много войн, и много жертв, и конца этому не видно…

Нацистский Мефистофель усмехается из прошлого и грозит своей скрюченной обгорелой рукой: «Не обольщайтесь, мои пророчества еще сбудутся!»

Основные даты из жизни Йозефа Геббельса

1897 29 октября. Родился в городе Рейдт, Рейнской области.

1901 Сделана операция на ноге.

1906 Поступил в гимназию в г. Рейдте.

1914 Освобожден от военной службы по непригодности.

1917 Сдал выпускные экзамены в гимназии. Поступил в Боннский университет.

1918 Учеба в университетах в городах Фрейбург и Вюрцбург.

1919 Возвращение во Фрейбург, затем — учеба в Мюнхене.

1920 Окончание обучения в университете в г. Гейдельберг.

1921 Защита диссертации в г. Гейдельберге. Написание романа «Михаэль», не принятого к изданию.

1923 Работа служащим в Кельнском филиале «Дрезднер-банк».

1924 Работа секретарем у Франца фон Вигерсхауза, депутата рейхстага от Партии народной свободы. Начало регулярной журналистской деятельности в партийной газете «Ди фолькише фрайгайт».

1925 Работа в партийном бюро НСДАП по области «Рейн — Рур», в г. Эльберфельде. Начало выступлений в качестве партийного оратора. Работа в журнале «Записки о национал-социализме», основанном Г. Штрассером. Первое личное знакомство с Гитлером.

1926 Участие в партийных конференциях в Ганновере и в Бамберге. Встреча с Гитлером в Берхтесгадене. Начало работы на посту гауляйтера Берлина.

1927 Выход первого номера газеты «Дер ангрифф».

1928 Геббельс — депутат рейхстага от НСДАП (общее число завоеванных нацистами мандатов — 12). Назначение на пост начальника партийного бюро пропаганды.

1929 Выход из печати романа «Михаэль», написанного семь лет назад.

1930 Депутат рейхстага от НСДАП (общее число мандатов, полученных нацистами: 107 из 577).

1931 12 декабря. Женитьба на Магде Квандт.

1932 Депутат рейхстага (общее число мандатов, завоеванных нацистами: 230 из 608). Рождение дочери Хельги. Потеря нацистами 34 мест на выборах в рейхстаг.

1933 Назначение на пост министра пропаганды и народного просвещения Германии.

1933 10 мая. День сожжения книг.

1934 Рождение дочери Хильды.

1935 Рождение сына Гельмута. Приобретение поместья Шваненвердер в Ваннзее.

1936 Государственный визит в Грецию.

1937 Рождение дочери Хольды.

1938 Рождение дочери Гедды.

1938 10 ноября. Общегерманский еврейский погром «Хрустальная ночь». Любовная связь с актрисой кино Лидой Бааровой.

1939 1 сентября. Вступление немецких войск в Польшу. Начало второй мировой войны. Приобретение загородного поместья Ланке.

1940 Рождение дочери Хейды.

1941 22 июня. Нападение Германии на СССР.

1942 Май. Первый крупный налет английских ВВС на Германию.

1942 Декабрь. Попытка покушения на Геббельса, окончившаяся неудачей.

1943 Февраль. Речь в берлинском Дворце спорта, содержавшая объявление «тотальной войны». Постройка под служебной квартирой в Берлине семейного бомбоубежища стоимостью в 350 000 марок.

1944 6 июня. Высадка войск союзников в Нормандии.

1944 20 июля. Попытка покушения на Гитлера, окончившаяся неудачей.

1944 23 июля. Получение полномочий на руководство ведением «тотальной войны».

1945 12 января. Выход русских войск к реке Одер.

1945 30 января. Назначение уполномоченным по обороне Берлина.

1945 Март. Форсирование р. Рейн американскими и английскими войсками.

1945 22 апреля. Переезд с женой и детьми в бункер к Гитлеру.

1945 29 апреля. Геббельс — свидетель на свадьбе Гитлера и Евы Браун.

1945 30 апреля. Самоубийство Гитлера. Геббельс занимает пост рейхсканцлера Германии.

1945 1 мая, около 20 часов 30 минут. Самоубийство в бункере фюрера вместе с женой и детьми.

Послесловие переводчика-составителя

Данное произведение («Мефистофель усмехается из прошлого») создано путем перевода с английского и немецкого языков нескольких книг зарубежных писателей и составления по ним единого текста, с небольшими дополнениями, имевшими целью объединить первоисточники и несколько приблизить общий текст к современности.

Первоисточниками послужили следующие произведения:

1) *Е. Брамштедте.* Национал-социалистская пропаганда в 1925–1945 годах. Издательство Мичиганского университета, 1965 г.

2) *Э. Ханфштенгль.* Неуслышанный свидетель. 1957 г.

3) *Г. Френкель, Р. Манвелл.* Геббельс. Биография. Кельн, 1960 г.

Первые две книги переведены составителем с английского языка, а последняя — с немецкого. Текст переведенных книг в данном произведении использован не полностью.

Дополнения представляют собой авторский текст составителя, а также цитаты (приведенные буквально или в изложении составителя) из следующих книг:

1) *И. Геббельс.* Последние записи. Смоленск. 1993 г.

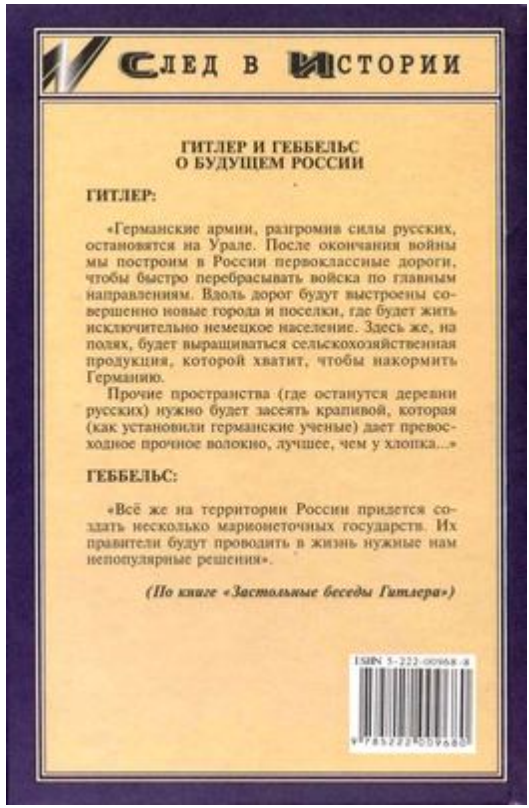
2) Г. *Пикер.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993 г.

3) Энциклопедия Третьего рейха. Москва. 1996 г.

Составитель выражает благодарность Александру Александровичу Егорову, преподавателю Ростовского педагогического университета, кандидату исторических наук за ценные советы по подготовке книги.

Переводчик-составитель: Е. С. Юрченко

С задней стороны обложки:


След в Истории
ГИТЛЕР И ГЕББЕЛЬС
О БУДУЩЕМ РОССИИ
ГИТЛЕР:
«Германские армии, разгромив силы русских, остановятся на Урале. После окончания войны мы построим в России первоклассные дороги, чтобы быстро перебрасывать войска по главным направлениям. Вдоль дорог будут выстроены совершенно новые города и поселки, где будет жить исключительно немецкое население. Здесь же, на полях, будет выращиваться сельскохозяйственная продукция, которой хватит, чтобы накормить Германию.
Прочие пространства (где останутся деревни русских) нужно будет засеять крапивой, которая (как установили германские ученые) дает превосходное прочное волокно, лучшее, чем у хлопка...»
ГЕББЕЛЬС:
«Всё же на территории России придется создать несколько марионеточных государств. Их правители будут проводить в жизнь нужные нам непопулярные решения».
(По книге «Застольные беседы Гитлера»)

ГИТЛЕР И ГЕББЕЛЬС О БУДУЩЕМ РОССИИ

Гитлер:

«Германские армии, разгромив силы русских, остановятся на Урале. После окончания войны мы построим в России первоклассные дороги, чтобы быстро перебрасывать войска по главным направлениям. Вдоль дорог будут выстроены совершенно новые города и поселки, где будет жить исключительно немецкое население. Здесь же, на полях, будет выращиваться сельскохозяйственная продукция, которой хватит, чтобы накормить Германию.

Прочие пространства (где останутся деревни русских) нужно будет засеять крапивой, которая (как установили германские ученые) дает превосходное прочное волокно, лучшее, чем у хлопка…»

Геббельс:

«Всё же на территории России придется создать несколько марионеточных государств. Их правители будут проводить в жизнь нужные нам непопулярные решения».

(По книге «Застольные беседы Гитлера»)

notes

Примечания

1

Это замечание сделано переводчиком, посчитавшим себя не вправе пройти мимо такого совпадения. Вряд ли Геббельс и Маяковский заимствовали что-либо друг у друга; скорее в жизни обоих государств было нечто общее, заставившее и оратора, и поэта прибегнуть к одинаковым образам.

2

Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996 г.

З

Энциклопедия Третьего рейха.

4

Генрих Гейне «Лорелей».

5

Хохгут Р. «Й. Геббельс. Последние записи». 1993 г.

Ханфштенгль Э. «Неуслышанный свидетель». 1957.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.

Фрадкин И. М. Гитлер: словесный автопортрет // Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993.

9

Энциклопедия Третьего рейха» // Из истории второй мировой войны.

10

Энциклопедия Третьего рейха.